

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИКА:
ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО
(к 90-летию со дня рождения
Б.Г. Могильницкого)

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Томск, 3–4 октября 2019 г.)

Часть 2

Издательство Томского университета
2019

*Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 19-09-20068*

Рецензенты:

В.В. Керов, д-р ист. наук, **Н.Н. Родигина**, д-р ист. наук,
С.А. Смирнов, д-р филос. наук

Редакционная коллегия:

В.В. Журавлев, канд. ист. наук (Институт истории СО РАН);
Д.С. Коньков, канд. ист. наук, доцент (ТГУ);
Н.В. Трубникова, д-р ист. наук, доцент (ТГУ);
Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, доцент (ТГУ) – ответственный редактор;
А.В. Юшников, канд. ист. наук (ТГУ)

Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в 2 ч. – Ч. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 392 с.

ISBN 978-5-7511-2594-3

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Творческая лаборатория историка: горизонты возможного», приуроченной к 90-летию со дня рождения признанного лидера Томской историографической школы и одного из крупнейших отечественных методологов истории Б.Г. Могильницкого (1929–2014), д-ра ист. наук, профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории (1967–2009), декана историко-филологического, затем исторического факультета (1968–1980) ТГУ, заслуженного деятеля науки РФ.

Научная повестка конференции охватывает широкий спектр актуальных для современной исторической науки вопросов как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера, сгруппированных вокруг нескольких основных проблемных ракурсов и ставших «центром притяжения» ученых самых разных школ и направлений из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Рязани, Волгограда, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска и других городов Российской Федерации, а также исследователей из Беларуси, Италии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Украины и Франции.

ISBN 978-5-7511-2594-3

© Томский государственный
университет, 2019
© Авторы, 2019

III. СОБЫТИЯ, ИДЕИ, ТЕКСТЫ:
ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К МЕТОДУ

А.В. Бочаров

**КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО: ЛОКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ**

***Аннотация.** Представлена система концептуализации истории Б.Г. Могильницкого в его книге «О природе исторического познания» (1978). Раскрыто понимание методологических функций и взаимосвязи разных исторических категорий в зрелый период его научного творчества. Обосновано определение исторической категории как абстрактного конструкта для наиболее обобщающих интерпретаций явлений исторического процесса и наиболее общепринятых группировок понятий в историческом познании.*

***Ключевые слова:** категории исторического познания, советская историография, историческая закономерность.*

В 1978 г. в издательстве Томского университета под редакцией своего наставника А.И. Данилова Б.Г. Могильницкий опубликовал монографию «О природе исторического познания»¹. Это было его программное произведение, базовые идеи из которого затем повторялись и развивались во всех его последующих текстах. Книга Б.Г. Могильницкого «О природе исторического познания» здесь будет проанализирована как историографический источник, несущий информацию об интеллектуальной биографии историка.

Безусловно, как творческий человек Борис Георгиевич развивал свои взгляды с течением времени и с учетом «историографической революции», о которой он позже много писал. Тем не менее после избавления в 1990-е гг. от прямого вмешательства идеологии в науку Б.Г. Могильницкий остался верен себе в понимании базовых категорий и принципов исторического познания.

Если очистить его мысли от неизбежных в то время ссылок на классиков марксизма, которых он, впрочем, искренне использовал в качестве эвристического источника идей, то мы сможем увидеть

¹ Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 236 с.

систему его собственной концептуализации истории и сопоставить её с современными теоретическими трендами.

В своей книге Б.Г. Могильницкий не дает отдельного определения термина «историческая категория», раскрывая его содержание через все свои теоретические суждения. Здесь предлагается следующее определение: историческая категория – «это абстрактный конструкт для наиболее обобщающих интерпретаций явлений исторического процесса и наиболее общепринятых группировок понятий в историческом познании».

Далее последовательно и кратко будет раскрыто понимание исторических категорий Б.Г. Могильницким в зрелый период его научного творчества.

«Историческая закономерность»

Это центральная категория в исторической концепции Б.Г. Могильницкого. С ней соотносятся и к ней сводятся все остальные категории. Основные тезисы¹:

1. Конкретные исторические закономерности составляют главный предмет истории как науки. Историческая закономерность не является простым отражением или воплощением социологической закономерности. Она представляет собой специфическую историческую категорию.

2. Характерной чертой исторической закономерности является ее пространственно-временная определенность. Она складывается в определенных исторических условиях, выступая сложным продуктом взаимодействия экономических, политических и культурных процессов.

3. Идеографические подходы, в которых описательность провозглашается сутью и высшей целью историографии, а простая связь фактов признается достаточной для исторического повествования, в методологическом плане приводят к отрыву особенного от общего и неоправданно ограничивают сферу компетенции историка. Историк необходимо предполагать установление за определенными рядами фактов некоторой закономерности, ими управляющей.

«Историческая объективность» и «партийность историка»

Выявление закономерностей исторического развития, как и любой советский историк, Б.Г. Могильницкий связывал с исследованием различных форм классовой борьбы. А такое исследование, в

¹ Указ. соч. С. 33–36.

свою очередь, необходимо требует в качестве своей предпосылки учета партийного подхода историка. Однако здесь Б.Г. Могильницкий отнюдь не был догматиком. Он придерживался следующих допущений¹:

1. Имеются объекты и сюжеты исторического познания, изучение которых не находится в жесткой зависимости от классовой позиции ученого. В исторических представлениях содержится элемент объективной истины, который не может быть «отменен» никакой идеологией.

2. Полная идентификация партийной позиции отдельного ученого, исторической школы или целого исторического направления с их научной практикой искажает и огрубляет действительную картину исторического познания, а также вульгаризирует и компрометирует принцип партийности в исторической науке.

3. «Идеологичность» исторической науки не только неизбежна, но и необходима. «Освободить» историю от идеологии – значит «освободить» ее от самой себя. Деидеологизация исторической науки невозможна. При этом история не сводится к идеологии.

«Историческая случайность» и «историческая необходимость»

В понимании взаимосвязи данных категорий Б.Г. Могильницкий опирался на следующие три утверждения²:

1. Исторический процесс не программируется закономерностями. На каждом шагу в его течение вторгается нечто неожиданное, непредвиденное, вносящее свои, подчас значительные коррективы в общий ход развития человеческого общества.

2. Конкретная историческая закономерность тем и отличается от социологической, что включает в себя момент случайного, необходимо не вытекающего из всего предшествующего хода исторического развития.

3. «Случайное» сообщает истории ее неповторимое очарование. В противном случае она представляла бы унылую однообразную картину, в которой действовали бы не живые люди, наделенные разумом, волей, страстями, а бездушные марионетки неких высших сил.

¹ Указ. соч. С. 56–64.

² Указ. соч. С. 37–40.

«Историческая личность»

Данная категория чаще всего упоминается в разделе, посвященном критике психоистории. Б.Г. Могильницкий опирался на следующие положения¹:

1. К раскрытию тайн человеческой души в прошлом невозможно подобрать какой-то один конкретный ключ. Психоисториков своего времени Могильницкий критиковал именно за то, что они, по его мнению, считали психоанализ исторических личностей именно таким ключом.

2. Предмет истории связан с сознательной деятельностью людей и объективной динамикой развивающегося общества, в то время как психоистория на первый план выдвигала не поддающееся проверке иррациональное, бессознательное в мыслях и деятельности человека. Объяснять поступки исторических личностей продуктом большого ума, детских травм или интерпретировать в терминах психопатологии сконструированный на основе стереотипов национальный характер – значит ничего не объяснять.

Стоит отметить, что Б.Г. Могильницкий не запрещал увлекаться психоисторией своим ученикам, но в собственном подходе к возможностям понимания исторической личности он оставался на позициях рационализма.

«Историческая значимость» и «историческая дистанция»

Тезисы Б.Г. Могильницкого относительно данной категории²:

1. Не всякое особенное и уникальное имеет историческое значение и заслуживает, следовательно, внимания историка. Степень и масштабы влияния на современное ему и последующее общественное развитие определяют меру значимости события или явления.

2. Событие, совершившееся в прошлом, с казалось бы давно и бесповоротно установленным значением приобретает с течением времени новый смысл благодаря своим обнаружившимся в ходе исторического развития последствиям. Всякое значительное историческое событие в процессе движения истории как бы «разрастается», обрастая все новыми следствиями и связями, ввиду чего все время меняется его значение.

3. С историческим значением связана категория «историческая дистанция». Чем более значительным является историческое собы-

¹ Указ. соч. С. 13–18.

² Указ. соч. С. 34, 69.

тие, тем большая дистанция во времени требуется для его осмысления. В связи с этим можно условно использовать понятие «изменяемое прошлое», отражающее незавершенный и предварительный характер всякой историографической оценки.

«Исторический факт»

Неприятие релятивизма в зарубежной историографии отразилось у Б.Г. Могильницкого в понимании категории «исторический факт». Основные положения его понимания данной категории таковы¹:

1. Акцент на творческой роли историка в процессе познания оборачивается недооценкой объективного содержания категории «исторический факт». Если факт действительно является объективной реальностью, то такой же реальностью является и присущее ему значение.

2. Возможности историка по конструированию фактов далеко не беспредельны. Иначе нет преград для придания произвольного смысла любому факту.

3. В разных системах взглядов один и тот же исторический факт может получить разное истолкование и, следовательно, приобрести разное значение. Но только одно из них будет истинным.

«Историческая истина»

Рассуждая об исторической истине, Б.Г. Могильницкий критикует подходы, в которых момент относительности в нашем знании о прошлом гипертрофируется до утверждения об ограниченном, локальном характере исторической истины, являющейся истиной, пригодной лишь для одного поколения, которое заново переписывает историю и создает свою собственную истину. В этом отношении Могильницкому также были чужды и неприемлемы идеи презентизма в зарубежной историографии.

Он описал свое научное кредо такими словами: «Нет исторических истин со сроком действия в одно поколение. Есть одна истина, которая постепенно вырабатывается совместными усилиями всех поколений ученых. Каждое из них добывает свою частичку абсолютного знания»².

¹ Указ. соч. С. 73–77.

² Указ. соч. С. 84.

«Историческая актуальность»

Для этой категории концептуальные положения Б.Г. Могильницкого таковы¹:

1. Актуальность в истории не является абстрактной категорией, раз и навсегда присущей определенным историческим явлениям. В процессе исторического познания происходит непрерывное обновление актуальной проблематики, связанной с функционированием и социальной активностью истории в обществе.

2. Актуальным является всякое исследование, способствующее познанию ведущих закономерностей общественного развития, и это всегда обоснование какой-либо политической линии.

3. Степень актуальности темы исторического исследования не измеряется ее хронологической близостью к современности. Историческая дистанция не должна выполнять здесь определяющую функцию. Глубокая древность может превратиться в действующее политическое оружие.

«Исторический детерминизм» и «историческая неизбежность»

Здесь Б.Г. Могильницкий выступает в качестве апологета марксистского понимания детерминированности истории и пишет о неправомерности отождествления его с «полным детерминизмом» или «абсолютной детерминированностью».

Понимание детерминизма основано для него на следующей системе утверждений²:

1. Необходимо различать форму и содержание исторического действия. Историческая неизбежность является категорией, относящейся к содержанию, в то время как форма ее проявления зависит от действия многих переменных величин.

2. Исторический детерминизм не только не отрицает свободной воли человека, но прямо предполагает ее. Признание исторической неизбежности отнюдь не ведет к фатализму. Скорее стоит говорить о неизбежности некоторых событий в некоторых ситуациях и их вероятности – в других.

3. Детерминированность делает возможным историческое прогнозирование. Это условное предвидение, которое может осуществиться лишь при наличии определенных условий. Оценка историче-

¹ Указ. соч. С. 108–113.

² Указ. соч. С. 115, 138–144.

ских условий может базироваться на исторических аналогиях и исторических закономерностях. С опорой на них историк может всего лишь указать позиции и действия, которые, вероятнее всего, займут и предпримут различные группы в кризисных ситуациях.

«Исторический опыт»

В понимании данной категории также заметны следы критики релятивизма¹. Например, в тезисе о том, что «наличие различных интерпретаций одного и того же события отнюдь не означает отсутствие объективно значимого опыта прошлого».

Б.Г. Могильницкий отрицал морализующую функцию исторического опыта. Он считал неприемлемым подход, при котором «неисчерпаемое многообразие опыта истории сводится к набору плоских моральных сентенций». Переоценку исторического опыта он считает столь же ошибочной, как и недооценку.

«Историческое сознание»

Главные характеристики исторического сознания, по Могильницкому, следующие²:

1. Это связь прошлого, настоящего и будущего и тем самым открытие возможности включения настоящего в историческую перспективу. Он соглашается с мнением некоторых западных историков, что «суть исторического сознания в способности видеть современные события глазами будущих поколений».

2. Каждая социальная группа в соответствии с её положением в настоящем извлекает из прошлого определенный круг представлений о прошлом, образующих его историческое сознание.

3. Как и любой советский историк, Б.Г. Могильницкий не мог не подчеркнуть, что «воспитание исторического сознания членов развитого общества фиксируется в качестве государственной задачи».

«Историческая память»³

Согласно Б.Г. Могильницкому, память о прошлом вследствие своей социальной природы избирательна. Каждое общество имеет свою иерархию ценностей, которая, будучи обращена в прошлое, определяет принципы отбора того, что историческая наука делает широким социальным достоянием.

¹ Указ. соч. С. 113–123.

² Указ. соч. С. 87–93.

³ Указ. соч. С. 146–155.

В плане методологической критики он ссылается на Г. Гемпеля, писавшего о «барьере вины», который разделяет прошлое и настоящее – «виновные неохотно вспоминают». Цель исторической науки – преодоление этого барьера. Соглашаясь с этой мыслью, Б.Г. Могильницкий указывает, что на этом пути стоит избегать радикального ревизионизма и искажения фактов, т.е. нарушения принципа объективности.

В заключение можно констатировать: несмотря на то, что за полвека трансформировалась наша терминология, расширился инструментарий анализа, наконец, происходит сдвиг на уровне научных парадигм, тем не менее предмет и способы исторического анализа во многом не противоречат тому, как Б.Г. Могильницкий понимал природу исторического познания в своей книге при всех идеологических условностях и ограничениях советской историографии.

Н.В. Трубникова

**И СНОВА О «КРИЗИСЕ ИСТОРИИ»:
ВОЗМОЖНА ЛИ СМЕНА ПЕРСПЕКТИВЫ?
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ КОНТЕКСТЫ**

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме «кризиса истории», теоретическая рамка которого определяет содержание всех идейных баталий исторической науки последней четверти века. Автор рассуждает об иных перспективах развития исторических исследований, которые могут быть обретены, если сделать «шаг в сторону» от внутридисциплинарных обсуждений и сложившихся в XX в. коммуникативных стратегий, сосредоточившись не на описании бесчисленных «поворотов» краткосрочных интеллектуальных поветрий, а на попытке выявить новую концептуальную основу, исходя из логики развития современной социальной теории и социологии науки.*

***Ключевые слова:** кризис истории, смена парадигм, современная теория социального мира, социология науки, модели научного объяснения, методологический плюрализм.*

Теоретические рассуждения историков последних десятилетий оставляют безрадостное чувство, вызываемое состоянием «кризиса истории», из которого, кажется, нет и не может быть выхода. Во всяком случае, в логике развития социальной истории XX в., ассоциируемой с движением французских «Анналов». Мощный натиск разнонаправленной критики, которая обрушила все научные метанарративы социальных наук послевоенного времени, измельчение предметного поля, углубляющаяся специализация и автономизация дискурсов, потеря системообразующих методологических оснований оцениваются большей частью профессионального сообщества как «патовая» ситуация, не имеющая перспектив идейной консолидации или поводов для научного оптимизма. И лишь малое количество исследователей расценивает сложившуюся историографическую ситуацию скорее как определенную «болезнь роста», которая будет преодолена на основе изучения собственной дисциплинарной памяти и проблем профессиональной идентичности [1, 2]. В таком прогнозе временный «анабиоз» теоретической рефлексии об историческом познании мог бы закончиться становлением новой макро-

теории, которая непротиворечиво объединит все разрозненные фрагменты в новое научное, но не догматическое мировоззрение.

Пока же большинство историков (включая, несомненно, и автора этой статьи), не чуждых обобщениям, встали на путь прагматичного наблюдения, описывая изгибы исследовательских путей современной историографии. Самое поверхностное наблюдение за движениями историографического пространства порождает противоречивое представление о том, что, несмотря на неотменный диагноз «кризиса», рассматриваемая сфера почти одновременно переживает лингвистический, герменевтический, антропологический, пространственный, культурный, семиотический, антисемиотический, иконический, переводческий и еще несколько поворотов, каждый из которых, подкрепленный именами корифеев социальной теории, как правило, объявляется последним и потому наиболее судьбоносным витком развития гуманитарных наук. Однако решающего парадигмального сдвига не происходит, и рефлексия о теоретических основах исторического знания так и ограничивается рамками отдельных, зачастую конкурирующих и несводимых к общему знаменателю методологий исследования.

В этом состоянии методологического плюрализма казалось бы не должно быть ни вызова, ни особой когнитивной сложности для познающего историческое разнообразие субъекта. Недаром известный социолог науки Жан-Клод Пассерон призывает рассматривать историю (и все социальные науки, имеющие неустранимое историческое измерение) не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», в дискурсивном пространстве которых даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации [3. Р. 94].

Однако осознаваемый методологический плюрализм на практике приводит к тому, что отдельные исследователи не задумываются об отсутствии общей типологической базы и «родового» основания разноречивых исследовательских практик, не считают нужным показывать границы применения, терминологические рамки и дедуктивно-логические предпосылки своих подходов. Ряд историков, увлеченных постмодернистской перспективой «лингвистического поворота», рассуждающего об «истории как рассказе», призывают коллег, не порвавших с перспективой научности исторического метода, к профессиональной эвтаназии ради ничем не скованного авторского вдохновения и индивидуального самовыражения. Все вы-

шеназванное затрудняет и формирование базового эпистемологического консенсуса, без которого невозможны плодотворные научные дискуссии и выполнение «социальной функции» историков, состоящей в работе по гармонизации исторического сознания своих социумов.

Давно застывшая ситуация теоретической фрагментации современного исторического знания требует выявления новых типологических основ на основе достижений современной эпистемологии науки и социальной теории. Это намерение поддерживается и «онтологическим поворотом» современной социологической мысли, переносящей акценты с нарративной природы исследования на отражение опыта объективно существующей реальности.

Социально ориентированная история всегда заимствовала теоретические конструкты из других наук. Начиная с «боев за историю» Люсьена Февра [4], основой конкурентной стратегии исторической науки стало выступление под знаком инновации, теоретической изкушенности и претензий на всеохватное значение, что и привело к безудержному расширению и дроблению тематического и методологического поля истории, имеющего, как и все на свете, свои естественные пределы. По иронии судьбы адепты «лингвистического поворота» использовали ту же самую стратегию, присвоив себе право выступать под лозунгом прогресса и от имени всех теорий, когда-либо повествующих о языке, чтобы «опрокинуть» научные претензии социальной истории. Таким образом, риторический этос, когда-то положенный в основу «золотой легенды об Анналах», в соответствии с которой два революционных профессора преодолевали косность и консерватизм академического истеблишмента, завел саму устоявшуюся традицию социальной истории в некий логический тупик.

Если существующий, признанный самоочевидным алгоритм развития традиции историописания зашел в тупик, не является ли это основанием для формирования другого фокуса зрения, другого типологического основания и других закономерностей произошедшего?

В теории социального мира создано несколько известных типологий гуманитарной научной мысли (включая, например, многопарагматическую социологию Джорджа Ритцера [5]), которые выстроены на основе представлений эпистемологии науки современной постэмпирической эпохи о конкурентном взаимодействии науч-

ных парадигм, где решающим аргументом идейного превосходства нередко становятся экстранаучные обстоятельства. Любое научное знание, таким образом, принимает локальный исторический характер, а исследовательские программы базируются на несопоставимых друг с другом теоретических основаниях, имеют свои нормативные логические стандарты, свои типы научного объяснения, описания и объяснения. Однако никто пока не проверял, до какой степени уместным и корректным будет применение такого рода «многопарадигмальных» концепций на материале историографии.

Давайте рассмотрим историографическое производство, идейно или институционально связанное с «Анналами», в перспективе поиска адекватного типологического основания и в контексте общей эволюции истории и социологии научного знания. Среди многих концепций «парадигмальности» гуманитарной мысли выбор пал на теорию градаций состоявшихся исследований по типу применяемого научного объяснения, разработанного российским методологом социологии И.Ф. Девятко: интерпретативного, натуралистического, функционалистского и структуралистского [6]. Каждый из этих четырех типов, неизменно возвращающихся на новом витке развития в процессе смены идейной конъюнктуры, базируется на общих идейных эпистемах (в понимании Мишеля Фуко), свойственных определенным эпохам, применяется иногда как осознанный теоретический конструкт, а иногда – сугубо интуитивно.

Анализ, проведенный автором по материалам французской историографии, позволяет сделать вывод о поступательно-возвратном характере развития исторической науки, связанной с «Анналами», в которой, на первый взгляд, все рассмотренные произведения непротиворечиво соотносятся с предложенной типологией. Историки разделяют общие тренды развития социальной и гуманитарной мысли, даже если делают это интуитивно. Если идея о диалектическом возвращении каждой из четырех парадигм верна, то коммуникативная стратегия продвижения своего типа исследования под знаком концептуальной новизны и дискредитация оппонентов за консерватизм и отсутствие универсалистских амбиций (проект Люсьена Февра) является архаичным и непродуктивным в логике развития современной науки стереотипом продвижения своих исследований (таблица).

**Французская историографическая традиция
с точки зрения применяемых моделей научного объяснения**

Тип научного объяснения	Эпоха 1	Персоналии, институциональные среды, программы	Эпоха 2	Персоналии, институциональные среды, программы
Интерпретативная парадигма (человек, изучающий человека, исследование неповторимого и уникального)	Примерно 1870–1910-е гг.	Шарль Сеньобос, методическая школа (историки-позитивисты)	1980–2000-е гг.	«Четвертые Анналы», микроистория, культурная антропология
Натуралистическая парадигма (применение подходов естественных и точных наук), макроистория	1910–1950-е гг.	Франсуа Сириан, Эрнест Лабрусс, экономическая макроистория, квантитативная история, история климата, сериальная история	2000–2010-е гг.	История антропоцена, история эпидемий
Функционализм (теории среднего уровня, изучение общественных функций и дисфункций)	1930–1960-е гг.	Фернан Бродель, Пьер Шоню, геоистория, «марксистизирующие» историки	2000–2010-е гг.	Глобальная история, транснациональная история, мир-системный анализ
Структурализм (выявление скрытых смыслов и «тайных пружин» социального мира)	1960–1970-е гг.	«Третьи Анналы», история ментальностей, структурная антропология	1990–2000-е гг.	Постструктурализм, историческая нарратология

Каждая из четырех парадигм предлагает оригинальный способ постановки научной гипотезы, модель научного объяснения и способы аргументации, собственный язык описания и степень формализации применяемой терминологии. При этом как общие черты «на-

учного проекта» историки-практики разных парадигм сохраняют логико-дедуктивную основу исследований, стремление к корректному и верифицируемому использованию источников. Предложенная гипотеза, несомненно, нуждается в уточнении и «калибровке» границ сочетаемости (гибридизации) разных подходов в рамках одного исследования. Непреложными основаниями современного исторического исследования являются необходимость рефлексии о родственных и неродственных типах научного объяснения, осознание методологических границ, корректность использования терминологии и таких репрезентаций научных программ, которые сделают возможным участие историков в общей научной дискуссии.

Литература

1. *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. – Paris: Ed. Belin, 1996.
2. *Rééd. Folio-histoire.* – Gallimard, 2005.
3. *Passeron J.-C.* Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. – Paris: Nathan, 1991.
4. *Февр Л.* Бои за историю / пер. с фр. – М.: Наука, 1991.
5. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
6. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. – М.: РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996.

Н.И. Быстрицкий

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Аннотация. *Без преувеличения можно сказать, что история человеческой цивилизации – это история социальной коммуникации. В этой связи для историков актуальным является изучение различных функций языка и коммуникации, связанных с передачей исторических знаний. Историческая коммуникация сегодня недостаточно учена и нуждается в пристальном внимании историков.*

Ключевые слова: *историческая коммуникация, исторический источник, историческая методология, языковые средства коммуникации, след, историография.*

Развитие человеческой коммуникации проходило одновременно с разворачиванием человеческой истории. На протяжении тысячелетий коммуникация была тем инструментом, которая позволяла человеку создавать и обустраивать собственный мир, достигая новых рубежей своей жизни и мыследеятельности. Появление ее языковых форм – сначала устной речи, а затем изобретение пиктограмм, иероглифов и, наконец, письменных и печатных символов – знаменовало ключевые вехи эволюции человеческой культуры. Вместе с тем коммуникация – один из самых замысловатых и интеллектуально нагруженных видов деятельности, которыми человек вынужден заниматься. Постигая коммуникацию, мы приходим к выводу, что имеем дело со сложным процессом, который иногда кажется обманчиво простым, пока мы не начинаем его анализировать и объяснять. Да, с пониманием коммуникации дело обстоит совсем неоднозначно, одних только определений этого понятия сегодня насчитывается свыше 200 вариантов [1. С. 32]. Для прояснения темы мы кратко остановимся на понятийном аппарате, формулирование которого базируется на общенаучных системно-информационном и системно-коммуникационных подходах применительно к истории [2–4].

В системном понимании коммуникация – *целенаправленное информационное взаимодействие, процесс перемещения информации от одного объекта к другому. Историческая коммуникация – вид*

коммуникации, при котором осуществляется целенаправленная передача исторических сведений и знаний. Коммуникация оказывается всегда связанной с материальными процессами и в окружающей реальности представляется и передается в виде *сообщений* на определенном *материальном носителе*. Обмен сообщениями включает процессы порождения и восприятия сообщений и предполагает использование *знаковой системы*. Исторически сложившаяся форма общения людей – *речь* – базируется на искусном манипулировании развитой знаковой системой – *языком*, ввиду этого психологи и нейролингвисты считают речь высшим психическим процессом человека.

Особым видом коммуникации является *письмо* (письменная речь) – форма коммуникации посредством системы графических знаков, запечатленных на материальном носителе. Письмо являет собой форму визуального представления вербальной (устной) речи, играющей ключевую функцию в коммуникационном взаимодействии между людьми [5]. Письмо можно умозрительно разграничить на два плана: графический (визуальный) – *шрифт*, и семантический (смысловой) – *текст* [6]. Именно письмо позволило осуществлять историческую коммуникацию на длительные промежутки времени.

Человека, который порождает сообщения, будем называть *отправителем* (адресантом). Надо указать, что нередко в литературе пользуются словом «источник» (fons, source), имеющим изначально природную окраску. Однако в гуманитарной среде под источником в большинстве случаев принято подразумевать носитель, несущий сообщения (исторический источник, первичный источник и т.п.). С целью исключения вводящей в заблуждение полисемии предлагается пользоваться словом *отправитель* (ср. mitto, émetteur, Absender). Человека, принимающего сообщение, называют *получателем*. Все проявления коммуникативной деятельности отправителя, адресованные получателю, образуют человеческие *средства* коммуникации.

Ясно, что языковая коммуникация занимает доминирующее положение в историческом познании. Все авторы исторических сочинений со своими различными взглядами, школами, реализуемыми целями так или иначе состояли участниками исторической коммуникации, были «отправителями историографического сообщения» [7. С. 432]. Эти сообщения, по мнению видного историка Марка Блока, являются следами прошлого. Он писал: «Многие следы про-

шлого доступны прямому восприятию. Это почти все огромное количество неписанных свидетельств и даже большое число письменных... Что понимаем мы под словом «источник», если не «след», т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен?» [8. С. 32–33]. Крупнейший отечественный методолог истории Б.Г. Могильницкий отмечал принципиальную важность исследования следов прошлого, ведь «каждое событие оставляет после себя следы, которые и являются для историка источниками его изучения» [9. С. 69–70].

Сегодня к анализу понятия «след прошлого» обращаются вовсе не историки, а, как отмечает современный исследователь Андреас Буллер, как это ни странно, – философы [10. С. 10]. Опираясь на работу немецкого медиафилософа Сибилле Кремер «Что такое след? И какова его эпистемологическая роль?», он указывает, что прошлое презентует себя в материальных и реальных «следах и любые интерпретации прошлого являются, прежде всего, интерпретациями его следов. В ходе своих рассуждений Кремер пришла к заключению, что след является не только «средством» и «инструментом» процесса исторического познания, но он сам по себе есть «продукт» или же «результат» человеческого мыслительного акта, заявив, что «следы рождаются в глазах наблюдателя» [11. S. 16–17].

Но позвольте, это возвращает нас к дискуссии между сторонниками атрибутивной и функциональной философских концепций информации. Утверждение Кремер следует в русле функционализма, когда информация рассматривается в качестве феномена, свойственного только человеку и живой природе. Характерный парадокс «Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?» [12. Р. 21] можно переформулировать в «существует ли Парфенон, когда его никто не исследует?». В такой интерпретации оказывается, что исторический источник не существует, пока его не изучает какой-либо исследователь, более того, историческое событие не происходило в реальности, если оно не зафиксировано свидетелем, а может быть, даже если свидетель перестал существовать. Следование такому концептуальному подходу низводит историю к бессмысленному занятию, так как все ее построения мифологичны. Здесь мы наблюдаем распространенный случай смешения элементов знания и реальности, характерного для философского сознания.

Так что же такое «след»? Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно прежде всего задаться вопросом «след чего изучают истори-

ки?» и обратиться к анализу исторической коммуникации с позиций системно-коммуникационного подхода, который предполагает четкое разграничение онтологических и гносеологических категорий [13. С. 24–25].

С этой целью рассмотрим некоторую абстрактную модель типичной познавательной цепочки, начинающейся с осуществления события реальности и заканчивающейся появлением знания об этом событии у читателя исторического сочинения. Вначале происходит восприятие органами чувств человека (свидетеля, очевидца события) изменений свойств объектов окружающей действительности, вызванных некоторым процессом и зафиксированным некоторым событием [14. С. 20]. После этого на основе сигналов органов чувств в сознании свидетеля формируется целостный образ (гештальт) произошедших изменений, являющийся отражением события реальности в сознании свидетеля. Далее этот образ уточняется, связывается с другими образами, хранящимися в памяти человека, происходит его оценка и эмоциональное окрашивание – в результате формируется комплексный личностный элемент знания о событии. Такой комплексный элемент знания, заключающий в себе все связи с другими элементами знания, прагматические, моральные, эмоциональные и пр. оценки, мотивационные интенции, мы будем называть *импрессом* (от лат. *impressio* – оттиск, вдавливание). Заметим, что импресс может меняться со временем, так как меняется содержание памяти человека, какие-то его фрагменты могут забываться, другие – воображаться; он может связываться с новыми элементами знания, при этом могут изменяться и оценки. Свидетель решает через некоторое время поведать свои знания о событии своему знакомому, в нашем случае – хронисту. В первом коммуникативном звене свидетель сообщает посредством языковой коммуникации хронисту некоторую часть содержания своего импресса, и на основе этого сообщения у хрониста формируется свой импресс события. По прошествии какого-то времени хронист намеревается изложить имеющиеся у него знания о событии. Он воспроизводит актуальную часть импресса при помощи языковых средств в виде нарратива и фиксирует его в письменной форме на материальном носителе, например пергаменте. Через несколько веков полностью или частично сохранившийся манускрипт попадает в поле зрения историка-исследователя, который «расшифровывает» содержание этого исторического источника, вычленяет сообщение о событии и образует

свой собственный импресс – этим замыкается второе коммуникативное звено. Несколько позже историк создает научный или научно-популярный труд, в котором излагает описание события, составленное из элементов собственного импресса. В третьем, замыкающем, звене некий читатель, ознакомившись с трудом историка, воспроизводит описание события и составляет свой импресс события. Следует уточнить, что импресс события у читателя не эквивалентен импрессу свидетеля события.

Понятно, что представленная модель обладает достаточной степенью генерализации, однако она позволяет подробно проследить эволюцию информации о событии или так называемого «следа» из материальной в идеальную форму и обратно. В таком представлении под «следом» можно понимать всю совокупность информации, представленной как в материальной форме в виде сообщений источников и объектов материальной культуры, так и в форме знаний (импрессов) в сознании людей. Причем следы могут быть видимыми, т.е. находящимися в обороте исследователей; скрытыми которые еще существуют, но пока недоступны; и мертвыми, которые уже исчезли.

Как показывает практика, системное изучение исторической коммуникации может серьезно обогатить инструментарий историка. Она предлагает такие перспективные направления, как анализ языковых средств сообщения, целевых установок отправителя и вносимых искажений [15. С. 86]. Можно с уверенностью сказать, что сегодня эти направления исследований нуждаются в пристальном внимании историков.

Литература

1. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер, 2011.
2. *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978.
3. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987.
4. *Аликберов А.К.* Основы теории и методологии системно-коммуникационного подхода к изучению истории. – М., 2019.
5. *Schrift und Schriftlichkeit / Hrsg. von H. Steger, H.E. Wiegand.* – Berlin: de Gruyter, 1994.
6. *Быстрицкий Н.И.* Визуальная коммуникация в истории // Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки. – М.: Этерна, 2019.

7. *Барт Р.* Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2004. – С. 427–441.
8. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1973.
9. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. – М.: Высшая школа, 1989.
10. *Буллер А.* Вопросы Геродота // Харківський історіографічний збірник. – 2017. – № 15. – С. 5–13.
11. *Krämer S.* Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? // Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. – Frankfurt: Suhrkamp, 2007. – S. 14–19.
12. *Bhaskar R.* A Realist Theory of Science. – London: Verso, 2008.
13. *Аликберов А.К.* Системная логика как инструмент системного подхода к истории // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 16–26.
14. *Быстрицкий Н.И.* Естественнонаучные подходы к получению и анализу цифровых данных византийской истории // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде. – Пермь: ПГНИУ, 2018. – С. 19–22.
15. *Сыров В.Н.* Коммуникация и историческое познание // Вестник ВолгГУ. Сер. 7. – 2015. – № 3 (29). – С. 84–91.

Т.С. Кондратьева

ИСТОРИК И НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

Аннотация. *Сегодня мало кто разделяет оптимизм прогресса или идею светлого будущего при коммунизме. Во всяком случае эти два долго господствующих, представления о вполне определенном и мобилизующем будущем не навязывают больше телеологическую нить повествования профессиональным историкам. За последние несколько десятилетий историки сменили парадигму, наполняя новым содержанием связь между прошлым и настоящим. Ясно, и не только им, но и широкой публике, что изучение прошлого помогает понять настоящее. Но что делать с будущим, если вместо вдохновляющей и многообещающей картины – неопределенность, беспокойство, боязнь катастрофы? Для миллионов людей, непрофессионалов, прогнозы на этот счет устрашающи, и им непонятно, как это может быть, что у истории нет вектора движения. А куда же мы идем?*

Ключевые слова: *историк, будущее, прошлое.*

Если в истории, как и в других социальных и гуманитарных науках, представления о линейности исторического времени, уступили место представлениям о единовременном и конструирующем присутствии всех трех времен в каждодневном опыте людей, то для непосвященных это непонятно [1]. Последовательный порядок времен кажется им очевидным, реальным, естественным. Прошлое, если оно увлекательно рассказано и особенно показано в сериалах, притягивает своими секретами. Такую развлекательную историю любят и запрашивают массы. Наряду с этим патриотически героизированные и эпохально стройные «национальные романы», как назвал их Пьер Нора, поддерживаются в общественном мнении как выражение коллективной памяти, необходимой для сплочения нации. Многие историки участвуют в поддержании именно так понятой коллективной памяти. Они подпитывают патетическую связь между прошлым и настоящим. Но есть и другие историки, озабоченные связью между прошлым и будущим. Точнее говоря, такие, для которых деятельность людей всегда осуществлялась во временном пространстве, созданном тяжбой между «опытом прошлого» и «горизонтом ожидания» [2]. Может ли изучение прошлого работать на будущее? Ес-

ли да, то как? Историк по профессии анналист, а не предсказатель будущего. Что от него можно ждать в условиях, когда вопрос о неопределенности будущего живо обсуждается многомиллионной мировой общественностью вокруг таких стимулирующих воображение авторов, как Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Т. Фридман или Ю. Харари? По всей вероятности, историки не могут, да и не хотят противопоставить игре воображения весомую аргументацию прогнозирующего порядка. Что же они могут предложить?

Когда Франция капитулировала перед Гитлером, Марк Блок в своей последней книге «Странное поражение» задал вполне программный для сегодняшнего дня вопрос о моральном измерении труда историка: «Мы были хорошими ремесленниками, но всегда ли мы были хорошими гражданами?». Надо понимать, Марк Блок задал вопрос о гражданской ангажированности историка. Вопрос парадоксальный: ведь в его время ремесло историка опиралось на принцип автономии науки по отношению к общественно-политической жизни. Не вмешиваться в политику, следовать своему чисто научному призванию, чтобы быть объективным, строго соблюдать границу между научной средой и окружающим ее миром. Такой принципиальный сайентизм оставался (и еще остается?) действенным многие десятилетия после того, как Марк Блок в нем усомнился. Смена парадигм в социальных науках в конце XX в. теоретически привела историков к признанию вездесущности политики в том числе и в науках, и не только социальных, а также к признанию зыбкости границы между профессиональной и публичной историей, между историей и коллективной памятью. Такие понятия, как наука, объективность, нейтральность, утратили свое бывшее высокое значение. На практике сложнее: многие историки все еще относятся с большим недоверием к ангажированности и участию в публичных дебатах. Желают оставаться нейтральными.

Однако ситуация меняется. Я имею в виду ту, которую знаю во Франции. После долгого кризиса и сосредоточенности на пересмотре методологической основы исторической дисциплины (1970–2000) в 2003 г. Оливье Дюмулен озадачил коллег и интеллектуалов своей книгой о социальной роли истории [3]. В последнее десятилетие ориентация на эмансипирующую роль истории дает все больше себя знать в профессиональной научной среде. Действительно, если мы зададимся вопросом о том, какую роль сыграли историки в эмансипации современных обществ, то должны признать, что далеко нема-

люю. Именно историки-пионеры позволили людям взглянуть на «историю снизу», услышать голоса безгласной толпы неимущих, с удивлением открыть для себя историю женщин, бесправных рабов и колониально зависимых народов. Сегодня данный ими импульс продолжает освобождать общественное мнение и законодательство от прошлых представлений о колониализме, расизме, геноциде, сексизме, гомофобии и других постыдных для нашего времени явлениях. Узнавая, благодаря историкам, о сюжетах-табу, забытых героях, сознательно искажаемых событиях и конфликтах, люди обогащаются знаниями. Такими знаниями, которые побуждают их размышлять над вопросами насилия и власти, религиозной и этнической терпимости, прав человека и гражданина, этики суждений. И главное, знаниями, которые побуждают их к действиям, соответствующим гражданской ответственности за поддержание гуманного общественного порядка и социальной справедливости как в настоящем, так и в будущем. Освещая прошлое с точки зрения проблем настоящего, без замалчиваний и искажений, историки выполняют свое обязательство быть правдивыми и таким образом вносят свой вклад в построение более осмысленного и потому менее неопределенного будущего [4].

Речь здесь идет не о политической ангажированности, а о научной. О желании историков знакомить широкую публику с результатами своих исследований или защищать их от некомпетентной критики этой публики. Во Франции, как и в других странах, «серьезные историки» оказываются в позиции маргиналов на фоне публичной истории. Эта последняя, являясь другим способом выражения коллективной памяти, захлестывает малотиражную научную продукцию. История, какой она представляется в кино, на телевидении, в романах, журналах, на сайтах, привлекает миллионы людей. Она питает политическое воображаемое, опирающееся, главным образом, на национализм и консерватизм. Уважающий себя историк колеблется выйти на эту страшную арену, боясь быть ошканным. Для него достойнее выступать перед аудиторией, которая его понимает и может оценить. К тому же университетская система этому способствует.

Стоит ли и ради чего вмешиваться в публичную жизнь? В последнее время все чаще звучат призывы «Стоит!». Онтологически важно включаться в дискуссии о социокультурной роли истории и держать курс на будущее. Для сознающего свой гражданский долг историка не должно быть все равно, кто и какое прошлое вложит в

коллективную память будущих поколений. И появляются примеры ангажированности или точнее защиты научной позиции против некоторых реакционных правительственных проектов [5], псевдонаучных вымыслов каких-нибудь книг [6] или документальных фильмов [7]. С 2005 г. ассоциация историков (*Comité de vigilance face aux usages publics de l'histoire*), в основном левых, бдительно следит за публичной историей и реагирует в массмедиа, указывая на фактические ошибки и необоснованные комментарии реакционного толка. Особенно много внимания она уделяет деконструкции «национального романа» вслед за Сюзанн Ситрон [8] и преподаванию истории в школе [9]. Здесь борьба идет за то, чтобы у учеников выработался критический взгляд на события прошлого, чтобы они умели размышлять над документами и были информированы о важных историографических дебатах. Другие коллективы историков и социологов (*Atelier sur les usages publics du passé*) в Высшей школе социальных наук, Высшей национальной школе, в Университете Paris 8 и Международном Парижском институте повышения квалификации специально занимаются феноменом публичной истории, вопросами ее использования в обществе и влияния на массового читателя или зрителя. Они также считают своим долгом защищать прошлое во благо будущего.

Можно привести много примеров успешного или провального противоборства ученого и общественного мнения, но на основе сказанного уже можно заключить, что значительная часть французских историков мобилизует свои знания для защиты моральных, республиканских и демократических ценностей того общества, в котором они живут. Если нет будущего, заранее определенного и спланированного, то историк должен быть изобретательным в отношении такой неопределенности. Если его исследование ставит проблемы, имеющие резонанс в жизни его сограждан, то он может помочь, во-первых, избавиться от тирании настоящего, считает Жером Баше, и, во-вторых, наметить перспективу на будущее [10].

Литература

1. Кондратьева Т.С. Современность и историческое время // История. – 2015. – Т. 6, вып. 9 (42).
2. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. – 2016. – Т. 28, № 2. – С. 149–173.

3. *Dumoulin O.* Le rôle social de l'histoire de la chaire au prétoire. – Paris : Albin Michel, 2003.
4. *De Cock L., Larrère M., Mazeau G* L'histoire comme émancipation. – Paris : Agon, 2019.
5. *Offenstadt N.* L'histoire bling-bling. Le retour du roman national. – Paris : Stock, 2009.
6. *Citron S.* Le Mythe national. – Paris : L'Atelier, {1987} 2017.
7. *De Cock L.* (dir.) La Fabrique scolaire de l'histoire. 2^e éd. – Paris: Agon, 2017.
8. *Gouguenheim S.* Aristote au Mont Saint-Michel. – Paris : Seuil, 2008.
9. Robespierre: bourreau de la Vendée ? // Телеканал France. – 2012. – 3, 7 марта.
10. *Baschet J.* Défaire la tyrannie du présent. Temporalités émergentes et futurs inédits. – Paris: La Découverte, 2018.

В.Н. Сыров

НУЖНА ЛИ ОСОБАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ?¹

Аннотация. *Обсуждается вопрос о наличии в историческом познании особой методологии. Отрицается ее необходимость и выдвигается тезис о том, что любой материал приобретает облик познания, если строится как выдвижение гипотезы и выстраивание упорядоченной последовательности ее доказательств. Данный тезис развивается на примере места и роли нарратива в историческом познании. Продемонстрировано, что структура, складывающаяся из постановки проблемы, гипотезы и аргументации, вполне может быть представлена как нарративная.*

Ключевые слова: *историческое познание, автономия исторического познания, гипотеза, нарратив.*

Можно ли говорить о наличии в историческом познании особой методологии, если выйти за пределы тезиса Артура Данто о том, что в отличие от исследователя в сфере естествознания историку еще надо предварительно определить исторический статус того или иного объекта прошлого [1. С. 25]? Наш тезис заключается в утверждении, что такой методологии не существует, что все социально-гуманитарное и даже естественнонаучное знание конституируется одной и той же структурой. Точнее, речь идет о познании, поскольку то, о чем пойдет речь, больше характеризует процесс, чем результат, с которым обычно принято связывать знание. Полагаем, что любой материал приобретает облик познания, принимаемого наукой, если строится как выдвижение гипотезы и выстраивание упорядоченной последовательности ее доказательств.

Строго говоря, логически первым шагом является критический анализ предшественников с целью определения той ниши, лакуны, пустоты, зазора, конфликта в интерпретациях, которые и дают основания для выдвижения гипотезы. Если это так, то становится понят-

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

ной глубокая мысль Коллингвуда, что историческое знание растет из самого себя. Ведь даже если импульс к изучению той или иной тематики дан извне, обусловлен общественными запросами, то ее анализ все равно может начаться лишь с анализа сложившейся исследовательской традиции. Разве что для ее поиска придется обратиться к более ранним периодам ее возникновения.

Тезис о гипотезе как принципе организации исторического познания может быть одинаково распространен как на макро- так и на микроуровень исследования, как на монографии, так и на отдельные статьи. Все остальное – разъяснения, комментарии – будет носить лишь вспомогательный характер. Иначе говоря, это ответ на вопрос о том, как может быть построен конкретный исторический текст. С этой позиции стоит отвергнуть рассуждения Франклина Анкерсмита о разделении всей исторической продукции на «исторические исследования» и «нарративное написание истории»: «Понятие “историческое исследование” говорит о стремлении историка установить исторические факты с максимальной точностью» [2. С. 22]. «Нарративное написание истории» предполагает объединение фактов в «последовательное историческое повествование» [Там же. С. 22–23]. Нет нужды отрицать правомерность его утверждения о том, что одни историки «занимаются тем, что устанавливают, как те или иные города или монастыри приобретали юридические и феодальные права, как возводились исторические памятники, как заключались дипломатические договоры... С другой стороны, есть историки с более синтетическим складом ума; в полную меру своих сил и способностей они стараются объединить факты, обнаруженные в ходе исторического исследования, в большие панорамные картины прошлого» [Там же. С. 23–24].

Но рискнем утверждать, что любой исторический текст любого уровня становится интегрированным в общий корпус текстов, легитимный для сообщества историков, если обретает вышеописанный формат. Другое дело, что он может быть не эксплицированным. Но полагаю, что любой исследователь может включить текст в контекст своих идей, если мысленно реформатирует его в доказательство или опровержение каких-либо идей или проинтерпретирует его как выдвижение какой-либо идеи. Если этого сделать не удастся, то в лучшем случае остается лишь «принять к сведению» прочитанное. Вернувшись к тезису Анкерсмита, предположим, что его разделение говорит не только об уровнях исторического исследования (анало-

гичном, видимо, разделению на теоретическое и эмпирическое), но и о разных представлениях о том, как должен быть организован исследовательский продукт.

Если же ставить вопрос о статусе нашего тезиса, то можно воспользоваться подходом Карла Гемпеля, реализованным, правда, по другому поводу [3. С. 16–31]. Во-первых, можно утверждать, что историки это уже делают более имплицитно, конечно, чем эксплицитно. Во-вторых, это и именно это следует делать. Но не потому, что это новый тренд в историческом познании, а потому что именно организация мысли в формате гипотезы и подбора доказательств ее достоверности и есть то, что делало, делает и, видимо, будет делать ту или иную сферу деятельности исследованием, а не мифом, идеологией или литературой (по крайней мере, трудно помыслить иное). Поэтому можно говорить как о дескриптивном, так и о нормативном статусе нашего утверждения. Миф, идеология, литература могут, конечно, имитировать формат исследования (вспомним Борхеса), но вряд ли он является для них необходимым.

В свое время Луис Минк выдвинул тезис об автономии исторического понимания [4. Р. 67–88]. Но опять-таки речь идет не о поиске или определении особой методологии для историков. Сам тезис американского исследователя был выдвинут в контексте дискуссии о роли законов в историческом познании. Поэтому задача Минка, как и многих других, заключалась в том, чтобы показать, что данный тип объяснения не является необходимым для исторической мысли. Конечно, один из аспектов своеобразия исторического исследования, а может, и определяющий его признак, заключается в интересе к индивидуальному и своеобразному, а не общему и типичному. Интерес этот в своей основе носил не исследовательский, эстетический и даже этический характер, а скорее практический. Но он же предопределил актуализацию исследовательских процедур, которые вряд ли можно обнаружить в сфере естественных наук. Можно сказать, что описание и объяснение индивидуальных объектов с сохранением ценности индивидуальности проходит по ведомству нарратологии и герменевтики, а не естественнонаучных стандартов.

Однако это не означает, во-первых, что те или иные области социального и гуманитарного знания не играют никакой роли для исторического познания. Отношение истории к ним можно уподобить метафорической трактовке культуры как ящика для инструментов, из которого исследователь достает то, что считает в данный момент

нужным для описания или объяснения интересующего его объекта [5. Р. 277]. Здесь нет никакого алгоритма для применения экономических, социологических, психологических или иных теорий. Возможно, конечно, что историки, специализирующиеся на анализе социальных отношений, будут тяготеть к использованию социологического инструментария, а историки, ориентированные на событийную историю, предпочтут обращение к достижениям психологии и антропологии. Но само обращение к результатам других областей знания столь же приобретает характер гипотезы, которая столь же нуждается в доказательстве своей эффективности.

Во-вторых, рискнем утверждать, что отмеченное выше своеобразие исторической мысли еще не ведет к своеобразию или эксклюзивности исторической методологии. В качестве примера можно использовать всплеск интереса к нарратологии с 60–70-х гг. XX в., нашедший, в частности, выражение в программной статье Лоуренса Стоуна [6. Р. 3–24]. Конечно, иллюзии, надежды, достижения и разочарования, связываемые с нарративным поворотом, отошли в прошлое, но обращение к этому тренду показательно как извлечение уроков.

Стоит согласиться с убеждением многих современных теоретиков о необходимой нарративной форме подачи и восприятия истории. Но вопрос в том, что она собой будет представлять. Полагаем, пока история форматируется в виде повествования, а не исследования, пока исторический текст строится как повествование от третьего лица и подается в виде совокупности утверждений или положений, которые кажутся само собой разумеющимися и потому предполагают их развертывание и иллюстрацию, а не выведение и доказывание, пока доказательная база, как правило, сводится к изобилию ссылок, желательного подстрочных, а убедительность повествования (претензия на объективность) достигается тщательной маскировкой субъекта высказывания, все призывы к росту нарративности исторического знания только углубляют тезис Хайдена Уайта о степени проникновения вымышленного элемента в построения историков. Здесь не поможет тезис о необходимости учитывать наличие и необходимость в историческом нарративе критических и аргументативных процедур. Пока они подаются как вставки в повествовательную ткань текста, то остаются инородным телом в данной конфигурации.

Это обстоятельство означает необходимость радикальной реконфигурации исторического нарратива. Повторим еще раз, что он должен конституироваться не объектом исследования, а характером

исследовательских задач. Исследование же имеет смысл и становится таковым только тогда, когда строится вокруг выдвигаемой гипотезы (что предполагает, кстати, предварительный критический анализ историографии по данному вопросу) и последовательности развертывания процедур ее доказательства (что, кстати, также требует умения выстроить надлежащую композицию текста).

При этом, конечно, сохраняют и даже обретают еще большую глубину знаменитые рассуждения Коллингвуда о статусе источников. «Мы знаем, что истина обретается не в результате проглатывания того, что говорят нам источники, а благодаря их критике» [7. С. 232]. Поэтому «даже если он [историк] примет то, что его источники сообщают ему, он примет это, полагаясь не на их авторитетность, а основываясь на собственном суждении, не потому, что они утверждают это, а потому, что их утверждения соответствуют его критерию исторической истины [Там же. С. 227]. Иначе говоря, сам по себе источник ничего не доказывает и не опровергает. Доказательством становится вся картина в целом, причем созданная не отдельным историком, а сообществом в ходе многократных дискуссий и споров. Превращение источников в доказательство отнюдь не означает их тенденциозного подбора с целью сбора одних подтверждений, а, наоборот, предполагает способность историка найти убедительные. И, наконец, путеводной звездой остается тезис Коллингвуда о том, что «по этой же самой причине в истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным» [Там же. С. 237].

Примечательно то, что структура, складывающаяся из постановки проблемы, гипотезы и аргументации, вполне может быть представлена как нарративная. Если мы сохраняем убеждение в нарративной природе истории, то она должна задаваться не объектом, а форматом, в который может быть упакован любой объект без ущерба для его идентичности. Тогда наличие темпоральной организации и таких ее структурных элементов, как начало-середина-финал, сохраняет свое значение, только конституироваться они будут не хронологией, а логикой постановки и решения задачи. Функцию экспозиции может взять на себя историографический обзор; функцию завязки, а видимо, и интриги – демонстрация ограниченности и неполноты взглядов предшественников; функцию кульминации – авторская гипотеза; ну а функцию развязки – экспликация серии аргументов с целью ее верификации. Нетрудно заметить, что такая ком-

позиция с неизбежностью будет задавать место и формы позиционирования нарратора. Если автор в лице нарратора отвечает за сказанное, а ответственность за прямо выдвигаемую гипотезу невозможно возложить на имплицитного рассказчика, то характер присутствия его в тексте становится следствием рефлексивной позиции автора. Такой нарратор с необходимостью должен быть эксплицитным и говорить от первого лица. Наконец, тогда он станет необходимой частью истории, поскольку говорить будет о своей деятельности, а не о далеком мире прошлого.

Вернувшись к началу, рискуем утверждать следующее. Современные технологии открывают грандиозные перспективы для работы историка, как и вообще тесный контакт с представителями других форм знания. Но в обозримом будущем суть работы историка, как и любого исследователя, останется той же, если, конечно, история сохранит свою ценность для современного человека. Поэтому ни нарратология, ни постколониальные исследования, ни феминизм, ни акторно-сетевая теория не будут тем ключом, ни чем-либо еще, которым можно открыть все двери.

Литература

1. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
3. Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории / К.Г. Гемпель. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1998. – С. 16–31.
4. Mink L.O. Historical Understanding. – Cornell Univ. Press, 1987. – 294 p.
5. Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. – 1986. – Vol. 51, № 2. – P. 273–286.
6. Stone L. The Revival of narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. – 1979. – № 85. – P. 3–24.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 486 с.

А.В. Малинов

**ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЙ:
Н.И. КАРЕЕВ И А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ¹**

Аннотация. *Рассматривается процесс обоснования научного статуса историографии в русской науке начала XX в. Указывается, что в истоках этого процесса лежала позитивистская интерпретация истории и собственная методология. Основное внимание уделяется двум версиям методологии, которые нашли отражение в неопубликованных в свое время работах: «План теории общественнознания» А.С. Лаппо-Данилевского и «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева.*

Ключевые слова: *методология истории, наука, позитивизм, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский.*

Процесс обособления историографии от наук филологических и юридических, начавшийся еще в XVIII в. и отмеченный Т.Н. Грановским, со второй половины XIX в. оказался вовлеченным в общий процесс сциентизации гуманитарного знания, вызванного нарастающей популярностью и распространением позитивизма. В исследовательской литературе уже указывались особенности позитивистской историографии. «Среди них, – писал Б.Г. Могильницкий о методах позитивистской социологии, переносимых на историю, – следует в первую очередь назвать представление об эволюционном характере развития общества, соединенное с признанием его закономерности; эклектизм (“теория факторов”) в объяснении исторического процесса; сравнительно-исторический метод в изучении общественных явлений. Позитивистское требование изучения “положительных фактов” объективно содействовало обращению ученых к исследованию социально-экономической истории общества, ибо именно в этой форме можно было оперировать относительно надежными фактами, имевшими значение в объективной реальности. Именно здесь существовала возможность применения методов и приемов естественных наук, за что так горячо ратовали теоретики позитивизма, к изучению общественных явлений, возможность, на-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (№ 19-09-00109).

шедшая свое выражение в широком распространении статистических приемов обработки источников» [1. С. 110]. Историография, с одной стороны, уподобляется наукам естественным, по крайней мере, ищет в них опору и воспринимает их в качестве образца, с другой стороны, среди ученых все более определенно осознается специфичность исторического знания и уникальность исторических событий. Научность истории складывается на основе противоречивых и на первый взгляд разнонаправленных ориентаций: представления об универсальности научного развития, единстве и единственности научной истины и общности научных проблем и идеи неповторимости, единичности конкретных исторических форм. Во второй половине XIX – начале XX в. историческая наука сталкивается с проблемой демаркации, необходимой для определения специфики ее предмета, т.е. с проблемой отделения истории от других социальных наук: социологии, демографии, философии истории, политической экономии, правоведения, государствоведения, этнографии, социальной философии. Сочинения многих российских историков наполнены рассуждениями об истории как науке. Надо сказать, что ни одна из социальных дисциплин в России второй половины XIX – начала XX в. не подвергалась столь настойчивым попыткам осмысления своего научного статуса. Все это привело к более подробной и разнообразной, по сравнению с другими дисциплинами, разработке теоретико-методологических проблем исторической науки и позволило историографии претендовать на роль теоретико-методологической парадигмы социального знания во второй половине XIX – начале XX в.

Другой комплекс проблем связан с детализацией представления об историческом процессе, соответствующего современным (для того времени) требованиям научности. Главное из них – поиск законов истории. Закономерность процессов, происходящих в истории, осознается отечественными историками-теоретиками в качестве главного признака научности. В русской философско-исторической мысли возобладали концепция многофакторности исторического процесса. У истоков такого решения проблемы стоял спор о значении природных условий в истории, спровоцированный работами К. Бэра конца 1840-х гг. В качестве определяющих факторов исторического процесса признаются: природно-климатическая среда, расово-антропологические особенности населения, влияние других народов и внешнего окружения, действия исторических личностей.

Вопросы, затрагиваемые историками в ходе поисков исторической закономерности и вызывающие разработку проблем теории нации, расы, следует рассматривать на фоне аналогичных дискуссий, развернувшихся в то же время в русской социологии, литературе и философии. Вместе с этим концепция многофакторности делает акцент на различиях в историческом процессе, указывает на причины неповторимости и своеобразия его отдельных проявлений. Однако идея исторической закономерности, подменяемая теорией факторов, сохраняет убеждение в универсальности исторического процесса, что находит обоснование в теории исторической эволюции. С точки зрения многофакторности рассматривается и материалистическое понимание истории. Социально-экономическое направление в отечественной историографии находилось под сильным влиянием марксизма. Как писал Б.Г. Могильницкий, «знаменательной вехой в усвоении русской наукой отдельных элементов материалистической теории являлась книга Н.И. Кареева», т.е. его магистерская диссертация «Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (М., 1879) [2. С. 34].

Обоснование истории как науки задается двумя связанными способами. С одной стороны, это выстраивание универсальной модели исторической эволюции, которая должна позволить проследить действие исторических закономерностей. С другой – формулирование собственных принципов познания (методология истории), не противоречащих общенаучной методологии, но учитывающих специфику исторического познания, точнее, его существенные ограничения: недоступность восприятия «исторической реальности», неповторимость, невозможность эксперимента. Все это требовало определенной философской рефлексии. Как отмечал Н.И. Кареев, интерес к «теории исторического знания в философском освещении» обозначился в России только к концу XIX в. [3. С. 153–154]. Самой известной попыткой теоретико-методологического обоснования историографии в отечественной науке начала XX в. считается «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского. При этом следует учитывать связанные с ней работы ученого по социологии и «теории общественного поведения». В мемуаре, посвященном Лаппо-Данилевскому, И.М. Гревс указывал, что «работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась к созданию всеобъемлющей системы *теоретического общественного поведения*» [4. С. 67]. Сам Лаппо-Данилевский нигде в опубликованных работах не обозначил контуры такого «теоретиче-

ского обществоведения». Лишь в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН отложился «План теории обществоведения» [5. Л. 349–359], входящий в рукопись «О социологии [курс лекций]», включающую черновики и подготовительные материалы Лаппо-Данилевского к занятиям в Петербургском университете с конца 1890-х гг., прежде всего, по социологическим дисциплинам. Скорее всего, «План теории обществоведения» был включен в рукопись «О социологии» при обработке фонда Лаппо-Данилевского или при передаче рукописей в архив вдовой историка. Он написан на листах значительно большего формата, чем остальные материалы рукописи, и не имеет к ним прямых содержательных отсылок. Из текста рукописи нельзя установить однозначной даты ее создания: был ли план составлен до работы над «Методологией истории» или являлся результатом последующих теоретических и философских размышлений историка. Однако если следовать замечанию И.М. Гревса, «План теории обществоведения» можно рассматривать в качестве той научной цели, к которой были устремлены как методолого-исторические, так и социологические искания Лаппо-Данилевского. Этот план не был реализован, но он позволяет восстановить ход мысли ученого.

После смерти Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. чтение курса «Методология истории» в Петроградском университете перешло к Н.И. Кареву. Он значительно отошел от направления, заданного в лекциях Лаппо-Данилевским. В 1922 г. Кареев предпринял попытку издания своего курса под заглавием «Общая методология гуманитарных наук». Готовая рукопись, часть которой была даже набрана в типографии, по ряду причин так и не была опубликована. «Общая методология гуманитарных наук» – самое крупное теоретико-методологическое сочинение Кареева, написанное им в последние годы жизни. Оно стало своеобразным методологическим завещанием ученого. Рукопись «Общая методология гуманитарных наук» сохранилась в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки [6] в виде черновиков, машинописных вариантов и типографских гранок первых трех глав. «Общая методология» состоит из 400 параграфов, входящих в семь глав: «Понятие науки и классификация наук», «Логические предпосылки всякой методологии», «Гуманитарные науки, их классификация и методология», «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках», «Научная работа в области истори-

ческих построений», «Теоретические гуманитарные науки», «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». Изучение и публикация книги Кареева еще только начинается [7–9]. До сих пор были опубликованы лишь «Введение» и отдельные главы [10–13].

Цель статьи состоит в том, чтобы сравнить два методологических проекта, представленных в «Плане теории обществознания» Лаппо-Данилевского и «Общей методологии гуманитарных наук» Кареева.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – 408 с.

2. *Смоленский Н.И., Алаев Л.Б., Родригес А.М., Кузицин В.И., Овсянников В.И., Могильницкий Б.Г., Воронин С.А.* «Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии»: круглый стол в Московском государственном областном университете // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2011. – № 3. – С. 18–58.

3. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. – СПб.: Лимбах, 1996. – 368 с.

4. *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. – 1920. – № 6. – С. 44–81.

5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. – Ф. 113. – Оп. 1. – Ед. хр. 331.

6. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 119. – К. 39. – Д. 1–15.

7. *Долгова Е.А.* Концепция «Общей методологии гуманитарных наук»: Теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы // Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. – М.: РГГУ, 2012. – С. 222–234.

8. *Долгова Е.А.* Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. – 2012. – № 1. – С. 239–245.

9. *Долгова Е.А.* «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева (1850–1931) // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 185–198.

10. *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук / подгот. текста А.В. Малинова // Вече. – 2011. – № 22. – С. 147–174.

11. *Кареев Н.И.* Понятие науки и классификация наук / подгот. текста А.В. Малинова // Клио. – 2013. – № 2. – С. 28–34.

12. *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. – Глава 2: Логические предпосылки всякой методологии / подгот. текста А.В. Малинова,

Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 327–365.
DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365

13. Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н. И. Кареева // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 236–247. DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-236-247

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ» О. ШПЕНГЛЕРА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. *Рассматриваются интерпретации в гуманитарной мысли XX столетия культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера, изложенной в его главной труде «Закат Европы». Утверждается мысль о том, что культурно-историческая концепция Шпенглера изначально воспринималась в гуманитарной мысли XX в. преимущественно как творение дилетанта-одиночки, однако во второй половине столетия отношение к философии истории Шпенглера стало постепенно меняться в пользу признания его существенного вклада в развитие исторического и философского познания.*

Ключевые слова: *Освальд Шпенглер, «Закат Европы», гуманитарная мысль.*

В 1918 г. исполнилось столетие со дня выхода одной из самых известных трудов гуманитарной мысли XX столетия – первого тома «Заката Европы» немецкого философа, культуролога и историка Освальда Шпенглера (1880–1936). Как показало время, труд никому не известного дилетанта-мыслителя при всей его антиакадемичности, начиная от заглавия самой книги, содержал набор разнообразных идей и интуитивных догадок, которые со временем оказали значительное влияние на различные сферы гуманитарной мысли. Однако восприятие «Заката Европы» изначально оказалось весьма неоднозначным в академических кругах, в которых основные идеи Шпенглера вызывали противоречивую реакцию. То, что Шпенглер являлся «Enfant terrible» (ужасное дитя) западной гуманитарной мысли XX столетия, не вызывало сомнений даже у тех интеллектуалов, которые с интересом и благосклонно отнеслись к его идеям. Принципиальный противник академизма, хотя и с дипломом профессионального философа и математика, надменно смотрящий на современную ему академическую науку, претендующий ни много ни мало на «коперниканское открытие в области истории» [1. С. 147], Шпенглер, безусловно, стоит особняком в контексте германской и западной гуманитарной мысли прошлого столетия, не вписываясь ни в одно из ее направлений и течений. Сам Шпенглер сознатель-

но культивировал образ мыслителя-одиночки, стоящего «над схваткой».

«Спор о Шпенглере» с 1919 по 1922 г. проходил преимущественно в немецкоязычном пространстве. Критика ряда маститых гуманитариев, в частности известных и авторитетных историков Э. Трельча и Ф. Мейнеке, привела к отторжению идей Шпенглера в академической среде на долгое время. Первоначальные итоги дискуссии вокруг первого «Заката Европы» подвел в 1922 г. историк Манфред Шрётер в книге «Спор о Шпенглере». Соглашаясь со многими критиками «Заката Европы» из различных предметных областей (история, археология, метафизика и т.д.), Шрётер тем не менее пытается также встать на точку зрения Шпенглера. Не потому что он, по его мнению, прав в своих выводах, а потому что «в проблеме Шпенглера у нас, кажется, есть возможность пропустить важные вопросы культурно-критического самопознания нашего времени через универсальный синтез, данный автором, возможно, более глубокого порядка, чем мы сами предполагаем. Таким образом, влияние этой книги как феномена времени имеет определенное значение для культурного осознания настоящего» [2. С. V]. В начале 1920-х гг. острую полемику книга Шпенглера вызвала в Советской России. Философы Серебряного века усмотрели в культурно-исторической концепции «Заката Европы» отзвук многих своих идей о закате культуры (как, например, Н.А. Бердяев), напротив, представители формирующейся марксистской философии исторического материализма увидели в идеях Шпенглера яркое отражение идейного и духовного кризиса буржуазной культуры. Этот подход к философии истории Шпенглера надолго стал преобладающим в советской гуманитарной мысли.

В 1930–1940-х гг. полемика вокруг «Заката Европы» прекратилась. В нацистской Германии на имя и труды Шпенглера был наложен негласный запрет, в советской гуманитарной мысли его начали относить к идейным предшественникам национал-социализма, западная гуманитарная мысль продолжала критически оценивать его философию истории и культурологию. Основатель школы «Анналов» Л. Февр характеризовал содержание «Заката Европы» бойко раскрашенными картинками и объяснял популярность книги исключительно литературным дарованием Шпенглера и его позой пророка [3. С. 71].

И все же, несмотря на общую негативную оценку интеллектуального наследия Шпенглера, в 1940–1950-х гг. начинает развиваться тенденция интеграции культурно-исторической концепции автора «Заката Европы» в контекст гуманитарной мысли первой половины XX столетия. Первым, кто попытался это сделать, стал известный британский философ-неогегельянец, историк и методолог истории Р. Дж. Коллингвуд. В своем самом известном труде «Идея истории», написанном в годы войны и вышедшем первым изданием в 1946 г., Коллингвуд включил Шпенглера в разряд современной немецкой научной истории наряду с такими значительными именами германской гуманитарной мысли, как В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Зиммель, В. Дильтей. В 1949 г. выходит известная работа немецкого философа К. Ясперса «Истоки истории и ее цель». Ясперс представил, по его словам, свою философско-историческую концепцию в пику аналогичным концепциям Шпенглера, Тойнби и немецкого философа, социолога и культуролога Альфреда Вебера. Он считал, что эти три вышеназванных им мыслителя-современника создали оригинальные и всеохватывающие картины исторического развития [4. С. 31]. В 1952 г. выходит первое англоязычное исследование Генри Стюарта Хьюза «Освальд Шпенглер. Критическая оценка». По мнению Хьюза, Шпенглер был представителем иррационализма в философии, чье несравненное историческое воображение позволило ему проиллюстрировать сравнение между нашей ныне убывающей культурой и теми, которые уже распались [5. С. 71].

Важное место в возвращении идей Шпенглера в интеллектуальный дискурс занимает историк Антон Мирко Коктанек, который, работая с архивом Шпенглера, хранящимся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, не только издал его неопубликованные труды, но и написал первую фундаментальную монографию о Шпенглере [6]. Автор изначально не претендовал на фундаментальное академическое исследование жизни и творчества Шпенглера. Книга представляет собой достаточно подробную биографию с элементами анализа основных философско-исторических и политических идей Шпенглера. Философию истории «Заката Европы» Коктанек поместил в контекст эпохи, полагая, что культурно-историческая концепция Шпенглера стала одним из ярких достижений гуманитарной мысли первой половины XX столетия.

После труда Коктанека, получившего широкую известность, критика интеллектуального наследия Шпенглера стала уступать место его

аналитическому осмыслению. В год столетия со дня рождения автора «Заката Европы» вышел сборник статей «Шпенглер сегодня». Один из авторов сборника политический философ Герман Люббе в предисловии, отмечая дату столетия со дня рождения Шпенглера, писал о том, что эта дата важный рубеж в оценке его наследия. «В долговременном влиянии идей Шпенглера едва ли приходится сомневаться. Причем вне зависимости от политической и философской оценки его произведений», утверждал Люббе [7. С. VII].

Среди исследователей, которые внесли вклад в изучение интеллектуального наследия Шпенглера, необходимо назвать французского историка и философа Жилбера Мерлио, автора многочисленных работ, в которых рассматриваются различные аспекты культурно-исторической и политической концепции Шпенглера. В 1984 г. вышло первое издание ставшей уже классической монографии «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем рейхе» американского политолога Джеффри Хэрфа, создателя концепции «реакционного модерна» [8]. Хэрф рассматривал философско-исторические и политические взгляды Шпенглера в синтезе друг с другом, резонно полагая, что они взаимообусловлены. По мнению Хэрфа, и название, и содержание самой известной работы Освальда Шпенглера «Закат Европы» выдают его как одного из главных представителей антицивилизационных настроений культурной критики в Веймарской республике. Она изобилует знакомым каталогом антимодернизма, но также выявляет тему, которая получила дальнейшее развитие, а именно: примирение романтических и иррационалистических настроений с идеями технического прогресса немецкого философа и биографа Шпенглера Детлефа Фелькена, автора известной монографии «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой» [9].

В отечественной гуманитарной мысли, как мы уже отметили выше, философия истории Шпенглера, как и в целом его интеллектуальное наследие, воспринимались в контексте реакционных тенденций буржуазной исторической и политической мысли. Однако во второй половине XX столетия отношение к идеям автора «Заката Европы» в советской гуманитарной мысли начинает постепенно меняться. Большую роль в этом сыграли С.С. Аверинцев, К.А. Свасьян, Г.М. Тавризян. Среди современных исследователей творчества Шпенглера следует отметить Б.Г. Могильницкого, В.В. Афанасьева, О.Э. Терехова, С.В. Аргамошина.

Восприятие культурно-исторической концепции Шпенглера в гуманитарной мысли XX столетия прошло определенную эволюцию: от тотального неприятия в академической среде до признания и возникновения различных подходов ее интерпретации. Во второй половине XX в. культурно-историческая концепция «Заката Европы» постепенно вошла в контекст мировой гуманитарной мысли. Она стала неотъемлемой частью гуманитарного исторического и философского дискурса. В конечном итоге «неакадемичный Шпенглер» стал классиком гуманитарной мысли.

Литература

1. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
2. *Schroeter M.* Der Streit um Spengler. Kritik seiner Kritiker. – München, 1922. – VII. – 168 S.
3. *Февр Л.* От Шпенглера к Тойнби // Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 527 с.
5. *Hughes H. Stuart.* Oswald Spengler: A Critical Estimate. – New York: Scribner's, 1952. – 176 p.
6. *Koktanek A.M.* Oswald Spengler in seiner Zeit. – München: Beck, 1968. – XXVII. – 523 S.
7. *Spengler heute* / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980. – XI. – 197 S.
8. *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Reprinted 1984. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 251 p.
9. *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. – München: Beck, 1988. – 340 S.

А.А. Попова

В БОРЬБЕ ЗА ВАВИЛОН: К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

Аннотация. *Рассматривается проблема утверждения теорий в поле исторической науки начала XX в. на примере панвавилонизма. Автор анализирует способы легитимации теории и причины ее отвержения научным сообществом.*

Ключевые слова: *панвавилонизм, ассириология, немецкая историография, Г. Винклер, А. Иеремиас.*

Панвавилонизм – теория начала XX в., появившаяся как попытка легитимации ассириологии в поле науки. Он может пониматься как направление исторической мысли, предполагающее влияние вавилонской культуры на культуры региона. Но тогда панвавилонизм будет являться искусственной историографической моделью, объединяющей разнородные концепции, авторы которых не идентифицировали себя с каким-либо определенным течением.

Мы в данной работе будем говорить о панвавилонизме как об универсальной теории, созданной двумя германскими учеными Гуго Винклером (1863–1913) и Альфредом Иеремиасом (1864–1935) для вычленения вавилонских элементов из спектра культур. Новая методология должна была предоставить знания для построения универсальной модели культуры, где существуют пракультура (вавилонская) и другие культуры мира, связанные с ней посредством определенного контекста. В историографии к панвавилонистам причисляли многих немецких ассириологов начала XX в., однако только Винклер и Иеремиас осознавали себя таковыми. Термин «панвавилонизм», по утверждению Иеремиаса, родился в ходе полемики вокруг его и Винклера теории, фигурируя в текстах как форма насмешки над ее авторами [1. S. 3].

Теория панвавилонизма была сформулирована в нескольких монографиях и брошюрах, ее содержание можно свести к следующим тезисам. По мнению ученых, вавилоняне представляли себе мир как материализацию единого Божества. Все мировые феномены – во-

площение Бога, и все законы, известные вавилонянам, тоже были открыты им [2. С. 56]. В миропонимании вавилонян особенно важным полагалось место вещи по отношению к этому Божеству. Ближе всего к нему находись звёзды, они являлись его главным воплощением, поэтому, изучая ночное небо, можно было получить и понять божественное откровение [Там же. С. 59]. Так Г. Винклер объяснял заинтересованность вавилонян в астрологии, так как знание небесного устройства являлось источником высшей мудрости. Исходя из этого, ученые приходили к мнению, что в основе вавилонской мифологии лежали наблюдения за звёздным небом.

Поскольку наблюдение за небесными светилами – занятие весьма сложное, в Вавилонии выделилась группа специалистов, умевших читать божественные знаки. Тем не менее большинство жителей страны были необразованны и понимать небо не могли. Для этого жрецами были составлены эпосы и мифы, которые в доступной форме объясняли простым людям сущность миропорядка [Там же. С. 126–127]. Тем самым все описываемые в мифах и легендах события – это аллегории движения небесных тел.

По мнению панвавилонистов, основные сюжеты космогоний мира в целом одинаковы, но все они выходят за рамки кругозора первобытного человека, поскольку являются абстракциями, основанными на реальных наблюдениях. В то же время знания первобытного человека не выходят за рамки окружающего его мира, а подобные абстрактные схемы может создать лишь научное знание, появившееся в рамках единственной на тот момент высокоразвитой культуры – вавилонской [Там же. С. 108–110]. Следовательно, все космогонические системы мира исходят из единого корня.

Винклер и Иеремиас полагали, что культура Ближнего Востока в древности была в целом унифицирована, а месопотамское влияние на соседей началось еще со времен Саргона Древнего, при том что сама вавилонская культура начала формироваться несколькими тысячелетиями ранее, в VI–V тыс. до н.э., т.е. еще до появления письменности [Там же. С. 12–13].

Позднее, вместе с политической экспансией ближневосточных государств, вавилонская культура стала распространяться по всему миру, так как, по мнению ученых, другие народы отставали в развитии от месопотамской цивилизации и были вынуждены воспринимать элементы ее культуры [Там же. С. 19–24].

Основная причина появления панвавилонизма заключается в том, что, несмотря на начинающийся кризис позитивистской парадигмы, конец XIX в. и начало XX в. – это период метатеорий, глобальных концепций, стремившихся объяснить мировые процессы в форме законов. Панвавилонизм, в сущности, был такой же теорией, но был создан для легитимации ассириологии как науки. Дело в том, что к концу XIX в. в научном мире закрепилось мнение, что эта дисциплина является подсобной для библеистики и нужна только для подтверждения информации священных текстов. Однако по мере развития ассириологии появилась целая группа ученых (Ф. Делич (1850–1922), Ф. Хоммель (1854–1936), отчасти П. Хопт (1858–1926) и др.), полагавших, что познавательный потенциал этой науки гораздо шире. Создав метатеорию, доказывавшую влияние Вавилона на другие культуры мира, панвавилонисты стремились показать эвристические возможности ассириологии и тем самым утвердить ее независимость от библейских исследований.

Эту позицию можно проследить, изучив непосредственно работы панвавилонистов. В первую очередь, необходимо отметить ярко выраженную агрессию их памфлетов и четкое обозначение в них противоборствующих сторон: панвавилонисты как лидеры новой науки – и всевозможные библеисты как представители устаревшей науки.

Так, основной из программных памфлетов панвавилонистов состоял из двух частей, одна из которых была написана Винклером, другая – Иеремиасом, и носил общее название «В борьбе за Древний Восток» [1, 3]. Уже само название, а ещё в большей мере их содержание, базирующееся главным образом на неприятии, отчасти высмеивании точек зрения критиков, указывало на избранный авторами воинственный, враждебный тон ведения научного спора. Этот тон родился не в запале полемики, а был выбран совершенно осознанно под влиянием публичных лекций Ф. Делича «Вавилон и Библия», которые привлекли огромное внимание общественности и вызвали шквал критики [4–6]. Именно этого эффекта и добивались панвавилонисты. Как писал Иеремиас, в зависимости от конкретного случая ими будут применяться агрессивные и защитные формы полемики [1. S. 5]. И действительно, авторами использовался целый спектр таковых. Обратим внимание, что резкость в высказываниях была характерна для большинства ассириологов данного периода, однако в нарративе панвавилонистов достигла высшей точки.

Более мягкий в своих высказываниях Иеремияс в качестве самозащиты против критики ветхозаветников писал: «Недопустимо, когда серьезные работы людей, вкладывающих свои силы в изучение этих вещей (астральных концепций. – *А.П.*) оцениваются как «уловки» теми, кто не посчитал необходимым ознакомиться с фактами» [1. S. 6]. Это прием уничтожения противника, когда Иеремияс сознательно принижает статусных ученых, пользовавшихся в те времена большим авторитетом, указывая на недостаточность их знаний и, соответственно, некомпетентность.

Тот же прием, но в более острой форме использовал Винклер: «Это учителя молодежи, которую они поучают поверхностными, хотя и авторитетными суждениями о тех вещах, какие они сами не в силах понять» [3. S. 4]. Но в рассуждениях Винклера фигурирует еще один мотив, важный для нашего анализа: ученый полагает, что библеистика, наука, застывшая во времени, тормозит развитие современной науки. Ведь «старые» ученые по-прежнему обучают молодежь, втолковывая им устаревшие знания. В итоге Винклер своими выпадами буквально уничижает интеллектуальные способности ученых старой школы [Ibid. S. 4–11].

Помимо данного приема, в полемике панвавилонисты использовали сарказм [Ibid. S. 8], доведение до абсурда концепций противников [Ibid. S. 6], искусственное увеличение круга своих сторонников (в концепциях авторитетных учёных обращалось внимание на совпадение с элементами панвавилонистской теории при игнорировании существенных различий) [1. S. 9–10] и др.

Винклер и Иеремияс так пренебрежительно относились к ученым «старой» школы, поскольку полагали, что именно за ними, панвавилонистами, будущее науки, в то время как вести правильную научную полемику со «старыми» учеными не имеет смысла, так как их методы давно и безнадежно устарели, потому-то к их мнению прислушиваться совершенно не обязательно. Винклер обвиняет ученых старой школы в том, что они, получив классическое, крайне медленно менявшееся с эпохи средних веков образование, пытаются с помощью полученных навыков изучить новые источники, которые невозможно постигнуть таким образом, и даже критикуют его попытки подойти к новому материалу с позиций другой методологии. Например, отвечая на критику немецкого священника-иезуита Ф. Куглера и профессора библейской экзегетики Г. Грессмана, ученый пишет, что они рассуждают о неизвестных вещах с большой

уверенностью, которая происходит не из качества их научных штудий, а из убежденности в правильности используемого ими метода и риторики старой школы [3. S. 5].

Интересно, что в этой полемике четко прослеживается мысль не о мирном сосуществовании ассириологии и библеистики, а о фактическом искоренении «ветхозаветной науки», поскольку та не отвечает современному уровню знаний.

Критика панвавилонистов была направлена не только на ветхозаветников, но и в целом на принцип работы историков того времени. Иеремиас выступал против ученых-гегельянцев, поскольку те полагали, что всё существующее в мире и даже Бога можно объяснить с позиций разума, т.е. с точки зрения рационализма западной культуры. Однако восточные культуры, более того, древнейшие, совершенно не поддаются такому анализу, к их изучению необходимо применять иной подход [Ibid. S. 18].

Таким образом, можно говорить о том, что панвавилонисты предлагали довольно новаторский подход к исследованию религии Древнего Востока. Он заключался в отказе от единой методологии в исторической науке, от рационалистической оценки любого явления без учета его специфики и от европоцентризма в целом. Новый подход сосредоточивался на рассмотрении объекта в контексте взаимовлияний и взаимоотношений в пространстве и времени при условии применения междисциплинарного подхода (хотя, конечно, в это время он понимался весьма узко) и сравнительного метода.

Тем не менее панвавилонизм был отвергнут: отчасти из-за чересчур агрессивной пропаганды, отчасти из-за недостаточной проработанности самой теории. Этим грешили многие ассириологи того времени. Стремясь как можно скорее обработать поступающий в руки ученых в результате раскопок многочисленный источниковый материал, ассириологи часто озвучивали «сырые» теории, которые были вынуждены впоследствии серьезно корректировать [4–8]. Однако, как мы показали, Винклер и Иеремиас не принимали никакой критики, а необходимость вести постоянную полемику отвлекала от доработки теории. В результате после смерти Винклера Иеремиас в одиночку не смог продолжить данную программу, а панвавилонизм под ударами критики был признан ненаучным и забыт.

Литература

1. *Jeremias A.* Im Kampfe um den Alten Orient. Die Panbabylonisten Der Alte Orient und die Ägyptische Religion / A. Jeremias. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1907. – 65 S.
2. *Винклер Г.* Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества / Г. Винклер; пер. с нем. А.И. Певзнер, под ред. Н.М. Никольского. – М.: ФАРОСЪ, 1913. – 171 с.
3. *Winckler H.* Die jüngsten Kämpfer wider den Panbabylonismus / H. Winckler. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1907. – 79 S.
4. *Delitzsch F.* Babel und Bibel. Ein Vortrag / F. Delitzsch. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1902. – 78 S.
5. *Delitzsch F.* Babel und Bibel. Zweiter Vortrag / F. Delitzsch. – Stuttgart und Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1903. – 48 S.
6. *Delitzsch F.* Babel und Bibel. Dritter Vortrag / F. Delitzsch. – Stuttgart und Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1905. – 69 S.
7. *Hommel F.* Ethnologie und Geographie des Alten Orient / F. Hommel. – Berlin: C. H. Beck, 1926. – 1108 S.
8. *Haupt P.* The Aryan Ancestry of Jesus / P. Haupt // The Open Court. – 1909. – № 4. – P. 191–204.

Л.В. Дояр

**РЕТРОКОНСТАТАЦИИ КАК ПУТЬ К ОБЪЕКТИВНОМУ
ИСТОРИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ
(НА МАТЕРИАЛАХ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ УКРАИНЫ)**

***Аннотация.** Статья поднимает проблему использования забытых научных констатаций. Автор утверждает, что объективное, всестороннее изучение истории невозможно без уважительного отношения к исследовательским интерпретациям предыдущих поколений. На конкретных примерах из отечественной историографии столетней давности автор демонстрирует конъюнктурные колебания исторической науки современной Украины, приведшие к тотальному искажению событийных образов и персоналий нашего прошлого.*

Ключевые слова: *Книжная палата Украины, Государственный архив печати, фонд хранения, источник, периодика.*

В текущем году Книжная палата Украины имени Ивана Федорова отметила свой столетний юбилей. Следует заметить, что солидная дата отразилась не только на объемах единиц хранения в Государственном архиве печати – главном структурном подразделении Палаты – но и на содержательной составляющей его книжного и периодического фондов. За годы своего существования учреждение накопило огромное количество литературы самого разного статуса, которую, по мнению автора, можно рассматривать как неиссякаемый источник для современных исторических исследований.

Изучая фонды хранения Государственного архива печати, мы обратили внимание на факты вопиющего несоответствия научных констатаций столетней давности тем, которые безраздельно господствуют в современной исторической науке Украины. Речь прежде всего идет о фундаментальных научных позициях и оценке тех событийных образов и персоналий, на основе которых, в сущности, сформирована историческая мифологема постсоветской Украины.

Данная проблема представляется особо важной не только в контексте торжества научной истины, но и в силу того обстоятельства, что искаженный облик исторического прошлого хронически опасен для построения суверенного украинского государства. На основе последнего в гражданском обществе Украины утвердились извращен-

щенные представления о модели нравственного поведения. Более того, принцип допустимости моральных отклонений на уровне массового сознания подается как норма и определенной частью украинского общества воспринимается как правильный, принципиально новый стандарт общественной нравственности.

По мнению автора, за годы постсоветского развития в Украине произошла полномасштабная трансформация духовной среды, которая, по безапелляционной форме и кавалеристским методам своего осуществления полностью солидаризируется с процессом формирования новой общественной морали в условиях победы пролетарской революции 1917 г. Методы ныне запрещенной законом о декоммунизации коммунистической партии в деле формирования советской ментальности взяты на вооружение и успешно используются в гуманитарном секторе управленческого аппарата современной Украины.

Первой жертвой такой духовной политики стала, разумеется, историческая наука. Так, в фондах Государственного архива печати сохраняется большое количество исторической литературы столетней давности, озвученные утверждения которой входят в противоречие с современными научными констатациями. И что самое удивительное, это по большей части никак не связано с политическими убеждениями тогдашних авторов. Достаточно сказать, что идейные сторонники и даже непосредственные участники украинского национального движения 1917–1921 гг. крайне негативно оценивали иконизированную в сегодняшней Украине личность гетмана Ивана Мазепы (1687–1708). В устах президентов Украины упоминания об этом деятеле звучат уже традиционно как пример безукоризненного служения своему народу и стране. Между тем украинские историки XIX – начала XX в. трактовали образ Мазепы совершенно иначе.

Один из основателей Западно-Украинской Народной Республики (1918) Ленгин Цегельский называл Ивана Мазепу еретиком-предателем, обвиняя его в переходе на сторону носителей лютеранской веры [1. С. 103]. В трактовке Л. Цегельского, Мазепа молниеносно терял свой исторический вес при сравнении с кошевым атаманом Костей Гордиенком. Последний был демократом, близким и понятным народу, опиравшимся на простолюдинов, Мазепа же как изнеженный аристократ опирался исключительно на казацкую зажиточную верхушку [Там же. С. 101].

Член Украинской Центральной Рады (1917–1918) Павел Клепатский подчеркивал антинародную сущность внутренней политики

гетмана [2. С. 15]. В ответ на это народ люто ненавидел Мазепу, вследствие чего режим его власти удерживался на российских штыках [Там же. С. 15]. Исходя из этого, переход Мазепы на сторону Карла XII Клепатский объясняет банальной расчетливостью и желанием во чтобы то ни стало удержаться при власти. Клепатский, в частности, пишет, что Мазепа, оценив шансы Петра I в Северной войне, решил присоединиться к шведскому королю, ибо «кто-то же должен был защищать его власть от разгневанного народа: что же будет с ним, размышлял Мазепа, если москали перестанут поддерживать его своими копьями против народа? Решение могло быть только одно – как можно быстрее присоединиться к Карлу XII» [Там же. С. 15–16]. Клепатский называет Мазепу авантюристом, объявляет его виновным в разгроме Меншиковым гетманской столицы Батурин. В конечном итоге автор добывает личность Мазепы тем, что пишет о его человеческой непорядочности. Историк подчеркивает, что, став гетманом благодаря доносу на своего предшественника Ивана Самойловича, Мазепа принял участие в разграблении его имущества, которым он бесстыдно расплатился с царским вельможей Голицыным, «отблагодарив» последнего за содействие в своем избрании гетманом [Там же. С. 14].

Широко известный украинский историк Григорий Коваленко (он же Григорий Гетманец) цитировал мысли простого народа в отношении Мазепы: «Не будет у нас добра, пока сей гетман жив будет, ибо сей гетман одно с царем понимает. Царь в Москве своих уничтожает, а гетман доводит до уничтожения Украину» [3. С. 82]. Коваленко отрицает авторство Мазепы в одной из приписываемых ему патриотических дум. Текст последней написан чужой, немазепиной рукой, а авторство этого антироссийского произведения Кочубей приписал Мазепе умышленно, дабы очернить его перед Петром I [Там же. С. 87]. Стремясь подчеркнуть неприглядность личности Ивана Мазепы, Коваленко, для контраста, пишет о Семене Палие, которого «народ любил», ибо он был альтернативой гетманам, заботившимся только о собственной власти. От страха потерять булаву «Мазепа хитростью заманил к себе Палия, арестовал его и отослал в Москву» [Там же. С. 83].

Как видим, исходя из исследовательских констатаций патриотически настроенных украинских историков начала прошлого века, личность Ивана Мазепы вряд ли подходит на роль удачного примера в нравственном воспитании современного украинского общества. С

героями подобного покроя строительство суверенной Украины ограничивается лишь поиском сюзерена, что, собственно, мы и имеем несчастье наблюдать.

Не менее сенсационно в контексте сегодняшнего дня выглядит и ретроконстатация относительно Акта соборности Украины, провозглашенного 22 января 1919 г. на Софийской площади в Киеве. Если современная историческая наука трактует это событие как политически неизбежное объединение УНР во главе с Симоном Петлюрой и ЗУНР во главе с Евгением Петрушевичем, к тому же инициированное лидерами ЗУНР, которые рассчитывали на помощь Петлюры в борьбе против Польши, то украинофильская версия этого события, высказанная почти сто лет назад, выглядит совершенно иначе. По мнению тогдашнего автора П. Бензи, лидеры ЗУНР категорически избегали подписания этого документа, так как боялись поссориться со странами Антанты. УНР, в отличие от ЗУНР, была ориентирована на страны Четвертного блока [4. С. 349]. Кроме того, союз с УНР означал для ЗУНР сближение с очагом пролетарской революции, чего Антанта всячески избегала, стремясь создать из Западной Украины своеобразный санитарный кордон. Понимая это, основатели ЗУНР свято берегли договоренности со странами, входившими в блок Антанты. Следует также добавить, что западноукраинские политические деятели, в частности Лев Бачинский, говорили о принципиальной невозможности объединения с восточными украинцами по религиозным соображениям: западные украинцы – униаты, а восточные – православные [Там же]. В результате Акт соборности Украины стал возможным лишь под давлением народных масс, стремившихся к объединению с Великой Украиной. Важно заметить, что ситуативность действий лидеров УНР и ЗУНР подтверждается и тем фактом, что Симон Петлюра не только не стал защитником западноукраинских земель, но и без особых терзаний отдал их «дружественной» Польше в обмен на собственное признание. Очевидно, что тогдашнему настроению лидера Директории сегодняшний пафос события был чужд, а возможно, и ментально непонятен. Фактором тяготения ЗУНР к Антанте можно объяснить и активное сотрудничество западных украинцев с белогвардейцами, тогда как Петлюра называл этот союз откровенным предательством национальных интересов Украины. Таким образом, озвученная интерпретация этого события открывает новые грани, новые пласты для исследования.

Следует заметить, что подобных исторических сюжетов на полках Государственного архива печати хранится великое множество. Забытые факты и их констатирующие оценки и обобщения, на наш взгляд, нуждаются в изучении и приобщении к существующей историографии. С позиций методологии исследования данные ретроконстатации прокладывают путь к утверждению объективного исторического анализа.

Литература

1. *Цегельський Л.* Русь-Україна та Москівщина-Росія / Л. Цегельський. – Полтава: Друкарня Я.Е. Брауде, 1917. – 186 с.
2. *Клепатський П.Г.* Конспект лекцій по історії України / П.Г. Клепатський. – Одеса: Б.в., 1918. – 32 с.
3. *Коваленко Г.А.* Оповідання з української історії для початкових шкіл / Г.А. Коваленко. – Черкаси: Вид-во тов-ва «Сіач», 1918. – 120 с.
4. *Бензя П.* До X роковин ЗУНР / П. Бензя // Глобус. – 1928. – № 22. – С. 348–349.

И.С. Менщиков

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. *Рассматривается проблема актуальности исторического исследования и её обоснования с точки зрения теории и методологии исторической науки. Опираясь на творческое наследие Б.Г. Могильницкого, активно работавшего эту проблематику в 70–80-е гг. XX в., автор отмечает необходимость обоснования научного исторического исследования исходя из следующих составляющих: новизна и востребованность со стороны научного сообщества; обеспеченность источниками; наличие научной проблемы. Исследования, написанные в конъюнктурных целях, подлинной научной актуальностью не обладают.*

Ключевые слова: *методология истории, теория истории, категории исторической науки, социальные функции истории, актуальность.*

Одной из заслуг выдающегося историка и методолога истории Б.Г. Могильницкого может считаться разработка им проблемы актуальности в историческом исследовании. Следует отметить, что в рамках господствовавшей в советской историографии так называемой марксистско-ленинской парадигмы было очень сложно заниматься теоретическими проблемами исторического знания, поэтому большинство историков занимались эмпирическими исследованиями с опорой на широкую источниковую базу [1. С. 63–64]. Актуальными считались работы, посвященные классовой борьбе, освободительным движениям и видным представителям таких движений, приоритет отдавался достаточно скучным, хотя и добротным исследованиям социальной истории [Там же. С. 64]. Исходя из этого, особого теоретического обоснования актуальности исторического труда не требовалось, необходимо было подкрепить определенным количеством цитат классиков марксизма-ленинизма и историческими решениями очередного съезда КПСС. Поэтому обращение Б.Г. Могильницкого к разработке методологии истории и, в частности, проблемы актуальности исторического исследования было для своего времени шагом не только новаторским, но и смелым. В своей монографии, посвященной природе исторического познания, он уделил

большое место проблеме актуальности исторической науки и конкретного исторического исследования. Он обратил внимание на то, что актуальность исторической науки означает её полезность и значимость для общества и составляет обязательное условие самого функционирования этой отрасли знания. Как отмечал Б.Г. Могильницкий, «не всякая работа по истории является актуальной для своего времени, но историческая наука в целом не может быть не актуальной» [2. С. 157].

Такое понимание уходит корнями в трактовку истории как учительницы жизни, когда прошлое может дать ответы на вопросы, которые волнуют современных людей. В этой связи появлялось и появляется немало исторических работ, авторы которых пытаются в той или иной мере удовлетворить этот интерес. Так, в конце 1980-х гг. появилась масса исторических трудов (в том числе и вполне солидных), посвященных культуре личности Сталина, критике сталинизма и тоталитаризма. 90-е гг. XX в. ознаменовались появлением исследований по истории раскулачивания, Гражданской войны, революции 1917 г. В наше время вызывают научный интерес проблемы государственности, парламентаризма и др.

Актуальность научного исследования означает востребованность его обществом. Актуальность в технических и естественных науках означает близость к важным задачам дня, практическую применимость для их решения. Впрочем, и здесь, как показывает опыт, далеко не всегда весьма актуальные вопросы встречали всеобщее понимание и поддержку. В истории определение актуальности сопряжено с еще большими трудностями, а нередко и разногласиями. «Порой актуальное звучание приобретают работы, в свое время не привлекая к себе внимания. Чтобы можно было правильно и по достоинству оценить важность и актуальность исторического исследования, нередко бывает необходимо известное время. Актуальными подчас оказываются такие вопросы и темы, которыми историки занимаются давно и которые казались решенными. В новой обстановке прошлое часто поворачивается новыми, незамеченными ранее сторонами и мы начинаем видеть то, чего ранее не замечали. Каждое поколение открывает в прошлом что-нибудь новое для себя», – отмечает Н.А. Ерофеев [3. С. 116].

Актуальность исторического исследования также предполагает, что оно нужно обществу. Поскольку оно, это исследование, как и вся историческая наука, не приносит прямой утилитарной пользы,

актуальность надо понимать скорее как интерес общества или его части к той или иной исторической проблеме.

Актуальность исторического исследования в настоящее время трактуется не только как связь настоящего с прошлым и умение находить в исторической реальности ответы на злободневные проблемы наших дней, но и аргументированно сформулированная исследователем проблема и обоснованное решение её согласно требованиям научного сообщества [4. С. 13]. Однако в каждый конкретный момент истории есть исторические вопросы, которые уже не актуальны, и есть такие, которые актуальны. Первые уже набили оскомину, вторые же находятся в самом центре внимания историков. Следовательно, научный статус вопросов определяется их включенностью в поле современной проблематики корпорации. Не все они одинаково легитимны [5. С. 23].

Благодаря представителям школы «Анналов», общим местом в историографии стало утверждение, что всякое исследование начинается с установки существования какой-либо проблемы. Это позволяет выделить неизвестное в предмете исследования. Вопросы, которые возникают в ходе постановки проблемы, составляют основу исследовательской задачи. Здесь важно заметить, что могут существовать и псевдопроблемы, т.е. искусственно поставленные вопросы, решение которых не имеет ни практической, ни научной значимости [6. С. 221]. В историческом знании существовало и существует довольно много «проблем» подобного рода.

Рассматривая проблему актуальности исторического исследования в этом свете, следует сказать несколько слов о конъюнктуре и конъюнктурщине. Исторические исследования, нередко малонаучные, на злобу дня по принципу «утром в газете – вечером в куплете», всегда были присущи некоторым историкам. Это сослужило недобрую службу исторической науке, которую нередко упрекали и упрекают в прислуживании политике и обслуживании политиков. Эти упреки обоснованы, и вряд ли история когда-нибудь сможет избавиться от оснований для таких упреков. Вместе с тем умный, грамотный историк, который позиционирует себя как ученого, вряд ли даст увлечь себя ветру конъюнктуры. Новые модные поветрия привлекут внимание к очередной «проблеме», о которой при смене моды вскоре никто и не вспомнит. Итак, историк должен опасаться конъюнктурщины и четко понимать различие актуальности и научной «моды». Для советской историографии был характерен интерес

к так называемой «современной истории», т.е. к тому, что удалено от нас всего на несколько лет во времени. Еще Н.А. Ерофеев предостерегал от увлечения такими темами: «Существуют две ошибки в понимании актуальности исторического труда. Одна из них – представление, что лучшему пониманию настоящего может помочь только такой труд, в котором рассматриваются явления прошлого, сходные или во всяком случае сопоставимые с настоящим... Другая ошибка в понимании актуальности – отождествление ее с хронологической близостью к нашим дням. В действительности актуальным историческим исследованием может быть работа, посвященная любому явлению прошлого, даже самого отдаленного» [3. С. 120–121]. Эта традиция сохранилась и в постсоветское время, хотя количество исторических работ, посвященных данной теме, несколько сократилось. Для современной западной историографии, как аргументированно отмечает известный французский историк М. де Серто, характерен принцип разрыва между прошлым и настоящим. Он также настаивает на дистанцировании историка от его настоящего [7. С. 128–129].

Другое понимание проблемы актуальности восходит к позитивизму с его культом документа. Для этого подхода характерна связь актуальности с открытием и введением в научный оборот новых документов. Именно обнаружение неизученного или малоизвестного источника вызывало бурный всплеск интереса к нему, проблеме авторства, датировки, происхождения и т.д. Интерпретации и толкованию источника также уделялось большое внимание. После этого источник считался изученным и к нему пропадал интерес. Во многом под влиянием школы «Аналлов» в поле зрения историков попали источники, которые обычно игнорировались историками: деловая переписка, счета, бухгалтерская документация. Но и этот пласт источников в целом был поднят к 1970-м гг. Как остроумно заметил один французский историк, вряд ли осталась (во всяком случае во Франции) хоть одна портовая книга, хоть один счет, которые не были бы изучены последователями Ф. Броделя. Во второй половине XX в. появление большого круга новых источников стало редкостью. Таким редким событием стало открытие так называемых свитков Мертвого моря, которое вызвало к жизни целую дисциплину – кумранологию. Второй удачей для историков стало открытие секретных архивов в СССР и странах Восточной Европы, которые так до конца и не обработаны по сей день. Таким образом, хотя нахож-

дение неизвестного документа и вовлечение его в научный оборот безусловно является важным аргументом в пользу научной актуальности исследования, но не может считаться решающим.

Наконец, в постмодернистской парадигме, которая оформилась в 70-е гг. XX в., в истории все актуально, поскольку все современно, все исторично, все относительно. Релятивизм и субъективизм постмодерна делают решающим критерием личные интересы и склонности историка.

В истории существуют так называемые «вечные темы», т.е. те, которые интересуют широкую общественность постоянно. Сюда относятся биографии выдающихся личностей, крупные войны и революции, некоторые другие. Так, число книг о У. Черчилле насчитывает несколько сотен и каждый год выходят еще одна-две. Конечно, не все они равноценны, но, судя по тому, как они раскупаются, можно сделать вывод, что личность, жизнь и политическая деятельность этого замечательного британского государственного деятеля по-прежнему интересуют читателей.

Обновление проблематики, являясь движущей силой развития исторической науки, не может, разумеется, подчиняться индивидуальным капризам историков, как отмечал Л. Февр [5. С. 23]. Новые вопросы сцеплены между собой, и один беспрестанно порождает другой. С одной стороны, коллективный интерес не стоит на месте, с другой – верификация или опровержение гипотез рождает новые гипотезы в рамках теорий, которые, в свою очередь, также не могут оставаться неизменными. Таким образом, исследование постоянно возобновляется. Как и список исторических фактов, список исторических вопросов не может иметь конца: историю всегда нужно будет переписывать заново [Там же].

Следует считаться и с источниками: насколько они могут помочь в раскрытии проблемы, насколько доступны, насколько часто они использовались и не слишком ли часто. Безусловно, надо учитывать и общественный интерес к выбранной теме, степень её изученности в исторической литературе, возможность по-новому её осветить. Однако можно отметить, что есть два круга исторических проблем, актуальность которых очевидна. Первый круг включает те проблемы, которые не изучались либо в силу того, что не были открыты источники (уже упомянутые свитки Мертвого моря, египтология после расшифровки иероглифов), либо потому, что никто не рассматривал проблему под этим ракурсом (школа «Анналов»). Во вто-

рой круг попадают проблемы, которые вызывают устойчивый интерес на протяжении многих лет или даже столетий, если эта проблема волновала людей несколько веков, вероятно, она будет интересна и нашим современникам. Это, например, причины падения Римской империи, Наполеон и Французская революция, мировые войны XX в. В связи с юбилеем, что обычно бывает каждые 5, 10, 25 лет, возникает интерес к какой-либо личности, сражению, явлению культуры, что влечет за собой более или менее полный поток исторической и околоисторической литературы. Не стоит сбрасывать со счетов и такое понимание проблемы актуальности, как связь настоящего с прошлым. Говорят, что история переписывается. Это действительно так, в этом нет ничего дурного. Ведь история не просто переписывается, как отметили И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в процессе переписывания видоизменяется прошлое. Настоящее не просто детерминирует историческую интерпретацию, оно тем самым формирует прошлое. Всякое изучение и осмысление прошлого осуществляется в контексте современности [8. С. 661].

Литература

1. *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 280 с.
2. *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 236 с.
3. *Ерофеев Н.А.* Что такое история. – М.: Наука, 1976. – 136 с.
4. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
5. *Фэвр Л.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 635 с.
6. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
7. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. – М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.
8. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

Н.А. Николаева

ОТ АРХЕОЛОГИИ К ИСТОРИИ (К МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА)

Аннотация. *Статья посвящена определению места археологии в ряду исторических наук согласно ФГОС, реальному соотношению таких дисциплин, как археология, этнография, история первобытного общества, всеобщая история, языкознание, связанной с этими вопросами проблеме преподавания курсов археологии на исторических факультетах, а также методике разработки авторского курса «Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию» и значению междисциплинарных исследований для реконструкции исторического процесса в первобытности.*

Ключевые слова: *археология, история первобытности, индоевропейская проблема, методика преподавания археологии.*

Целью статьи является уточнение места археологии в ряду направлений исторической науки, от чего зависит и выбор методики преподавания археологии на исторических факультетах, где нет археологического профиля подготовки [10. С. 251–255].

Наименование направления подготовки историков-аспирантов «История и археология» 46.00.00 [14], где археология как бы связана с историей, но и отделена от нее, дает повод задуматься, относится ли археология к историческим наукам. Такая формулировка возвращает нас к старой дискуссии, является ли археология самостоятельной или вспомогательной дисциплиной, а также в какой мере она является исторической наукой. В последние десятилетия к этой теме снова вернулись теоретики от археологии [6, 10], хотя обсуждение ее как будто не несет никакой видимой пользы. Но это на первый взгляд, и, как видим из вышеприведенной формулировки, археология оказалась противопоставлена истории. Историография вопроса о научном и историческом статусе археологии показывает подъем и спад интереса к нему, обусловленного весьма практическими и даже временами политическими задачами.

Прежде всего следует определиться, что, по общему мнению, археология, конечно, самостоятельная, а не вспомогательная научная дисциплина, поскольку имеет свой предмет изучения, специфици-

ческие вещественные источники и собственные методы исследования наряду с общеисторическими. Изучая череду событий *во времени* и пространстве, представленных через различные изменения комплексов ископаемой материальной культуры, археологи выражают события не в общеисторических, а в археологических категориях. Видимо, это и послужило составителям ФГОСов поводом для отделения археологии от истории в формулировке 46.00.00.

Понимание археологии как науки исторической ясно читается в ее первоначальном наименовании, возрожденном ныне в названии Петербургского института *истории материальной культуры*. В этом названии отражается историчность содержания и практики науки, и не возникает повода отделять ее от исторических наук, как это сделано в вышеупомянутой формулировке 46.00.00.

Однако только изменения материальной культуры во времени нельзя еще назвать историей, поскольку *в археологии, во всяком случае в доисторической, нет обозначения субъекта действия, творца истории*, а только наличие его является необходимым и достаточным условием, чтобы состоявшееся событие было названо историческим, а археология была бы признана разделом всеобщей истории.

Становление археологии в течение XX в. сопровождалось и поиском ее места в истории. Окончательно сформулированное историками представление об историческом процессе как смене общественно-экономических формаций определило место археологии в истории первобытно-общинной формации, и такое отношение сохранялось вплоть до начала 90-х гг., когда был закрыт и соответствующий сектор в Институте этнологии и антропологии РАН и свернули преподавание учебной дисциплины «История первобытного общества» в университетах.

До этого момента по умолчанию археология наряду с палеоэтнографией рассматривалась как историческая наука, будучи частью синкретичной дисциплины «История первобытного общества» (далее – ИПО). Археология включалась в ИПО в качестве источника для реконструкции древнейшего прошлого и как способ датирования современных этнографических обществ, находящихся на неизвестно какой хронологической стадии первобытности. Кроме того, «история первобытного общества» как синтезированная область знаний на основе двух наук – археологии и этнографии – может называться исторической наукой, поскольку есть *обобщенный субъект исторического действия – человеческое общество в целом*.

Однако история первобытного общества, реконструированная *по стадийному принципу*, не отражает адекватно первобытность во всем ее многообразии в отличие от изложения истории последующих общественно-экономических формаций, сочетающих *стадиальный и цивилизационный* подходы. Для целостности представления об эпохе первобытности необходимо знать, кроме истории первобытного общества, и конкретные научные дисциплины – этнографию и археологию. Это не исключает историю первобытного общества из учебного процесса, и как учебную дисциплину ее следует сохранять в базовом блоке соответствующих ФГОС, поскольку она служит введением для всех курсов истории, где рассматривается переход к государству.

«Цивилизационный» подход в археологии подразумевает изучение индивидуальных конкретных, хотя и не имеющих названия народов эпохи первобытности через основную категорию понятийного аппарата археологии – «археологическая культура». Различие между археологией, частично включенной в дисциплину ИПО, и собственно археологией состоит в том, что ИПО изучает *черты сходства* в развитии всего человечества как единого целого *на основании только выводов* из археологии и этнографии, тогда как археология и этнография *изучают черты различия* в развитии народов планеты *на основании собственных источников*. Существует и обратная связь: выводы ИПО по характеристике стадий нашли, в свою очередь, место в учебниках по археологии в качестве преамбулы к каждому этапу археологической периодизации. Таким образом, находясь в составе ИПО, *археология может называться исторической наукой*, и с этой точки зрения формулировка 46.00.00 неверна.

Междисциплинарные исследования *письменных и археологических источников* приводят к реконструкции этнокультурной истории [2, 4, 7–9]. И археология, являясь полноправной составляющей письменной истории, следовательно, имеет статус исторической науки. Субъектом действия выступают этносы. Этнонимами, обозначениями субъекта действия, являются иноназвания (например, скифы, киммерийцы, сарматы и др.), известные из книг античных авторов, таких как Геродот, Страбон, Иордан и др. Археология вкупе с письменными источниками реконструирует историю. И формулировка 46.00.00 не отвечает реальному положению дел.

Наконец, для изучения доисторической эпохи существует также междисциплинарная область, в которой взаимодействуют археоло-

гия и лингвистика, причем данные лингвистики направлены на определение субъекта действия в доисторической археологии. Реконструкция праистории и древней истории на основании данных лингвистики и археологии – это вершина исторического осмысления археологического материала. Для моделирования исторического процесса требовались дополнительные источники и учет данных всех гуманитарных наук. Представители каждого научного направления – археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, а на сегодняшний день к ним присоединились и палеогенетики – сосредоточились на разработке соотношения понятийного аппарата этих гуманитарных наук. Появились десятки определений археологической культуры [5, 6]; шли поиски в теории этноса и языка [1, 3]. Это позволило после длительного, более полувека, перерыва возобновить междисциплинарные сравнительно-исторические исследования, охватывающие данные всех гуманитарных наук. Но отсутствие консенсуса о степени эквивалентности понятий *культура* → *этнос* → *язык*, т.е. базовых понятий, которые объединяют археологию с этнологией, лингвистикой и историей, стало препятствием, мешающим осуществить переход от археологических категорий к историческим, переход от археологической истории к письменной истории и не позволяет обозначить в доисторической археологии субъекта действия в этно-лингвистических категориях. Мы не имеем сведений об этнонимах в отсутствие письменных источников. Это состояние этнической неопределенности охватывает многие археологические памятники Европы и Евразии вплоть до середины I тыс. до н.э. Для *доисторической* археологии заменой отсутствующих этнонимов может стать *обозначение носителя языка* как субъекта действия, если установить соотношение между материальной культурой и языком ее создателя. Для индоевропейской археологии задача установления субъекта исторического действия решается в рамках индоевропейской проблемы [2–4, 6, 11–13].

Часть исследователей-теоретиков считает, что нет эквивалентности в цепочке «культура – этнос – язык» [1, 3, 5], поэтому никакие историко-культурные реконструкции в междисциплинарном поле лингвистики и археологии невозможны. А следовательно, археология – наука не историческая [5, 6]. А вот к какому роду наук ее надо отнести, вопрос остался открытым.

Другие исследователи-практики, не обсуждая возможность и степень соотношения понятий трех наук, практически пользуются этим уравнением, считая, что за каждой материальной культурой

стоит ее создатель, поэтому археологическая культура – некий эквивалент какого-то этноса и языка. Очевидно, что всякий раз такая задача эквивалентности культуры, языка и этноса решается индивидуально. Нужно подчеркнуть, что фактор хронологии здесь играет большое значение; чем древнее эпоха, тем эти понятия «культура–язык» становятся ближе. Таким образом, археология имеет статус исторической науки, поскольку, во-первых, рассматривает историю материальной культуры; во-вторых, в союзе с этнологией образует дисциплину «История первобытного общества» (стадиальный подход); в-третьих, в союзе с лингвистикой образует дисциплину, которую можно назвать лингвокультурной историей [7].

Вторая проблема, о которой мы упомянули в качестве цели статьи, стал выбор методики преподавания курса археологии для неархеологического профиля подготовки [10]. Если археология, по названным причинам и по мнению ряда археологов, не может считаться исторической наукой, то за этим следует не менее актуальный вопрос, насколько уместно ввиду неопределенного исторического статуса археологии преподавание ее в классическом ключе, с перечислением сотен названий археологических культур, с их описанием и без исторических выводов, которые невозможно сделать без перевода чисто археологических категорий в исторические.

Чтобы обеспечить плавный переход от археологических категорий к историческим, прежде всего следовало определить субъект действия как носителя языка, эквивалентного культуре доисторических памятников Европы и Северной Евразии. Для атрибуции материальной культуры и привязки и ее к этносу требовалось точное соотнесение языка с археологической культурой, совпадение ареалов распространения и хронологии.

Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание развивается с начала XIX в., но вопросы индоевропейской прародины уже ставились с середины XIX в. [11]. Археология начала свое восхождение как наука с начала XX в., и с этого времени гипотезы об индоевропейской прародине разрабатывались уже в связке археологии и лингвистики. Методика соотнесения культуры и языка была выработана в рамках решения проблемы индоевропейской прародины [4, 12, 15]. Именно эта методика была взята на вооружение при составлении нами авторского курса «Основы археологии. Введение в индоевропейскую историю» [13]. Исходным положением стал тезис, что по данным лингвистики (словарь праиндоевропейской лек-

сики включает около 1 000 слов [4]), может быть восстановлен портрет праиндоевропейской культуры, включающий ландшафт, флору, фауну индоевропейской прародины и время распада праиндоевропейской общности (т.е. пранарода, который говорил на праиндоевропейском языке) [4, 13, 14]. Оказалось, что этот портрет соответствует портрету археологических культур V–IV тыс. до н.э. в регионе Северных Балкан и Среднего Подунавья [13, 14]. Распад праиндоевропейской общности вызвал миграции разных групп индоевропейцев, которые заселили не только Западную, но и Восточную Европу, дошли до Монгольского Алтая, Северо-Западного Китая. Кроме того, они проникли в Малую Азию и дошли до Евфрата. Этот процесс занял два тысячелетия 30–9 вв. до н.э. [9, 13]. За это время все индоевропейцы добрались до мест своего исторического обитания. Мы оперируем в изложении этих событий не археологическими культурами, не этнонимами, а наименованиями носителей языков. И этот факт позволяет воссоединить археологическую историю с письменной.

Однако со временем оказалось, что праиндоевропейскому языку предшествовали еще ранний праиндоевропейский язык в Малой Азии (Чатал Гюк–Иерихон «В» VIII–VI тыс.), который сформировался из бореального языка, на котором говорили предки праиндоевропейцев и носители уральских языков в финально-палеолитической Европе (Карпато-Полесская прародина «охотников на северного оленя» XII–IX тыс.) [9]. Археологию с IX в. до н.э. можно рассказывать как историю, поскольку с этого периода существуют античные и ассирово-вавилонские письменные источники, которые сообщают нам о народах на территории нашей страны.

Следовательно, основываясь на доказательстве эквивалентности языка соответствующей археологической культуре, мы предлагаем новый способ прочтения археологического курса как исторического, снимая разрыв между доисторией и письменной историей, а также удлиняем индоевропейскую, а значит, и нашу историю до IX тыс. до н.э.

Литература

1. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
2. *Гимбутас М.* Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. – М., 2006. – 570 с.

3. *Дыбо В.А.* Язык – этнос – археологическая культура // Язык, этнос, культура. – М., 1994.
4. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Т. 1–2. – 1328 с.
5. *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры // СА. – 1970. – № 2.– С. 37 и сл.
6. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – М., 1991. – 448 с.
7. *Николаева Н.А.* Лингво-археологические реконструкции как форма моделирования исторического процесса в первобытности // Историческое знание и интеллектуальная культура: матер. конф. Ин-та всеобщей истории РАН. – М., 2001.
8. *Николаева Н.А.* Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2009. – №1. – С. 162–174.
9. *Николаева Н.А.* Четыре прародины индоевропейцев в концепции В.А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2010. – С. 58–73.
10. *Николаева Н.А.* Организация археологии и археологическое образование // Клейн Л.С. Диалоги. Теоретическая археология и не только. – СПб.: Евразия, 2018. – С. 251–254.
11. *Сафронов В.А.* Проблемы индоевропейской прародины. – Орджоникидзе, 1983.
12. *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. – Горький, 1989. – 402 с.
13. *Сафронов В.А., Николаева Н.А.* Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию (Программа для исторических факультетов педагогических университетов). – М., 1999. – 66 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт . Направление подготовки аспирантов [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/7/4/7> (дата обращения: 27.05.2019).
15. *Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. – London: Thames@Hudson, 1989. – 288 p.

Д.Д. Крылова

ВОЗМОЖНОСТИ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОПУЛЯРНЫХ АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТОВ XVI–XVII вв.

***Аннотация.** Представлены результаты использования современных нарратологических приемов анализа текстов на базе исследования исторических источников – английских позднесредневековых памфлетов. В ходе анализа особого типа повествования, представленного на страницах популярных английских памфлетов, – нарратива об одержимости, были определены базовые стороны акта коммуникации данного нарратива – нарратор и наррататор, круг фактических авторов, фиктивных и конкретных читателей.*

Ключевые слова: нарратив, анализ, английский памфлет об одержимости.

Поиск новых вариантов анализа исторических источников, наиболее отвечающих запросам исследователя, – одна из основных проблем, решаемых в рамках исторической науки в целом. На сегодняшний день одним из магистральных направлений в изучении исторических источников является определение их коммуникативной природы и возможностей воссоздания части исторической действительности путем выявления дискурса данного источника, путем интерпретации его смыслового содержания [1. С. 119–120].

При этом существует необходимость изучения как внутренних связей текста источника (структуры текста, его формы, связей элементов внутри текста), так и его внешних связей (интерпретация смыслов и образов, заключенных в тексте, определение его адресности, контекстуальности). Наибольших успехов в этой области добились современная нарратология, которая активно привлекает в свой методологический инструментарий разработки ведущих специалистов в области структуриализма, текстологии, мотивологии, лингвистики, дискурсивного и гипертекстуального анализа текстов [2. С. 9].

К сожалению, апробация и применение методов нарратологии в большей степени сконцентрированы на материале анализа художественных произведений – поэтических форм, романов, повестей и рассказов. Вместе с тем объект нарратологии много шире, чем об-

ласть современного литературоведения. Сами нарратологи отмечают универсальность ее методологии, исходя из базового определения нарратива как повествовательной формы изложения событий или сюжета. Такой формой может быть не только поэма или повесть, но и любые произведения, в рамках которых представлена некоторая история или рассказ (кинофильм, видеоигра, картина, пьеса, балет). В целом отмечается возможность успешного применения методологии нарратологии и в исторических исследованиях, при анализе исторических текстов, большую часть из которых можно отнести к повествовательным или нарративным текстам, а значит, и изучать как таковые [3. С. 10; 4. С. 56–74].

Помимо повествовательности, важнейшим критерием нарративности текста является наличие в рассказе события (изменения некоторой исходной ситуации в изображаемом мире) или событийности рассказа, формирующего как сам рассказ, так и интригу этого рассказа (потенциальную смыслообразность событийного ряда, который различными его наблюдателями или участниками может быть увиден, понят и рассказан по-разному). Суть заключается в интригуемости читателя или слушателя, в человеческой способности проследивать историю, приобретенной через знакомство с повествовательной традицией. При этом интриги нарративных дискурсов формируют саму логику повествования, тяготеющую к некоторым основополагающим типам повествования или их комбинации / взаимоналожениям [3. С. 28].

В рамках современной нарратологии под нарративом понимается не просто некая структура или форма изложения событий, тяготеющая к повествовательности, но и особая коммуникационная ситуация, сформированная ею, а центральной проблемой, которую решает исследователь в ходе нарратологического анализа, становится определение акта коммуникации, совершаемого между нарратором произведения (рассказчиком, сквозь призму которого представлена данная история) и слушателем / читателем излагаемого повествования (получателем). «Повествовательное произведение – это произведение, в котором не только повествуется (нарратором) история, но также изображается (автором) повествовательный акт. Таким образом, получается характерная для повествовательного дискурса двойная структура коммуникативной системы, состоящей из авторской и нарраторской коммуникаций, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого ми-

ра». На каждом отдельном отрезке повествования могут возникать новые уровни коммуникативных возможностей. Так, персонажи сами могут формировать свои нарративы внутри базового повествования, образуя некий аналог «матрешки», включая одни уровни нарратива в другие. Данную сложную модель коммуникативных уровней в нарративе представил В. Шмидт: конкретный автор [абстрактный автор [*фиктивный нарратор* [персонаж [цитируемый мир] персонаж А] *фиктивный читатель*], абстрактный читатель (предполагаемый адресат или идеальный реципиент), конкретный читатель [2. С. 24].

Таким образом, формируется несколько уровней нарративной коммуникации, каждому из которых соответствует своя передающая и принимающая сторона. Такое рассмотрение текста позволяет наиболее полно охарактеризовать его структуру и во многом по-новому взглянуть на его содержание и смыслы, заложенные в нем. На каждом уровне можно получить новую информацию, присущую только этому уровню текста, определение характера этой информации поможет понять, где и как ее искать, какие вопросы задавать тексту в ходе исследования.

Наиболее близкими и удобными для нарратологического анализа становятся те тексты, которые можно определить как жанр или же некоторую устойчивую литературную форму, например: газетная статья, очерк. Согласно определению отечественного нарратолога В.И. Тюпы, «жанр – это некоторая взаимная обусловленность общения, объединяющая субъекта и адресата высказывания. Феномен жанровости есть металингвистический язык (диалект) культуры. Он предполагает исторически сложившуюся систему традиционных конвенций (условностей организации текста), позволяющих донести до адресата авторские инвенции, то есть предметно-смысловые находения или изобретения говорящего. Жанр – исторически продуктивный тип высказывания, реализующий некоторую коммуникативную стратегию данного дискурса» [3. С. 11]. Жанр во многом и является видом наиболее эффективных интриг повествований либо же вариантом их удачной комбинации, зафиксированной во времени.

Примером устойчивой жанровой формы уже исторического источника может служить позднесредневековый английский памфлет об одержимости. Памфлеты представляют собой одни из сложных для интерпретации текстов о повседневной жизни Англии XVI–

XVII вв., порой единственных свидетельств массовой «охоты на ведьм», эпидемий одержимости и информационной волны, возникшей на этой почве в английской печати. Поскольку на протяжении почти полутора столетий феномен одержимости оставался актуальной информационной повесткой, в массовой английской прессе сформировалась устойчивая литературная форма повествования – нарратив об одержимости.

До сих пор данный тип повествования, представленный на страницах памфлетов, исследован недостаточно, многие вопросы относительно выявления смыслов, заключенных в этих текстах, определения круга предполагаемых получателей или читателей, на которых они были рассчитаны, остаются нерешенными и неопределенными.

Далее в статье будет продемонстрирован вариант поиска круга реальных и предполагаемых отправителей и получателей сообщения об одержимости путем апробирования методологии нарративного анализа текстов, по модели коммуникативных уровней Вольфа Шмидта, на примере анализа текста памфлета об одержимости Маргарет Купер от 1614 г.

Выбранный для анализа памфлет – представитель подтипа памфлетов исключительно об одержимости, подтверждающих явление в жизни человека, для которых характерны максимальная повествовательность, художественность изложения событий, эмоциональная окрашенность изложения [5. С. 96]. Данный текст существует в двух редакциях: от 1614 и от 1641 гг. [6, 7], изменения в содержании которых носят курьезный характер, несмотря на практически идентичное содержание, неизвестные редакторы пытаются представить их как две отдельные истории, случившиеся в разных графствах и в разное время. Основной текст памфлета не претерпел серьезных изменений, им подверглись вспомогательные рамочные элементы – частично видоизменился заголовок, во второй версии добавились стихотворные эпиграфы, незначительному изменению подверглись имена главных лиц. В данной работе будет проанализирован текст памфлета от 1614 г. как исходный.

Попытка представить историю Маргарет Купер и Маргарет Хупер как разные истории вызывает вопросы относительно исторической достоверности описываемых в тексте событий. Несмотря на это, данный памфлет все равно представляется ценным историческим источником. Нарратологи, работая преимущественно с художественной литературой, отмечают фикциональную (вымышлен-

ную) природу описываемого ею мира, что, однако, не отменяет реальности текстов, в которых этот мир описывается, а значит, и реальности их влияния на окружающую действительность. Даже если факт одержимости Маргарет Купер и является выдумкой автора, для нарратологического анализа это не имеет значения, так как сам факт существования этого текста и его влияния на окружающую действительность не подлежит отмене или пересмотру. Данная история может рассматриваться в контексте исторической действительности, ведь факт реальности происшедшего мог не ставиться под сомнение конкретными читателями, в этой связи все большее значение приобретает то впечатление или влияние, которое он оказывал, его воздействие на потребителя.

Как и у большинства памфлетов, данный текст очерчен рамочной (внешней) структурой, состоящей из заголовка, обращения к читателю, повествования о событии и заключения. Дополнительными обрамляющими элементами текста являются редко используемая иллюстрация и устоявшаяся форма подтверждения истинности описываемых событий – список очевидцев происшествия, странным образом напоминающий список действующих лиц пьесы или драматического произведения.

Фабула повествования проста – в тексте описываются события, произошедшие в доме йомена Стивена Купера в течение недели, 9–15 сентября 1614 г., когда его жена Маргарет Купер оказалась сражена неизвестной болезнью (была или околдована, или охвачена злым духом), и ее чудесное избавление от недуга молитвой и Божьим милосердием.

В этих целях определим исходный круг участников акта коммуникации по схеме В. Шмидта. Согласно ей в тексте нарратива всегда представлен двойной акт коммуникации, а чаще и более многоуровневый. В первую очередь определим круг отправителей сообщения, к которым относятся: конкретный автор (историческая личность, создавшая произведение), абстрактный автор (образ автора, конструкт, созданный читателем на базе прочитанного произведения), нарратор (рассказчик в повествовании).

Поскольку большинство памфлетов не носят на себе отпечатка реального авторства, так как либо анонимны, либо записаны неизвестным и малоизвестным памфлетистом (редактором), в реальности и историчности существования которых практически невозможно удостовериться, позиция конкретного автора становится не столь

актуальной. К тому же памфлеты становились продуктом коллективного творчества, сложно провести границу между реальными авторами, редакторами, наборщиками, издателями и заказчиками, трудами которых создавался единый текст. Отсюда и минимальные шансы на определение степени влияния личности на содержание памфлета. Единственное, о чем можно утверждать точно, – прагматичность целей создания подобной печатной продукции, например, в целях рекламы города или поселения. Куда важнее становится позиция отправителя – абстрактного автора и фиктивного нарратора.

Позиция абстрактного автора наиболее ярко представлена в разделе «Обращение к читателю», менее выражена в заголовке и в повествовании, где его практически замещают нарраторы разных уровней. В ходе анализа памфлета о Маргарет Купер можно выявить черты коллективного абстрактного автора памфлетов об одержимости в целом, такие как морализаторство, наставительный тон, эмоциональность, использование максимального количества цитат из Священного писания, колоссальный набор штампов и клише, присущих позднесредневековой печати. Стоит отметить, что для данного уровня авторства характерны явная приверженность некоторой точке зрения (например, о неизбежности конца света) и определенная идеологичность (стремление привлечь на свою сторону союзников или соратников).

Базовый нарратор памфлета практически обезличен. В тексте существует указание на то, что история была записана неким мистером Хиллиардом (во второй версии текста не упоминается), о котором кроме фамилии известно, что человек он «достойный». К характеристике нарратора можно добавить, что он представляется либо как свидетель событий, либо как очень хорошо осведомленный человек, записавший историю со слов очевидца. Нарратор создает эффект присутствия читателя в семействе Купер, при этом ритм рассказа и его структура спокойны, логичны, идут от завязки к кульминации и развязке в обычном линейном порядке, практически без рассуждений и включений личности самого нарратора. При этом личность нарратора может быть обнаружена лишь в тех деталях, на которых он акцентирует внимание читателя (дни, часы, образы, предметы). Также в повествовании представлен 2-й уровень наррации, включающий рассказ Маргарет Купер о встрече с духом, о ее версии происходящего с ней и с окружающей ее действительностью.

У каждого из выявленного круга отправителей существует свой получатель сообщения.

Маргарет Купер обращается к своему ближайшему окружению – семье и друзьям, им адресован рассказ об околдовании, построенный по принципу принятым в данной сообществе. Это рассказ о том, что они – другие – не видят и не могут понять: главный посыл сообщения, чтобы ее услышали и ей поверили. На этом уровне получатель определяется кругом персонажей, нарраторами 2-го уровня.

Адресантом (фиктивным читателем) первого уровня является тот слушатель, что примет на веру чудесное спасение молитвой и Божьей благодатью, человек из простого народа, возможно, из той же общины или круга, что и сам нарратор (Дичет в Самерсетшире), для которого созданы простые аллюзии на религиозные сюжеты и символы, число 7, видения ангела в образе ребенка, борьба света и тьмы, разворачивание истории в течение недели от понедельника к воскресенью.

Уровень абстрактного читателя памфлета представляет собой, с одной стороны, уровень предполагаемого читателя, на кого собственно были рассчитаны все усилия памфлетиста, в данном случае есть возможность четкого определения круга этих читателей – те самые «возлюбленные друзья и читатели в Лондоне» [5], члены прихода одной из лондонских церквей, во владение которой и передавалась данная печатная продукция, по всей видимости, в качестве экземпляра или назидательной литературы. С другой стороны, данный уровень получателя соотносится с позицией идеального реципиента, главной чертой которого является полное принятие смысловой и идеологической позиции автора, возможность слияния с ней и принятия ее как своей. К этой категории получателей попадают те, к кому обращается автор (памфлетист): истинные христиане, добрые читатели, убежденные в реальности борьбы Бога и Дьявола на Земле, стремящиеся найти спасение в богобоязненном и благочестивом поведении.

Исходя из вышеперечисленного, особый интерес представляет круг конкретных читателей этих текстов, к данному типу получателей относятся все те, кто фактически прикасался к данным произведениям. Согласно исследованиям, потребителем данной печатной продукции был довольно широкий круг людей – сельчан и горожан, грамотных и нет, мужчин и женщин, детей и взрослых [8. С. 148–152; 9. Р. 47–72]. Нельзя сказать, что эта характеристика полностью

не соответствуют действительности, однако именно при разведении понятий нескольких уровней читателей появляются новые возможности выстраивания более полной картины. В реальности возможность попадания памфлетов в руки тех, на кого она не была рассчитана – сторонников рационального и медицинского подхода к явлению колдовства и одержимости, которые изначально не могли принять ни один из символично-знаковых языков разных уровней повествования, выразилась в последующей памфлетной войне о природе феномена, которая чуть полностью не уничтожила сам жанр повествования.

С другой стороны, еще один круг читателей, изначально не учтенный отправителями сообщения об одержимости – подростки и дети, – продемонстрировал обратный эффект. Приняв смыслообразующие позиции авторов как действительность, они стали использовать эти нарративы как клише поведения, чем провоцировали новые вспышки бесноватой болезни, давая новый материал для памфлетистов.

Интересным фактом является и то, что памфлет о Маргарет Купер демонстрирует поразительную устойчивость повествовательной формы об одержимости во времени; спустя 30 лет после своего издания памфлет продолжал быть актуальным и принимаемым публикой, что указывает на движение жанра к некоей структуре-штампу, на стремление к потере индивидуального содержания, переходу к единой форме изложений событий вне зависимости от индивидуальных характеристик конкретного памфлетиста или автора, выпустившего памфлет в свет.

Таким образом, на разных уровнях коммуникации нарратива об одержимости обнаруживается совершенно разный по характеристикам (территориальным, социальным, идеологическим) и образам круг получателей и отправителей этого сообщения, что позволяет иначе взглянуть на уже известные страницы истории и открыть новые интересные нюансы в процессах, связанных с феноменом колдовства и одержимости в позднесредневековой английской печати.

Литература

1. Русина Ю.А. Методология источниковедения: учеб. пособие / Ю.А. Русина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с. ISBN 978-5-7996-1466-9

2. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. (Studia philologica). ISBN 5-94457-082-2
3. *Тюна В.И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса (Архиерей А.П. Чехова). – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
4. *Троцук И.В.* Нарратив как междисциплинарный конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2004. – № 6-7. – С. 56-74. ISSN: 2313-2272
5. *Крылова Д.Д.* Английский позднесредневековый памфлет об одержимости как исторический источник // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 409. – С. 91–98. ISSN: 1561-7793
6. The Miracle, of Miracles. As fearefull as ever was seene or heard of in the memorie of MAN. Which lately happened at Dichet in Sommersetshire and sent by divers credible witnesses to be published in London. At London printed for Iohn Trundle: and are to be fold at Chrifit Church gate. London, 1614. – 6 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://faculty.history.wisc.edu/sommerville/367/Miracle%20of%20miracles.htm>
7. Most fearefull and strange nevves from the bishoppricke of Dvrham being a true relation of one Margret Hooper of Edenbyres neere the river Darwent in the said bishoppricke : who was most fearfully possessed and tormented with the devill as also in what ugley shape he first appeared unto her how lamentabley she was handled with this evill spirit and at last how wonderfully the Lord delivered her : affirmed by these cridible witnesses there present November the fifteenth 1641, Stephen Hooper, Iohn Hooper, Iohn Gley, Alexander Eglestone, Anthony Westgarth, Alice Egleston and divers others. London: Printed for Iohn Thomas, 1641. – 6 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://name.umdl.umich.edu/A51459.0001.001>
8. *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла / Ю.Ф. Игина; Санкт-Петерб. гос. ун-т, ист. фак. – СПб.: Алетей, 2009. – 327 с. ISBN 978-5-91419-274-4
9. *Gibson Marion.* Possession, puritanism and print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan exorcism controversy. – London: Pickering & Chatto, 2006. – 219 p. ISBN-10: 1851968326

Н.А. Сайнаков

**ЧУЖДОСТЬ КАК МОРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЧУЖДОСТИ В РОССИИ XVI–XVII вв.**

***Аннотация.** Рассматривая чуждость как моральную категорию, делается попытка переосмыслить линию демаркации между «своим» и «чужим» в Московском царстве. На основе анализа полемической литературы делается вывод, что противостояние «своего» и «чужого» обладает высокой пластичностью и подвижностью, и даже в XVI–XVII вв. больше связано с повседневным опытом и моральными оценками, чем с религиозными убеждениями. «Чужебесие» и неприязнь к чужакам зачастую имеют больше общего, чем различного.*

Ключевые слова: чуждость, мораль, религия, теория, чужебесие, изменники.

Начиная с Г. Зиммеля и Э. Парка, изучение чуждости стало рассматриваться в пространственном и социальном контексте, раскрывая важную связь коллективной и индивидуальной идентичности с устойчивыми стереотипами в отношении «другого». Историки с энтузиазмом подхватили данные концепты для исследования обществ различных исторических периодов и уровня развития. Но и сегодня открытым остаётся вопрос о различиях в стереотипах традиционного общества и в обществах модернизированных, где важную роль в формировании образа врага начинают играть пропаганда и СМИ. Природа формирования стереотипов также остаётся дискуссионной.

Уже вполне можно назвать стереотипным представление о том, что в традиционном обществе главная линия демаркации между «своим» и «чужим» проходит по линии религии. Казалось бы, эта тенденция особенно характерна для времени Московского царства (XVI–XVII вв.), воплощаясь в теории Третьего Рима. Однако очевидно, что отношение православных к иноверцам (латинянам, мусульманам, язычникам-инородцам, раскольникам) зависит от политической ситуации или обстоятельств иного рода [1]. Мы можем найти в источниках как отрицательное, так и положительное или индифферентное отношение к полякам или туркам, которые были чужаками и с религиозной, и с политической, и с пространственной

точки зрения. И если Иван Грозный, старательно соблюдая религиозные обряды и щедро жертвуя церкви, не избежал морального осуждения, то «Салиман, салтан турецкой, ...человек мудр, праведен, воздержателен, милостив зело...» [2].

Но если в образе «чужака» религия и политика являются лишь переменными, есть ли в нём более устойчивая составляющая? И здесь хотелось бы поставить вопрос об особой, моральной, категории образа чуждости. Как уже отмечалось исследователями, в определении чуждости всегда заложена некая оценка. Мы смело можем назвать её моральной. Обычно мораль в традиционном обществе рассматривают в рамках конфессионального сознания. Но этот взгляд служит упрощению действительности, поскольку реальность изменчива и не может быть полностью охвачена заповедями и законами (по поводу морального аспекта функционирования царской власти см. [3]).

В источниках Смутного времени и литовские люди, и русские «изменники» равно называются «богоотступниками», что явно указывает на первичность в делении на своих и чужих «правильного» поведения. Получается, что политически или социально верное поведение оказывается морально одобряемым, и наоборот, аморальное поведение выводит человека или группу из категории «своих». В этом плане такие определения, как «изменники», «отступники», «предатели», служат моральными маркерами, позволяющими дистанцироваться от неугодных сограждан или единоверцев. Эти маркеры делают более гибкой границу между своими и чужаками, позволяют манипулировать ею в своих интересах.

Характерный пример – переписка Грозного с Курбским. По словам Курбского, Иван «совесть прокаженну имуще, якова же ни в безбожных языцехе обретается» и православию «сопротивным обретется» [4. С. 7]. Царь в долгу не остаётся, отказывая князю в праве называться христианином. Рассуждая об отношениях царя и поданных, царь приходит к выводу, что образцом христианина является преданный раб, такой как Васька Шибанов, готовый безропотно умереть за своего господина [Там же. С. 15].

Другой царь, Алексей Михайлович, в послании погибшему митрополиту Филиппу дистанцируется от деяний своего родственника, желает «разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна, нанесенное тебе неразумно завистию и неудержанною яростию» [5]. В послании «Врагу креста Христова и новому

Ахитофелу» князю Ромодановскому царь «лает» своего полководца: «треокаянной и безглавной ненавистник рода христанского... и наш верной изменник и самово истинново сатаны сын и друг дияволов» [Там же]. Зиновий Отенский, пользуясь общими в то время полемическими приёмами, называет учение Косого «безнравственным, неистинным, потому что сам Косой – человек безнравственный, «лукавый», «безумный», «предтеча антихриста», и, будучи косым, «не может смотреть на вещи прямо, не может, значит, делать прямых, истинных выводов и т.д.» [6].

Таким образом, чтобы стать «еретиком», «врагом христианства», достаточно преступить моральные нормы или стать политическим противником. С другой стороны, такой политический в то время маркер, как «изменник», тоже может служить обозначению бесчестного человека, наносящего вред обществу. Так, изменником во время Московского бунта 1648 г. называли боярина, виновного в повышении цен на соль. Восставшие в 1638 г. томские служилые люди уже другого князя Ромодановского называли «изменником» за то, что он, «подобно Михайло Шеину», сибирские города «запустошил» [7].

Многие исследователи обращали внимание на то, что люди того времени плохо различали и зачастую смешивали иные вероисповедания. Так, лютеранин легко мог быть назван басурманином, мусульманин – еретиком или язычником. Эта путаница говорит о плохой информированности и равнодушии к сути иных вероисповеданий. Гораздо больший вес приобретали политическое противостояние (и тут понятно негативное отношение к католикам) и повседневные контакты. В таких контактах моральная, эмоциональная оценка чужака превалировала перед религиозной и политической. Успешное взаимодействие, выгода делали чужака более своим и положительным, негативный опыт мог сделать чужим и врагом даже родича и православного христианина.

Конец XVII в. ознаменовался резким увеличением взаимодействия Московского царства с Западом. Ярким критиком этих перемен стал клир Православной церкви, много сделавший для создания образа врага из католика и протестанта. Однако любовь ко всему иностранному, обозначенная Ю. Крижаничем как «чужебесие», все глубже проникала в русское общество. Сам Крижанич объяснял появление чужебесия деятельностью иностранцев и глупостью, доверчивостью славян: «Чужеземное красноречие, красота, ловкость, избалованность, любез-

ность, роскошная жизнь и роскошные товары, словно некие сводники, лишают нас ума. Своим острым умом, ученостью, хитростью, непревзойденной льстивостью, грубостью и порочностью они превращают нас в дураков, и приманивают, и направляют, куда хотят» [8. С. 497]. Далее Крижанич даёт характеристику достоинствам и порокам как славян, так и «немцев». По мнению полемиста, славяне «отягощены некоторыми общенародными пороками, особенно ленью, расточительностью, а что хуже всего – весь народ пьянствует от мала до велика, миряне и церковники, наинизшие и наивысшие. Отсутствие красноречия, лень, разгул и расточительность – наши врожденные свойства или четыре первоначальные черты, из коих мы кажемся созданными» [Там же. С. 494].

Немцам Крижанич приписывает хитрость, жадность, неверие и даже содомию. Можно заметить, что, с жаром нападая на чужебесие, призывая закрыть границы для иностранцев, писатель предлагает и учиться у иностранцев: «ничего разумного мы сами выдумать не можем, но должны у чужеземцев учиться всем наукам и брать образцы всех вещей. В-третьих, самому благочестию, и христианской вере, и благонравию мы должны были доселе и должны еще [теперь] учиться у иных народов» [Там же. С. 513]. Получается, что немцы плохи прежде всего потому, что обижают, ни во что не ставят славян. Славянам же надо избавляться от косноязычия (необразованности), лени и расточительности.

Анализируя идеи Крижанича, можно сделать вывод, что корни чужебесия вовсе не в обмане славян чужестранцами, а в том комплексе неполноценности, который развивался у самих славян при встрече с более развитыми, культурными и богатыми народами. Разумеется, иностранцы не переставали оставаться чужаками, другими. Только эта дистанция редко носила религиозный характер. Источники полны свидетельств насмешек, оскорблений, которыми московиты осыпали иностранцев, но не за веру, а за их язык, поведение, внешний вид. И одновременно можно представить множество свидетельств моды на иностранное, желание копировать жилища, одежду и быт иностранцев. Поведение таких подражателей можно охарактеризовать как попытку присвоения чужого мира, который, несомненно, выглядел престижно и привлекательно.

Юрий Крижанич призывал закрыть границы, не доверять иностранцам, хотя очевидно, что предлагаемая им изоляция – лишь защитная реакция на обиды от «немцев». Сам же писатель был не

меньшим почитателем западных ценностей. Он хоть и осуждал роскошь иностранцев, но ценил их богатство, преклонялся перед образованием и мечтал сделать славянские языки более развитыми, подобно греческому и итальянскому.

В целом подход к чуждости как к моральной категории позволяет понять, почему противостояние своего и чужого обладает такой пластичностью и подвижностью. Например, мода на все турецкое в Европе XIX в. сменилась равнодушием [9], в то время как в Турции популярность европейской культуры в XX в. стала очень велика. Как писал С.Ф. Платонов, для тех, кто хотел с «немцев» заработать, «не существовало ни вероисповедального, ни культурного вопроса» [10]. По мнению С.П. Орленко, в основе отношений русских властей к выходцам из Западной Европы лежал прагматический подход [11. С. 266].

Итак, бытовые, повседневные интересы человека позволяют легко делать своим, присваивать удобные, выгодные привычки и предметы, придавая им положительные характеристики. И наоборот, все, что приносит ущерб, оказывается «чуждым» и рисуется самыми чёрными красками. Противопоставление православных «еретикам» – навязчивый мотив ещё в XVI в., но в XVII он приобретает в церкви новое, ожесточённое звучание [9. С. 267]. Собственно, ненависть русского клира к «еретикам» была обусловлена осознаваемой опасностью проникновения западных обычаев и идей для политического и имущественного господства Православной церкви. Однако эта проповедь ненависти к чужакам не имела успеха.

Литература

1. *Морозова Л.Е.* Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени начала XVII века // Россия и внешний мир: диалог культур: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 1997. – С. 22–31.
2. *Повесть об астрологе Мустаеддыне* // Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. – М.: Наука, 2013. – С. 422.
3. *Сайнаков Н.А.* Деморализация русского общества в XVI веке (гендерный аспект) // Адам & Ева: альманах гендерной истории / РАН, Ин-т всеобщ. истории; гл. ред. Л. П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2008. – № 16. – С. 15–37.
4. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, 1979.
5. Письма и послания царя Алексея Михайловича. – URL: [https:// www. portal-slovo.ru/history/41848.php](https://www.portal-slovo.ru/history/41848.php).
6. *Боцяновский В.Ф.* Зиновий Отенский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. – Т. XII а (1894).

7. *Оглоблин Н.Н.* Томский бунт 1637–1638 годов : (очерк из жизни XXVII века) / Н. Оглоблин. – [Б.м.: б.и.], 1901?. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000388842>

8. *Крижанич Ю.* Политика. (Politika) / под ред. М.Н. Тихомирова. – М.: Наука, 1965.

9. *Пушкарев Л.Н.* «Свое» и «чужое» как одна из проблем европейского менталитета. – URL: <http://rosmir.iriran.ru/upload/file/RosMir2.pdf>

10. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. – Л.: Сеятель, 1925. – URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_moskva_i_zapad.html

11. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 269.

И.Е. Рудковская

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА МИКРОСТРУКТУРЫ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДОВ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

*Я иногда сравниваю модели с кораблями.
Мне интересно увидеть,
поплывет ли построенный и спущенный
на воду корабль.*

Фернан Бродель

Аннотация. *Дается описание и ценностное обоснование модели компаративного исследования микроструктуры британских и российских исторических трудов позднего Просвещения, представленной комплексами рубрик на полях. Важнейшим маркером историографического канона той эпохи, чье своеобразие определялось структурной составляющей, была именно микроструктура. Ее изучение подтверждает гипотезу автора о влиянии трудов великих британцев на историческое творчество Н.М. Карамзина и российское историописание в целом.*

Ключевые слова: *компаративный анализ, историографический канон, архитектоника, макроистории, микроструктура.*

Предлагаемая модель компаративного анализа формировалась в связи с поисками координат, которые позволили бы понять феномен «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, связав его с теми процессами, которые происходили в границах европейского научного пространства, предопределив специфику текстов британских историков второй половины XVIII в. Историографический канон позднего Просвещения был подвижным, изменчивым, но вполне узнаваемым. Он складывался в течение относительно короткого времени, не стал устойчивой системой с неизменными доминирующими признаками и не претендовал на монополию на истину. Присущие ему особенности были выражены в текстах той эпохи в разной мере. Предполагалось, что выделение комплекса маркеров этого канона позволит вычлнить среди относительно синхронно создававшихся произведений те, которые преимущественно ориентировались на образцы предшествующей эпохи, и те, для которых рожде-

ние нового канона обозначило благоприятную перспективу для исторического творчества. Маркеры канона позднего Просвещения должны были предоставить возможность увидеть в исторических трудах, давно вписанных в границы последующих периодов в развитии исторической науки, интеллектуальное наследие второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

Принципиально важным при определении модели данного исследования стал вывод О.М. Медушевой о том, что «видовой состав интеллектуальных продуктов эпохи сам по себе информативен и позволяет создать основу для компаративного исследования» [2. С. 82]. Из характерных для историографии позднего Просвещения видов исторических работ были отобраны для анализа только те, которые, подобно «Истории государства Российского», могут рассматриваться в качестве макроисторий, т.е. масштабных историографических текстов, воссоздававших прошлое народов и государств на протяжении значительного времени.

Предстояло определить круг основных макроисторий. Британских предшественников обозначил сам Н.М. Карамзин, признав образцами Д. Юма, В. Робертсона и Э. Гиббона [3. С. 252], поэтому в программу компаративного анализа вошли пять трудов великих британцев: «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции в 1688 г.» Д. Юма [4]; «История Шотландии в царствование королевы Марии и короля Якова VI» [5]; «История государственного императора Карла V» [6] и «История Америки» [7] В. Робертсона; «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона [8].

Российскую историческую науку в программе первоначально представляли труды М.М. Щербатова [9] и Н.М. Карамзина [10]. Затем программа была расширена: она пополнилась «Историей» Н.А. Полевого [11] и первыми восемью томами «Истории» С.М. Соловьева, хронологические рамки которых соответствовали хронологии труда Карамзина [12]. Но в первом издании труда С.М. Соловьева микроструктуры не было. Это позволило ограничиться анализом макроструктуры и констатацией угасания микроструктурной составляющей канона.

Компаративный анализ исторических текстов той эпохи позволяет выявить в историографическом каноне позднего Просвещения взаимосвязанные между собой элементы развития единого историографического канона: структурный, темпоральный, терминологиче-

ский, коммуникативный. Но поскольку отрицание структурного минимализма летописной традиции предопределило начавшиеся в ту эпоху поиски новых вариантов организации исторических текстов, компаративное исследование отобранных макроисторий естественно было начать с сопоставления их структуры, отразившей авторское видение специфики развертывания воссоздаваемых исторических процессов.

Следует подчеркнуть, что речь идет об изучении комплекса итоговых текстов, предложенных историками позднего Просвещения вниманию читателей. При всей важности предшествующих разработок и ранних вариантов именно итоговый текст макроистории является главным историографическим фактом, зафиксировавшим конечный выбор историком варианта для печати, определившего отношение к нему читательской аудитории.

Выработка основных составляющих данной модели определялась предварительным изучением текстов, тогда как последующий анализ выстраивался с учетом тех элементов развития, которые были отобраны по итогам предварительного этапа и в ходе последующей корректировки, необходимой в связи с более основательным «погружением» в тексты.

Отличительной особенностью архитектоники исторических трудов той эпохи является двойное структурирование, т.е. вычленение макроструктуры и микроструктуры текста. Макроструктура – это деление на основные структурные элементы текста: ординарные (событийные тома, части, книги, главы), экстраординарные (посвящения, предисловия, введения), переходные формы (вводные и обобщающие книги / главы, источниковедческие обзоры, аналитические отступления, примечания). Однако исследование архитектоники трудов эпохи позднего Просвещения не может быть ограничено анализом макроструктуры текста. В тот период радикально преобразилась и внутренняя организация основных элементов текста, составившая ее микроструктуру. В качестве микроструктуры здесь рассматриваются рубрики на полях внутри наименьшей из выделенных в рамках макроструктуры единицы текста. Рубрики на полях могли быть вынесены и в оглавления и / или представлены в начале глав.

Микроструктура в трудах той эпохи является важнейшим маркером той историографической традиции, представлявшим авторский вариант выделения значимых фрагментов текста, визуализации

принятой автором последовательности смены сюжетов, их разнообразия, помогавшим понять внутреннюю логику изложения событий, обращавшим внимание на переломные моменты в истории, демонстрировавшим ценностные приоритеты авторов, многообразие выходов на значимые обобщения, отражавшим общее видение историками своих исследовательских задач. Даты, имена, библиографические пометки выносились на поля и в предшествующую эпоху в качестве альтернативы подстрочным ссылкам, в виде кратких уточнений. В эпоху позднего Просвещения рубрики на полях превращаются в регулярно выделяемый развернутый план, в систему ориентиров, адресованных читателям.

Значимой информацией, получаемой в процессе анализа комплексов рубрик, на полях являются и совпадения, и расхождения в микроструктуре трудов, поскольку они позволяют выявить соотношение между наследием предшествующей эпохи, результатами усвоения нового структурного канона и новаторским его развитием. Ввиду масштабности комплексов рубрик в трудах той эпохи автором были выделены наиболее значимые содержательные сегменты:

- монархический;
- элитарный;
- управленческий;
- конфессиональный;
- конфликтный;
- этнокультурный;
- status-quo-сегмент.

Следует подчеркнуть, что к конфликтному сегменту были отнесены только те рубрики, где информация о конфликтах давалась без ссылок на персоналии. К status-quo-сегменту отнесены рубрики, обобщающие данные о положении государств, городов, народов, социальных слоев.

В ходе поиска маркеров процесса систематизации данных источников были выделены 5 основных групп рубрик, которым для удобства размещения данных в основном тексте и в подстрочнике были присвоены условные обозначения:

- повторяющиеся (П-рубрики в основном тексте, ПР – в подстрочнике) – рубрики, дублирующие друг друга с минимальными допусками в плане вариативности;

- одностипные (О-рубрики, или ОР) – рубрики, имеющие выраженные признаки сходства в построении, частично дублирующие друг друга;
- двойные (Д-рубрики, или ДР) – рубрики, близкие к одностипным, несущие в себе двойной набор информации, позволявшие историкам «уплотнить» ее презентацию;
- кросс-сегментарные (КС-рубрики, или КСР) – обобщающие по содержанию, встречающиеся в нескольких тематических сегментах П-рубрики, О-рубрики или Д-рубрики, объединенные одинаковым началом;
- пролонгированные (ПЛ-рубрики, или ПЛР) – серии рубрик, объединенные общим началом, представляющие собой компактный вариант презентации рубрик одного или разных видов.

Значимые в контексте того или иного сегмента единичные рубрики, т.е. рубрики, не имевшие очевидных аналогов в микроструктуре, «игравшие на понижение» уровня систематизации, представлены в сносках без условных обозначений.

Важными инструментами анализа информации, полученной в процессе выделения и систематизации рубрик разного вида, стали таблицы. Всего было выделено 32 таблицы, 4 серии по 8 таблиц в каждой. В 3 сериях представлены данные о П-рубриках, Д-рубриках и КС-рубриках. Последняя серия таблиц, составленная на основе выделения группы из 45 КС-рубрик, фиксирует частоту введения в микроструктуру каждой из КС-рубрик.

Массивы О-рубрик анализировались выборочно: сопоставлялись данные о наиболее характерных, крупных комплексах в отдельных сегментах нарративов. Итоги анализа комплексов ПЛ-рубрик подводились на основании данных, приведенных в таблицах о П-рубриках, Д-рубриках и КС-рубриках, поскольку в них были внесены графы, где была зафиксирована информация о числе не только автономных рубрик (т.е. тех, которые не вошли в ПЛ-рубрики), но и рубрик, введенных в состав ПЛ-рубрик.

Предварительные итоги проведенного исследования дают основания утверждать, что представленный аналитический инструментарий позволил выявить общее и особенное в микроструктурах авторов макроисторий позднего Просвещения и подтвердить гипотезу о влиянии британской традиции на структурирование «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Кроме того, были найдены

подтверждения более масштабного влияния британской традиции на развитие российского историописания. Стало очевидно, что микро-структура «Истории Российской» М.М. Щербатова и «Истории русского народа» Н.А. Полевого определялась не без влияния британской традиции.

Литература

1. *Бродель Ф.* История и социальные науки // Очерки истории. – М., 2015.
2. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.
3. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984.
4. *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. – Vol. I–VI. – London, 1830.
5. *Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. – Vol. I–III. – Edinburgh; London, 1819.
6. *Robertson W.* The History of the reign of the Emperor Charles V. – Vol. I–III. – London, MDCCLXIX (1769).
7. *Robertson W.* The history of America. – Vol. I–IV // Robertson W. The works of W. Robertson... – Vol. VIII–XI.
8. *Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. – Vol. I–XII. – London, 1815.
9. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. – СПб. – Т. I. – 1794; т. II. – 1805; т. III. – 1774; т. IV, ч. I. – 1781, ч. II. – 1783; ч. III – 1784; т. V, ч. I. – 1786, ч. II–IV. – 1789; т. VI, ч. I–II. – 1790; т. VII, ч. I. – 1790, ч. II–III. – 1791.
10. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Кн. I–IV, т. I–XII. – М., 1988–1889.
11. *Полевой Н.А.* История русского народа. – Т. I–VI. – М., 1829–1833.
12. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – Т. I–VIII. – М., 1851–1958.

П.В. Ульянов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ «ОБРАЗА ВРАГА» В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** Рассматриваются основные аспекты изучения проблем и перспектив пропаганды «образа врага» в Великобритании во время Первой мировой войны. В качестве примера был выбран опыт российских ученых. В результате исследования можно сделать вывод, что главная перспектива состоит в стремлении комплексного изучения пропагандистской деятельности в контексте исторического опыта восприятия «врага».*

***Ключевые слова:** пропаганда, «образ врага», российская историография, история пропаганды в Великобритании, Первая мировая война.*

Первая мировая война занимает особое место в исторической памяти жителей многих стран Европы. Ее уникальность заключается в том, что она является «современной» войной, в которой воюющие стороны использовали новые военно-технологические средства и массовую пропаганду, включавшую различные методы и приемы воздействия на сознание человека. На современном этапе развития многих стран пропаганда «образа врага» зачастую носит массовый характер и затрагивает все слои общества. В ней активно применяются различные технологии для формирования общественного мнения и направления его в определенное русло, вызванное внешне-или геополитической обстановкой. Первая мировая война является ярким примером проведения централизованной и массовой пропаганды с применением на тот момент времени новых технологий (радио и кино), а многие методы пропагандистской деятельности используются в современной политической практике.

В данной статье рассматривается вопрос о проблемах и перспективах изучения пропаганды «образа врага» в Великобритании во время Первой мировой войны. В качестве примера выбран опыт отечественных исследователей в изучении поставленной проблемы, ставшей актуальной в рамках проведения политики памяти и формирования имиджа страны, а также для расширения исследовательской области. В исторической науке изучение этой проблемы полу-

чает широкое распространение, так как многие историки обращаются к различным ее аспектам и к опыту разных стран.

В российской науке события Первой мировой войны долгое время оставались без внимания со стороны ученых. И все же попытки обратиться к изучению пропаганды «образа врага» в данный период можно обнаружить в советской историографии. Но из-за преобладавшей трактовки этого события как войны «империалистической» и «захватнической» подход носил односторонний характер. И тем не менее тематика исторических трудов Е.В. Тарле [1. Т. 5. С. 22–527], М.Н. Покровского [2. С. 101–215], Ф. И. Нотовича [3. Т. 1. С. 21–235] и М.П. Павловича [4. С. 52–251] может быть полезна для составления целостного представления о пропаганде и пополнения знаний об экономических и внешнеполитических факторах, влиявших на содержание «образа врага». К тому же советские историки внесли свой вклад в разработку гипотезы происхождения войны, в основе которой лежала идея империализма как наивысшей стадии капитализма. Это, в свою очередь, позволяет обратить внимание на проведение пропаганды с целью мотивации населения стран-участниц и сокрытия реальных целей их правительств.

В конце 80-х гг. XX в. в советской историографии были сделаны первые шаги к изучению Первой мировой войны. Началось все с создания Российской ассоциации историков этого военного конфликта (РАИПМВ) и активного изучения российского опыта участия в нем. В последующие годы произошел отход от методологического монизма в рассмотрении событий в рамках преобладавшей материалистической диалектики к методологическому плюрализму и междисциплинарности, что привело к появлению множества иных точек зрения. Ученые поставили цель «пересмотреть прошлое» за счет де- и ре-мифологизации истории этой войны. Во многом это было связано с «кризисом исторической науки», при этом в российской исторической науке получила развитие тенденция к более конструктивному подходу к анализу войны и ее оценок, стремление к объективному и всестороннему изучению ее истории.

В связи с обращением к проблеме мотивации населения на борьбу с «врагом» в контексте пропаганды его образа сложились две точки зрения. Их условно можно подразделить на оптимистическую и пессимистическую. Критериями обеих точек зрения являются факторы результативности пропаганды, особенности восприятия войны в общественном сознании и степень готовности населения к «внеш-

нему вызову», а также материально-технологическое обеспечение страны. Эти диаметрально противоположные подходы порождают дискуссии и оказывают влияние на изучение опыта других стран, например Великобритании.

В современной российской историографии проявление интереса к Великобритании сводится к своеобразию и специфике «островного государства». Речь идет о наличии «островного менталитета» как главной особенности восприятия «других». К тому же, в отличие от России, в этой стране был накоплен опыт продвижения в массы представлений о «враге». Приведенные далее примеры исторических трудов следует разделить на два основных направления: военно-историческое и культурно-антропологическое.

Первое предполагает рассмотрение пропаганды в контексте продвижения в массы «образа врага» с целью патриотического подъема и духовного объединения народа перед «внешней агрессией». В этом направлении следует отметить стремление ученых рассматривать воздействие атмосферы войны на массовое сознание. Кроме того, они анализируют развитие антигерманской и антинемецкой пропаганды, подробно изучая особенности восприятия «врага» и степень развития ксенофобии в британском обществе. К первому направлению можно отнести труды Н.Ю. Забелиной [5. С. 85–94], М.С. Мельникова [6. С. 156–159], Д.М. Селиверстова [7. С. 159–163], Н.В. Юдина [8. С. 16–28]. Указанные проблемы побуждают в рамках системного, структурно-функционального и междисциплинарного подходов обращаться к проблемам восприятия «врага» и «союзника», а также пропаганде их образов. Но в этом подходе есть проблема комплексного изучения общественного мнения из-за отсутствия документов, относящихся к результатам массового опроса, которые в тот исторический период не были развиты.

Второе направление в большей степени ориентировано на выявление особенностей восприятия британцами «другого» («врага» и «союзника») во время вооруженного конфликта в рамках истории ментальности. Авторы данных трудов делают акцент на настроениях мирного населения, солдатских масс, на исторической памяти о войне представителей поколения 1914 г. и на отношении к Первой мировой войне в современности. Главной целью исследователей стоит назвать нахождение «ментальной» преемственной связи между событиями начала XX в. и современными реалиями. В этих работах изучение темы строится на основании данных из материалов

личного происхождения (мемуаров, дневников и писем солдат-участников). В качестве примера можно выделить труды К.В. Акулинина [9. С. 173–177], А.В. Кореневского [10. С. 242–265], О.С. Поршневой [11. Т. 10. С. 15–30], И.В. Смирновой [12. С. 72–84].

В современной исторической науке встречаются общие работы по истории Первой мировой войны, среди которых следует выделить монографию В.Б. Миронова [13. С. 15–250]. Несмотря на изучение преимущественно российского опыта, автор обращается к пропагандистскому опыту стран Европы, в том числе и Великобритании. Здесь также стоит отметить попытки исследователей сравнить опыт продвижения в массы представлений о «враге» в Великобритании, например, с агитационной деятельностью во Франции. В качестве примера можно привести монографию Н.В. Юдина [14. С. 12–240]. Сравнение агитационной деятельности двух европейских стран дает возможность выявить общие и отличительные особенности методов и приемов пропаганды «образа врага», что может позволить провести сравнительный анализ с российским или немецким опытом в рамках выявления признаков информационного противостояния.

Таким образом, можно подвести итоги. В современной российской исторической науке изучение проблемы пропаганды «образа врага» в Великобритании в период Первой мировой войны требует более комплексного исследования, так как сложно охватить все аспекты. Положительной чертой трудов российских исследователей пропаганды «образа врага» можно отметить междисциплинарный, системный и структурно-функциональный подход, позволяющий применять знания из разных наук (антропологии, психологии, социологии, биологии и др.), в том числе смежных отраслей знания (этнопсихологии и др.), и изучать «образ врага» как сложную систему, формирующуюся в пропаганде. Однако в этих трудах не всегда учитывается специфика Великобритании и ее отличительные особенности. Кроме того, не всегда делается акцент на изучении «образа врага» как сложной и динамично развивающейся системы, состоящей из определенного набора стереотипов и качественных характеристик. А это, в свою очередь, не позволяет обратить внимание на эволюцию содержания «образа врага» во время военного конфликта. Поэтому главная перспектива исторических исследований заключается в том, чтобы поставить задачу комплексно рассмотреть

эту проблему в контексте исторического опыта восприятия «врага» и распространения соответствующих представлений о нем.

Литература

1. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – С. 22–527.
2. *Покровский М.Н.* Империалистическая война: 1914–1930. – 4-е изд. / М.Н. Покровский. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 342 с.
3. *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны / М.П. Павлович. – М.: Академия наук СССР, 1947. – 748 с.
4. *Павлович М.П.* Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны / М.П. Павлович. – М.: ЛИБРКОМ, 2012. – 344 с.
5. *Забелина Н.Ю.* Бельгийские союзники в восприятии британцев во время Первой мировой войны / Н.Ю. Забелина // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2010. – № 1. – С. 85–94.
6. *Мельников М.С.* Германофобия в английском обществе в 10-х гг. XX века / М.С. Мельников // Известия Воронежского педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 156–159.
7. *Селиверстов Д.М.* Газетная кампания в Великобритании по вопросам армии и флота накануне Первой мировой войны / Д.М. Селиверстов // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 159–163.
8. *Юдин Н.В.* Английское и французское общество в начале Первой мировой войны / Н.В. Юдин // Новая и новейшая история. – 2014. – № 5. – С. 16–28.
9. *Акулинин К.В.* Фронтовая корреспонденция английских военнослужащих времен Первой мировой войны: эмоциональное обрамление военного опыта / К.В. Акулинин // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 6. – С. 173–177.
10. *Кореневский А.В.* Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи великой войны [Электронный ресурс] / А.В. Кореневский // XX век и Россия: общество, реформы и революция: электрон. сб. – Самара, 2014. – Вып. 2. – С. 242–265 // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – Электрон. дан. – [М.], 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vchershnee-zavtra-rossii-britanskiy-vzglyad-epochi-velikoy-voyny> (дата обращения: 01.07.2019).
11. *Поршнева О.С.* Идея войны в практиках мобилизаций национального сознания европейских народов накануне Первой мировой войны: некоторые итоги изучения / О.С. Поршнева // Вопросы всеобщей истории. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 15–30.
12. *Смирнова И.В.* Художественный образ и реальность: «окопная жизнь» на Западном фронте (1914–1918 гг.) / И.В. Смирнова // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2010. – № 4. – С. 72–84.
13. *Миронов В.Б.* Первая мировая война. Борьба миров / В.Б. Миронов. – М.: ОЛМА Медия Групп, 2014. – 304 с.
14. *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны / Н.В. Юдин. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 288 с.

Н.Д. Потапова

ТАКАЯ РАЗНАЯ ПРАВДА: ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО 1970-х гг.

Аннотация. Показана роль документального кино для массового зрителя.

Ключевые слова: война, кино, общество, интервью.

Размышляя о том, как общество переживает войну и работает с травматичным опытом, оставленным войной, Алейда Асман выделяла несколько базовых стратегий. Она показала, как послевоенное *бегство и забвение*, охватившее практически все страны-участницы Второй мировой войны, сменяется *героизацией* пошлого. Нарратив жертвенности, подвига, мученичества, вечной славы апеллировал к древним мотивам для оправдания перенесенных потерь и страданий. Протесты 1968 г. – условная граница, показавшая, что героический мемориальный проект не оправдал себя и общество по-прежнему готово к насилию. «Этический поворот» в Германии был связан с переходом к политике *покаяния*, транслировавшей идею «общности катастрофической судьбы, выпавшей всем». В обществе актуализируется ответственность и идея, что война рождает не только подвиги. Фокус смещается со страданий, причиненных *нам*, на страдания, причиненные *нами*, что делает возможной проекцию своего состояния на тех, кто раньше представлялся олицетворением зла и виновником страданий. И поскольку фронт *мы–они* меняется, меняются и коллективные идентичности на основе травмы-памяти. Переход этот Асман интерпретирует как результат недовольства поколения «детей» существовавшими в Германии моделями памяти обвинявшими «родителей» в «неумении скорбеть». [1. С. 47, 98, 114; 2. С. 61–69]. Насколько релевантны те закономерности, которые Асман усматривает, анализируя опыт Германии, для других стран? Можем ли мы говорить о том, что опыт переработки травмы носит универсальный характер? Как влияют социальная структура, культурное наследие, особенности военных действий, политическая конъюнктура на характер коммеморации? Анализ нескольких кейсов, взятых в сравнительной перспективе, позволяет если не отве-

тить на эти вопросы, то как минимум ощутить напряжение, диктуемое материалом, и наметить дальнейшую перспективу исследований. По мнению А. Ассман, в Германии символом этического поворота стала реконструкция мемориала Neue Wache в Берлине и облетевшая мир фотография канцлера ФРГ В. Брандта, преклонившего колени перед мемориалом в Варшавском гетто. Во Франции эту роль сыграл снятый в 1969 г. фильм Марселя Офюльса «Скорбь и сострадание: Хроника французского города в период оккупации» (*Le Chagrin et la Pitié*). Он вызвал острые дискуссии и буквально расколол Францию.

На рубеже 1960–70-х гг. в европейском документальном кино появляется новая форма, претендовавшая на исследование социальных проблем. Она была заимствована в социологии и использовала техники развернутых интервью. Это позволило вывести на экран голоса, разные социальные позиции, создать полифонию точек зрения. В 1969 г. фильм Офюльса впервые остранил доминировавший в деголлевской Франции нарратив героизации Сопrotивления и дал голос тем, кто раньше его был лишен. Они впервые публично рассказывали, что значила война для них. На экране сталкивались бывшие противники, ветераны, не готовые с гордостью говорить о своем опыте причинения смерти, или, напротив, не испытывавшие раскаяния. Мы обсудим техники производства подобного знания о войне, его социальное действие, влияние на профессиональную историографию. Важным инструментом анализа является компаративный анализ: мы обсудим влияние этого направления киноинтервью на позднесоветскую документалистику. Сравнение двух киношкол позволяет увидеть особенность советских условий производства памяти о войне.

Документальное кино значимо как мощный инструмент пересмотра прошлого. Оно адресовано массовому зрителю. Как отмечал Кристиан Метц, опыт увиденного на экране способен подменять опыт реального, вытеснять, контаминироваться, отчуждать память зрителя [3]. Кроме того, кино является и формой исследования социальной реальности. В деголлевское время опросы показывали, что подавляющее большинство французов участвовало во время войны в Сопrotивлении, все были партизанами и все были героями. В процессе же серии глубинных киноинтервью современный социальный мир оказывался намного более сложно организованным и наполненным разными логиками, чем представляли его прежние формы

письма. М. Офюльсу, А. де Седую и А. Ариссу удалось показать, что от взаимодействия этих групп зависели многие процессы в современном обществе, в том числе и современная политика. И экранная судьба фильма была тому лучшим подтверждением.

В производстве фильма была артикулирована и реализована политическая идея. Офюльс говорил, что ему был важен гуманистический взгляд на события войны без пафоса и патетики, с которыми обычно связано *доминирование* и претензии на исключительность положения говорящего. Он впервые в исторической документалистике использовал целый репертуар средств во время съемок, чтобы добиться *режима недоминирования*. Тема республики аллегорически оказывается сквозным мотивом фильма. С точки зрения классического республиканизма свобода связана с обеспечением равенства в процессе дебатов и требует устранить изоляцию, неуважение, несдержанность и любые формы давления, препятствующие тому, чтобы обсуждение социальных проблем обрело рациональные основания и превратилось в столкновение мнений, а не людей [4. С. 172–180]. Интервью предстояло попасть на экран. Офюльс принципиально не использовал скрытую камеру, предоставил респонденту самому решать, где и в какой обстановке ему будет удобно говорить о войне – Офюльсу было важно, чтобы участники сами контролировали режим публичности и сами решали, что они готовы публично рассказать. Он хотел дать разным людям равное право быть услышанными, вопреки государственному контролю над средствами массовой информации дать свободу слова и действия в пространстве своего фильма. Французское общество в очередной раз, как в 1789 г., оказалось к этой свободе не готово. Первыми восстали те, кто доминировал прежде, – они апеллировали к памяти о *героическом* сопротивлении, отстаивали героическую форму памяти о войне как единственную обладающую моральным правом на существование. Мишель Фуко в интервью Кайе дю Синема связал содержание фильма с победой буржуазии и правых, режимом Валери Жискар д'Эстена, позиционировавшим себя как президент всех французов. Критики из журнала «Эспри» прочли фильм как обвинение «французской буржуазии, виновной в Петене».

В фильм вошли 35 интервью. Не все, к кому обращался Офюльс, согласились говорить. Офюльс интерпретировал отказ как активную позицию, артикуляцию права несогласия вспоминать. Всего были записаны тысячи метров пленки, 60 ч интервью в трех странах:

Франции (25 чел.), Германии (5 чел.), Англии (5 чел.). 20 из них принадлежали к буржуа-предпринимателям, занимавшимся средним и малым бизнесом (аптекарь, коммивояжер, галантерейщик, владелец отеля, ресторатор), пять аристократов (которые позиционируют себя как маргиналы: кокаинист-министр, женатый на американке, живущий идеалами чести и доблести офицер Waffen-SS, окруженный феодальной прислугой потомок Лавалья и др.), два фермера и парикмахер, интеллектуалы (два профессора и журналист), партийные деятели. Фуко был не прав в одном: на экране действительно доминирует буржуазия, но их отношение к прошлому и роль во время оккупации не зависят напрямую от класса, и фильм это отчетливо артикулировал.

Создатели фильма старались не доминировать на экране, но строго контролировали организацию киноматериала, чтобы представить полярные взгляды на причину поражений на начальном этапе войны, цену войны, включая прямые и косвенные потери, судьбу военнопленных, стратегии выживания, разные взгляды на то, что значит сохранить себя в условиях оккупации и войны; опыт лагерей, пыток, убийства; как люди становились героями и палачами, исследовать мужество и трусость, почему люди не сопротивляются, – выслушать аргументы. Впервые прозвучавшие публично голоса французов, переживших войну, образуя смысловые оппозиции, показывали, что идеалы, партийность, классовость, происхождение мало влияют на то, что произошло. Человек не знает, как поведет себя. Никто не знает, ни тогда, ни сейчас. Все хотят быть героями – и опросы это показывают, каждый хочет. Но будет ли? И то, что считается подвигом со стороны, с точки зрения самого человека неизбежно связано с травмой. Не гордость, а горе приносит война, – сострадание важнее мнимого героизма, о котором сами эти люди, герои, ничего не знают – они не считали, что совершают подвиг, не это было движущей силой. Однако помимо желания выжить было еще сострадание, которое объединяло людей, позволяя им сохранить себя. Эту моральную позицию предложил Офюльс для социального консенсуса – внимание и сострадание друг к другу.

Несмотря на неприятие критиков, скандал и сложную экранную судьбу, фильм не только подтолкнул начавшуюся экспертизу прошлого, но во многом совпал и с начавшимися трансформациями во французском обществе, предопределившими победу социалистов на выборах и приход к власти Франсуа Миттерана. Пьер Нора сравнил миф о сопротивлении с мифом о революции, деконструированным

Франсуа Фюре, как два основных фундамента идеологии французского государства. В год премьеры фильма во Франции – в 1981 г. – Виктор Дашук и Светлана Алесиевич на студии «Беларусьфильм» начинают, опираясь на технический опыт киноинтервью, работу над той же темой – о жизни на оккупированных территориях, речь шла об опыте советских людей и Белоруссии, и если у Офюльса женские голоса остаются подавлены, Дашук и Алексиевич сделают эту тему ключевой. Не столько для того, чтобы артикулировать особенный женский опыт (он по-прежнему остается подавлен), сколько для оправдания перехода от героизации к гуманизму. Рецепция фильма происходила также в меняющемся социальном контексте и маркировала движение к Перестройке позднесоветского общества. В обоих случаях отмечаются сложный процесс дискурсивных трансформаций и формирование новых идентичностей.

Анализ рецепции двух фильмов раскрывает процесс включения в публичное пространство памяти нарративов, не соответствующих официальной конъюнктуре, травматического опыта войны, увиденной глазами гражданского населения, чья память о бомбардировке городов, насилении женщин и принудительной депортации вдруг стала предметом публичного обсуждения, а границы свой-чужой утратили национальную определенность. Анализ рецепции фильмов и влияния на профессиональное сообщество историков будет посвящено основное содержание доклада.

Литература

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
2. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. А. Черноглазов. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 336 с.
4. *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.

В.Я. Мауль

«ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР»: СМЕНА МЕТОДОЛОГИЙ

Аннотация. *Рассматриваются события на Правобережной Украине в 70-е гг. XIX в., связанные с деятельностью революционеров-народников в среде бывших государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии. Отмечено, что нашедший в свое время «заговор от имени царя», возникший в результате самозванческой мистификации с помощью подложных документов, практически не изучен в историографии. Показано, что редкие опыты его исследования в основном принадлежат советским историкам, выполнены в русле марксистской парадигмы, а потому методологически устарели.*

Ключевые слова: *«Чигиринский заговор», революционеры-народники, государственные крестьяне, историография, методология истории.*

Вызвавший в свое время обеспокоенность правящих и надежды революционных кругов «Чигиринский заговор» практически никогда не привлекал к себе специального внимания исследователей. За редким исключением [1] немногие до сих пор написанные работы содержат признаки фрагментарного, неполноценного, а порой ошибочного знания об одном из ярких эпизодов освободительной борьбы в России второй половины XIX в. Например, откровенным невежеством являются представления культового сегодня французского историка Д. Бовуа о том, как «в 1869 г. начались продолжительные крестьянские волнения в казенных землях Чигиринского уезда». Их зачинщиками якобы «были два народника – И. Фролов и Я.В. Стефанович, которые устраивали тайные собрания у крестьянина Прятко» [2. С. 646]. Непозволительный для добросовестного исследователя промах заключается в том, что каждое приведенное здесь сведение противоречит фактам. Упомянутому Я.В. Стефановичу в 1869 г. исполнилось всего 15 лет и о карьере революционера он тогда мог только мечтать; сельский учитель И.Н. Фролов был связан с чигиринскими волнениями и народниками лишь в воспаленном воображении правоохранителей, а житель соседнего Черкасского уезда Ф.Д. Прядко стал одним из лидеров крестьянских беспорядков несколькими годами позже. К тому же единственная (возможная)

встреча Ф.Д. Прядко с Я.В. Стефановичем могла состояться чуть менее чем через десять лет в Киевском тюремном замке [3, 4].

Подобные квазинаучные заблуждения не вызывают удивления, ибо дореволюционная, советская и зарубежная историография редко и в общем контексте обращалась к событиям середины 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии – в связи с историей революционного движения либо крестьянских волнений в послереформенные десятилетия. По-прежнему не введен в научный оборот основной массив документов, не опубликованных и хранящихся в фондах разных архивов РФ и Украины. Оттого многие суждения ученых, не имея прочной опоры на источники, страдают излишним схематизмом и категоричностью. Так, по словам американского советолога А. Улама, «Чигиринский заговор» «продемонстрировал тупик, в который зашло народничество». Сельский люд, «несмотря на страдания и жестокость режима, не поднялся и даже не отказался от старых суеверий». Поэтому, дескать, «70-е годы, годы надежд и тесной связи с народом, оставили тяжелое наследие: нетерпимость революционной интеллигенции и тупость крестьянских масс». По мнению же российского историка Ю.А. Пелевина, «тупость» тут не причем, в заговоре «наглядно проявился монархизм и религиозность, а не революционизм и социалистичность пореформенной деревни» [5; 6. С. 150]. Столь очевидные аксиологические несовпадения красноречиво доказывают, что без серьезной источниковедческой верификации одни оценки всегда будут стоять других и не более того.

Если магистральные событийные линии «заговора от имени царя», пусть поверхностно, все же обозначены на страницах немногочисленных сочинений (преимущественно советских историков), то его специфические черты вкупе с социокультурной природой и людскими судьбами остались тайной за семью печатями. Исключительно односторонне, с помощью ничего в научном плане не проясняющих универсальных и уничижительных понятий – «обман», «идейная незрелость», «иллюзии» – трактовались причины временного союза монархически настроенных чигиринских селян с деятелями революционного подполья в лице самозванных «царских комиссаров» И.В. Бохановского, Л.Г. Дейча, Я.В. Стефановича при создании «Тайной дружины» и подготовке народного восстания. Действия последних квалифицировались как откровенная политическая мистификация, а отклик на них со стороны чигиринцев преподно-

сился как следствие «наивного монархизма». Между тем смещение познавательного ракурса, вместо навешивания клишированных ярлыков, позволило бы лучше выявить глубинные катализаторы поведенческой активности революционной молодежи, потерпевшей сокрушительное фиаско в период «хождения в народ», а потому искавшей альтернативные рецепты поднять мятушуюся Россию на дыбы. Более продуктивным оказалось бы исследование смыслообразующих траекторий недовольства бывших государственных крестьян, не согласных с условиями земельного передела и налогового бремени, но осмысливавших их в рамках имманентного для себя традиционного сознания, кажущаяся наивность которого представляется таковой только носителям современного культурного багажа [7].

Значительно обогатили бы и разнообразили картину «Чигиринского заговора», по сути, отсутствующие биографические нарративы об организаторах, вождях, рядовых участниках и даже случайных жертвах протестных событий. Особенно если речь идет о «новой биографии», реконструированной, скажем, в русле интеллектуальной истории или концепта «человек второго плана в истории» [8–13]. Пока же, несмотря на отдельные усилия, не изученной (а значит, не известной) остается даже личность атамана «Тайной дружины» отставного унтер-офицера Е.А. Олейника, не говоря о прочих видных фигурантах заговора не только из числа крестьян, но и революционеров.

Актуализированная современной научной и общественно-политической ситуацией гендерная парадигма могла бы приобрести особую значимость и в нашем случае. Идейный вдохновитель заговора Я.В. Стефанович едва ли лукавил, когда признавал, что роль женщин «в истории Тайного Общества была довольно значительна», так как «не было никакой возможности изолироваться дружинникам от своих жен». Очевидно, что без изучения степени их влияния на собственных мужей и сыновей репрезентативность знаний о заговоре будет не вполне адекватной [14. С. 207].

Названное выше и многое оставшееся «за кадром» однозначно убеждает, что для получения качественно иных научных результатов требуется решительная смена методологий. Господствовавший в советской исторической науке упрощенный подход к «Чигиринскому заговору» как проявлению классовой борьбы в украинской деревне давно и явно устарел, как и основанные на формационной

теории прямолинейные выводы историков, будто борьба чигиринских крестьян велась, прежде всего, «за революционный передел земли, т.е. объективно за демократический путь развития страны» [15. С. 219].

Востребованность эвристических открытий становится доминантой конструирования соответствующего познавательного инструментария, успешно апробированного эпистемологическими инновациями историографической революции последней трети XX в. [16]. К наиболее перспективной среди них, например, отнесем способность ученого менять масштабы научных «измерений» от макро- к микроистории и наоборот, что на примере «Чигиринского заговора» дало бы комплексную возможность увидеть общие исторические процессы через погружение в уникальный и индивидуальный мир украинских насельников прошлого с их повседневными нуждами и заботами. Разглядывая не «мелочи» минувшего, а его существенные подробности, можно лучше понять реальные переживания конкретных чигиринских крестьян. Допустим, по поводу младенческой смерти четырех из девяти родившихся детей, как это случилось в семье «серого кардинала» тайного общества Л.А. Тененика. Или несбывшихся ожиданий увидеться с любимой женой политического ссыльного И.И. Писковского, ранее одного из активистов заговора. Все они, подобно старосте «Тайной дружины» К.И. Прудкому, были бедного состояния, а потому жили ежедневными заботами о хлебе насущном, отчаянно страдая от несправедливого распределения полевой и усадебной земли и причитающихся за нее повинностей. И в рамках устойчивой антитезы доброго царя и злых бояр усиленно пытались вычислить виновников своего хозяйственного нестроения и душевного неблагополучия. Каждый такой на первый взгляд «второстепенный» казус становился экзистенциальной драмой живых людей, из которых и состояла многоликая «протестующая толпа» в различных волостях и селениях Чигиринского уезда. Вне учета множества этих «малюсеньких» нюансов вряд ли получится восстановить объективный образ «Чигиринского заговора» и его последствий в целом, складывавшийся из субъективных восприятий и судеб его участников и противников.

Литература

1. *Терехова С.А.* Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора»): дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2016. – 276 с.
2. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
3. *Милевский О.А.* «Маленькая» личность на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова / О.А. Милевский // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 5. – С. 553–562.
4. *Терехова С.А.* Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко / С.А. Терехова // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: матер. II Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. В. Коричко. – Ч. II. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – С. 191–193.
5. *Улам А.* Большевики: причины и последствия переворота 1917 года / А. Улам. – М.: Центрполиграф, 2004. – 510 с.
6. *Пелевин Ю.А.* Южные бунтари и «Чигиринский заговор» / Ю.А. Пелевин // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 130–150.
7. *Мауль В.Я.* «Чигиринский заговор» и крестьянская психология / В.Я. Мауль // *Quaestio Rossica*. – 2017. – № 1. – С. 221–240.
8. *Мауль В.Я.* Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе оберкондуктора Чайковского / В.Я. Мауль // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 114–126.
9. *Мауль В.Я.* Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») / В.Я. Мауль // Вестник Рязанского государственного университета. – 2017. – № 1 (54). – С. 7–17.
10. *Мауль В.Я.* Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) / В.Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 48. – С. 80–87.
11. *Мауль В.Я.* Кузьма Прудкий и «Чигиринский заговор» (эпизод из истории освободительного движения в России) / В.Я. Мауль // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (60). – С. 26–32.
12. *Милевский О.А.* На пути к марксизму: «Чигиринское дело» в революционной судьбе Л.Г. Дейча / О.А. Милевский, С.А. Терехова // Маркс. Марксизм. Марксисты. XIII Плехановские чтения: матер. междунар. конф. – СПб.: КультИнформПресс, 2018. – С. 170–179.
13. *Милевский О.А.* Революционер поневоле: Судьба студента Владимира Малавского / О.А. Милевский // Новый исторический вестник. – 2017. – №1(51). – С. 96–115.
14. *Я.С.* Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина». (Опыт революционно-народной организации) // Памятники агитационной лите-

ратуры. – Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 гг. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. – С. 141–165, 199–214.

15. *Пойда Д.П.* Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.) / Д.П. Пойда. – Днепропетровск: Днепропетровское областное изд-во, 1960. – 488 с.

16. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. – Вып. III: Историографическая революция / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 554 с.

А.В. Буданов

МАТЕРИАЛЫ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКЕ В СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ НАЧАЛА 1960-х гг.¹

Аннотация. *Анализируется феномен публикации сведений об американской ракетной технике периода Карибского кризиса в несекретных изданиях конца 1950-х – начала 1960-х гг. Делается вывод, что это было одним из проявлений хрущевской «оттепели». Приводятся факты, что материалы этих изданий анализировались и использовались руководителями советского ракетостроения и промышленности.*

Ключевые слова: *ракетостроение, «холодная война», историография, Карибский кризис, гонка вооружений.*

В 1962 г. произошло одно из самых напряженных столкновений «холодной войны» – Карибский ракетный кризис, который мог привести к началу третьей мировой, уже ядерной, войны. Все же катастрофические события удалось предотвратить. Этому способствовали не только усилия дипломатов и политиков, но и развитие ракетных технологий. Казалось бы, именно размещение американских ракет в Турции и Европе спровоцировало кризис, но только наличие у конфликтующих сторон боеспособного ракетно-ядерного оружия удержало их от начала полномасштабных боевых действий. Осознание той опасности, которую имел возможный ответный удар, заставило СССР и США изменить свою внешнюю политику в направлении разрядки. Тогда крайне важно было владеть информацией о военно-экономическом и техническом потенциале «вероятного противника». В Советском Союзе в этот период Н.С. Хрущевым проводилась политика по частичной либерализации политической системы, что позволило издать в открытой печати информацию об американских ракетных разработках. Возможно, руководство СССР допустило издание подобных книг и сборников статей, чтобы убедить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Опыт мобилизации промышленности СССР на производство ракетной техники накануне Карибского кризиса», проект № 16-01-00250.

общество и специалистов в необходимости дальнейших вложений финансовых и трудовых усилий в развитие ракетных технологий в стране. В результате в начале 1960-х гг. в СССР появилась серия публикаций об американском ракетостроении, которые стали важной составляющей историографии этой темы.

Издавались подобные книги при поддержке Министерства обороны СССР. Достоверно не известно, использовались ли при их написании секретные разведывательные данные, но в самих работах указывается, что были обобщены материалы специализированных американских и европейских периодических изданий. Подобный метод сбора информации о разработках вероятного противника широко применялся в те годы и в наши дни. Более того, специализированные министерства и ведомства предлагали различным предприятиям оборонно-промышленного комплекса заказывать переводные копии подобных изданий. Например, в 1960 г. Государственный научно-технический комитет Совета Министров РСФСР по распоряжению Совета Министров РСФСР выслал на адрес Первого (секретного) отдела Челябинского совнархоза список из 90 иностранных специализированных журналов, в которых содержались сведения об иностранных военных технологиях и изделиях. Копии этих изданий высылались не бесплатно и стоили от 12 до 775 руб., в среднем около 70 руб. за журнал. В списке были также издания по ракетной технике: Weltraumfahrt за 12 руб., Rockets – 45 руб., Missiles and rockets – 116,3 руб., Missiles design & development – 52 руб., NASA technical report – 53 руб. и др. [ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 285. Л. 162, 216]. Авторы советских публикаций об американской ракетной технике иногда открыто ссылались на специализированную иностранную периодику. Например, М.Н. Николаев в монографии «Ракета против ракеты» указал, что она написана по материалам журналов: Missiles and Rockets, Flight, The Airplane and Astronautics, Aviation Week, Electronics, Space Aeronautics и др. [1]. Выходили даже специальные переводные подборки статей из западных журналов. Например, накануне Карибского кризиса был опубликован обзор «Иностранные баллистические ракеты класса “земля–земля” по состоянию на 15 июня 1962 года», в котором были приведены характеристики и схемы устройства ракет, разрабатывавшихся в США [2]. Здесь были собраны не только характеристики американской ракетной техники, но и сведения о расположении и уровне готовности ракетных баз и пусковых установок. Это позволяет сделать

предположение об использовании при написании сведений разведывательных источников.

Наиболее информативным изданием в год, когда произошел Карибский кризис, является обзорная работа под названием «Иностранные баллистические ракеты класса “земля–земля” (ракеты межконтинентальные, средней дальности и оперативно-тактические)». В этой работе содержатся подробные описания американских ракет «Атлас», «Титан», «Поларис», «MMRBM», «Венус-А», «Минитмен», «Тор», «Юпитер», «Редстоун», «Першинг», «Блю Уотер», «Сарджент», сопровождаемые схемами, таблицами и фотографиями. В этой книге были приведены не только тактико-технические характеристики ракет, но и краткие сведения об их производителях и местах базирования. Например, приводилась информация о ракетах «Юпитер SM-78», размещение которых в Италии и Турции стало одной из причин Кубинского ракетного кризиса. Об этих изделиях приводятся следующие данные: разрабатывались Редстоунским арсеналом Армии США, а собирались на головном заводе фирмы «Крайслер» в Дейтройте (выпускалось по 5 шт. в месяц, стоимость одного изделия составляла 0,5–1 млн долл.). Длина корпуса этой ракеты составляла 18–18,4 м; максимальный диаметр корпуса – 2,7 м; стартовый вес – 48–50 т, в качестве топлива использовались углеводородное горючее RP-1 и жидкий кислород. Ракета запускалась с мобильных установок, имела боеголовку с ядерным боевым зарядом мощностью 1–1,5 Мт в тротиловом эквиваленте. Отмечалось, что эти ракеты были размещены в Турции, Италии и, возможно, в Англии и имели дальность полета 2 800 км. Так как сухопутным войскам США было запрещено иметь на вооружении ракеты дальностью более 320 км, то их приняли на вооружение ВВС, где в каждой эскадрилье числилось по 15 единиц, из которых шесть могли быть запущены в течение 6 мин. Описывались примерные места размещения наземных и подземных боевых стартов в 1962 г. [2. С. 137]. Не менее подробные данные приводятся о различных модификациях межконтинентальной баллистической ракеты «Атлас». Авторы-составители указали места базирования этих ракет и их количество на боевых позициях. Например, указывалось, что на базе Уолкер в г. Розуэлл штата Нью-Мексико на боевом дежурстве находилось 12 ракет «Атлас F» в подземных шахтах, на базе Ферчайлд в г. Спокан штата Вашингтон – 9 ракет «Атлас E» и т.д. [Там же. С. 142–143]. Гораздо меньше сведений приводилось о новейшей

американской ракете «Минитмен», главным разработчиком которой была фирма Boeing. Ракету планировалось принять на вооружение в конце 1962 г. Эта ракета вызывала дополнительные опасения у высшего военного руководства СССР. Возможно, стремление завершить установку советских ракет средней дальности Р-12 и Р-14 на Кубе именно в середине осени 1962 г. было связано с желанием получить военное преимущество до того, как американцы поставят «Минитмены» на боевое дежурство.

Тактико-технические характеристики американских ракет приводятся также в работе Е.К. Брагина и А.Г. Кубарева по проблемам противоракетной обороны [3]. В 1963 г. в книге М.Н. Николаева, посвященной ракетной технике и методам борьбы с ней, делается вывод об успешном развитии твердотопливного ракетостроения в США [1. С. 11]. В 1962 г. были опубликованы составленный В.Ф. Жаровым и В.И. Ивановым обзор и подборка статей из иностранных журналов, посвященных развитию ракетной техники за рубежом [4]. В этих изданиях делается вывод об отставании СССР в производстве твердотопливных ракет в начале 1960-х гг. Действительно, мощности советской химической промышленности и достижения научных организаций не позволяли освоить твердотопливные межконтинентальные технологии. Имевшиеся образцы при хранении растрескивались, что в случае запуска увеличивало площадь горения и приводило к авариям. Поэтому интерес к американским твердотопливным ракетам был сильным. В 1959 и 1960 гг. издавались тематические обзоры по данным иностранной печати, где особое внимание уделялось составу твердых топлив, который определялся как смесь нитрата аммония, перхлората аммония, перхлората калия с возможным использованием нитрата лития и перхлората лития. Топливо заполнялось в корпус методом заливки и прессования [5. С. 17]. Перхлорат аммония предлагалось также заменить «полибутадиеном с присадкой алюминия или полиуретаном с присадкой алюминия». Для защиты сопел использовалось вольфрамовое напыление, что позволяло противостоять абразивному воздействию частиц алюминия [6. С. 4, 10]. Показательно, что в секретных постановлениях Советского правительства и в переписке Госплана СССР производству именно этих химических веществ уделялось особое внимание. Например, 13 мая 1959 г. Совет Министров СССР издал постановление № 530-240 «О первоочередных мероприятиях и о развитии мобилизационных мощностей для производства твердых

топлив, порохов и взрывчатых веществ, а также исходного сырья и материалов для их изготовления» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 275. Л. 80].

Интерес советских специалистов вызывали не только военно-технические характеристики американских ракет, но и экономические показатели ракетостроительной отрасли. В 1960 г. в обзоре зарубежных материалов об американской ракетной промышленности приводятся сведения о количестве предприятий, задействованных в производстве ракет в США. Делается вывод, что тогда работали 75 крупных ракетостроительных фирм и 4 000–5 000 поставщиков-смежников [7. С. 3]. По данным историка Н.С. Симонова, в этот период в СССР существовало около 120 ракетостроительных заводов и 65 научно-исследовательских и конструкторских организаций [8. С. 275].

Таким образом, в СССР накануне Карибского кризиса активно изучался опыт американского ракетостроения. Это было необходимо для достижения паритета в области создания боевых ракетных комплексов. Спецификой этого периода является публикация в открытых советских изданиях этих важных сведений, что во многом объясняется некоторой либерализацией политического режима в СССР в годы хрущевской «оттепели», а также, возможно, стремлением привлечь советских ракетостроителей к конкуренции с западными инженерными и научными разработками.

Литература

1. *Николаев М.Н.* Ракета против ракеты (По материалам зарубежной печати). – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1963. – 200 с.
2. Иностранные баллистические ракеты класса «земля–земля» (ракеты межконтинентальные, средней дальности и оперативно-тактические): сост. по материалам, опубликованным в зарубежной печати до 15 июня 1962 г. – М., 1962. – 158 с.
3. *Брагин Е.К.* Противоракетная оборона / Е.К. Брагин, А.Г. Кубарев. – М.: Воениздат, 1966. – 96 с.
4. Ракеты и противоракетная оборона: сб. переводных ст. / сост. В.Ф. Жаров, В.И. Иванов; предисл. и ред. А.Х. Монза. – М.: Воениздат, 1962. – 227 с.
5. Состояние и тенденции развития ракет с двигателями твердого топлива в США. Обзор составлен по данным иностранной печати. – М., 1959 г. [Всесоюзный институт научной и технической информации]. – 48 с.

6. Состояние и тенденции развития двигателей на твердом топливе в США. Обзор по материалам, опубликованным в открытой печати в 1960–1961 гг. – М., 1961. – 68 с.

7. Некоторые вопросы технологии ракетостроения в США. Обзор зарубежных материалов. – М.: [б. и.], 1960. – 133 с.

8. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н.С. Симонов; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Центр «Россия и СССР в XX в.». – М. : Росспэн, 1996. – 333 с.

М.В. Васильев

ДЕКАБРИСТЫ КАК РАЗЖИГАТЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Сделана попытка рассмотреть отдельные аспекты программных документов декабристов и спрогнозировать последствия и риски в случае их реализации.*

Ключевые слова: *декабристы, Российская империя, Великобритания.*

По результатам наполеоновских войн Российская империя находилась на пике своей мощи и успеха, что не устраивало наших геополитических конкурентов, более того, угрожало их территориальным интересам. Практически сразу после Венского конгресса для ослабления России стали использоваться новые, более изощренные схемы борьбы, направленной на ослабление России изнутри. Практически синхронно в России возникли две внутренние проблемы: восстание кавказских народов, которые получали существенную поддержку от Турции и Великобритании и воевали новыми английскими винтовками, и тайные дворянские общества, вынашивающие идеи революции в стране. Еще со времен А.И. Герцена члены этих организаций преподносились как борцы за свободу простого народа и настоящие «рыцари без страха и упрека», усилила это представление советская историография. Однако если внимательно изучить историю декабристов, их программные документы, а также методы достижения их целей, то интерпретация исторических событий меняется диаметрально противоположным образом.

В 1821 г. окончательно сформировались Северное и Южное общества, их лидеры вынашивали идеи изменения будущего страны. Результатом их усилий стало появление двух наиболее известных программных документов: «Русской правды» П.И. Пестеля и Конституции Н.И. Муравьева. Сравним наиболее значимые пункты этих источников и постараемся спрогнозировать будущее России, к которому призывали декабристы. Наиболее радикальные идеи вынашивал автор «Русской правды», предлагая силовой вариант свержения монархии и физического уничтожения всех Романовых. В то время

как Н.И. Муравьев предлагал лишь существенно ограничить власть царя текстом основного закона страны. Пестель предлагал установить республику с унитарным государственным устройством, а Муравьев – федерацию с правом территориального отделения. Естественно, что отделение одной из частей государства стало бы серьезным прецедентом и вызвало бы цепную реакцию – сепаратизм окраин и территориальный распад страны был бы неизбежен.

Наиболее значимым пунктом этих документов являлся вопрос об отмене крепостного права. Все декабристы были единодушны в том, что это явление русской жизни является абсолютным злом и существенно тормозит развитие России. У каждого из лидеров было свое предложение решения крестьянского вопроса. Пестель предлагал даровать полную свободу крестьянам с предоставлением им земельных наделов, однако самый главный вопрос – о его размере и механизмах выделения земли – не был разработан. Получалось, что в случае захвата власти крестьянам будет предоставлена полная воля в решении этого вопроса, что непременно привело бы к анархии, погромам и разгулу русской вольницы. Не стоит забывать, что крестьянство в России на тот момент составляло более 80 % от общего населения Российской империи. Крепостные были абсолютно безграмотны и к элементарным принципам административного самоуправления не способны. Большая дубина и самозахват непременно стали бы их главным методом действий. А при слабости или полном отсутствии власти на местах крестьянская вольница быстро бы переросла в ожесточенную войну одной деревни с другой за лучшие земельные участки. Именно по этому сценарию развивались события во время аграрной революции 1918–1920 гг. Муравьев в своих планах также не объяснил механизм передачи земельного фонда крестьянам и лишь посчитал, что им хватит двух десятин, что было слишком мало для пропитания и непременно стало бы причиной социального взрыва.

Говоря о благородных порывах декабристов в вопросе отмены крепостного права, следует отметить, что все офицеры-дворяне, участники восстания 1825 г., были помещиками и эксплуатировали своих крепостных. Однако ни один из них не отпустил крестьян на свободу, хотя имел на тот момент все юридические возможности в соответствии с указом «О вольных хлебопашцах» 1803 г. Исключение составляет декабрист М.С. Лунин, который обладал двумя именьями в Саратовской и Тамбовской губерниях с ежегодным доходом

в 200 тыс. руб. В 1819 г. он составил завещание, по которому следовало ликвидировать крепостное право в этих имениях, правда, только после его смерти [1]. Пока декабристы были живы и думали об отмене крепостничества, их крепостные продолжали работать на своих господ.

Любопытны взгляды декабристов и на этническую политику будущей России. Так, П.И. Пестель писал, что в дальнейшем все народы должны будут преодолеть свою национальную особенность, отказаться от самобытности и стать неким единым этносом, однако не объясняя, как это будет осуществляться. Однако несложно догадаться, что слом национальной культуры привел бы к вооруженному сопротивлению народов, гражданской войне уже с элементами национально-освободительного движения, что снова привело бы к потере многих национальных окраин. Более того, П.И. Пестель предлагал выселение всех кавказских народов в Сибирь. Это при том условии, что к 1825 г. Российская империя крайне слабо контролировала северокавказские территории и вела тяжелую войну с горцами. Подобные действия лишь усугубили бы ситуацию и подтолкнули бы всех черкесов к газавату – священной войне против русских. Итогом стала бы не только потеря контроля над регионом Северного Кавказа, но и прекращение расширения влияния России на Закавказье и прикаспийские территории. Получается, что за планом этнических преобразований декабристов стоят далеко идущие задачи наших геополитических конкурентов, которыми являются не только Турция и Персия, но и Великобритания, влияние которой в этом регионе было всегда велико.

Есть и еще один пункт в рассматриваемых программных документах, по которому боевые офицеры-декабристы были единодушны. Это ликвидация армии и военных поселений [2]. Сложно представить, как профессиональные военные, только что одержавшие грандиозную войну в Европе, планировали управлять такой колоссальной страной, как Россия, без армии. Уничтожение лучшей сухопутной армии в мире, которая только что дошла до Парижа и победила Бонапарта, было выгодно в первую очередь нашим геополитическим конкурентам. Важно понимать, что осуществление планов декабристов непременно привело бы Россию к гражданской войне. С одной стороны, незаконный приход к власти (и, возможно, акт цареубийства) всколыхнул бы русское общество, непременно стали бы создаваться военные формирования для борьбы с узурпаторами

власти. Сформировалось бы контрреволюционное движение. С другой стороны, сами декабристы моментально рассорились бы, получив власть в свои руки. Как видно из самого поверхностного знакомства с текстами программных документов, идеи Северного и Южного обществ декабристов по большинству вопросов диаметрально противоположны и договориться они никогда не смогли бы, особенно в условиях свершившегося государственного переворота. А в силу того, что за каждым из них стояла реальная военная сила в лице солдатских полков – масштабная гражданская война была бы неизбежна. Острый гражданский конфликт внутри России мог отодвинуть нашу страну из большой геополитической игры на долгие десятилетия.

Проект декабристского восстания был многоуровневым и предполагал различное развитие событий. Интересен тот факт, что в бумагах декабриста графа Дмитриева-Мамонова царские следователи нашли документы, в которых будущей России планировалось вести следующую внешнюю политику:

1. Истребление имени Польша и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии российские.

2. Присоединение Венгрии, Сербии, всех славянских народов к России.

3. Изгнание турков из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России [3].

Еще более радикальные идеи вынашивали и лидеры Северного и Южного обществ. Предлагалось в случае их успеха и прихода к власти сразу объявить революционную войну всем монархическим державам. Правда, как эта задача согласовывалась с намерениями ликвидировать русскую армию, декабристы не объясняли. Даже если декабристы не стали бы реализовать данный проект на практике, сам его факт существования у пришедших к власти декабристов мог бы расцениваться как угроза территориальной безопасности Европы, что позволило бы законно наносить по России превентивный удар. Подобные документы создавались в качестве информационного пугала для Европы, чтобы в очередной раз запугать её мнимой русской угрозой.

Изучая историю декабристов, следует обратить внимание на следующий интересный факт. Первоначально, на заре своей революционной деятельности, П.И. Пестель отличался достаточно уме-

ренными политическими взглядами и дальше идей конституционной монархии не уходил. Однако в период между 1816 и 1818 гг. его полк был расквартирован в Митаве, где будущий мятежный полковник установит тесные контакты с графом П.А. Паленом – одним из главных организаторов заговора и убийства Павла I. Регулярные митавские встречи 24-летнего Пестеля с 72-летним Паленом привели к тому, что совсем скоро автор «Русской правды» кардинальным образом пересмотрит свои взгляды и выступит за радикальное изменение будущего России. Для понимания этого важного в биографии Пестеля сюжета следует вспомнить, что в устранении Павла I помимо русских аристократов стоял британский посол в Санкт-Петербурге сэр Уитворт, передавший заговорщикам более 3 млн руб. золотом и отвечавший за их эвакуацию на британском военном судне в случае провала. Продолжал ли граф П.А. Пален выполнять поручения Англии в столь преклонном возрасте, сказать однозначно нельзя, однако нельзя и исключать такую версию.

Вернемся к рассмотрению программных документов декабристов. Как бы не старались декабристы с 1816 г. оформить свои взгляды и чаяния о будущем политическом и социальном устройстве России, единого мнения они так и не смогли выработать. Девять лет членства в тайных обществах и нескончаемые споры не привели мятежников к согласию. Тексты Конституции и «Русской правды» не только существенно противоречили друг другу, но не были закончены до конца к моменту вооруженного выступления. Это привело к тому, что в день самого восстания было решено преподнести Сенату другой документ, который также готовился в самые сжатые сроки, – Манифест генерала С.П. Трубецкого, которого декабристы избрали на роль военного диктатора. Сам документ также не имел полной текстовой версии и был написан разными людьми. Так, например, вводную часть написали отдельно друг от друга Штейнгель и Н. Бестужев, а основной текст принадлежал перу Трубецкого и Рылеева. Содержание этого текста подобно всем другим программам и воззваниям борцов за свободу. Помимо очень хороших и полезных демократических ценностей вроде уничтожения цензуры, равенства всех перед законом, ликвидации крепостничества и введения суда присяжных, Манифест Трубецкого предлагал уничтожение постоянной армии, создание внутренней народной стражи, ликвидацию налоговой системы. К чему это могло привести – обсуждалось ранее. Более того, этот Манифест предлагал немедленную ликвидацию

всей системы государственного управления и создания нового Временного правительства, которое и реализует на практике радикальные преобразования, например, объявит право «всякому гражданину заниматься чем он хочет». И это в стране, где преобладают крепостные крестьяне. Бандитизм и повсеместная анархия в такой ситуации были бы просто неминуемы. Многие идеи Манифеста С.П. Трубецкого реализуются на практике через сто лет, когда под все теми же либерально-демократическими лозунгами к власти придет Временное правительство А.Ф. Керенского и доведет Россию до второй революции и гражданской войны буквально за считанные месяцы. В 1825 г. произойдет лишь первая репетиция русской смуты.

Литература

1. Декабрист Михаил Сергеевич Лунин. – Петроград, 1917.
2. *Пестель П.И.* Русская правда. – 1823 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml (дата обращения: 16.06.2019 г.).
3. Устав Ордена русских рыцарей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/7155677/page:5/> (дата обращения: 16.06.2019 г.).

Е.В. Дроботушенко

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СИБИРИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЛОКАЛЬНОСТЬ**

***Аннотация.** С позиции хронологической и территориальной локализации рассматриваются имеющиеся на сегодняшний день проблемы в изучении истории православия в Сибири в первые десятилетия после Великой Отечественной войны. Автор отмечает, что, несмотря на видимую широту темы, а также простоту ее изучения, наличие значительного количества источников, на сегодняшний день данный локальный аспект истории Сибири не нашел должного всестороннего научного анализа.*

Ключевые слова: православие, локальность исторического развития, Сибирь.

Для стороннего наблюдателя, далекого от серьезного научного исторического поиска, история как наука статична и не подвержена серьезным изменениям, в отличие, к примеру, от дисциплин естественнонаучного цикла. Есть факт, его изучение, интерпретация и оценка. Все пункты зависят от субъективного подхода исследователя. Именно благодаря ему происходит рождение разных оценок исторического факта. Однако для исследователя ищущего такой подход к исторической науке представляется ущербным. Здесь встает вопрос: «А в силу чего формируется тот или иной субъективный подход исследователя?». Субъективное восприятие исторической действительности предопределено, на наш взгляд, отчасти эрудицией и уровнем интеллекта ученого, в значительной степени уровнем полученного им исторического образования, наличием или отсутствием «исторического мышления» и, что особо, на наш взгляд, важно, желанием находить новые подходы в изучение истории.

Существуют темы, на первый взгляд простые и кажущиеся легкими в рамках исторического исследования, однако при глубоком анализе восприятие меняется. Ищущий ученый ставит перед собой новые проблемы, в рамки которых заводит казалось бы отнюдь не сложную тему. Таковой темой, в частности, является история православия на отдельно взятой территории. Мы предлагаем анализиро-

вать ее не только в рамках простой констатации фактов, а с использованием особого подхода, учитывающего хронологическую и территориальную локальность.

Вообще термин «локалистика», как и понятие «локальная история», широкого распространения в среде историков не получили. Более часто можно встретить использование термина «микроистория», однако и данный термин используется более специалистами, занимающимися данной проблематикой. Для широкой общественности и он является чем-то неизвестным.

На наш взгляд, проблема слабого использования данных терминов кроется в размытости самих понятий. Эта методологическая проблема исторической науки требует своего решения, в рамках которого названные выше понятия получают четкую и единственную трактовку, правда, отметим, что с возможными направлениями в рамках их конкретизации.

Понятие «локальный» зачастую подразумевает «местный», «ограниченный в рамках». По В.В. Меншикову, локальная история подразумевает объект от отдельного человека до целого региона [1. С. 132]. Этот же автор говорит о традиции соотнесения локальной истории с историческим краеведением, отмечая, что это не совсем верно, поскольку предмет «локалистики» шире [Там же].

На наш взгляд, соотнесение их с краеведением не оправдано в принципе. Мы видим разделение исторической науки и краеведения в ином. Здесь для нас территориальные границы могут быть значительны как в первом, так и во втором случаях. Краеведческие исследования, как и научно-исторические, могут анализировать значительные территории. Для нас разница в том, что краеведение не обязательно опирается на использование исторической методологии, на основополагающие принципы и подходы исторической науки. В значительной мере это популяризаторская историческая работа краеведов, в то время как историческая наука – это прерогатива ученых-историков.

При традиционном подходе историческое краеведение – это изучение истории «какого-либо края». Однако «края» в России – это значительные территории со своими особенностями исторического развития, а размеры краев как единиц административно-территориального деления превосходят по размеру многие европейские государства и даже их совокупности.

Серьезный ученый-историк годами работает с архивными документами, воссоздавая историческую картину прошлого, краевед же по крупицам собирает информацию из всех источников, комплексно воссоздавая историю чего-либо. Практика краеведения зачастую показывает, что исследованиям часто не хватает серьезности научного подхода, работы с документальными источниками, особенно удаленных хранилищ. Как отмечал Д.С. Лихачев, краеведы ближе к отдельным людям, к отдельной обстановке. Наиболее же показательным его замечание в оценке краеведения в целом. В нем «...нет “двух уровней”. Одного уровня – для ученых-специалистов и другого – для “широкой публики”». Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и его восприятии (потреблении) участвуют широкие массы...» [2. С. 159].

Исходя из сказанного, мы четко разделяем историческую локалистику и историческое краеведение. Историческая локалистика, как и микроистория, – это область деятельности ученых-историков. Однако сказанное не спасает нас от спорности и неполной проясненности самих категорий «локальная история» и «микроистория», которые часто соотносятся между собой.

На наш взгляд, достаточно хорошая трактовка микроистории дана в одной из работ Т.Г. Сердюк. Микроистория – это расширение пространства повседневности. Правда, здесь отмечается, что микроистория, согласно некоторым подходам, не позволяет создать синтез «исторической реальности» и «исторического прошлого» [3].

Достаточно интересные характеристики, приводимые для микроистории, встречаем у С. Зенкина, который говорит о ней как о реакции на традиционную историческую науку, в основе которой лежит работа с документами [4. С. 366].

А. Олейников приводит слова Ф. Анкерсмита о том, что микроистория – это авангардное историографическое предприятие [5. С. 378].

При этом если В.В. Меншиков говорит о практическом выражении микроистории как истории отдельной территории и, возможно, отдельного незначительного отрезка времени, то основная масса авторов, пишущих о микроистории, анализирует, главным образом, идеи западных ученых (Э. Грэнди, С. Черутти, К. Гинзбург, Ф. Анкерсмита и др.), сводя их к философскому дискурсу на тему [4, 5].

Микроистория в традиционном, общепринятом понимании, на сегодня – это область рассуждения скорее философов и филологов, чем

историков. Речь они часто ведут о соотношении исторического опыта и исторического повествования.

В этой ситуации для расставления точек над «и» очевидна роль историка практикующего, который в понимании «микроистории» идет в практическую плоскость и соотносит «микро» и «историю». Таким образом, «микроистория» – это история чего-то «маленького», малозначительного в мировом или национальном масштабе.

Так, микроистория – это история краткого периода времени на незначительной территории.

Если соотносить микроисторию с локальной историей и говорить о временном аспекте, то микроистория может рассматривать незначительный исторический промежуток, локальная же история конкретизирует его на определенной территории.

В.В. Меншиков, говоря об отечественной историографической традиции, отмечает, что локалистику чаще рассматривают как составную часть исторической регионалистики. При этом региональная история рассматривается как микроскопический аспект [1. С. 133].

Выше мы отмечали, что особое место в историческом поиске занимает история сибирского православия. Дело в том, что хронологически и территориально она может быть разделена на множество временных отрезков и относиться к небольшим территориям.

Проблемность названной истории предопределена незначительным количеством фактов относительно отдельных периодов времени. Таковыми являются несколько десятилетий после Великой Отечественной войны. История православия в разных регионах Сибири развивалась столь неравномерно, что, вероятно, справедливо говорить о ее локализации как территориально, так и во времени.

Можно сказать и о локализации терминов «Сибирь» и, к примеру, «Забайкалье». Что под ними понимать в истории и на современном этапе? Сибирь делится на Западную и Восточную, причем разделение условно. В послевоенные годы территория Якутской Автономной Советской Социалистической Республики рассматривалась в рамках Сибири. С начала 2000-х гг. она относится к Дальневосточному федеральному округу, не так давно к нему отнесено Забайкалье. Это Республика Бурятия и Забайкальский край, при этом часть территории первой не относится к «за Байкалом». Сказанное также ставит перед исследователем проблему. Здесь может помочь локализация истории на небольших территориях.

При этом православие развивалось схоже, к примеру, на территории Забайкалья, но все Забайкалье в рассматриваемом плане значительно отличалось от иных регионов Восточной Сибири. Официально зарегистрированных организаций были единицы, и православие, откровенно говоря, получило слабое развитие. На западе же Восточной Сибири было значительно больше действовавших культовых построек и зарегистрированных религиозных организаций. Еще больше их было в макрорегионе «Западная Сибирь».

По истории православия в Сибири в рассматриваемое время, особенно по отдельным ее территориям, существует мало источников. Это предопределено отрицанием религии со стороны советской власти и борьбой с ней. Незначительный объем данных, представленный в архивных документах, создает сложность с воссозданием полной православной сибирской истории послевоенных десятилетий. Здесь и встает вопрос об истории локальной в территориальном и микроистории в хронологическом плане.

Таким образом, локализация и микроисторизация православной истории внутри Сибири позволяют в достаточно сложных источниковедческих условиях относительно рассматриваемого времени воссоздать отдельные ее куски на отдельных незначительных территориях. Впоследствии появляется возможность сведения воедино нескольких локальных историй и воссоздание наиболее полной истории православия в Сибири в целом. Отметим, что, на наш взгляд, основу здесь составит работа в рамках традиционного подхода, т.е. работа с архивными источниками, чему локалистика вроде бы противопоставляется. Краеведение в данном случае нам помочь не сможет, поскольку история религий в советское время, к сожалению, в рамках краеведческого поиска, особенно на удаленных территориях, если и может быть воссоздана, то только в незначительной мере.

Литература

1. *Менщиков В.В.* Историческая локалистика (микроистория) в системе гуманитарного знания / В.В. Менщиков // Историко-педагогические чтения. – 2003. – № 7. – С. 132–134.
2. *Лихачев Д.С.* Русская культура / Д.С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 438 с.
3. *Сердюк Т.Г.* Проблема маргинальности микроистории: методологический аспект [Электронный ресурс // Философские дескрипты. – 2016. – № 16. –

С. 15. – ISSN 2413-0222. – Режим доступа: [http:// fr3617. rinethost.ru/?q=node/97](http://fr3617.rinethost.ru/?q=node/97) (дата обращения: 22.07.2019).

4. *Зенкин С.* Микроистория и филология / С. Зенкин // Казус = Casus: индивидуальное и уникальное в истории : альманах. – М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2007. – Т. 8. – С. 365–377. ISSN 2306-0638

5. *Олейников А.* Микроистория и генеалогия исторического опыта / А. Олейников // Казус = Casus: индивидуальное и уникальное в истории : альманах. – М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2007. – Т. 8. – С. 378–392. ISSN 2306-0638

Д.С. Маджун

**ПРИГРАНИЧНЫЙ ФАКТОР В ВОССТАНИИ 1916 г.
В СЕМИРЕЧЬЕ
(ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)**

Аннотация. *Накануне Первой мировой войны усилилась борьба за влияние в Центральной Азии между крупными игроками: Россией, Англией, Китаем, Турцией и Германией, которые засылали сюда своих агентов, что привело к обострению соперничества иностранных разведок и борьбы контрразведок в регионе. Это способствовало интернационализации (реальной или вымышленной) рассматриваемого конфликта. Вопрос о роли приграничного фактора в означенных событиях остается до конца не изученным до настоящего времени.*

Ключевые слова: *Туркестан, Семиречье, восстание 1916 г., киргизы, дунгане.*

Первая мировая война коренным образом изменила национальный состав населения Туркестанского края Российской империи, который пополнился десятками тысяч беженцев и военнопленных из стран Западной и Восточной Европы, Турции, трудовыми мигрантами из соседних областей Китая и Афганистана. Все они, движимые собственными интересами, не могли не оказывать влияния на происходившие в крае социально-экономические процессы и политические события. Колониальные власти и военные обвиняли иностранных, в том числе китайских, агентов в организации восстаний 1916 г. на территории Туркестана.

Так, очевидец восстания 1916 г. и участник Гражданской войны в Туркестане на стороне белогвардейцев П.С. Назаров, основываясь на слухах, писал, что «казахские и киргизские соединения были под командованием турецкого офицера, военнопленного, сбежавшего из Сибири». Автор даже обвинял высших чинов колониальной администрации, немцев: генерала от инфантерии фон Мартсона и военного губернатора Семиречья Фольбаума в преступном сговоре с Германией, которые, по его мнению, преднамеренно спровоцировали восстание мусульман в Туркестане путем неожиданного призыва их на фронт для военных работ [1. Р. 149, 237].

Научные споры о восстании 1916 г. происходили на фоне обострявшейся классовой борьбы и не утихавшей межнациональной вражды между русским и коренным населением края. Особенно ярко это вскрылось в преддверии празднования 10-летия восстания 1916 г., когда на общих собраниях граждан русских поселков Покровского и Ивановского Токмакской волости Киргизии было принято постановление о признании восстания 1916 г. национально-буржуазно-басмаческим и поэтому недостойным революционных почестей [2. С. 3]. Ввиду серьезного политического и идеологического значения для судьбы молодого государства, вопрос освещения восстания 1916 г. стоял на особом контроле коммунистической партии. В 1924 г. одним из первых постановлений вновь образованной Киргизской Автономной области при Отделе народного образования была создана научная комиссия по сбору и систематизации материала о народных восстаниях в Туркестане 1898 и 1916 гг. Опасаясь того, что празднование годовщины первой крупной колониальной революции может послужить поводом для контрреволюционной агитации и разжигания национальной ненависти между коренным населением и русским крестьянством, Отдел изучения истории партии при Средазбюро ЦК ВКП(б) на страницах журнала «Коммунистическая мысль» организовал дискуссию, в ходе которой историки попытались дать партийную интерпретацию восстания [3, 4]. Эта дискуссия продолжается уже несколько десятилетий, особенно разгораясь в канун очередной годовщины восстания.

Итогом первой крупной дискуссии 1926–1927 гг. стало признание всеми ее участниками прогрессивного революционного характера восстания. В то же время статьи участников дискуссии в подавляющей массе носили слишком общий, схематичный характер. Вместо анализа и обобщения самих исторических фактов авторы строили свои умозаключения на основе голословных рассуждений или отдельных, порою отрывочных цитат [5. С. 19]. По поводу участия внешних сил в восстании 1916 г. мнения разделились: А.В. Шестаков, не предоставив документальных свидетельств, признавал факты поставки оружия из-за рубежа (из Турции и Китая) и участия внешних сил в подготовке восстания [6. С. 101]. Х. Турсунов, не обнаружив конкретных свидетельств деятельности немецко-турецкой агентуры в период восстания 1916 г. в Туркестане, писал: «Если же главари реакционных выступлений и имели связь с иностранной раз-

ведкой, то не эти связи являлись определяющими, как писали об этом царские чиновники» [5. С. 12–40, 52, 331].

К. Усенбаев отмечал, что в период Первой империалистической войны заметно усилились панисламистские и пантюркистские настроения среди местной феодальной знати, но антирусские происки иностранных государств не имели ничего общего с интересами восставших народных масс и не находили поддержки у коренного населения [7. С. 16–17, 78, 282].

В 2016 г. вышла монография А.Б. Оришева и В.В. Ряполова, где говорится о том, что «накануне Первой мировой войны германские разведывательные службы создали два центра в Восточном (Китайском) Туркестане – в городах Кашгаре и Кульдже. Поскольку они находились на территории Цинской империи, им легче работалось вне пределов досягаемости российских властей. Но деятельность этих центров была всецело направлена на подрыв позиций России в Средней Азии» [8. С. 50]. Однако Питер Хопкирк отрицает причастность немецкой миссии на Востоке к рассматриваемым событиям. Он пишет, что «если бы немцы знали, что в 1916 г. в Русском Туркестане назревает серия восстаний, они попытались бы управлять событиями, так как, возможно, то была та самая искра, высечь которую им так и не удалось в Афганистане» [9. С. 61].

Согласно архивным документам, с середины XIX в. территория Китайского Туркестана находилась в зоне политических и торговых интересов России, на страже которых стояли Императорские консульства в Кашгаре и Кульдже. Российские консульства принимали меры по выдворению с этой территории всех подозрительных турецких и особенно немецких и австрийских подданных. Если какой-либо уездный начальник «слишком мягко» относился к проезжающим немецким офицерам, русские и английские консулы заявляли протест, обвиняя китайские власти в недружелюбии и нежелании поддерживать хорошие отношения с Россией и Англией [10. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 17–19, 24].

Немецкие и турецкие агенты не могли свободно осуществлять свою деятельность в Туркестане, как они делали это, например, в Афганистане, не встречая сопротивления властей и даже пользуясь их поддержкой. В Туркестане же многочисленные органы Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Военного министерства ревностно конкурировали между собой в поисках иностранных шпионов и агентов влияния. Это, несомненно, затруд-

няло планомерную организационную деятельность агентуры иностранных держав, тем более в обществе, где были широко распространены шпиономания и тотальная слежка. В обществе и докладах администрации и военных муссировались слухи об участии отдельных иностранных подданных в событиях 1916 г. в Семиречье и во всем Туркестанском крае. Но в показаниях предводителей восстания и рядовых киргизов не встречаются упоминания об участии или руководстве повстанцами со стороны иностранцев. Очевидно, некоторые из приезжающих в Туркестанский край европейских путешественников могли быть правительственными агентами на задании, но было также много и независимых авантюристов и разного рода мошенников из числа торговцев, военнопленных, европейских переселенцев, китайских анархистов, контрабандистов опиума и прочего люда, пытавшихся воспользоваться сложившимися обстоятельствами для узкокорыстных целей.

В недавно вышедшей статье В.В. Галиева подробно описана деятельность Императорских консульств в Китае, стоявших на страже интересов России. В частности, автор отмечает, что когда жандармские агенты прибыли в Уч-Турфан и Аксу с целью проследить воздействие со стороны мусульман – китайских подданных на возникновение волнений в Семиречье, драгоман российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефанович полностью отверг их подозрения. Он писал: «Заявляю: о воздействии со стороны китайских мусульман, как руководителей на русских (мусульман) не может быть и речи. Китайское инородческое население, как по своему развитию, образованию, а главное по своим понятиям об отношениях властей к подданным и наоборот, стоящие ниже русского населения, не могло занять такого положения, чтобы руководить в таких вопросах, как религия, и взять всё в свои руки» [11. С. 33].

Один из образованных казахов своего времени инженер М. Тынышпаев в своих показаниях отмечал, что «люди, незнакомые с историей взаимоотношений русских и киргизов... в попытках объяснить причины волнений в Семиреченской области, отыскивают эти причины, не задумываясь, слишком просто и легко: в «турецкой и германской» агитации. ...Если бы не было тех отношений к киргизам, что были до войны, если бы мобилизация рабочих проводилась более осмотрительно, то самая идеально обставленная, какую только можно себе представить, «турецко-германская» агитация не достиг-

ла бы того, свидетелем чего мы явились» [12. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 145].

А. Чулошников отмечал, что в степных областях в период составления списков киргизами призывного возраста заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарам. Если бы оно было вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов хотя бы путем подкупа или иным способом вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев... Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было, о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы представляется такой неизвинительной и непрости- тельной ошибкой, которая может отразиться несправедливо неза- служенно на судьбе несчастных номадов, а потому требует остро- рожного к себе отношения [13. С. 66–67].

Несмотря на многочисленные слухи, доклады военных и даже опубликованные в прессе свидетельства, многие из которых на по- верку оказывались ложными, до сих пор не найдены серьезные до- кументальные свидетельства о подготовке и руководстве восстанием 1916 г. в Семиречье со стороны правительств Германии, Турции или Китая. Попыткой властей Семиречья найти организаторов киргиз- ского восстания среди иностранных агентов и китайских подданных можно было ввести в заблуждение правительство в Петербурге, но люди, обладающие всей полнотой информации на местах, совер- шенно опровергали это обвинение.

Литература

1. *Nazaroff Paul*. Hunted Through Central Asia. – Oxford: University Press, 1993.
2. *Шестаков А.* 15-летие восстания в Средней Азии. – М.; Л., 1931.
3. *Галузо П.* 16-й год и как о нем следует думать? // Коммунистическая мысль. – Кн. 2. – Ташкент, 1926.

4. *Шестаков А.* Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 г. // Там же. – Ташкент, 1927. – № 4.
5. *Турсунов Х.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент, 1962.
6. *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии в 1916 г. // Историк-марксист. – 1926. – № 2.
7. *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии / под ред. А. Хасанова. – Фрунзе: Илим, 1967.
8. *Оришев А.Б., Ряполов В.В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. – Москва; Берлин, 2016.
9. *Фурсов К.А.* Большая игра: взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка. – М., 2016.
11. Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
12. *Галиев В.В.* Драгоман российского консульства в г. Кашгар Г.Ф. Стефанович и восстание 1916 года. 2006–2018 // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – <http://jurnal.org/articles/2010/hist14.html>
13. Центральный Государственный архив Кыргызской Республики.
14. *Чулошников А.* К истории восстания киргизов в 1916 г. // Красный архив. – 1926. – № 3 (16).

С.К. Малабаев

ВОССТАНИЕ 1916 г.: АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена восстанию 1916 г. Раскрываются специфические причины восстания. Устанавливаются характер движения, участники. Статья основана на архивных источниках.*

Ключевые слова: *восстание 1916 г., Кыргызстан, кочевники.*

В науке Кыргызстана продолжают дискуссии о трагических событиях 1916 г., вылившихся в восстание, однако одной из малоисследованных сторон является воздействие внешних сил на эскалацию восстания. В советское время академик Б.Д. Джамгерчинов писал о реакционных очагах восстания [1. С. 139], где происходили жестокости по отношению к переселенческому населению, однако К.У. Усенбаев отвергал резонные выводы и настаивал, что восстание носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер [2. С. 306]. В эпоху независимости эта точка зрения получила более крайнюю форму в исследовании М. Махмутбековой, которая считает, что «соорганизатором восстания 1916 г. можно считать и царскую Россию, которая имела только одну цель – полный захват земли кочевников-кыргызов и истребление их самих» [3. С. 18].

В отечественной науке устоялось мнение, о том, что Кыргызстан в годы царской власти был колонией и что трагические события 1916 г. были антиколониальным восстанием. Однако Б.Д. Джамгерчинов, анализируя политику мировых держав, отмечал, что положение Российской империи по отношению к национальным окраинам нельзя сравнивать с положением западноевропейских стран по отношению к их колониям; население Англии никогда близко не соприкасалось с населением своих колоний; никогда в своем историческом развитии английский народ не имел таких близких политических, экономических и культурных общений с народами своих колоний, какие имели русские с народами Средней Азии на протя-

жении всей своей многовековой истории, и писал, что «общение киргизов с русскими крестьянами-переселенцами... и другие экономические, политические, культурные и идейные связи между киргизами и русскими оказывали на киргизский народ самое благотворное влияние» [1. С. 90–95]. Архивные данные подтверждают мнение Б.Д. Джамгерчинова и свидетельствуют о том, что с годами колония превращалась в часть полноправной части империи, где киргизы со временем получали равные права с переселенческим населением.

Империя проводила прогрессивные изменения, благотворно отражавшиеся на настроении местного населения. Заметными были реформы в области медицины и образования. Население обращалось к властям с просьбой об открытии больниц. 12 февраля 1901 г. киргизы Ошской волости писали: «19 февраля сего 1901 г. исполнится 25 лет со дня водворения в крае полного спокойствия и законности под великой державой Великого Белого Царя. В память этого дня мы, выборные от земледельцев г. Оша в числе 75 человек, посовествовавшись с представителями прочих волостей уезда, решили на волостном съезде: просить о разрешении построить в г. Ош для наших жен и малолетних детей особую от мужской туземную женскую лечебницу, с кроватями для приезжающих больных и рожениц, по одной на волость» [ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 5]. В историографии устоялось мнение о том, что медицина была бесплатной в советские годы, однако архивные документы говорят, что в царские годы империя открыла больницу, где «пользование в лечебницах... и амбулаторных больных производится бесплатно [Там же. Л. 88]. Царизм пытался дать образование коренному населению. Об этом говорит протокол Пишпекской мужской гимназии от 24 августа 1913 г.: «При рассмотрении отметок, выставленных экзаменационными комиссиями по русскому языку, педсовет обратил внимание на слабую подготовку вновь поступающих детей вообще и киргизских в особенности, из коих почти все получили неудовлетворительные отметки по вышеозначенному предмету. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что родители киргизских детей, живя в степи за несколько сот верст от Пишпека и не зная требований гимназии, не могли в достаточной мере подготовить своих детей не только теоретически, но и в разговорном языке, к тому же в Пишпекке не имеется подготовительных школ, ни преподавателей с достаточной опытностью. На основании вышеизложенного и принимая во внимание неотступные просьбы родителей о помещении их детей в

гимназию, Педсовет постановил: обратиться с ходатайством к Его превосходительству господину Главному Инспектору училищ Туркестанского края о разрешении, в виде опыта, принять в текущем году тех из киргизских детей, которые при удовлетворительной отметке по всем другим предметам, имеют неудовлетворительную отметку по русскому языку» [ЦГА КР. Ф. 66. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 об.]. Царская администрация считала, что «было бы большей несправедливостью по отношению к туземцам, главным плательщикам земских налогов, за счет которых производится содержание интернатов сельскохозяйственной школы, не придти к ним на помощь и не увеличить процента приема их детей» [ЦГА КР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 9. Л. 57].

В трагических событиях были негативные моменты с двух сторон. Однако царская администрация старалась предотвратить подобные действия. Так, на фоне Беловодского события, закончившегося избиением киргизов, выходят приказы царских управленцев. Комендант Пишпекского уезда в приказе отмечал: «Поставляя об изложенном в известность всё русское население, считаю нужным предупредить, что военным и военно-полевым судам предаются лица, не исполняющие распоряжения властей и учиняющие насилие и грабёж над мирным населением, в какой бы на вид форме оно не проявилось. Во избежание тяжкого наказания военного суда прошу всё русское население воздержаться от всяких насилий и в особенности удерживать от этого юную молодёжь» [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–6 об.]. По докладу об этом главному начальнику края генерал-адъютанту Куропаткину, последний прислал телеграмму: «Вы доноситесь 16 августа, что русское население Беловодского участка вышло из повиновения Пристава и озлобленно уничтожает киргиз, предлагаю выходящих из повиновения русских судить тем же порядком и такой же строгости, как и вышедших из повиновения туземцев» [Там же. Л. 6]. Тем самым как комендант Пишпекского уезда, так и А.Н. Куропаткин проводили целесообразную политику в отношении участников событий, стараясь более справедливо решать эти вопросы и в свете данных исторических фактов нецелесообразно обвинять царскую власть в так называемом «геноциде киргизского народа».

В науке Кыргызстана утвердилось мнение о жестокости царской администрации по отношению к восставшим. Однако генерал-

губернатор А.Н. Куропаткин называл эти события «большим горем» как для переселенческого, так и кыргызского населения и останавливал незаконные действия отдельных негативных элементов со стороны войск и администрации, выражавшиеся в незаконной реквизиции имущества, а также отмечал, что «разорение киргизского населения не в интересах русского правительства» [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 41. Л. 29–30].

Исследователи Кыргызстана рассматривавшие трагические события 1916 г., отмечают жестокость со стороны империи, но мало кто из них пишет о том, что жёсткие действия были начаты восставшими. Один из предводителей трагических событий 1916 г. Канат Абукин в своих показаниях также признавал, что «подойдя к Токмаку и окружив его, мы стали вести наступление, желая вырезать в Токмаке всё решительно русское население» [Там же. Д. 15. Л. 20]. Количество погибшего кыргызского населения во время трагических событий 1916 г. полностью не выяснено, но следует отметить, что большинство гибло в горных ущельях от холода и голода и внезапно наступивших морозов при бегстве в Китай. По прибытии в Нарын полковника Слипко выяснилось, что военные действия частей Семиреченского отряда можно было считать оконченными, а потому 15 октября царской администрацией было выпущено воззвание к туземному населению, коим кыргызы местностей, охваченных мятежом, сознававшие свою вину, покорявшиеся требованиям властных органов, призывались к возвращению на свои места и к приступлению к мирным занятиям [Там же. Д. 32. Л. 2].

Как же относились к восстанию рядовые кочевники-кыргызы? По свидетельству архивных документов, часть населения была против восстания. Канат Абукин признавал, что его армия малочисленная и имела всего 4–5 тыс. бойцов. Так как рядовые кыргызы шли в бой неохотно, то, по словам Каната, «приходилось подгонять сзади нагайками» [Там же. Д. 27. Л. 35 об.]. Когда переселенец Зиновий Орленко обнаружил транспорт, в котором тайно было спрятано оружие и ему угрожало лишение жизни от восставшего, который уже целился в него из ружья, другой кыргыз закричал на стрелка «кой-кой», то есть «оставь» и этим спас переселенцу жизнь [Там же. Д. 25. Л. 20]. Есть показания простых кыргызов, которые заявляли, что о предполагаемом восстании и его целях им было неизвестно [Там же. Д. 6. Л. 47, 53]. Кыргызы из

простонародья не стремились участвовать в восстании и откочёвывали от восставших. Так, Исмаил Муратов, кыргыз Барскаунской волости, отмечал в своих показаниях: «В моё оправдание показываю, что за 3 дня до бунта в нашу волость приехал джигит почётного киргиза Барскаунской волости Усена Шамырова и от имени Шамырова стал подговаривать всех киргиз нашей волости принять участие в бунте против русских. Когда начался бунт, то мы в числе 300 человек ушли в горы и никакого участия в бунте не принимали, а впоследствии холод и голод заставил нас спуститься с гор, спустились мы около с. Тарханы, где нам встретились русские мужики и доставили нас в с. Покровское. Почему киргизы устраивали бунт я не знаю, но предполагаю, что из-за солдат» [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Л. 36]. Особо следует отметить, что рядовые кыргызы хорошо относились к пленным переселенцам. Прасковья Мячина, жительница Уй-Тала, отмечала в своих показаниях, что попала в плен к кыргызу Кыдралу, который, будучи сам болен тифом, перевез к себе на своей подводе, приказывал своей жене кормить её вместе с её семьёй и вообще заботился о них и говорил, что даст их в обиду лишь тогда, как умрет [Там же. Д. 1. Л. 17]. Елена Умхина в своих показаниях тоже отмечала доброту и благородство рядовых кочевников: «Когда киргизы ворвались в дом Павлова, ко мне подошел мой бывший работник Джимагул и сказал мне, чтоб я шла к нему в плен, иначе меня убьют киргизы. Я была у него с 8 малыми детьми и все мы уцелели благодаря Джимагулу, он хорошо кормил нас и не давал нас в обиду, когда другие киргизы приходили убивать нас и бранили Джимагула за то, что он держал нас, когда ему самому нечего было есть. Джимагул при мне плакал и высказывал сожаление, что киргизы бьют русских говоря, что богачи заставляют бунтовать бедноту. Сам Джимагул говорил, что на совести его нет убийства и что он никого не грабил. Действительно, когда кто-то из киргиз принес Джимагулу русскую рубашку, он выбросил ее из юрты, говоря что русских вещей ему не нужно. Также поступал и его отец Байсары. Я прямо скажу, что только благодаря ему Джимагулу сохранена жизнь моя и моего семейства» [Там же. Л. 22 об. – 23]. О том, что многие части кыргызов были против восстания, отмечают и сами переселенцы, близко соприкасавшиеся с кыргызами. Так, житель г. Пржевальска Каракыш Дмитрий заявлял: «...уверен, многие киргизы были против

каких бы то ни было выступлений» [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 30].

Рядовые кочевники в большей степени понимали реакционность данных выступлений и своевременно предупреждали как переселенческое население, так и царскую администрацию о готовящейся резне. Кыргыз Тюлемиш, служивший старостой на церковной постройке селения Григорьевского, тоже говорил переселенцам, что кыргызы готовятся бунтовать и что если они назначат день бунта, он, Тюлемиш, предупредит крестьян. И действительно, 9 августа утром этот кыргыз сообщил старосте, чтобы народ спасался, так как бунт среди кыргызов уже начался [Там же. Д. 11. Л. 7 об. – 8].

В Кыргызстане одним из элементов, который проводил подрывную деятельность, явился начальник Пржевальского уезда полковник Иванов. Бывшие в плену у восставших переселенцы говорили, что причиной восстания кыргызы называли полковника Иванова, говоря, что «Вас русских продал уездный начальник, что ему киргизы дали много денег и он разрешил уничтожить русских» [Там же. Д. 6. Л. 8 об.]. Ещё задолго до восстания Иванову неоднократно докладывали о готовящемся восстании, но он не придавал ни фактам, ни сведениям никакого значения. Более того, Иванов знал о готовящемся восстании от своего знакомого, который стал одним из организаторов восстания Султан-Мурата, но скрыл эти сведения как от населения, так и от начальства. Во время подавления восстания Султан-Мурат был взят в плен и втайне без полагавшегося суда и следствия был казнен Ивановым, так как мог выдать своего коррупционного покровителя [Там же. Д. 2. Л. 46]. В одном из домов дунганского селения Мариинска пржевальским инспектором полеводства Каракашем при розыске опиума был случайно найден склад разного оружия. Часть восставших хотели устроить свою независимость под предводительством сарга Султан-Мурата, в доме которого, в г. Пржевальске, до восстания заготавливались партиями боевые принадлежности [Там же. Л. 41, 45].

В историографии не уделено внимания тому факту, что сами кыргызы, в основном из простого народа, предупреждали переселенцев о будущей резне. Ещё 3 августа 1916 г. представители селений Кольцовка и Барскауна Пржевальского уезда ввиду тревожных слухов о подготовке восстания просили уездного начальника Иванова прислать военную охрану, на что Иванов отвечал, «что тревога ни

на чём не основана кроме того, что работники киргизы болтают всякий вздор» [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 31. Л. 7]. Более того, Иванов, зная о готовящемся восстании, дезинформировал центральную власть, отправляя телеграммы однообразной редакции: «Всё спокойно» [Там же. Д. 2. Л. 34].

Коррупция, вседозволенность, преступная халатность особенно видны в г. Пржевальске, где ходили слухи о том, что уездный начальник распорядился убить Султан-Мурата именно потому, что он должен ему около 6 000 рублей. Сарты Юнусбаев, Султан-Мурат, Акрам Тюрязев, киргизы... Курментинской волости Кыдарбек Тунгатаров, Тургенской волости Кыдыр Байсарин и др. несколько раз рассказывали о том, что они боятся просить Иванова уплаты долгов, так как Иванов не платил им старые тысячные долги. По рассказам поименованных других киргизов, Иванов должен им и другим киргизам до 30 000 рублей, но никому долг не платил. В окрестностях г. Пржевальска и в волостях китайскоподданных дунган и китайцев, прибывших из Китая, было около 12 000 человек. Аксакал над китайскоподданными сартами Мантяр Юнусбаев докладывал несколько раз Иванову о том, что китайцы и китайскоподданные дунгане скупают у киргизов за высокие цены опиумные посевы. Начальник уезда на это не обращал внимания. Кенсуйский волостной управитель об этом же докладывал несколько раз и подал рапорт с просьбой о выдворении. Управители Курментинской, Бирназарской, Тюпской и Тургенской волостей также докладывали о том же и просили распоряжения о выдворении. Иванов против этого никаких мер не принимал [ЦГА КР. Ф. И-34. Оп. 2. Д. 5. Л. 145, 149, 150].

В исторической науке Кыргызстана утвердился тезис историка К.У. Усенбаева о том, что события 1916 г. охватили весь Кыргызстан [2. С. 255]. Однако, как констатируют ранее неопубликованные архивные материалы, в Кыргызстане эти трагические события не происходили на определённых территориях. Например, в Шамсинской [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 27. Л. 47] волости Пишпекского уезда и в Пригородном участке трагических событий не было [Там же. Д. 34. Л. 16 об.]. Активное участие в событиях 1916 г. принял волостной управитель Абаильдинской волости Канат, который стал возмущать все волости Загорного участка. Многие не хотели принимать участия в восстании, и тогда

Канат стал угрожать, что перебьёт всех на месте, кто не пойдёт воевать с русскими [ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 15. Л. 12].

Местных феодалов и зажиточную прослойку кочевников подстрекали к восстанию турки и немцы, которые посылали прокламации сыновьям бывшего влиятельного феодала Шабдана из Османской Турции, в которых убеждали кыргызов не давать людей в театр военных действий, поднять восстание и уничтожить русских, создать свое царство, в ханы предназначался один из сыновей Шабдана. Более того, османы дезинформировали кыргызов о том, что все города Туркестана уже завоеваны турками и что остался только Самарканд [Там же. Д. 1. Л. 7].

Спецслужбы Османской империи и Германии подготавливали восстание не только в идеологическом плане на почве панисламизма, но и старались помочь технически, о чём свидетельствует использование восставшими ракет для сигналов. Во время начала восстания на Иссык-Куле восставшие использовали спецтехнику, т.е. давали знаки о готовности к началу восстания. В начале августа с западной стороны озера был выстрел из ракеты, извещающий восставших восточного побережья Иссык-Куля о начале восстания, на что восставшие восточного побережья давали сигнал ракетой также о готовности к выступлению [Там же. Д. 28. Л. 1].

В составе Российской империи кыргызы и Кыргызстан развивались в поступательном движении, но трагические события 1916 г. произошли как по вине царской администрации, вовремя не предотвратившей те события, так и по вине туземных влиятельных лиц, которые, стремясь воспользоваться тяжёлым положением России в период Первой мировой войны, решили с помощью внешних сил открыть «внутренний» фронт с целью отделения от империи. Коренное население, видя реакционность восстания, своевременно предупреждало царскую администрацию о предстоящем восстании, однако органы власти в большинстве своём не среагировали, и произошли трагические события в ряде регионов. Значительную роль в возникновении трагических событий 1916 г. играла неоднозначная земельная политика и коррупционность части как царской, так и туземной администрации, выражавшаяся в стеснении землепользования кыргызов.

Литература

1. *Джамгерчинов Б.Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. – Фрунзе: Изд-во: АН Кирг. ССР, 1963.
2. *Усенбаев К.У.* Восстание 1916 года в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1967.
3. *Махмутбекова М.* Народно-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане (историко-источниковедческий анализ воспоминаний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бишкек, 2008.

М.А. Безнин, Т.М. Димони

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА ОТ АГРАРНОГО К КАПИТАЛИЗИРОВАННОМУ ОБЩЕСТВУ В РОССИИ¹

Аннотация. Авторы ставят вопрос о методологических подходах к изучению истории советского общества, когда происходила масштабная социально-экономическая трансформация. В тексте предложены критерии анализа происходящих процессов, градация этапов социально-экономической трансформации. Одним из важных подходов, по мнению авторов, является марксова теория первоначального накопления капитала. Некоторые идеи Б.Г. Могильницкого также положены в основу предложенных подходов.

Ключевые слова: аграрное общество, капитализированное общество, Россия, XX в.

Томский историк Б.Г. Могильницкий оказался одним из немногих исследователей, который на закате «перестройки» в статье «Альтернативность в истории советского общества» высказался против грубого и схоластического подхода к истории России этого времени [1. С. 3–16]. Выступая о необходимости изучения альтернатив ее развития, Б.Г. Могильницкий обратил внимание на необходимость комплексного подхода к изучению истории Советской России, в том числе с использованием неангажированной марксистской методологии, психоистории, веберизма и т.д. В упоминаемой статье видно глубокое знание историографических достижений, выводов о разных этапах истории, в том числе «феодальном» (что и было основной специализацией Б.Г. Могильницкого), владение разнообразными методиками изучения общества. Статья была опубликована в ведущем академическом журнале «Вопросы истории» на первых страницах издания, что свидетельствовало о важности высказанных идей для исторического сообщества. К сожалению, размышления Б.Г. Могильницкого в тот период времени оказались мало воспринятыми историками, возобладало мнение о приоритетности описания «трагических страниц истории сталинизма», «тирани-

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269.

ческой диктатуры», «агрогулага» в России. Однако упрощенные трактовки истории России при современных накопленных знаниях о советском периоде становятся совсем неуместными на фоне развития мировой гуманитарной мысли.

XX в. был периодом, когда в России произошла масштабная трансформация, связанная с коренным изменением типа экономического, социального устройства общества, его психологических и ментальных характеристик. По сути дела, изменились все параметры устройства – натуральная по преимуществу экономика была заменена товарной (существовавшей при советской власти в специфической форме), важнейшим фактором производства стал капитал, основная часть валового производства продукции стала производиться в промышленном секторе и сфере услуг, крестьянский двор как основная производственная единица уступил место профессиональному коллективу и т.д.

Важнейшим вопросом изучения перехода от аграрного к капитализированному обществу является поиск методологических подходов к сложным процессам трансформации, определение критериев анализа, выявления этапов происходящих процессов. По мнению Б.Г. Могильницкого, одним из таких методологических подходов вполне может быть марксистская теория первоначального накопления капитала. Авторы статьи также считают, что такой подход является одним из важнейших в понимании процессов социально-экономической трансформации России в советской период.

В 1920–1990-е гг. обществоведы неоднократно обращались к обсуждению первоначального накопления капитала как экономического и исторического процесса. Первое заметное обсуждение этого вопроса было связано с поисками путей экономического рывка в 1920-е гг. Свой взгляд на проблему первоначального накопления тогда высказал известный экономист Е.А. Преображенский. Он изложил свои взгляды в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924 г.) [2. С. 47–116], но был жестко раскритикован политической элитой. С этого времени в советской политической экономии был введен термин «социалистическое накопление». Второй период обсуждения истории первоначального накопления в России последовал в 1950-е гг., когда, в частности, в Институте истории АН СССР (1955 г.) были сделаны доклады Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. В докладе Б.Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России» [3. С. 1–2] процесс характеризовался как, в пер-

вую очередь, насильственные меры, резко ускоряющие накопление. В докладе Н.И. Павленко было отмечено, что явления первоначального накопления прослеживаются в России с XVII в., когда накопление капиталов производилось посредством товарообмена. На последующих этапах в первоначальном накоплении играли большую роль меркантилизм и возросшие феодальные повинности на крестьян [4. С. 3–51]. В целом дискуссия показала необходимость более четкого определения понятия «первоначальное накопление». Большинство участников дискуссии понимало под этим термином процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, другие – накопление капиталов. Третий этап возвращения к проблеме первоначального накопления капитала в России относится к началу XXI в. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из-под характеристики этого периода советское время [5, 6].

Задача определения границ периода первоначального накопления в России до сих пор остается нерешенной. Однако все становится на свои места, если обратиться к крупным изменениям в экономике России в советский период. Именно в это время прошла масштабная и быстрая экспроприация мелких производителей, аккумуляция средств в рамках первоначального накопления в руках государства, действовавшего через атомизированный слой государственной протобуржуазии (партийной, советской, хозяйственной, финансовой верхушки). В историографии данный процесс совершенно неправомерно называется индустриализацией и коллективизацией (повторяя догмы «Краткого курса “Истории ВКП(б)”»).

В процессах первоначального накопления капитала в СССР решающую роль играл период 1930–1950-х гг. Начало его связано с переломной точкой в формировании процессов форсированного первоначального накопления – так называемой коллективизации сельского хозяйства. В ходе этого этапа было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных сельхозпроизводителей, создан рынок рабочих рук для работы по найму в промышленности и сельском хозяйстве (колхозники в этом смысле отличались большой спецификой). Земельные фонды в основном были изъяты у крестьянских хозяйств и перераспределены в пользу общественного хозяйства (колхозов и госхозов). Крестьянские хозяйства (единоличные хозяйства и дворы колхозников) за период 1928–1937 гг.

лишились 72 % (2/3) основных капиталов, причем это были наиболее «продвинутые» виды капиталов – сельхозмашины и орудия, рабочий и продуктивный скот. Наиболее быстрая потеря капиталов крестьянских хозяйств произошла в период 1931–1934 гг. (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63(а). Л. 50, 52, 54, 56, 63). Все эти меры по «обезземеливанию» и изъятию ресурсов создавали предпосылки для массового оттока населения из деревни. Население деревни России сократилось с 76 млн человек в 1926 г. до 55,9 млн в 1959 г., т.е. почти на 20 млн человек [7. С. 5; 8. С. 5].

Накопление капиталов в 1930–1950-е гг. осуществлялось за счет большой системы мер, увеличивавших капиталы промышленности, в том числе за счет прибыли промышленных предприятий. Но главные усилия государство предприняло по законодательному оформлению и реализации системы изъятия средств из сельского хозяйства [9, 10]. Масштабы изъятия ресурсов позволяют представить данные баланса народного хозяйства СССР, согласно которым, например, в 1935 г. всего накоплений в экономике СССР было 40 млрд руб., из них в промышленности – 21,4 млрд руб. что составляло более 50 % накоплений, в сельском хозяйстве – 3,9 млрд руб., что составляло только 1/10 часть всех накоплений [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 48].

Границу завершения процессов основного этапа первоначально накопления можно определить по целому ряду важнейших индикаторов. Прежде всего, это уход господства аграрной составляющей из жизни общества, как в экономической, так и в социальной, духовной сферах, превалирование среди факторов производства капитала, превышение его доли над живым трудом, рост качества и уровня жизни населения, снижение тяжести налогов и пр. И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. (в этом году удельный вес промышленности впервые превысил показатели доли сельского хозяйства: 55 % составляла доля промышленности, 45 % – доля сельского хозяйства)¹ [11. С. 310].

Соотношение факторов производства дает возможность представить такой экономический показатель, как доля капитала и «про-

¹ Все же процесс шел более медленными темпами. Цифры, приведенные И.В. Сталиным, основаны на крайне низкой оценке стоимости продукции сельского хозяйства (*Примеч. авт.*).

стого» труда в себестоимости продукта. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Расчеты удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда (по данным межотраслевого баланса затрат труда) показывают, что в 1975–1985 гг. они соотносились как 60:40 в пользу живого труда, что показывает ресурсы капитализации, еще не освоенные советской экономикой [12. С. 244].

Важнейшим индикатором завершения процессов первоначального накопления является пролетаризация населения, переход к зарплате как основному источнику средств существования. В этом плане особенно важны показатели построения бюджетов колхозников, дольше всего сохранявших черты аграрного общества. Доля дохода от личного хозяйства начинает стремительно сокращаться в них с конца 1950-х гг. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42 %, в 1970 г. – 33 %, в 1980 г. – 25 % [13, 14. С. 95].

Период, последовавший за основным этапом первоначального накопления, характеризуется завершением многих процессов, позволявших промышленной части экономики аккумулировать основную часть ресурсов. Прежде всего, снижается налогово-повинностная нагрузка на сельское хозяйство, коренным образом изменился феномен товарности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полномасштабно функционировал рынок, важнейшей частью которого стало «освобождение» колхозников (1974 г. – принятие новой паспортной системы, по которой паспортизацией была полностью охвачена колхозная деревня), действовала современная финансово-кредитная система и др.

Таким образом, высказанная Б.Г. Могильницким догадка о важности применения теории первоначального накопления к истории советской России даже сейчас выглядит весьма смелым и своевременным подходом.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. – 1989. – № 11. – С. 3–16.
2. *Преображенский Е.А.* Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 8. – С. 47–116.
3. Материалы к заседанию Ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. // Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (материалы к обсуждению). – М., 1955. – С. 1–2.
4. *Павленко Н.И.* О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII–XVIII вв.). – М., 1955. – С. 3–51.
5. *Красникова Е.В.* Развитие капитализма в России век спустя. – М.: Теис, 2003. – 167 с.
6. *Прозоровская К.А.* Девиантное экономическое поведение в России: историческая ретроспектива и факторы институционализации в эпоху «первоначального накопления капитала». – СПб.: Инфо-да, 2014. – 164 с.
7. Народное хозяйство РСФСР: стат. сборник. – М., 1957.
8. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. – М., 1977.
9. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. – М.: Ленанд, 2019. – 608 с.
10. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
11. *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. – Т. 13. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1951. – С. 282–379.
12. *Beznin M.A., Dimoni T.M.* Revisiting the type of economic system in the USSR. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2016. – No. 5. – P. 238–250.
13. Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1 (189). – М., 1962.
14. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980–1984 гг. – М., 1985.

Л.А. Коханова, Е.В. Якубович

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС СЕТИ – НОВЫЙ ТИП ДОКУМЕНТА ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Аннотация. *Анализируется информационный ресурс сети как новый тип документа по истории науки и техники. Определены типология и его характеристики: текстогенность (контент) и техногенность (канал), которые взаимозависимы. Представлены результаты исследования 200 информационных ресурсов по теме «Зеленая химия» в интересах устойчивого развития» в сети. Делается вывод, что информационный ресурс как документ трансформирует язык описания научного направления, предлагает новые практики изучения истории науки.*

Ключевые слова: *информационный ресурс, сетевое пространство, документ, техногенность, текстогенность, контент, мультимедийный продукт, канал, платформа, типология.*

В нашей стране активно идет процесс «оцифровки произведений науки, искусства, кино, музыки, печатной продукции, исторических документов, а также обеспечения доступа к их цифровым копиям» [1. С. 8–9]. Как следствие, обозначились новые характеристики документов, которые могут быть использованы для фиксации событий, явлений, этапов становления нового научного направления в сфере науки и техники. По сути, они становятся информационными ресурсами. Это определило цель данного исследования – понять, каким образом из информационных ресурсов можно сформировать источниковедческую базу для изучения истории науки и техники на примере конкретно заданной темы.

Таким образом, сетевое пространство становится объектом исследования, тогда как информационные ресурсы по теме «“Зеленая химия” в интересах устойчивого развития» являются предметом исследования. Это научное направление очень активно развивается в последние десятилетия. Д. Медоуз утверждает, «что еще в первой половине текущего столетия существующие социально-экономические и политические тенденции приведут к разрушению

основ индустриального общества, если не будут осуществлены значительные изменения» [2. С. 1].

Материалы и методы. Одна из задач предпринятого нами исследования – показать этапы становления данного научного направления на основе источниковедческой базы – собранных информационных ресурсов в сетевом пространстве. Чтобы решить поставленную задачу, на первом этапе данного исследования нами было определено понятие «информационный ресурс» и его характеристики как документа на основе изученной литературы.

По мнению ряда исследователей, информационные ресурсы – это отдельные документы и массивы документов в разных информационных системах, таких как библиотеки, архивы, фонды, банки данных и др. В данном случае мы рассматриваем их в сети Интернет как принципиально новое явление в жизни общества, появившееся в 90-е гг. прошлого столетия.

Тогда информационный ресурс в сети как документ можно рассматривать по форме и содержанию, т.е. он, по мнению М.Г. Шилиной, обладает двумя основными характеристиками: техногенностью и текстогенностью [3]. В первом случае он представляет собой информационный мультимедийный продукт – контент. Как утверждает А.Н. Козырев, «возможность представления в цифровой форме – фундаментальное отличительное свойство всех ценностей, обозначаемых относительно новым для русского языка термином “контент”» [4. С. 8].

Во втором случае это канал или платформа, на котором он расположен. Более того, еще в недавнем прошлом создание контента было прерогативой средств массовой информации. Теперь все значимее роль платформ (соцсетей, агрегаторов, производителей браузеров и операционных систем), которые находятся между производителями контента и конечными его пользователями. Контент в Интернете распространяется множеством способов и может быть представлен по-разному.

Таким образом, на основании изученной литературы информационный ресурс как документ в сетевом пространстве – это фиксированный контент на одной из платформ. При этом данный ресурс, по мнению исследователей, объединяет информацию и носитель, который «неотделим от своей инфраструктуры, без которой его ресурсное функционирование невозможно» [5. С. 314].

Результаты исследования. Эмпирическая часть исследования это полностью подтвердила. Ее сбор стал вторым этапом данного исследования. По теме было отобрано более 200 информационных ресурсов как каналов – платформ, на которых был представлен информационный ресурс как контент по теме «“Зеленая химия” в интересах устойчивого развития».

Безусловно, мы имеем дело с оперативной информацией, но существуют условия дистанции времени, которые способствуют отмиранию свойства оперативности. Тогда собранный информационный ресурс начинает проявлять сущностные характеристики документа по истории науки и техники более отчетливо. В данном случае на основании собранного материала можно уже сегодня определить этапы становления исследуемого нами научного направления, используя при этом не газету или журнал на бумажном носителе – документ для историка, изучающего историю науки и техники, а их электронные версии.

Как видим, контент для специалиста по истории науки и техники крайне важен, так как он представляет собой исторические источники во всем их многообразии, которые требуют немедленной фиксации. Имеющиеся сегодня в сети тексты или мультимедийные продукты позволяют иметь дело не только с историческими фактами, а с их отражением в сознании людей определенного времени. Работает схема: факт – событие – контент как исторический источник – факт-знание. Таким образом, информационный ресурс как исторический источник – это непосредственное отражение действительности.

Следует отметить, что собранная эмпирическая база определила следующую задачу исследования – необходимость классификации информационных ресурсов в сетевом пространстве по разным основаниям. Так, например, Ю.А. Нисевич предлагает считать информационный ресурс практическим результатом обобщенных процессов обработки информации, осуществляемых в два этапа: 1. Сбор, накопление, хранение, первичная обработка (фильтрация) и актуализация исходной информации. 2. Комплексование, статистическая и аналитическая обработка, создание новой (вторичной) информации [6. С. 6].

В данном случае нам пришлось разрабатывать классификацию, которая учитывала бы сложившиеся классификации в историческом документоведении в сочетании с классификацией информационных

ресурсов. Поэтому в основу был положен историко-типологический подход, свойственный в большей степени специалистам по истории науки и техники. Основой типологии является расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа. Тип определяется как разновидность, форма, модель, которая характерна для той или иной группы предметов, как единица расчленяемой в типологии реальности [7. С. 1203].

Такой единицей «расчленяемой в типологии реальности» [8. С. 25–26] стал информационный ресурс как контент по исследуемой теме. По характеру содержания это тематическая информация, представленная научными и научно-популярными публикациями на научных и образовательных ресурсах. Для поиска ключевыми понятиями информационного ресурса по данной тематике стали понятия «устойчивое развитие» (5 тыс. информационных ресурсов, 3 077 показов в месяц), «зеленая химия» (6 млн результатов, 1 680 показов в месяц), «полезная химия» (7 млн результатов, 439 показов в месяц). Дополнительно в поиск были заданы понятия «концепция устойчивого развития» (5 тыс. результатов, 7 594 показа в месяц), «критерии и стратегии устойчивого развития химической отрасли» (5 млн результатов), «экологическое сознание» (6 тыс. результатов, 2 241 показ в месяц) и др.

Следует отметить, что по целевому назначению практически все ресурсы под устойчивым развитием понимают «развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [9]. Но в зависимости от характера осуществляемых ими функций эти информационные ресурсы представляют собой разные типологические группы. Примером информационного ресурса, адресованного научному сообществу, можно назвать сайт «Postnauka.ru» (<https://www.oc-praktikum.de/pop/ru-article-sustainability>).

Другую не менее значимую типологическую группу образуют научные и научно-популярные ресурсы, которые публикуют материалы по устойчивому развитию. В нее входят онлайн-версии научных изданий. Одним из них является журнал «Химия в интересах устойчивого развития» (<http://www.sibran.ru/journals/khur>). Также научному сообществу, но конкретно молодым исследователям адресован онлайн-вариант журнала «Молодой ученый»

(<https://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3117/>), который с учетом специфики своей аудитории знакомит с этой темой.

Следует отметить, что данные ресурсы так же, как и остальные, которые попали в выборку, практически все ориентированы на свои целевые аудитории, которые принимают активное участие в пополнении баз данных по данной тематике. Это позволяет утверждать, что предметно-тематическая направленность информации, в данном случае «устойчивое развитие», как типологическая характеристика в обязательном порядке соотносится со своей аудиторией.

Следовательно, информационные ресурсы предоставляют специалисту по истории и техники трудоемкую работу, но и большой выбор искомой информации, которая из документа истории со временем становится историческим документом, позволяющим описать этапы становления данного научного направления.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация архивов, фондов, музейных коллекций и т.д. способствовала появлению нового формата документа, обладающего такими специфическими характеристиками, как техногенность (мультимедийный продукт – контент) и текстогенность (канал, платформа).

2. Информационный ресурс объединяет информацию и носитель, который неотделим от своей инфраструктуры, без которой его ресурсное функционирование невозможно.

3. По результатам анализа эмпирической базы, состоящей из более чем 200 информационных ресурсов по теме «Зеленая химия» в интересах устойчивого развития», определены основные форматы контента и платформы (носители.), на которых они расположены, а также их типологические группы.

Таким образом, появление информационного ресурса как исторического документа трансформирует язык описания такого научного направления, как «Зеленая химия» в интересах устойчивого развития», способствует появлению новых практик в изучении прошлого науки и техники в нашей стране в целом. Проведенное нами исследование лишь подтверждает, что история науки и техники как часть общей истории, по утверждению. Б.Г. Могильницкого, приближается к своей давнишней цели – «стать такой же точной дисциплиной, как естественные науки». [10. С. 20–21]. Но насколько ей

это удастся сделать, покажут время и новые технологии фиксации документов.

Литература

1. *Козырев А.Н.* Цифровое будущее культуры: Измерение и прогнозы. – М.: Издательские решения, 2016. – 350 с.
2. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
3. *Шилина М.Г.* Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. – М., 2012.
4. *Козырев А.Н.* Цифровое будущее культуры: Измерение и прогнозы. – М.: Издательские решения, 2016. – 350 с.
5. *Шубина О.А.* Информационный ресурс: понятие, виды // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 12. – С. 314.
6. *Нисневич Ю.А.* Системно-методологические основы государственной информационной политики // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. – 2001. – № 3.
7. Большой энциклопедический словарь. – М., 1997.
8. *Шкондин М.В.* Системная типологическая модель СМИ. – М., 2002.
9. *Костыгова Ю.* Сетевые СМИ: занимательная типология [Электронный ресурс] // Мир Internet: журнал. – 2002. – № 4. – URL: <http://www.iworld.ru> (дата обращения: 15.06.2019).
10. *Могильницкий Б.Г.* Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 2(6). – С. 20–21.

Т.В. Ткачева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ СОВРЕМЕННОГО АРХИВА В ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ИСТОРИЯ»

***Аннотация.** Показана роль архивного учреждения в выстраивании информационной среды для формирования профессиональных компетенций магистров-историков. Рассмотрен опыт Государственного архива Югры по созданию электронного фонда пользования документов. Охарактеризованы основные направления деятельности архива по работе с пользователями, развитию исторической базы для проведения исследовательских работ по истории региона.*

Ключевые слова: *информационные ресурсы, образование, история, магистратура, архив, Югра.*

Внедрение информационных технологий в различные области современной системы образования в настоящее время принимает все более масштабный и комплексный характер. Накопление информационных ресурсов в системе высшего образования приводит к тому, что практически возникает новая образовательная информационная среда, которая создает условия для повышения качества образования, расширения системы непрерывного образования, а также повышения оперативности и эффективности управления системой образования, интеграции национальной среды в мировую информационную систему [1. С. 90].

В современных условиях информационное сопровождение охватывает не только образовательный процесс, оно постепенно становится каналом, по которому профессиональные знания транслируются в систему обучения. Немаловажную роль в этом процессе играют профильные учреждения и организации для того или иного направления подготовки.

В соответствии с ФГОС ВО направления подготовки 46.04.01 История организацией, с которой связана область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу магистратуры, в том числе является архивное учреждение [2]. К объектам профессиональной деятельности магистров относятся исторические процессы и явления в социокультурных, политических и экономических

измерениях, их отражение в исторических источниках, поэтому информационные ресурсы современных архивов могут быть всецело направлены на сопровождение магистерских программ по истории.

В Югорском государственном университете (г. Ханты-Мансийск) функционирует магистерская программа по направлению 46.04.01 История направленности «Отечественная история (история России)». Формирование профессиональных компетенций будущих магистров-историков осуществляется в том числе на базе Казенного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (КУ ХМАО – Югры «Государственный архив Югры») [3].

С 1934 г. Государственный архив Югры в Ханты-Мансийском автономном округе существовал как структурное подразделение окружного Архивного бюро, в 2012 г. учредителем казенного учреждения «Государственный архив Югры» выступила Служба по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. С 1 января 2012 г. Государственный архив Югры начал свою работу как самостоятельное юридическое лицо.

В настоящее время при имеющихся различиях в существующих перечнях государственных (муниципальных) услуг в деятельности Государственного архива Югры выделяются две приоритетные:

- оказание информационных услуг на основе архивных документов;
- обеспечение доступа к архивным документам (копиям) и справочно-поисковым средствам к ним.

Для реализации исследовательских задач студентов-историков наиболее востребованной является «Обеспечение удаленного доступа к архивным документам (копиям) и справочно-поисковым средствам к ним». Учреждению пришлось провести подготовительную работу для того, чтобы данная услуга предоставлялась пользователям качественно:

- создание официального сайта учреждения как инструмента, с помощью которого пользователь взаимодействует с учреждением – самостоятельно или со специалистом архива получает искомую архивную информацию;
- создание электронных баз данных – справочно-поисковых систем, которые помогают пользователю найти и максимально быстро отобрать ту информацию, которая необходима по теме;
- создание электронного фонда пользования документов КУ «Государственный архив Югры».

Официальный сайт КУ «Государственный архив Югры» является источником информации для пользователей, предоставляя в онлайн-режиме готовые материалы по истории Югры, архивные документы.

Доступ к архивной информации зависит от использования специальных инструментов – научно-справочного аппарата (НСА), поэтому, не имея доступа к нему, трудно найти интересующую информацию. Это накладывает определенный отпечаток на способ взаимодействия архивов со своими пользователями. НСА Государственного архива Югры включает каталог фондов архива и краткий справочник по ним, Список фондов архива, ЭБД «Награждены за труд в годы Великой Отечественной войны», которые, благодаря официальному сайту, стали доступны в сети Интернет. Это позволяет более широкому кругу исследователей определить наличие в архиве документов по интересующей их теме.

В настоящее время наиболее перспективным направлением работы архивов с пользователями является обеспечение удаленного доступа к оцифрованным образам архивных документов и средствам их поиска через Интернет. С этой целью в Государственном архиве Югры введена в эксплуатацию информационная система «Электронный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (АИС «Элар»).

Система позволяет не только ознакомиться с путеводителями по всем фондам Государственного архива Югры, описями этих фондов, но и с электронными образами архивных документов, количество которых ежегодно пополняется. Также АИС «Элар» расширяет возможности поиска необходимой информации по ключевым словам. Исследователь имеет возможность в короткий временной период выбрать архивные документы, необходимые для работы, на уровне единиц хранения. И чем больше электронных образов документов будет в АИС «Элар», тем больший объем информации появляется у пользователя для исследования.

АИС «Электронный архив» расширяет информационный потенциал Архивного фонда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, предоставляет исследователям доступ к электронным образам ретроспективной информации, не посещая читальный зал архива. Предоставление удаленного доступа к архивной информации дало возможность, особенно маломобильным группам населения,

пользователям с ограниченными возможностями работать с архивными документами, не выходя из дома.

В 2018 г. пользователями и исследователями электронного читального зала КУ «Государственный архив Югры» было просмотрено 712 электронных копий дел в ГИС «Элар». Часто запрашиваемыми в 2018 г. были дела по темам: генеалогия; государственная власть и управление, самоуправление; история здравоохранения, физкультуры и спорта; история края (населенных пунктов); история учреждений, предприятий и организаций; наука (этнография, экология, география, языкознание и др.); просвещение; персоналии; политические репрессии и военные действия; революционные и общественные движения [4].

Особое внимание в своей работе Государственный архив уделяет подбору материалов для использования на занятиях по истории округа в вузе и школах. Ведется работа со студенческой молодежью: проводятся мероприятия историко-просветительной и патриотической направленности, семинары-практикумы, мастер-классы по комплектованию и подшивке документов, обзорные и тематические экскурсии. Использование архивных документов в преподавании исторических дисциплин приобретает все большее значение. Магистранты-историки по заявкам архива выполняют научно-исследовательские работы в виде магистерских диссертаций, впоследствии такие работы размещаются на официальном сайте КУ «Государственный архив Югры» и могут быть использованы в учебном процессе.

В настоящее время Государственный архив Югры реализует несколько проектов, в том числе:

- «Калейдоскоп событий».
- «Первая мировая война в жизни югорчан».
- «Гордость Югры».
- Окружные родословные чтения «Память будущих поколений».
- Интерактивная карта «История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».
- Комплектование архива документами ученых, исследователей, деятелей образования, науки, культуры из числа коренных малочисленных народов Севера.

Так, например, проект «Интерактивная карта “История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры”» начал внедряться Государственным архивом Югры с 2016 г. Механизм проекта заключался в создании отдельных слоев карты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по определенной теме:

2016 г. – «Церкви, храмы, монастыри на территории округа в XV–XX вв.».

2017 г. – «Исчезнувшие деревни Ханты-Мансийского района».

2018 г. – «Особо охраняемые природные территории», «Пути колонизации Югры в XI–XVI вв.».

Итогом реализации проекта «История исчезнувших деревень Ханты-Мансийского района» стало издание одноименной книги.

Уникальную информацию не только студенты, но и все, кто интересуется историей края, могут найти в публикациях по архивным документам также на сайте организации. Ознакомиться с событиями прошлого позволяет раздел «Югорский калейдоскоп событий». Пользователи сайта могут быть всегда в курсе памятных и знаменательных дат Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Новацией среди проводимых мероприятий архива являются виртуальные выставки. Размещение ссылки на виртуальные выставки архива на главной странице сайта обеспечивает более быстрый переход к ним, а также направлено на привлечение к ним большего количества пользователей. Виртуальные выставки посвящены определенной теме, и в силу своих расширенных возможностей публикации архивных документов представляют наибольший интерес, делая знакомство с историей округа и фондами архива наиболее увлекательными. Если экспонирование традиционных выставок архивных документов ограничено временем и площадями, то виртуальные выставки могут быть расположены на сайте на протяжении многих лет, тем самым увеличивая количество обращений к ним пользователей. Поэтому в последние годы интернет-выставкам пользователи стали уделять значительное внимание.

Виртуальные выставки обеспечивают возможность более качественного доведения до пользователей информационного массива, а использование мультимедийных технологий позволяет представить его более насыщенным и эмоциональным для восприятия.

Таким образом, информационные ресурсы архива составляют разнообразную источниковую базу для проведения исследовательских работ по истории региона. Обеспечение удаленного доступа к

архивным документам (копиям) и справочно-поисковым средствам к ним позволяет использовать в учебном процессе онлайн-технологии, в том числе консультирование специалистов архива. Взаимодействие вуза и архива создает базу для полноценного сопровождения и управления формированием профессиональной компетентности у будущих магистров-историков.

Литература

1. Ушмаева К.А. Проблемы информатизации исторического и социально-экономического образования / К.А. Ушмаева // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 1 (20). – С. 90–92. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-informatizatsii-istoricheskogo-i-sotsialno-ekonomicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 19.09.2019).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.04.01 История (уровень магистратуры) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/460401.pdf> (дата обращения: 05.09.2019).
3. КУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Югры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gahmao.ru> (дата обращения: 10.09.2019).
4. Анализ предоставления информационных услуг пользователям архивной информацией за 2017–2018 годы / КУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Югры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gahmao.ru/files/PDF/82.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).

С.Л. Разинков, Л.В. Захаровский

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Аннотация. *Описаны концепция и структура базы данных по истории системы профтехобразования в Свердловской области в 1940–1950-е гг., характеризуются возможности просопографических баз данных как метода систематизации и анализа информации, содержащейся в массовых исторических источниках.*

Ключевые слова: *база данных, big data, просопография, профессионально-техническое образование, Свердловская область.*

Одной из самых заметных тенденций развития современной исторической науки является расширение ее методологического потенциала (в том числе за счет методов естественно-математических наук), что, по мнению Б.Г. Могильницкого, выступает необходимым условием «ее поступательного развития, возможности получения объективного знания о своем предмете» [1. С. 89]. В этой связи нельзя не согласиться и с утверждением Б.Г. Могильницкого о том, что количественные методы прочно вошли в инструментарий современной исторической науки, повысив ее профессиональный статус и став ярким выражением ее сциентизации, а «компьютер становится такой же ее эмблемой, как и древнегреческая муза Клио» [2. С. 196]. При этом Манфред Таллер в качестве одной из трех ключевых (и второй по значимости) областей применения Computing in the Humanities (компьютерные методы в гуманитарных науках) называет систематизацию и анализ фрагментов информации, извлеченных из различных источников (текстов, описаний изображений, пространственных связей и т.д.) на основе технологии баз данных [3. С. 8]. Базы данных в методологическом арсенале историка (даже в рамках микроисторического исследования) выступают как эффективный метод систематизации информации, позволяющий «отразить

¹ Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19-09-00396/19).

в совокупности структурно-функциональные и динамические особенности предмета и объекта исследования» [4. С. 48].

Популярность проблематики, связанной с созданием и использованием архивов машиночитаемых документов и баз данных, среди историков несомненна. Распространенность исследований с применением баз данных и в то же время их все более локальный характер способствуют появлению тенденции, которую Питер Доорн иронически охарактеризовал как «я и моя база данных», отметив, что исследователи, работающие в русле исторической информатики «все больше и больше ощущают себя в интеллектуальном вакууме, потому что реальная история пишется за пределами нашего сообщества» [5. С. 50]. Ральф Матисен из университета Иллинойса также отмечал на основе собственного многолетнего опыта разработки просопографических (ориентированных на реконструкцию общих характеристик конкретной социальной группы) баз данных, что они «имеют исключительно высокий уровень истощения (attrition rate)» [6. Р. 99], т.е. не обеспечивают стабильно высокой эффективности исследования по сравнению с более традиционными методами.

Одним из способов преодоления данной тенденции является создание баз данных на основе широкого комплекса взаимосвязанных источников, ориентированных на решение не ограниченного круга локальных исследовательских задач, а на многоцелевое многократное использование разными историками.

В данной работе предпринимается попытка охарактеризовать концептуальные подходы и принципы применения технологии баз данных на уровне конкретно-исторического исследования (на примере базы данных по истории системы профессионально-технического образования Свердловской области в 1940–50-е гг.).

Целью разработанной авторами базы данных «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1940–1950-е гг.)» является систематизация и обобщение основных показателей развития профтехобразования в Свердловской области (организационных, производственно-технических, экономических, социально-демографических, ментально-поведенческих) в их динамическом развитии и на основе широкого круга массовых источников. Информация по истории региональной системы профессионально-технического образования в БД представлена на трех уровнях: А – обобщенных статистических показателей в масштабе Свердловской области; В – образовательной организации (фабрично-заводского

ученичества, школы ФЗО, ремесленного или железнодорожного училища и т.д.); С – персоны (учащегося или сотрудника образовательной организации). Графическая модель представления предметной области БД приведена на рис. 1.

Уровень А – статистически обобщенная информация, отражающая агрегированные показатели деятельности системы профессионально-технического образования в регионе на протяжении длительного периода (1940–50-е гг.). Основана на планово-отчетной и распорядительной документации региональных органов управления образованием (например, Свердловского областного управления трудовых резервов в 1940-е гг.).

Уровень В – основной уровень, содержащий ключевые характеристики конкретной образовательной организации, которые отражают эволюцию системы профтехобразования в Свердловской области на основе динамики ключевых показателей (количество педагогов и учащихся, движение контингента, распределение по специальностям, площадь учебных и производственных помещений, среднегодовые расходы на одного учащегося, выработка продукции, базовые предприятия и т.д.).

Методологической основой БД на данном и последующем уровнях выступает концепция «big data», т.е. информационных ресурсов большого объема, с высокой скоростью пополнения и / или большим разнообразием, которые требуют использования новых, инновационных, форм обработки информации, превышающих возможности стандартных баз данных. Классическое представление о «big data» связано с наличием пяти характерных особенностей (5V), присущих подобным информационным ресурсам: большой объем информации; скорость (непрерывность поступления и высокая частота обновления данных); достоверность (высокое качество информации, обусловленное разнообразием источников); вариативность форматов представления данных (от жестко структурированных до неструктурированных); ценность (экономическое значение данных) [7. Р. 2–4]. В БД на основе исторических источников не все указанные особенности проявляются с равной степенью интенсивности (например, им не присущи высокая частота обновления или экономическая ценность данных), однако большой объем данных, разнообразие источников и вариативность форматов представления информации позво-

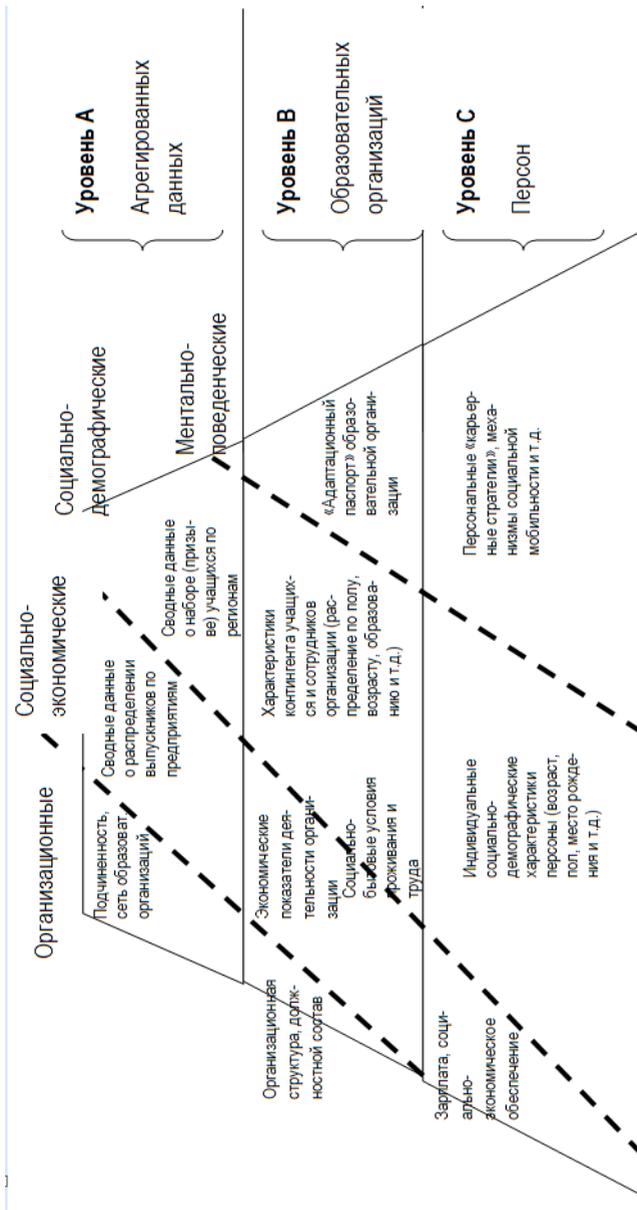


Рис. 1. Информационная модель предметной области базы данных

ляют, по нашему мнению, успешно применить концептуальные подходы, характерные для «big data», к БД «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1940–1950-е гг.)».

Уровень С – уровень персоны (отражает социально-демографические сведения о конкретных учащихся, мастерах и педагогах, полученные на основе выборки информации массовых источников: возраст, место рождения и место проживания до зачисления в учреждение профтехобразования, специальность, период обучения, трудоустройство после окончания обучения и т.д.).

На данном уровне особое значение (наряду с вышеупомянутой методологией «big data») имеет обращение к концепции просопографических баз данных, которые отражают «жизненные пути» различных социальных, профессиональных или иных групп и могут использоваться для «решения общих проблем изучения социальных, политических и культурологических явлений и тенденций развития исторического процесса [8. С. 122].

В узком первоначальном смысле просопография ориентирована на исследование общих характеристик группы действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем: 1) путей осуществления ими политических акций; 2) путей и вариантов социальной мобильности и реализации своих карьерных устремлений. В более общем смысле, в рамках исторической информатики с начала 1990-х гг., под термином «просопография» подразумевается жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических «коллективных биографий» определенных социальных групп, страт и т.п.

Одной из основных проблем, стоящих перед любым историком, является вопрос репрезентативности исходного материала. Просопография может рассматриваться как попытка преодолеть опасность порождения выводов на основе отдельных случаев и создания обобщений из нескольких красноречивых примеров.

Традиционный подход
ОПИСАНИЕ
В виде
КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ
Предполагает
АНАЛИЗ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

С применением БД
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В виде
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОЛЕЙ
Предполагает
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Направленность применения технологии баз данных в просопографических исследованиях можно проиллюстрировать схемой [9].

Таким образом, просопографические исследования имеют своей целью исследование модели общественных взаимоотношений и социальной активности посредством изучения коллективной биографии, сбора и анализа статистически значимого количества биографических данных о четко определенной группе лиц (в нашем случае – учащихся учреждений профтехобразования Свердловской области). БД «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1940–1950-е гг.)» является информационным продуктом многоцелевого использования, который, в первую очередь, обеспечивает эффективную систематизацию первичной информации из различных типов источников (преимущественно массовых) и создание модели исторических данных по функционированию системы подготовки рабочих кадров в индустриальных городах Свердловской области.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «история». – М.: Высшая шк., 1989. – 175 с.
2. *Могильницкий Б.Г.* История исторической науки XX века: курс лекций. – Вып. 3: Историографическая революция. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 554 с.
3. *Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2012. – № 1. – С. 5–13.
4. *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования: учеб. пособие. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
5. *Дорн П.* Я и моя база данных: движение к концу направления «История и компьютеринг»? // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 1995. – №13. – С. 48–77.
6. *Mathisen R.W.* Where are all the PDBs?: The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds // Prosopography Approaches and Applications. A Handbook / Ed. by K.S.B. Keat-Rohan. – Oxford: P & B, 2007. – P. 95–126.
7. *Vijayarani S., Sharmila S.* Research in big data – an overview // Informatics Engineering, an International Journal (IEIJ). – 2016. – September. – Vol. 4, № 3. – P. 1–20.
8. *Иванова Г.В., Юмашева Ю.Ю.* Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Вып. 10: История. – 2005. – № 39. – С. 95–127.

9. *Hill T.* After Prosopography? Data modelling, models of history, and new directions for a scholarly genre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arts-humanities.net/event/after_prosopography_data_modelling_models_history_new_directions_scholarly_genre

В.К. Абрамов

О ПРИМЕНЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ МОРДОВИИ)

Аннотация. *Анализируются основные ошибки применения количественных методов в исторических исследованиях. Делается вывод о недостаточной подготовке большинства историков Мордовии в области количественного анализа.*

Ключевые слова: *математико-статистическая обработка количественной информации, корреляция.*

Современный уровень исторической науки, безусловно, требует исследования эволюции производства, торговли, демографических и других массовых процессов в среде больших социальных групп, народов и стран, а это невозможно без применения количественных методов. Историки всегда пользовались ими на уровне арифметики. Особенностью современного этапа является широкое применение методов других дисциплин, прежде всего, математической статистики и теории вероятностей. Их массовое внедрение в сферу исторических исследований в СССР началось с 1970-х гг. С 1980-х гг. выпускаются учебные пособия для историков, освещающие наиболее распространенные количественные методы.

С середины 1980-х гг. в освоение этих методов включились историки Мордовии. В Мордовском госуниверситете был введен курс «Количественные методы в исторических исследованиях», выпущен ряд учебных пособий, в том числе с федеральным грифом [1–3], и др. Для Мордовии освоение этих методов имело большое значение не только с точки зрения их грамотного использования, но и в аспекте получения точных статистических характеристик. С конца XIX столетия до образования автономной области (1930 г.) её территория охватывала последовательно части трех–четырёх губерний и восьми–тринадцати уездов. При этом ни один из уездов (по ним публиковались статистические показатели) полностью в состав автономии не вошел, а их территории в этот период значительно ме-

нялись. В таких условиях из-за большой трудоемкости подсчета данных по отдельным селам исследователи просто суммировали общеуездные сведения. Если в Мордовию вошло более половины уезда, он брался целиком, менее – отбрасывался. При подобном подходе становилось невозможным сопоставление абсолютных показателей автономии с совокупностью указанных уездов, т.е. нарушалось одно из важнейших условий применения диахронного метода исследования.

При отсутствии полноценной статистики историки оперировали порой совершенно несопоставимыми данными. Например, количество десятин, переданных крестьянству края по Декрету о земле (пашня и покос), определялось в БСЭ (3-е изд. Мордовская АССР) в 1 млн, в то время как в Мордовии, имеющей площадь в 2,3–2,4 млн дес., некрестьянской земли, вместе с болотами, песками, землями, находившимися под водой, постройками, дорогами, а также лесами, занимавшими тогда до трети территории края, было не более 960 тыс. дес. Для выхода из подобной ситуации автором был разработан способ подсчета статистических данных в точных границах Мордовской автономии до её образования [3. С. 64–72], высоко оцененный в академической печати [4. С. 44]. Однако из-за относительной его сложности историки республики до настоящего времени продолжают пользоваться несопоставимой уездной статистикой, да и в целом запал середины 1980-х гг. по освоению количественных методов как-то потерялся, хотя попытки их применения «для демонстрации инновации» остались. Автор уже поднимал в печати проблему корректного применения количественных методов [5. С. 73–76], но «воз и ныне там».

Например, в монографии О.В. Кошиной, выпущенной Мордовским госуниверситетом в 2009 г., встречаем: «В 1897 г. в шести уездах Мордовии... грамотных мужчин (20,1 %) было в 4,5 раза больше, чем грамотных женщин (4,5 %)» [6. С. 87]. Понятно, что это были уезды трех губерний, чья территория частично оказалась в границах современной РМ, и сама формулировка данного контекста не корректна. Однако, не останавливаясь на этом автор «исследует» «на территории Мордовии» распределение учителей и учительниц по каналам подготовки, полу, возрасту, семейному положению и даже сословиям [Там же. С. 47–48, 89, 93, 99, 101], механически перенося на национальные районы данные с совокупности Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний, тогда

как территория РМ, представлявшая тогда аграрные окраины этих регионов, составляла лишь 12,5 %, а население – 13,0 % их общих показателей.

Не вполне освоив обработку количественных данных, О.В. Кошина переходит к достаточно сложному методу корреляции. Этот метод применяется историками уже давно, и условия его использования хорошо известны. Первое из них состоит в грамотной количественной формализации исторических данных, второе – в достаточном числе наблюдений. Особенно это важно при определении величин линейного коэффициента (r) и корреляционного отношения (η). Здесь к требованиям присоединяется условие нормального распределения признаков. Соавторы О.В. Кошина и А.О. Сыромясов приступили к работе, не озаботившись ни одним из них. В статье [7] они выстроили «вариационный ряд» из четырех показателей каждого признака (уровни надельного землепользования). Естественно, что ни о каком нормальном распределении здесь речи быть не может. По поводу же количества наблюдений было сказано: «Авторы статьи отдают себе отчет в том, что четырех точек не вполне достаточно для построения графика зависимости одного показателя от другого. Однако в данном случае мы были ограничены данными исторических источников...» [Там же. С. 118]. На этом этапе «исследование» можно было закончить, однако авторы развернули его на 73 волости трех уездов, получив в результате выводы, не имеющие никакого реального смысла. Статья изобилует большим количеством ошибок: например, линейный коэффициент (r) берется в качестве критерия для определения нелинейности связи [Там же. С. 117], хотя для этого имеется критерий согласия Пирсона (χ^2), объявляется линейной связь признаков на рис. 1а [Там же. С. 118], тогда как из графика явно видно, что связь нелинейная, и т.д. Но главная ошибка была совершена вначале, когда они нарушили принцип однородности при подборе исходных признаков, смешав в одной выборке крестьян различных национальностей и исторических категорий. В этих уездах значительную долю составляли мордовские и татарские крестьяне, как правило, бывшие государственные, в то время как русские были преимущественно из бывших крепостных. Первые имели заметно больше земли, чем вторые, а учитывалась грамотность на русском языке. При таком исходном материале сама постановка указанной цели не имеет практического смысла и не мо-

жет быть достигнута даже при грамотном проведении корреляционного анализа.

Еще более трудоемкую работу при финансовой поддержке РГНФ (грант №00-01-00161a/в) провели авторы монографии [8]. Они попытались проанализировать методом корреляции зависимость особенностей изготовления 2 375 артефактов указанного периода от предполагаемого времени их изготовления [Там же. С. 7–8]. В качестве критерия был принят коэффициент контингенции Пирсона. В любом математическом справочнике сказано, что измеряемая им связь подтверждается лишь при величине $> 0,3$, имеются и более дифференцированные градации. В указанной же монографии произвольно установлены интервалы: « $0,3 < Q < 1$ – очень сильные связи; $0,2 < Q < 0,3$ – сильные связи; $0,1 < Q < 0,2$ – слабые связи». Средних связей они, видимо, не обнаружили. Возможно для археологов так удобнее, но математические законы это не отменяет. Пользуясь такой градацией, авторы установили «очень сильную связь» между указанными признаками для 259 артефактов [Там же. С. 69–77] и «сильную» – для 255 (21,6 % всех артефактов) [Там же. С. 78–86], тогда как для корректного исследования следовало отобрать только признаки со значимым ($> 0,3$) коэффициентом. Кроме того, в четырехклеточной таблице ожидаемых значений признаков в каждой из ячеек должно быть не менее 10. Таких в представленной картине «сильных связей» только пара десятков. Если же в ячейке ожидаемое значение принимает величину от 5, коэффициент корреляции и критерий Хи-квадрат должны рассчитываться с поправкой Йейтса (Ейтса), а если меньше 5 – точного критерия Фишера [10]. Однако из «значимых» 259 вариантов признаков 159 имеют нулевое значение в одной из ячеек, что обычно приводит к существенному завышению исчисляемых коэффициентов. В таких условиях точный критерий Фишера применять нельзя. То есть исходный количественный материал в принципе не годен для исследования данным методом. Если же пойти на существенное допущение и произвести пересчет коэффициентов с поправкой Йейтса – вычитать из числителя соответствующей формулы величину половины выборки, то для первого артефакта, имеющего, по мнению авторов монографии, «сильную связь» (0,408), получается округленная величина в 0,203; для второго (0,353) – 0,203 [8. С. 69] и т.д., что выводит из сферы значимой корреляции почти все представленные артефакты.

Но это ошибки применения довольно сложного метода. К сожалению, у многих историков проявляется неумение работать с данными на уровне арифметики. Неспособность к анализу количественной информации приводит таких авторов к ошибочным выводам даже тогда, когда сведения отражают ситуацию более или менее реально. Например, в написанном Н.Н. Зорковой разделе «Инфраструктура социокультурной сферы» для сборника «Мордовия в послевоенный период», выпущенного НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, делается вывод, что «с 1946 по 1953 г. расходная часть бюджета на социокультурные мероприятия постоянно росла». Далее дается иллюстрация этого «роста»: в 1946 г. на культурно-просветительные учреждения истрчено 11,8 млн руб.; в 1947 г. – 9,4 млн; в 1948 г. – 9,7 млн; в 1950 г. – 11,0 млн; в 1951 г. – 11,4 млн руб. Далее Мордовский театр драмы в 1949 г. получил 854,7 тыс. руб., а в 1951 г. – 853,7 тыс.; театр кукол – соответственно 156,8 и 107,0; Республиканский колхозно-совхозный театр – 299,5 и 256,5 тыс. руб. [9. С. 250–251]. О скрытой инфляции и деноминации рубля в 1947 г. автор раздела, видимо, даже не имеет представления.

В статье приведены лишь характерные примеры некачественного использования количественных методов в исторических исследованиях. В целом же историографический обзор публикаций, выпущенных в Мордовии с начала XXI в., показывает недостаточную подготовку большинства историков края в данной сфере.

Литература

1. *Абрамов В.К.* Количественные методы в исторических исследованиях. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – 248 с.
2. *Абрамов В.К.* Корреляционный анализ в исторических исследованиях. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1990. – 83 с.
3. *Абрамов В.К.* Математические методы в исторических исследованиях. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1988. – 91 с.
4. *Гарскова И.М.* Рец. // Бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при РАН. – 1992. – № 5. – С. 44.
5. *Абрамов В.К.* О корректности применения количественных методов // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2000. – № 26/27. – С. 73–76.
6. *Кошина О.В.* Развитие образования на территории Мордовии во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный анализ. – Саранск, 2009. – 158 с.

7. Кошина О.В., Сыромясов А.О. Исследование влияния социально-экономических факторов на уровень грамотности крестьянства с использованием метода корреляции // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69), ч. 1. – С. 114–120.

8. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008. – 530 с.

9. Зоркова Н.Н. Инфраструктура социокультурной сферы // Мордовия в послевоенный период. 1945–1953: в 2 т. / НИИГН при Правительстве Республики Мордовия; науч. ред. и сост. В.А. Юрченков. – Т. 2. – Саранск, 2015. – 388 с.

10. URL: https://medstatistic.ru/theory/hi_kvadrat.html

М.И. Нисковская

**КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ:
ОПЫТ Ф.А. ЭМИНА**

***Аннотация.** Статья посвящена реакции автора исторического нарратива Ф.А. Эмина на критику его работы «Российская история жизни всех древних от самого начала России государей». Крайне отрицательные отзывы о его сочинении были тяжело им пережиты. По сильному психологическому давлению на Ф.А. Эмина, отсутствию внимания к положительным сторонам его труда, критику его истории можно определить, как проявление неосознанного эмоционального насилия, возможно, повлекло за собой его самоубийство.*

Ключевые слова: историография, Ф.А. Эмин, исторический нарратив, эмоциональное насилие, историк, XVIII в.

XVIII в. оказался определяющим в формировании российской исторической науки, в этот период традиционное летописное изложение исторических событий сменялось на научное, критическое осмысление исторических источников и фактов. Несмотря на обилие исторических источников по отечественной истории, не было разработано инструментов для их анализа, не были определены методы научного исследования, не разработаны принципы, отличающие научный текст от ненаучного, не было накоплено достаточного объема исторических знаний, не существовало историографии, определяющей вектор исторических исследований. Первопроходцы, рискнувшие писать исторические нарративы, не только брались за сложную, требующую усидчивости, терпения работу, зачастую не находившую положительного отклика у современников, но и меняли собственные жизни. История как наука находилась на перепутье между научным знанием, новыми политическими претензиями, связанными с реформами Петра I, требующими определения места русского государства на мировой карте политической значимости, и представлениями конкретного историописателя и его личным опытом. Отсутствие четких сформированных научных принципов, несогласованность целей написания исторических нарративов и личные интенции их авторов были основными причинами возникновения кон-

фликтов в формирующемся историческом сообществе. Начинающие историописатели не только стремились написать собственно исторический текст, но и получить признание, последнее явилось болевой точкой в судьбе многих русских историописателей XVIII в. Научное сообщество историков, начинающее складываться в этот период, оказывалось жестоким и требовательным по отношению к «новичкам».

Одним из авторов русской истории с трагической судьбой был Федор Александрович Эмин (1735–1770). Этот деятель XVIII в. был «человеком экзотической биографии» [1. С. 213]. Он «промелькнул в русской литературе с необычайным эффектом и оставил в ней заметный след... Современники взирали на него с удивлением: он был слишком непохож на всех русских писателей того времени» [2. С. 182]. Он написал «Российскую историю жизни всех древних от самого начала России государей», изданную в Императорской Академии наук, его работа состояла из трех томов. «Судя по названию, эта работа должна была стать многотомной и излагать российскую историю до 1760-х гг., но повествование доведено в третьем томе только до 1213 г. Разыскания автора остановила смерть» [3. С. 68]. Ф.А. Эмин оценивал работу над историческим сочинением как крайне тяжелую. По его словам, ни одно сочинение не требует такого значительного труда и терпения, как история государства. «Ибо собрать множество разных списков... в которых часто, ежели не очевидная вещь, то по крайней мере тень оная обратится, кою зравым рассуждением разчистя, можно будет и важность дела увидеть; по том оные множественные списки сличать; праведные повествования отделять от неосновательных; а что за правду почтется, не полагаясь на том, всему доискиваться подтверждения у чужестранных авторов; каждого Историка числять летописание, несогласия их уравнивать, находить оных причины, и из оных выводить истинну...» [4. Т. 1. С. XI].

В своем историческом нарративе Ф.А. Эмин отмечал то, что за написание исторического текста он взялся, выполняя волю Екатерины II. Автор «Российской истории...» обращал внимание на то, что при написании своего труда у него возникло много трудностей, из-за которых он мог не выполнить свою работу в назначенный срок, поэтому он стал ночевать в Императорской библиотеке. «Хотя я и собрал до сорока равных книг о России упоминающих; но не доставало мне многих древних иностранных авторов, на мнении которых,

согласном с писанием наших летописцев, хотел я утвердить Историю. В сем случае принял я прибежище к Императорской библиотеке. Выпросил у Надзирателя оной, что мне дозволил туда приезжать и всего потребного в тамошних книгах доискиваться. Тогда я принужден был, малейшее имея о чемнибудь сомнение, ездить в библиотеку, и видя, что трачу больше времени на езде, нежели на сочинении, выпросил я там горницу, и туда на несколько месяцев преселился, пока все нужное из разных книг не выписал» [4. Т. 1. С. XII–XII].

Но несмотря на сложности в работе с источниками, поиск литературы для сбора исторических фактов, а также проживание в библиотеке, «Российская история...» Ф.А. Эмина получила большое количество отрицательных отзывов. Сам автор отмечал, что критика его работы имела место еще до того, как сочинение было издано и попало в руки к читателю. Его обвиняли в незнании греческого языка, указывали на то, что он не профессиональный историк, поэтому не должен заниматься данной работой. «Но нашлись уже такие, которые, не читав еще моего сочинения, уже оное порочили. Коль много я ими был одолжен, есть ли бы их критика была справедлива; но иной говорил, что для чего я на Греческих Авторов ссылаюсь не разумея сам Греческого языка. Они меня не знают, и того, что нет почти такой Греческой напечатанной и до благосостояния и просвещения касающейся книги, которая бы на Латинский язык переведена не была. Иные говорили, что я не за свое дело принялся, и что такие сочинения должны принадлежать местам ученым; но и так так говорящие мысли не со всем праведны. Всякому усердному человеку не только вольно, но и должно трудиться в сочинениях обществу полезных; при том дело зависит от человека и успеха, а не от места» [4. Т. 1. С. XLV–XLVI]. Психологическое давление, выраженное во враждебном отношении к Ф.А. Эмину, травмировало его, ущемляло чувство собственного достоинства, оно еще до выхода его труда влияло на то, что его профессиональная репутация и компетенция были подорваны. Поэтому большая часть введения к его историческому сочинению посвящена оправданиям и поиску защиты перед враждебно настроенными критиками. Он часто отмечал, что его работа не является абсолютно точной, что он следовал за источниками и выбранной им литературой, в первую очередь за иностранными авторами, многие из которых не были известны в России. «Не хочу я читателя моего уверять о точности всех действий в оной Истории

находящихся, она будет видна из Авторов, на которых я ссылаюсь, и из разсуждений, которыми других историков несходные с правдою опровергаются положения. Каждый увидит в моих примечаниях, который Автор справедлив, и который пристрастен» [4. Т. 1. С. XLV–XLVI].

Для того чтобы защититься от возможной психологической травмы, Ф.А. Эмин заранее отмечал, что в его работе могут быть ошибки, неточности. Ф.А. Эмин замечал, что все исторические труды подвергаются критике, но в своем историческом нарративе призывал к толерантности к другим работам, что не все авторы указывают на недостатки коллег для того, чтобы улучшить написанные истории, он считал, что многие критики стремятся лишь возвеличить себя за счет принижения других, «...чего я однако ж усердно желаю: ибо между многими такими Критиками, которые единственно для того чужие раздробляют дела, дабы себя представить другим говорить умеющими, будут и такие, кои с разсуждением глубоким вникнуть во свойство каждого мною описуемого действия, и нашед ошибки или мои, или тех, на которых я ссылаюсь, разумною своей критикой будут причиною исправления оных» [Там же. С. XLVI].

Ф.А. Эмин неоднократно во введении к «Российской истории...» стремился показать, что не нужно критикам искать недостатки в нем самом, ущемлять его личные заслуги и принижать профессиональные качества, он просил относить его ошибки к ненарочным заблуждениям, связанным с недостатком научной информации или искажением фактов в источниках. «Такие их примечания, ежели мне сообщены будут, почту за особливую ко мне благосклонность. Они не только меня одолжат выведением меня из ненарочного заблуждения, но и Отечеству зделают великую услугу, стараясь о исправлении того, что для пользы общественной весьма потребно. Легко статья может, что много есть в обществе таких записок, кои мне в руки не попали, и в которых лучшее сокровище к обогащению Российской Истории служащее находится. Есть ли кто меня оным наградит, вечно оному благодарностью буду обязан...» [Там же. С. XXVII].

Но, несмотря на просьбы Ф.А. Эмина, критики, осуждая его исторический нарратив, нарушали психологические границы личности, приносили автору социальный, психологический и эмоциональный вред. По словам Н.М. Карамзина, Ф.А. Эмин был литератором, который хорошо тиражировал свою жизнь в собственных произведениях, а историком он был плохим. «Самый любопытнейший из

романов г. Эмина есть собственная жизнь его... а самый неудачный – российская его история» [5. С. 171].

Благостные цели по недопущению Ф.А. Эмина в формирующееся историческое сообщество, намеренное клеймение его как недостойного историка, запреты на его поведение, насмешки над его методами исторического исследования для него были воплощением агрессии, приведшей к социальной изоляции, принятию себя и общества, беспокойству, тревожности. Психологическое травмирование Ф.А. Эмина можно определить как эмоциональное насилие, которое привело к длительным социально-психологическим последствиям, к серьезному отрицательному воздействию на его психику. Признаки жертвы психонасилия, находящейся под давлением, в полной мере можно проследить по наполненному сатирическими выпадами произведению Ф.А. Эмина «Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым», написанного за год до его кончины. В историографии существует версия, по которой в свои 35 лет Ф.А. Эмин покончил жизнь самоубийством (по словам Е.Б. Бешенковского, Ф.А. Эмин свел счеты с жизнью в апреле 1770 г. [6. С. 197]). Возможно, сконструированная суровыми критиками социальная реальность, в которой автор «Российской истории...» в потоке непрекращающейся критики не мог найти пути для самореализации, его усердие не были оценены по заслугам; коллеги, отказывая ему в эмоциональном отклике, формировали в нем чувство социальной и профессиональной неполноценности, в атмосфере психологического давления и интеллектуальной изоляции Ф.А. Эмин не нашел другого выхода, как покончить с жизнью.

Итак, «Российская история жизни всех древних от самого начала России государей» не была воспринята как профессиональный исторический труд русской интеллектуальной элитой. Автор данной работы Ф.А. Эмин вложил в нее много сил и труда, поэтому критика его исторического нарратива была тяжело им пережита, из-за ее жестокости, сильного психологического давления на автора, отсутствия внимания к положительным сторонам его труда критику можно определить как проявление неосознанного эмоционального насилия.

Литература

1. *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – Ч. 2. – 346 с.
2. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 455 с.
3. *Свердлов М.Б.* К изучению наследия Ф.А. Эмина-историка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Сер.: История. – 2015. – № 2. – С. 68–77.
4. *Эмин Ф.А.* Российская история жизни всех древних от самого начала государей. – СПб.: Императорская Академия наук, 1767. – Т. 1. – 504 с.
5. *Карамзин Н.М.* Пантеон российских авторов // Избранные сочинения: в 2 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 2. – 591 с.
6. *Бешенковский Е.Б.* Жизнь Федора Эмина // XVIII век. – Вып. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л., 1976. – С. 186–203.

В.П. Тихоньих

**Н.М. ЯДРИНЦЕВ О НЕКОТОРЫХ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ «НАРОДНО-
ОБЛАСТНОГО ТИПА» РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ**

***Аннотация.** Идея областников об особом этнографическом типе русского сибирского населения была одной из основных в обосновании автономии Сибири. С геополитической точки зрения, сибирский сепаратизм опасен тем, что разрушается единый геополитический монолит России, на создание которого потребовалось более одной тысячи лет. Автор исходит из несостоятельности идеи автономистов о существовании «народно-областного типа» русского населения Сибири, на котором построена концепция существования особой сибирской нации, питающая сепаратизм в современной Сибири.*

Ключевые слова: этнографический тип, субэтнос, субкультура, народно-областной тип, сибиряк.

Кратко вопрос о сибиряках как отдельном этносе можно изложить следующим образом. После появления русских в Сибири началось смешение индигенных народов и русского этноса. В результате возникла «русско-сибирская народность», которая значительно отличается от коренного великорусского типа и представляет особый этнический тип. В физическом отношении этот тип является переходным от славяно-русской народности к типу индигенных народов Сибири. В психологическом отношении, восприняв ряд черт коренных народов, русские утратили ряд коренных свойств собственной русской природы.

Первым о складывании сибирской народности и ее характеристике как ветви славянского племени написал историк и этнограф А.П. Щапов (1831–1876). В частности, А.П. Щапов пишет, что ум сибиряка по обширности и гибкости уступает русскому, живущему в коренной России. Зато эгоизм и стремление к наживе в нем выше, чем у великорусов [1. С. 129]. Новая народность лишена поэтического чувства в отношении к природе, и ее общественные и нравственные понятия большей частью узки, грубы и диковаты, считает М.К. Азадовский [2. С. 243]. Одним словом, крайне нелестная характеристика. Н.М. Ядринцев (1842–1894) также говорит, что «на

Востоке слагается новый этнографический тип» [3. С. 170, 177]. Для областника Н.М. Ядринцева был важен особый этнографический тип сибиряка как средство обоснования автономности Сибири, т.е. в политическом смысле. Он делает вывод, что русское сибирское население, «скрещиваясь с азиатскими племенами», образовало новый этнографический тип населения Сибири, назвав его в отличие от А.П. Щапова «народно-областным типом» [4. С. 98–99], тем самым подчеркивая его политическое содержание. Сибирский этнический тип Н.М. Ядринцев строит на основе метисации русского населения региона, включает в этот процесс пришлые европейские народы нерусской национальности. При этом он основное внимание уделяет сибирякам-старожилам, имевшим наиболее существенные физиологические и культурные признаки, характерные для них как живших в Сибири более других переселенцев. Как последовательный сторонник географического детерминизма, он придает особое значение сибирскому климату: «Конечно, это изменение происходило не от одной метисации и восприятия инородческой крови русским племенем; оно также обуславливалось другим пришлым элементом, наконец, климатом и многими другими физическими влияниями» [Там же. С. 101, 113].

Отличие внешних физиологических особенностей сибиряка-старожила от внешних физиологических особенностей жителей средней полосы Н.М. Ядринцев относит, прежде всего, к влиянию сухого континентального сибирского климата и употребляемой пищи. Под влиянием сухого климата, пишет Н.М. Ядринцев, произошли изменения в физиологии и анатомии индивида, в строении желез, ослабили органы дыхания. Основными продуктами питания населения являлись мясо, рыба, мучные изделия, пельмени, чай. Вследствие питания почти исключительно рыбой и мясом у сибиряков произошли изменения в пищеварительных органах, пища стала перевариваться медленно. Такое питание изменило физическую организацию типа и психологию поведения русско-сибирского населения [5. С. 96, 97, 111]. Изменения внешнего физиологического строения русского населения Сибири под влиянием климата реально, но изменение анатомии органов дыхания и иных органов невозможно. Изменение органов человека под воздействием климата и состава пищи было преувеличением, но мы должны учитывать уровень развития биологической науки того времени. Влияние Д. Дрепера, К. Бэра и особенно Ч. Дарвина прослеживается четко.

Эволюционная теория Ч. Дарвина в период деятельности Н.М. Ядринцева была весьма популярной. Но для каких-либо заметных изменений в организме требуются десятки тысяч или даже сотни тысяч лет. И должна быть генетическая предрасположенность к таким изменениям. Большая часть биологов, физиологов и других ученых, занимающихся эволюцией человека, отрицают биологическую эволюцию человека под влиянием указанных факторов. Но естественное закаливание и труд с раннего детства позволяли в течение столетий выработать иммунитет к множеству стрессовых природных факторов. Сибиряки отличались повышенной остротой слуха и зрения, силой и выносливостью, способностью выдерживать длительные переходы и физические нагрузки, перепады температур, отличались умением ориентироваться в незнакомой местности.

Отличие внешних признаков антропологического типа русского населения Сибири от признаков антропологического типа основного русского населения Европейской России подмечено Н.М. Ядринцевым верно. В частности, сравнительно большая ширина лица, но она объясняется влиянием антропологического типа русского населения Архангельской, Вологодской, Пермской и других губерний северо-востока страны, откуда начиная с XVI в. до середины XIX в. шла основная часть переселенцев в Сибирь. Для жителей этих регионов России характерна сравнительно большая ширина лица [б. С. 69, 71, 72, 90–93, 119, 173, 174]. Региональная особенность физиологического строения не была специфична только для сибиряков. Население других областей России также имело и имеет внешние физиологические особенности. Типичны в этом смысле поморы и русские, живущие на юге России. Соматическая особенность сибиряков не определялась лишь природными факторами Сибири.

При сравнении Н.М. Ядринцевым духовно-нравственных и интеллектуальных качеств крестьянства европейской части России и сибиряков допускаются противоречия. Сибиряк у мыслителя «первобытен» по сравнению с жителем Европейской России – «ум его менее развит и гибок». Одновременно интеллект сибиряка ученый ставит выше интеллекта жителя Европейской России: «вообще сибирское крестьянство по привычкам и развитию стоит выше своих собратьев в Европейской России». В подтверждение приводятся слова Екатерины II: «сибиряки умны, любознательны и предприимчивы». Более того, сибиряки достижения культуры и техники воспринимали и распространяли быстрее, чем крестьяне коренной

России, они больше склонны к новаторству: «из них выходили самые ревностные прозелиты новых направлений» [7. С. 313].

Проявление различий в психологическом складе российского и сибирского населения мы находим в записках ученого-путешественника второй четверти XVIII в. И.Г. Гмелина. Он пишет об отрицании сибирскими крестьянами экономического принуждения в земледелии, утверждавшими, что «Земля благословенна, а людей не заставляют работать...». И.Г. Гмелина поражает иной, чем в России, тип социальных отношений в Красноярске: «Служивые живут с воеводой... по-панибратски» [8. С. 136–137].

Сибиряк преподносится Н.М. Ядринцевым как личность, не имеющая традиций, забывшая «не только вынесенную им из России историю», но и собственную сибирскую историю [5. С. 103, 106, 109, 112]. Исходя из этого спорного вывода, утверждается, что сибирский этнографический тип постепенно утрачивает наследственные черты своих предков. «Я могу объяснить это разве тем, что сибиряки вообще на две грани сибирского текста не имеют традиций, – пишет Н.М. Ядринцев, – предрассудков, у них нет ничего позади, и взор их устремлен вечно в будущее» [7. С. 313]. Однако этнос не может сформироваться при отсутствии знания собственной истории и без устоявшихся традиций.

Н.М. Ядринцев обращает внимание на коллизию в восприятии сибиряками своей этнической принадлежности. Они называли прибывших из-за Урала «русскими людьми», т.е. отделяли их от себя и относили их к России, которая была западнее Каменного пояса. При этом, противопоставляя себя русским европейской части страны, сибиряки идентифицировали себя как «правильных», настоящих русских, в отличие от русских западнее Урала. Сибиряки, сохранив свою русскую природу, пишет ученый, на уровне бытового психологического восприятия противопоставляют русское сибирское и русское европейское население России, называют переселенцев «русскими», а не русскими: «сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком; напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности» [Там же. С. 98, 105]. Вновь приехавшие в Сибирь жители европейской части России пренебрежительно назывались – «новик», «посельга», «русские». Когда переселенец усваивал сибирские обычаи, то о нем говорили «он обрусел теперь»,

но все равно его не считали настоящим русским. Старожилы считали только себя чисто русскими. В значительной степени такое противопоставление носило бытовой характер. Сибиряки были зажиточней и богаче общей массы населения коренной России, что вызывало у них чувство превосходства, гордости и пренебрежительное отношение к «рассейскому» мужику, который носит лапти. Н.М. Ядринцев подчеркивает: «Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей, и сапог для него постоянная обувь». Поэтому определенная самоуверенность и гордость, сознание своего превосходства как жителя Сибири господствует в сибирском населении, особенно среди старожилов [7. С. 108, 110, 133]. Тем самым сибирский старожил на уровне эмоционального восприятия противопоставлял свою русскую природу русскому населению за Уралом, считая себя «правильным русским». Если на подсознательном уровне сохранялось чувство глубокого и неразрывного этнического единства, то на уровне бытового отношения сибиряк подчеркивал свое превосходство и особенность. Со временем при длительных контактах внимание к незначительным различиям утрачивалось. Особое место в этом занимало отсутствие конфликтов из-за земли, которой было в достатке, что снимало многие проблемы взаимоотношений. До начала XX в. сибиряк размеры своих полей определял лишь возможностью их обработать [9. С. 32].

Русское население, разбросанное на огромной территории, в то время было мало изучено, и наблюдения осуществлялись, по признанию самого Н.М. Ядринцева, лишь по отношению к старожильческому субэтносу и его субкультуре [5. С. 128, 131].

Сибирь – естественное продолжение России, и основную роль в формировании старожильческого населения сыграл великорусский этнос, поэтому осознание общности «рассейских» и сибиряков как единого русского народа в сознании русского населения Сибири присутствовало. Мы можем говорить лишь о «сибирском характере» как о типе психологического поведения жителей Сибири, особом образе жизни, а не об отдельном этносе.

Литература

1. *Щанов А.П.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937. – 380 с.

2. *Азадовский М.К.* Сибирские страницы: статьи, рецензии, письма. – Иркутск, 1988. – 336 с.
3. *Ядринцев Н.М.* Иллюзия величия и ничтожество России пятят назад // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Т. 4. – С. 209–226.
4. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония: в географическом, этнографическом и историческом отношении / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.
5. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.
6. *Александров В.А., Лебедева А.А., Давыдова Г.М., Бунак В.В.* Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. – М., 1973. – 189 с.
7. *Ядринцев Н.М.* Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Т. 4. – 351 с.
8. *Город у Красного Яра.* Документы и материалы по истории Красноярска. XVII–XVIII вв. / сост. и авт. ком. Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов. – Красноярск: Кн. издательство, 1981. – 280 с.
9. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация: редкая книга / А.А. Кауфман. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. – 349 с.

О.Ю. Игошина

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПОДСЧЕТА БЕЗВОЗВРАТНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. *Затрагивается одна из дискуссионных проблем истории России XX в. – подсчет безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает методологию и методы, применяемые в отечественной науке, а также результаты, полученные ими. Отдельное внимание автор уделяет личному вкладу в достижение исторической истины.*

Ключевые слова: *людские потери, метод прямого подсчета, метод демографического баланса, база данных, Книга Памяти.*

Общеизвестно, что во второй половине XX в. число людских жертв СССР в 1941–1945 гг. менялось несколько раз в сторону увеличения, что объясняется не только идеологическим фактором, но и сложностями подсчета в условиях военного времени. Научные методики подсчета людских потерь начали разрабатываться только на рубеже XX–XXI вв. В статье рассмотрены некоторые из них.

Демограф Л.Л. Рыбаковский выделяет несколько основных способов подсчета потерь, которые применяют ученые: метод прямого счета, сравнительный метод, метод демографического баланса [1]. Как правило, каждый из этих методов в чистом виде не применяется. Они используются в тех или иных комбинациях.

При прямом методе результат получается сложением убитых на фронте, умерших от ран в госпиталях, пропавших без вести, погибших в плену и т.д. на основе отчетных документов штабов, в которых последовательно, день за днем, подекадно и помесечно фиксировались потери частей, соединений и объединений, вплоть до обобщения их в Генеральном штабе Красной Армии. Однако эти документы дают лишь более или менее объективную картину потерь в ходе боев и операций, но не могут служить исчерпывающей основой для определения итоговых цифр потерь за всю войну в целом в силу неточностей в учете количества пропавших без вести и особенно попавших в плен, а также по причине недостаточной достоверно-

сти сведений о потерях на этапах крупномасштабных поражений войск в 1941–1945 гг., когда были часты случаи уничтожения и утери документов. Прямой метод оценки потерь вооруженных сил применяли создатели фундаментальных трудов по проблеме безвозвратных людских потерь М. Моисеев, Г. Кривошеев, М. Гареев и другие авторы [1–3]. Число потерь личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота определено путем анализа и обобщения статистических материалов Генерального штаба, донесений фронтов, флотов, армий, соединений, военных округов и отчетов военно-медицинских учреждений. В одной из последних коллективных монографий группа ученых приводит уточненную цифру безвозвратных людских потерь Советских Вооруженных Сил в Великую Отечественную войну – 11 444,1 тыс. человек [4. С. 546].

С.Н. Михалев провел анализ людских потерь Вооруженных Сил СССР в 1941–1945 гг. с привлечением в качестве основы работы, наряду с официальными данными, ряда архивных документов, определил тенденции динамики потерь – изменение общего количества их и соотношение видов потерь по периодам и кампаниям войны [5]. Он прибегает к так называемым расчетным оценкам, за основу которых берутся три величины: данные о количественном (списочном) составе войск к началу войны, то же – к концу её и сведения о количестве пополнения, поступившего в ходе войны. Сопоставление этих данных дает возможность определить суммарное количество потерь за исследуемый период. С.Н. Михалев пришел к выводу, что в целом потери Вооруженных Сил страны убитыми, пропавшими без вести и попавшими в плен достигли 12 921,3 тыс. человек [5. С. 65–110].

По мнению другой группы ученых, единственным методом решения проблемы итоговой оценки людских потерь в войне является составление демографического баланса. Его применение предполагает наличие сравнительно достоверных сведений о численности населения на начало и окончание войны, о родившихся в военные годы, естественной смертности за тот же период, сальдо межреспубликанской миграции [1, 6, 7]. Метод позволяет оценить общие людские потери, структурированные по демографическим характеристикам.

Именно благодаря сочетанию этих методов получена относительно признанная цифра людских потерь нашего государства в 1941–1945 гг. – 26,6 млн человек [7. С. 395]. Однако многие ученые

не признают метод демографического баланса, считая его весьма условным, и с этим трудно не согласиться. Например, В.Н. Земсков признает только метод прямого подсчета и находит другое число погибших – 16 млн человек [8. С. 120].

Существуют также достаточно спорные методики исчисления потерь, применение которых может быть оправдано лишь в силу недостаточности источниковой базы исследования. Например, В.М. Сафир предлагает методику подсчета боевых потерь РККА по числу погибших офицеров, учет которых был поставлен несравненно лучше, чем учет солдат и сержантов [10]. В.Г. Первышин берет за основу данные о потерях военной техники в годы войны [11].

Таким образом, диапазон оценок безвозвратных людских потерь колеблется от 8 до 40 млн человек, и можно констатировать, что среди ученых нет единогласия в данном вопросе. По нашему мнению, дискуссия зашла в тупик, выдохлась, а прежняя методология исчерпала себя. Однако в XXI в. на помощь историку приходит новая, в основе которой объединение военной истории, демографии и исторической информатики. Ярким примером подобного междисциплинарного подхода является создание под руководством Министерства обороны РФ обобщенного компьютерного банка данных, содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (ОБД «Мемориал»). Военно-мемориальным центром ВС РФ проведена уникальная по масштабам, технологии и срокам исполнения работа, в результате которой создана и размещена в сети Интернет информационно-справочная система глобального значения, не имеющая аналогов в мировой практике.

Электронный ресурс содержит информацию о звании погибшего, части, в которой он служил, дате и причине смерти (убит, умер от ран, пропал без вести) и месте захоронения, но нет указаний на место рождения или призыва. Эту проблему решают электронные Книги Памяти, созданные на основе печатных изданий, так как они являются источником, позволяющим реконструировать объективную картину потерь СССР и регионов России и дополнить ОБД «Мемориал». Они существуют уже во многих регионах РФ и бывшего СССР (в Архангельской, Волгоградской, Вологодской, Ленинградской, Липецкой, Новгородской, Тульской, Смоленской, Ульяновской, Свердловской, республиках Татарстан, Мордовия и других субъектах).

В Самарской области (в годы войны – Куйбышевской) также была проведена подобная работа, и нами получена новая информация по изучаемой проблеме. В результате обработки областной Книги Памяти [10] была создана база данных безвозвратных людских потерь, общий объем которой составляет 112 Мб и насчитывает 216 900 персоналий погибших. Таким образом, нами получено число погибших уроженцев Самарской области в годы Великой Отечественной войны, имеющее под собой научную основу.

Итак, база данных может выступать как мощное средство восстановления объективной картины военно-исторических событий по первоисточникам, в роли которого выступает Книга Памяти. Она одновременно является проблемно-ориентированной и источниково-ориентированной, так как, с одной стороны, создана для решения конкретных исторических задач, с другой стороны, её цель – сохранение исторической информации, содержащейся в источнике, и большая доступность её для исследователя. У ученого есть возможность не просто доступа к большому массиву структурированных данных в машиночитаемом виде, но и создания в этой структуре своих собственных моделей, ориентированных на решение конкретных исторических задач.

Литература

1. *Рыбаковский Л.Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Экон-Информ, 2010. – 139 с.
2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исслед. / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 415 с.
3. Россия и СССР в войнах XX века: стат. исслед. / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
4. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. – 624 с.
5. *Михалев С.Н.* Демографические и военно-оперативные потери Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / С.Н. Михалев // Россия: исследования по социально-политической истории, историографии, демографии. – Красноярск: Универс, 1999. – С. 65–110.
6. *Андреев Е.М.* Людские потери СССР во Второй мировой войне: методика и результаты / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова // Людские потери в Великой Отечественной войне: сб. статей. – СПб.: Блиц, 1995. – С. 36–42.

7. *Елисеев В.Т.* Так сколько же людей мы потеряли в войне? / В.Т. Елисеев, С.Н. Михалев // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 6–7. – С. 31–34.
8. *Земсков В.Н.* Людские потери СССР в 1941–1945 гг. (к вопросу о достоверности имеющихся подсчетов) / В.Н. Земсков // Труды Института Российской истории РАН. – 2017. – С. 97–122.
9. Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945: Обзор. том / [В.М. Андроников и др.]; редкол.: Е.М. Чехарин (пред.) и др. – М.: Воениздат, 1995. – 542 с.
10. *Сафир В.М.* «Работа сделана добротнo, но с выводами согласиться не могу» / В.М. Сафир // Военно-исторический архив. – 2003. – № 7. – С. 86–90.
11. *Первышин В.Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне / В.Г. Первышин // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 116–122.
12. Книга Памяти: в 19 т. – Т. 1–19 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов и др., ред. совет: Ю.М. Бородулин, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. – Самара, 1993–1994.
13. *Бушуева (Игошина) О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 194 с.
14. *Бушуева (Игошина) О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / О.Ю. Бушуева. – Самара: РЕАВИЗ, 2012. – 187 с.

Я.Г. Шемякин

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕНАУЧНОГО ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Автор раскрывает содержание общенаучного принципа дополнителности и обосновывает концепцию, в соответствии с которой главным его конкретным проявлением в сфере отечественных гуманитарных и социальных наук является взаимная дополнителность формационно-стадиального и цивилизационного подходов. В работе проводится краткий сравнительный анализ этих подходов, определяется присущая каждому из них сфера исследовательских задач. Автор приходит к выводу, что их сочетание является предпосылкой преодоления редукционизма (как формационно-стадиального, так и цивилизационного) и утверждения новой общенаучной парадигмы в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: принцип дополнителности, общенаучная парадигма, цивилизационный подход, формационно-стадиальный подход, редукционизм.

Принцип дополнителности впервые был сформулирован, как известно, Н. Бором применительно к квантовой механике. Однако впоследствии Бор пришел к выводу о том, что данный принцип является общенаучным, обосновав эту мысль в ряде своих работ [1. С. 42]. Опыт прошедших после появления этих работ десятилетий в полной мере подтвердил, что принцип дополнителности имеет ключевое эвристическое значение в том числе и для объяснения процессов, происходящих в социокультурной сфере. Для данной сферы он особенно значим именно потому, что в соответствии с этим принципом ни одна теория, ни один научный подход не могут описать объект исследования столь исчерпывающим образом, чтобы исключить возможность альтернативных подходов. Утверждение принципа дополнителности в качестве первичной методологической основы всей совокупности наук об обществе, в том числе истории, отвечает глубинной потребности их переформирования в той гносеологической ситуации, которая сложилась в современной мировой науке в целом. Определяющая черта данной ситуации – про-

цесс смены общенаучных парадигм. Прежняя парадигма основывалась на достижениях классического естествознания, «ньютоновской» науки в том виде, как она сложилась в XVII–XIX вв. Ее суть, согласно И. Пригожину, И. Стенгерс и О. Тоффлеру [2], заключается в утверждении принципа однозначной запрограммированности развития заданными начальными условиями, механической картины мира, исключении из нее фактора случайности, в том числе отрицании альтернативности и многовариантности человеческой истории. Новая парадигма формировалась и формируется в рамках ряда направлений. Прежде всего, здесь следует назвать Брюссельскую школу во главе с И. Пригожиным. Главные отличительные черты: качественно иное соотношение между необходимостью и случайностью, признание чрезвычайно важного значения этой последней, отрицание (для большинства случаев) принципа однозначной запрограммированности развития изначально заданными условиями, включение в научную картину мира (в концепции «точки бифуркации») в качестве необходимого компонента представления об альтернативности и многовариантности развития подавляющего большинства систем нашей вселенной, в том числе и человеческих обществ [Там же. С. 14–16, 28–29, 226–227, 269].

Главным проявлением старой научной парадигмы стал редукционизм – способ построения научной теории, суть которого заключается в сведении всего многообразия детерминаций, действующих в реальной действительности, к какой-либо одной, якобы определяющей поведение того или иного объекта или класса объектов. В том, что касается социальных и гуманитарных наук, пожалуй, наиболее влиятельным стал в XX в. формационный редукционизм, т.е. стремление сводить все многообразие «мира людей» к формационно-классовым характеристикам. Следует сразу же отметить, что формационный подход как особое научное направление несводим к его редукционистской версии. В этом своем качестве он представляет собой одну из двух самых влиятельных разновидностей стадийного подхода к истории (второй является традиционная западнцентристская версия теории модернизации), в рамках которого содержание исторического процесса сводится к закономерной смене стадий развития, причем законы, определяющие эту смену, едины для всего человечества, а все бесконечное реальное многообразие истории не более чем конкретные особенности проявления этих законов. Сторонники подобного подхода всегда претендовали (и до сих пор

претендуют) на то, что они обладают исчерпывающим знанием об историческом процессе. В этом смысле даже творческие разновидности марксистской интерпретации истории (к примеру, концепции ряда участников дискуссии об «азиатском способе производства» и о «восточном феодализме» в 60–70-е гг. прошлого века) не свободны от влияния формационного редукционизма (который так или иначе доминировал в отечественной науке вплоть до 80-х гг. XX в.). Для тех ее приверженцев, кто исключает возможность альтернативного подхода к истории, ее реальное многообразие не более чем набор пестрых масок, скрывающих «лик Всеобщего» – законов общественно-экономической формации.

Подобный подход достаточно давно (по меньшей мере с 60-х гг. XX в.) перестал удовлетворять исследователей, поскольку не мог дать ответ на многие принципиально важные «почему?», которые любой мыслящий историк задавал себе еще со студенческой скамьи. Почему, начав с единой стартовой отметки 35–40 тыс. лет назад (примерное время появления человека современного типа – *homo sapiens*), разные человеческие общности пришли к поразительно несхожим результатам? Почему представители одних сообществ так и остались на протяжении десятков тысяч лет охотниками и собирателями, в то время как потомки других приплыли к ним в XVI–XVIII вв. на каравеллах и фрегатах? Почему так отличаются друг от друга различные культуры и цивилизации? Формационно-редукционистский подход не мог дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения ни очевидной альтернативности и многовариантности истории, ни многообразию «мира людей».

Одним из главных направлений, по которым развивался процесс преодоления формационного редукционизма, стало обращение к цивилизационной проблематике. И это было вполне закономерно, поскольку именно цивилизационный подход давал возможность объяснения и многообразия человеческих культур, и альтернативности истории. Впрочем, достаточно быстро выяснилось, что и многие сторонники этого подхода не избежали воздействия редукционистского способа мышления: появилось достаточно большое количество работ, авторы которых стремились свести все многообразие истории к цивилизационным характеристикам, игнорируя те реалии, на которых акцентировали внимание приверженцы стадийного подхода.

Представляется очевидным, что сторонники обоих подходов (в их нередукционистских версиях) фиксируют внимание на двух качественно различных характеристиках мирового исторического процесса, в равной степени значимых для его понимания: изменчивости и устойчивости. В фокусе внимания сторонников формационно-стадиального подхода – феномен изменчивости, усилия приверженцев цивилизационного подхода направлены на изучение феномена устойчивости социокультурных систем, которую они сохраняют на протяжении длительного времени (*la longue durée* Ф. Броделя), несмотря на все изменения. Только сочетание этих подходов может дать цельное, «стереоскопическое» видение исторического процесса. Дополнительность формационного и цивилизационного подходов является конкретным проявлением общенаучного принципа дополнительности в исторической науке. Не случайно вопрос о необходимости подобного решения как реальной предпосылки преодоления того глубокого мировоззренческого кризиса, который поразил наши гуманитарные и социальные науки, был поставлен уже в 80–90-е гг. недавно ставшего прошлым столетия.

«Разведение» этих научных направлений, определение соответствующей каждому из них сферы исследовательских задач – одна из главных проблем становления новой парадигмы в гуманитарных науках, в том числе, разумеется, в истории. Автор этих строк [3. С. 26–27] предложил следующий вариант ее решения.

Если речь идет о формационном анализе, то либо все человечество, либо та или иная региональная общность, либо личность рассматриваются в стадиальном «разрезе», с точки зрения отнесения их к определенному этапу развития общества. Данный исследовательский подход предполагает анализ законов развития, основывающийся на выявлении тех противоречий, которые движут обществом и, следовательно, на познании этого общества в его внутренней расчлененности, рассмотрении «социальной анатомии» взаимодействующих и борющихся сил, исследовании в первую очередь того, что их разделяет. В конечном счете формационный анализ служит задаче изучения исторического процесса с точки зрения формирования предпосылок и условий качественных скачков, переходов от одной стадии к другой на всех трех уровнях социальной действительности – человечества в целом, региональных общностей, каждого конкретного индивида.

Если же в фокусе нашего внимания оказывается цивилизационный подход, те же самые «таксономические» единицы, на которые делится «мир людей», рассматриваются как типы целостности, в каждом из которых действуют законы, интегрирующие то или иное общество и качественно отличные от законов формационного развития. При этом целостность проявляется как в структурно-функциональном (каждый конкретный социальный организм рассматривается в этом случае в модусе настоящего как единство многообразного), так и в генетическом плане (наличие инвариантных черт, обуславливающих сохранение того же «единства многообразного» на протяжении истории, в том числе и различных формационных эпох). Через достижение и воспроизведение целостности субъектов исторического процесса проявляет себя такая его основополагающая черта, как устойчивость. Целостность той или иной общности или личности обуславливает неповторимость, уникальность их облика, а тем самым – громадное разнообразие «мира людей». Следовательно, между такими характеристиками исторического процесса, как целостность, устойчивость, преемственность (кумулятивность) и разнообразие, существует глубинная внутренняя связь. Исследование именно этих характеристик является предметом цивилизационного анализа.

Главная проблема цивилизационного подхода – поиски ответа на вопрос: как возможно познать целостность научными методами? Работа историка – это всегда диалог с прошлым, и прежде всего с тем прошлым, которое продолжает жить в настоящем. Подобная работа может быть плодотворной лишь в том случае, если это будет диалог в бахтинском смысле, предполагающий одновременно способность отождествить себя с «другим» и сохранение дистанции по отношению к нему, т.е. собственной индивидуальности [4. С. 302]. К истории в полной мере относится то, что Бахтин писал о специфике гуманитарного знания. По его словам, «предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие, это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [Там же. С. 7–8]. Если это так, то наряду с анализом событий задача историка заключается в познании смысла того, что произошло (и происходит). И, по моему убеждению, это его главная задача. Как свидетельствует опыт цивилизационных исследований, проникновение в смысл возможно лишь в том случае, если задействованы обе основные интеллектуальные стратегии, применяемые челове-

ком: «левополушарная» (логико-дискурсивная, нацеленная на аналитическое расчленение объекта познания) и «правополушарная» (предполагающая постижение действительности посредством целостных образов) [5. С. 141, 143, 149].

Литература

1. Бор Н. Квантовая физика и философия // Успехи физ. наук. – 1959. – Т. 67, вып. 1.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986.
3. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – М.: Наука, 2001.
4. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч. – М., 1997. – Т. 5.
5. Иванов Вяч. Вс. До – во время – после? // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. V: Мифология и фольклор. – М., 2009.

IV. ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ:
НОВЫЕ ПРАКТИКИ, ПОДХОДЫ,
МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ
ПРОШЛОГО

Ю.П. Зарецкий

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Рассматриваются исследования европейских историков последних лет, разрабатывающих новые способы осмысления эгодокументов раннего Нового времени (дневников, мемуаров, автобиографий, писем личного содержания). Специальное внимание уделяется анализу международных проектов, предлагающих использование личных свидетельств в качестве основных источников для конструирования новой картины прошлого Европы.*

Ключевые слова: *историография, эгодокументы, европейская история, раннее Новое время.*

Перемены, произошедшие в социогуманитарном знании в последние десятилетия, существенно повлияли на обновление методологических оснований и практик исторических исследований. Отчетливо видимым результатом этих обновлений стало появление в историографии новых направлений: гендерной истории, интеллектуальной истории, истории памяти, истории сексуальности, исторической антропологии и множества других, с определением «новый» (новая социальная история, новый историзм и т.д.).

В статье рассматривается одно из таких новых направлений, основанное на изучении разного рода личных свидетельств (автобиографий, дневников, мемуаров, частной переписки) и обычно обозначаемое как «автобиографические исследования» [1]. Подавляющее большинство относящихся к нему работ историков обращено к текстам раннего Нового времени; что касается сочинений более позднего периода, то они преимущественно остаются доменом литературоведов.

Программу современных автобиографических исследований можно обозначить несколькими основными положениями: а) стремлением заменить традиционные литературоведческие жанровые обозначения на другие, более подходящие для осмысления текстов, созданных столетия назад и не связанных с «высокой» литературой [2]; б) критикой доминирующего представления о связи роста числа личных свидетельств со становлением новоевропейского индиви-

дуализма [3. Р. 8]; в) отказом от европоцентристской перспективы при их анализе [4]; г) признанием того, что язык не является нейтральным посредником между историком и действительностью, которую тот описывает, но самостоятельным производителем смыслов [5]; д) предложением рассматривать автобиографические сочинения как специфические коммуникативные практики, укорененные в социальных контекстах [6].

В последние годы в этих исследованиях появилась новая тенденция, основанная на гипотезе о том, что анализ личных свидетельств, использующий современные методологии, дает возможность если не переосмыслить, то по меньшей мере дополнить сложившуюся в традиционной историографии картину европейского прошлого. Сошлюсь для иллюстрации сказанного на две статьи коллег, недавно опубликованные на русском языке: одна – французского исследователя, другая – немецкой исследовательницы.

Статья Франсуа-Жозефа Ружью называется «Личные свидетельства как зеркало социальной структуры». В ней историк высказывает предположение о том, что рассмотрение сочинений личного характера под определенным углом зрения способно не только дополнить картину социальной истории Франции, сложившуюся в традиционной историографии, но и «стать основанием для новой истории социального пространства Нового времени» [7. С. 122]. Его особенно интересует «способ, посредством которого пишущие воспринимали социальный порядок своей эпохи и говорили о нем» [Там же. С. 126]. Для уяснения этого способа он анализирует слова и выражения в серии автобиографических источников рубежа раннего Нового и Нового времени по двум критериям: 1) восприятие авторами социальных групп и 2) понимание ими социальной стратификации общества. Прделанный им анализ этих источников позволяет не только лучше представить социальный опыт индивидов, увидеть, как ими опосредуются социальные иерархии, но также убедить читателей в том, что документы личного содержания являются ценным источником по социальной истории. По словам автора, они рисуют «практические представления о социальном порядке, понимать которые не менее важно, чем системы более глобальные» [Там же. С. 141].

Статья Габриэлы Янке «Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени» в основном посвящена методологическим аспектам изучения дневников [8]. В ней 198

убедительно показано, что при использовании теоретически выверенных подходов этот тип автобиографических свидетельств способен существенно углубить наши представления о европейских обществах XVI–XVII вв. В качестве примера Янке приводит несколько цитат из дневника швейцарского медика Феликса Платтера, которые не могут не вызвать вопросов у современного читателя: «ночью Хумелиус пошел со мной домой, мы лежали рядом друг с другом, так что я был не один», «Фридерик Райхинер, мой компаньон по столу и постели», «слуга в лавке, который делил со мной постель», «среди его сожителей еще не было парня грязнее и неопрятнее: этот привел в беспорядок его комнату, постель и одеяло в такой безобразный вид, что никто не хотел спать и даже находиться с ним рядом», «и его поселили в доме, где остановился я, где у каждого из нас в камерке было свое отдельное место для занятий, а спали мы вместе» [8. С. 90]. О чем здесь идет речь? Помещение этих свидетельств, а также множества им подобных, нередко встречающихся в других сочинениях раннего Нового времени, в исторический контекст проясняет картину: постели тут не имеют ничего общего с сексуальными отношениями. Это «социальные постели» – специфические места общения мужчин, позволявшие им вдали от посторонних ушей обсуждать вопросы самого разного свойства, т.е. места, где реализовывались их важные потребности коммуникации. Причем самим писателям XV–XVII вв., добавляет историк, «не нужно было ничего объяснять: в то время это было обычной общеизвестной практикой. Каждый о ней знал и вел себя так же» [Там же].

Наконец, в статье представляются три международных проекта, в той или иной мере нацеленных на создание картины Европы раннего Нового времени «от первого лица». Это прежде всего коллективный проект «Рассказы о себе в транскультурной перспективе», на протяжении более 10 лет осуществлявшийся исследовательской группой Свободного университета Берлина. Главная идея проекта состояла в том, что автобиографические свидетельства необходимо рассматривать в тех конкретных историко-культурных контекстах, где они появлялись и функционировали, а их создание – как формы человеческой деятельности, в том или ином виде присущие разным историческим периодам и культурам. Такая перспектива, по мнению руководителей проекта, дает возможность отказаться от необоснованного взгляда на проблему с позиции современного европейца и тем самым позволяет заново осмыслить исторические формы авто-

биографических сочинений. Результатом работы группы стала серия книг и статей, во многом определивших теоретические основания сегодняшних автобиографических исследований [9].

Разработка другого проекта была инициирована историками университета Бордо. Начальным его этапом стал семинар «Эгодокументы в европейском контексте: сочинения от первого лица в Европе с конца Средневековья до начала XX столетия», собравший в 2008 г. около 20 исследователей из 12 европейских стран [10]. Основная задача семинара состояла в выяснении потенциала личных свидетельств для изучения европейской истории раннего Нового и Нового времени, а конкретным ее результатом стала заявка на грант Европейского научного фонда для создания международной сети исследователей европейских эгодокументов. Заявка получила амбициозное название, отражавшее энтузиазм участников семинара: «Европейское прошлое от первого лица: документы для новой истории» [11].

Это начинание не было поддержано Европейским научным фондом, однако вслед за ним появилось несколько других, свидетельствующих об актуальности изучения автобиографических свидетельств для историков. Среди них одним из последних стал франко-германский проект, инициированный в центре Марка Блока Берлинского университета имени Гумбольдта, где в мае 2018 г. прошел международный colloquium «Жизнеописания в движении: Автобиографические практики субалтернов с раннего Нового времени до Первой мировой войны» [12]. Помимо таких традиционных форм научной деятельности, как проведение конференций и подготовка публикаций, проект предполагает отцифровку и размещение в открытом доступе кластера личных свидетельств «маленьких людей», до недавнего времени редко привлекавших внимание историков. Название проекта, совпадающее с названием colloquiuma, нуждается в двух пояснениях. Субалтерны здесь – это те социальные категории людей, которые в той или иной степени находятся под властью других (Антонио Грамши). «В движении» означает мобильность трех типов: географическую, социальную и религиозную или идеологическую.

Сегодня как никогда раньше очевидно, что наша картина прошлого в значительной мере зависит от того, какие вопросы к этому прошлому задают историки. Не вызывает также сомнений, что в последние десятилетия число и разнообразие этих вопросов много-

кратно возросло, результатом чего стало появление в историографии бесчисленного множества новых направлений. Эти новые направления, нужно добавить, в большей или меньшей степени мирно сосуществуют с по-прежнему доминирующими традиционными, отвечающими на вопросы, поставленные перед историческим знанием европейским обществом в XIX – первой половине XX в. (политическая история, дипломатическая, военная, аграрная, экономическая история и т.д.). Автобиографические исследования предлагают еще один ракурс исследований: почему бы не обратиться к прошлому не с вопросами, диктуемыми современностью и / или историографической традицией, а с теми, которые были актуальны для людей, живших в этом прошлом? То есть попытаться создать на основе личных свидетельств картину прошлого «от первого лица».

Литература

1. *Зарецкий Ю.П.* Автобиографические исследования: Три проекции // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 3, т. 157. – С. 71–74.
2. *Зарецкий Ю.П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 3, т. 83. – С. 218–232.
3. *Porter R.* Introduction // *Rewriting the self: histories from the Middle ages to present* / ed. Roy Porter. – L.: Routledge, 1997. – P. 1–16.
4. *Selbstezeugnis und Person. Transkulturelle Perspektiven* / Hrsg. Cl. Ulbrich, H. Medick, A. Schaser. – Köln, Weimar; Wien: Böhlau, 2012.
5. *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 44–45.
6. *Jancke G.* *Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts.* – Köln: Böhlau, 2002.
7. *Ружжью Ф.-Ж.* Лексикон социального пространства в сочинениях личного характера // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова. – М.: БИБЛИО–ГЛОБУС, 2017. – С. 119–148.
8. *Янке Г.* Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 3, т. 157. – С. 89–106.
9. DFG-Forscherguppe 530. *Selbstezeugnisse in transkultureller Perspektive.* – <https://www.geschkult.fu-berlin.de/e/fg530/index.html>
10. *Ego-documents in European Context: First-person writings in Europe from the end of the Middle Ages to the beginning of the twentieth century.* – <http://firstpersonwritings.huma-num.fr/>

11. European past from the first-person perspective: documents for a new history - <http://firstpersonwritings.huma-num.fr/project.htm>

12. Life-Stories on the Move: Subaltern autobiographical practices From the Early Modern Period to the First World War. – <https://cmb.huberlin.de/fr/agenda/evenement/life-stories-on-the-move-subaltern-autobiographical-practices-from-the-early-modern-period-to-the-f/>

И.В. Сидорчук

**«УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИННОСТИ ОДНОЙ ЛИШЬ
ТЕХНИКИ»: ПРОБЛЕМА ДИСКРЕДИТАЦИИ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ В
ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ И РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ¹**

Аннотация. *Исследование представляет собой попытку рассмотрения особенностей изменений установок в области гуманитарного знания на основе нескольких кейсов из истории отечественной науки периода конца XIX – начала XX в. Речь идет о проектах пересмотра методов гуманитарных наук, что являлось неотъемлемой чертой поля научных экспериментов периода, приводивших к девальвации и дискредитации гуманитарного знания.*

Ключевые слова: *история науки, лженаука, наука и власть, методы гуманитарных наук, Д.П. Мартынов, братья Гордины.*

По мнению литературоведа И. Хассана, известного своими работами по исследованию постмодернизма, несмотря на то, что современность всегда стремилась провозгласить смерть культурных форм, «гуманитарные науки меняются и все еще сохраняют свою прометеевскую роль». Этот дух исследователя и преобразователя жизни вдохновляет ученых и показывает их истинную смелость и магию, являясь залогом спасения их дисциплин [1]. Подобные рассуждения, призванные утвердить веру в значимость гуманитарного знания, весьма типичны в условиях распространенности критики авторитета официальной науки и неочевидности границ науки и околонатуки. Также современными учеными видятся актуальными проблемы приспособления под чужие, подчас крайне невыгодные для них правила игры, формирования аутоимиджа и борьбы с угрозой маргинализации из-за своей чистой академичности в сочетании с отчужденностью от естественных наук [2]. Для России подобная ситуация не нова, учитывая противоречивость насыщенного социально-политическими и идеологическими изменениями XX в. В настоящей работе предпринята попытка на основе нескольких кейсов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-00085).

из истории отечественной науки позднеимперского и раннесоветского периодов рассмотреть некоторые особенности изменений установок в области гуманитарного знания, которые, как нам представляется, могут дополнить картину истории отечественной науки и оказаться актуальными на современном этапе развития научного знания.

Неслучайным фоном существования гуманитарных наук в рассматриваемый период являлось наличие стремления к редуцированию устоявшегося научного знания, что могло сочетаться как с попытками подрыва доминирующих консервативных устоев, так и научным ревизионизмом. Практики дискредитации той или иной теории в рамках гуманитарных дисциплин традиционно связываются с ранним советским периодом, хотя такие их составляющие, как подчинение идеологической схеме, запелляционность и провозглашение альтернативны лженаукой, отнюдь не являются творением большевиков и борцов за марксизацию 20–30-х гг. Например, студенты в императорской России в рамках обязательного курса богословия наверняка слышали про опасность «лжеучений», способных отвести молодого человека от пути истинного христианина. Так, занимавший более 40 лет кафедру богословия в столичном университете В.Г. Рождественский сообщал о «новейших врагах Христова», которые «действуют оружием искусного слова, авторитетным именем науки, распространяя под знаменем последней разнообразные лжеучения, прельщающие умы неопытные своей новизною, льстящие человеческой гордости» [3. Стб. 1585]. Таким образом, профессора богословия, транслируя с кафедры или амвона университетской церкви идеи верности монархии и веры как необходимой составляющей научного познания, давали прекрасный пример критики неугодной науки, далекий от академических дискуссий.

При этом взамен подчас предлагались идеи, далекие от научности и лишь способствовавшие дискредитации гуманитарного знания. Ярким примером является творчество директора народных училищ Олонецкой губернии Дмитрия Павловича Мартынова. Его коллеги видели в нем искренне преданного своему делу человека, много сделавшего для развития образования в регионе [4]. Он был истинным монархистом, стремившимся распространить то же верноподданничество среди учащихся. В предисловие к своей книге для чтения по отечественной истории он заявлял, что «каждый русский человек с юных лет должен возлюбить свою веру, своего царя и свое

отечество – возлюбить их всем сердцем своим и всем помышлением своим», а следовательно, курс истории в народных училищах должен быть курсом «первой любви» к ним [5. Об. тит. л.]. Стоит ли говорить, что книга изобилует предвзятыми интерпретациями и искажениями прошлого страны. Известность же он получил благодаря идеям в области языкознания. Именно с ним Н.С. Трубецкой сравнивал создателя «нового учения о языке» Н.Я. Марра [6. Р. 317] благодаря книге «Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания» (1897). В ней Д.П. Мартынов утверждал, что вся речь происходит от слова «есть». А вот пример объяснения происхождения слов: «А что есть истина? Отвечаю: истина есть истень=ястень=ясьть=ясьсь=яцьць=ць! ць! ць!.. Вот начало и вот конец премудрости!» [7. С. 91].

С приходом к власти большевиков внимание власти стало концентрироваться на развитии технических и естественнонаучных дисциплин. Главным аргументом в пользу поддержки той или иной образовательной и научной инициативы была не столько идеологическая актуальность, сколько «прикладной, практический характер предлагаемых проектов; их нацеленность на решение актуальных задач “государственного строительства”» [8. С. 415]. В рамках «культы машины» идеи полного переосмысления роли гуманитарного знания не могли не найти сторонников. Одними из мыслителей, наиболее громко заявившими об этом уже в первые послереволюционные годы, были известные анархисты братья Аба и Вольф Гордины. Настроенные на сотрудничество с большевиками, они разработали массу планов обустройства человеческой жизни, в которых особое место отводилось технике. В июле 1918 г. Вольф отправил в Научный отдел Наркомпроса записку о субсидировании издания его философского труда «Пантехникализм», над которым, по его заверению, работал 20 лет. Задачей труда, претендующего на то, чтобы «делать эпоху», он видел «опровержение всех основных начал науки, отрицание теории познания и утверждение истинности одной лишь техники» [9. Л. 14]. Также он отмечал новизну, «нешаблонность», «отсутствие ходячих истин», «отступления от всего общепринятого, освещенного традициями и завещанного авторитетами»: «Класс, сумевший освободиться от политической власти буржуазии, должен уметь и освободиться от духовных цепей науки буржуазии». Россия крайне бедна техническими познаниями, поэтому «такой апофеоз техники – и пусть односторонний и преувеличенный – ни-

чего кроме пользы принести не может» [9]. Спустя несколько лет он создал международный язык, в котором вместо букв использовались только цифры [10. С. 792–794].

Идеи Гординых благодаря их публикациям достаточно широко известны. При этом о ряде других авторов поистине нетривиальных теорий реформирования научного знания подобного сказать нельзя. Например, о выпускнике историко-филологического факультета Петербургского университета, а в 1920-х гг. преподавателе Вятского педагогического училища Павле Михайловиче Арбузове. В современной литературе подчеркиваются его эрудированность и педагогический талант [11], однако нам он интересен как создатель рукописи «Метод научного синкретизма», которую в 1926 г. отправил Н.Я. Марру. В сопроводительном письме он утверждал, что «подобно тому, как научный коммунизм представляет собой учение, материалистически доказывающее неизбежность наступления коммунизма, научный синкретизм ставит своей целью материалистически доказать неизбежность наступления эпохи синкретизма. Научный синкретизм с этой точки зрения есть коммунизм идей, как параллель научному коммунизму – коммунизму людей» [12. Л. 3]. Реализация идеи на практике потребовала бы «просмотра всех существующих наук» и привела к созданию некоего единого научного знания [Там же. Л. 6].

Выбранные нами примеры – одни из наиболее ярких и, к счастью, не получившие достаточной поддержки. При этом они являлись доведенными до радикализма идеями, транслированными как учеными, так и властью: пересмотр гуманитарного знания на основаниях, жесткая привязка к официальной идеологии, принцип пользы как основной аргумент в пользу их реализации. Подобно «бумажной архитектуре» советского авангарда, такая «бумажная наука» интересна в качестве дополнительной характеристики климата эпохи. Феномены Мартынова, Гординых или Арбузова, равно как и значительной части тех, кому были адресованы их труды, – с одной стороны, пример работы эффекта Даннинга–Крюгера, выпадов уверенных в своей правоте слабых ученых, покушающихся на ниспровержение устоявшихся догм. С другой – неотъемлемая черта поля научных экспериментов, приводивших к девальвации и дискредитации гуманитарного знания и не получивших достойного отпора. Позже это затронет все науки. В 1930 г. профессор кафедры математики Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде

206

Л.А. Лейферт утверждал, что в области общественных наук отныне «только диалектический материализм осуществляет свое руководство». Очередь была за остальными, ведь «общий размах культурной революции» «требует таких же темпов в перестройке всех наук, под новым пролетарским руководством» [13]. Лейферта в 1938 г. расстреляют, но его призывы начнут воплощаться в лысенковщине, борьбе с кибернетикой и отстаивании «национальных приоритетов» в области техники.

Литература

1. *Hassan I.* The Educated Heart: The Humanities in the Age of Marketing and Technology // *The Antioch Review*. – Vol. 73, No. 4. – P. 600–611.
2. *Mittelstrass J.* Humanities under Pressure // *Humanities*. – 2015. – No. 4. – P. 80–86.
3. *Рождественский В.Г.* О долге исповедания веры // *Церковный вестник*. – 1901. – № 50. – 13 дек. – Стб. 1585–1588.
4. *Ширшова О.Б.* Педагогическая деятельность Д.П. Мартынова как пример организации дела народного просвещения в регионе в конце XIX в. // *Вестник ТвГУ. Сер.: Педагогика и психология*. – 2017. – Вып. 3. – С. 73–78.
5. *Мартынов Д.* Русская история в самых простых рассказах со сборником исторических стихотворений. Для школы и народа. – М.: Тип. Э. Лесснера и Ю. Романа, 1894. – 98 с.
6. *Jakobson R.* Autobiographical notes on N.S. Trubetzkoj // *Trubetzkoj N.S. Principles of phonology*. – Berkeley and Los-Angeles. Second print, 1971. – P. 309–323.
7. *Мартынов Д.П.* Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1897. – 92 с.
8. *Долгова Е.А.* «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*: сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 405–416.
9. Записка В. Гордина о его труде «Пантехникализм». 24 июля 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А2307. – Оп. 2. – Д. 159. – Л. 14–15.
10. *Аролович А.В.* Концепция слова и языка у русских анархистов-универсалистов начала XX в. // *Анархизм: pro et contra: социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей: антология / сост. П.И. Талеров*. – СПб.: Изд-во РХГА, 2015. – С. 788–797.
11. *Рашковский А.* Из переписки Е.Д. Петряева и Павла Михайловича Арбузова и выдержек из рукописей П.М. Арбузова // Сетевое издание «Топос». –

25 апр. 2013 г. – URL: <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytne-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (дата обращения: 05.07.2019).

12. *Арбузов П.* Метод научного синкретизма (Материалистический синкретический метод схватывания) // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. – Ф. 800. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 3–7 об.

13. *Лейферт Л.* Математика и диалектический материализм // Ленинградский университет. – 1930. – № 4–5 (57–58). – 15 дек. – С. 2.

Д.А. Аникин

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПАМЯТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

***Аннотация.** Разбирается методология пространственного анализа истории, анализируется стремление данного подхода преодолеть издержки эволюционизма и выработать принципы исследования поликультурных сообществ в истории. Указывается на ограниченность метафоры «мест памяти» и формулируется необходимость формирования пространственных метафор, способных описать динамику исторической памяти и изменения образов прошлого как во временной, так и в социальной перспективе.*

Ключевые слова: пространственный подход, история, память, динамика, места памяти.

Пространственное измерение истории, впервые сформулированное в качестве исходного методологического принципа в структурализме К. Леви-Стросса, достаточно быстро продемонстрировало свою эвристичность с точки зрения отказа от устаревших постулатов эволюционизма. Но, преодолев эволюционистскую ограниченность, пространственный подход в структуралистской интерпретации также оказался не свободен от ограничений, в частности, от стремления к гомогенному восприятию прошлого. Это свойство пространственного подхода оказалось достаточно быстро отрефлексовано его представителями, попытавшимися разработать ряд пространственных метафор, ориентированных на учет своеобразия отдельных образов прошлого.

Самой используемой пространственной метафорой в исследованиях памяти, без сомнения, является «место памяти», которое было впервые использовано французским историком П. Нора. Опираясь на традицию школы «Анналов» и работы французских структуралистов, он попытался вернуться к поставленному еще Хальбваксом вопросу о соотношении памяти и истории, рассмотрев эти модусы восприятия временности в качестве последовательно сменяющихся

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

друг друга стадий исторического развития. Наиболее существенным свойством современного восприятия прошлого, с его точки зрения, является дистанция между «истинной» памятью традиционных обществ, организованной памятью национального государства и современными «местами памяти» [1. С. 18–19].

Усугубляющийся разрыв приводит к тому, что единое пространство памяти, которое обеспечивало неререфлексируемое именно в силу своей привычности осознание единства и настоящего и прошлого, дробится на отдельные «места» (топосы). Прошлое теряет свою привычную связность и последовательность, превращаясь в нагромождение отдельных образов и фактов, которые с трудом коррелируют друг с другом, отражая распад традиционных идентичностей и форм коллективного восприятия действительности. Констатируя происходящие изменения, Нора обращает внимание на то, что всплеск интереса к прошлому является вполне закономерной реакцией на исчезновение определенного типа памяти, который он обозначает термином «нация-память». Эта память обосновывала и легитимировала коллективную идентичность, дополняя официальный исторический дискурс и в то же время противостоя ему в силу своей эмоциональной нагруженности и стремления к воспроизводству устоявшихся мифов. Вторая половина XX в. стала временем, когда этот тип памяти перестает существовать, превращаясь в отдельные символы национального прошлого, которые приватизируются отдельными сообществами, но перестают выполнять свою основную функцию – консолидации граждан национального государства. В. Канштайнер, анализируя концепцию «мест памяти», характеризует эту ситуацию как точку смены моделирования первого порядка (концентрацию прошлого вокруг национальной идентичности) моделированием второго порядка (полный разрыв между прошлым и его производством в настоящем) [2. Р. 180].

Таким образом, Нора выводит осмысление динамики исторической памяти на глобальный уровень, соотнося трансформацию коммеморативных практик с кардинальным изменением социальной структуры. Существенным является представление о взаимосвязи нации как особого типа социальной общности с приобретением исторической памятью особой социальной функции, а также попытка диагностировать те изменения, которым подвергается национальное государство в контексте современных социальных процессов. Но пространственные понятия у Нора в большей степени носят метафо-

210

рический характер, призванный наглядно проиллюстрировать происходящие изменения, а не предложить язык и способ их описания.

В последние годы все больше исследований исторической памяти посвящается изменению если не самих исторических фактов, то их интерпретаций или восприятия в коллективном сознании. Социальным контекстом возникновения подобных «кейсов» является деконструкция той конфигурации социального пространства, которая сложилась в эпоху Нового времени и основными элементами которой были так называемые «национальные государства». А.И. Миллер справедливо указывает, что «строительство больших наций всегда тесно связано с имперской миссией» [3. С. 33]. Национальные государства были не преемниками династических империй, а представляли собой новую форму организации имперского пространства, при которой вертикальные связи между сакрализованной фигурой монарха и подданными заменялись на горизонтальные связи между различными социальными группами, опирающимися на признание единой национальной идентичности и общность воспоминаний. В рамках изменившейся системы социальных координат и возникает потребность в исторической памяти как основном факторе легитимации существующего политического порядка и места властвующих элит в рамках национального государства. Распад подобной системы, корни которого были заложены в изначальной двусмысленности и обоюдоострой направленности национального проекта, выразился в деколонизации и деконструкции господствующих дискурсов социальной памяти. Причем деконструкция сопровождалась не только полярным изменением оценок отдельных исторических событий, но и переориентацией исторической памяти на поддержку новых форм коллективной идентичности. Текучесть и размытость новых социальных идентичностей вызвали всплеск внимания к процессуальным аспектам исторической памяти. На смену понимания памяти как относительно устойчивой совокупности образов, своеобразного символического ядра социальных групп приходит восприятие памяти как набора коммеморативных практик, осуществляющих постоянную селекцию прошлого в контексте актуализации политических и социальных задач. Таким образом, формируется третий ритм динамики исторической памяти, связанный с переконфигурированием социального пространства, разрушением сакрализованного канона воспоминаний и формированием новых канонов, в которых существенную роль начинает играть противопоставление тем дискурсам

памяти, которые были доминирующими. В этой связи следует обратить внимание на категориальный ряд, который формируется для описания происходящих на пространственном уровне изменений.

Я. Зерубавель в своих работах 90-х гг. использует введенное М. Фуко понятие «контрпамять» для подчеркивания гетерогенности мемориального дискурса. Память определенной социальной группы не существует в безвоздушном пространстве, что обусловлено не только естественными коммуникациями между различными группами, но и основной функцией коллективных представлений о прошлом, вырабатывающих, прежде всего, инструмент отличия «своих» от «чужих» [4. Р. 17]. Даже в самом консолидированном сообществе, а особенно в социальных институтах, строящихся на формальных основаниях (например, государство), отсутствует абсолютный консенсус по поводу прошлого. Это означает, что господствующий дискурс исторической памяти всегда «наталкивается» на память локальных групп. Контрпамять также отражается в коммеморативных практиках, причем ее угроза для официальной памяти, считает Зерубавель, заключается в том, что «когда контрпамять бросает вызов сложившемуся представлению о конкретном историческом событии, под вопросом оказывается общая схема повествования, выражающая коллективную память о прошлом» [5. С. 88]. В данном контексте можно рассматривать процесс развития представлений о прошлом как специфическое взаимодействие официальной памяти и контрпамяти, демонстрирующих широкий спектр возможных вариантов – от диалога и нахождения точек соприкосновения до подавления и вытеснения как самой памяти, так и ее непосредственных носителей. Таким образом, важное уточнение касательно динамики исторической памяти заключается в том, что правильнее было бы говорить о динамичных взаимодействиях дискурсов памяти, в результате которых создаются и распадаются коалиции между сосуществующими в различных сообществах связными историческими конструкциями.

Литература

1. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

2. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. – 2002. – Vol. 41, No. 2. – P. 179–197.
3. *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. – М.: Изд-во Европейского университета, 2016. – 146 с.
4. *Zarubavel Y.* Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition. – Chicago: Chicago University Press, 1995. – 178 p.
5. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // *Ab Imperio*. – 2004. – № 3. – С. 71–90.

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, И.С. Караченцев

ХРАМ МУЗ ИЛИ ОЧАГ НАУКИ: К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА МУЗЕЙ

***Аннотация.** Предпринимается обращение к истокам создания и именованя первых музейных хранилищ в эпоху Античности. Рассматривается происхождение слова музей, прослеживаются историческое движение феномена и изменение понятия музея в продолжение первых столетий его формирования и развития. К исследованию привлекаются словари русских и иностранных слов, издания и переиздания текстов византийских философов и авторов Нового времени.*

Ключевые слова: феномен музея, этимология слова музей.

Музей как феномен цивилизационного развития зародился в самые давние времена. Но в изучении музея как исторического явления содержатся наряду с научно выверенными положениями и элементы научной недостоверности и легендарности. Это обстоятельство и определяет главную задачу данной публикации – проследить зарождение и трансформацию понятия музея, выявить происхождение самого слова и охарактеризовать пути и формы его преобразования. Первыми среди русских исследователей к изучению происхождения и значения слова музей обратились авторы словарей. Так, в 1845 г. вышел карманный словарь иностранных слов, в котором, между прочим, говорилось: «Музеум или музей, первоначально так назывался храм или грот, посвященный музам... В позднейшие времена под музеем стали разумеать вообще собрание редких и любопытных предметов по всем отраслям естественной истории или искусств...» [1. С. 204]. Энциклопедический словарь 1854 г. содержит толкование музея как «места, посвященного музам, храм муз, университет, академия, библиотека...». Правда, авторы этого словаря добавляют, что «в новейшее время слово музей означает собрание древних сокровищ искусств, статей барельефов, драгоценных камней, монет, картин и замечательных древностей...» [2. С. 282]. Видимо, следуя сложившимся традициям, автор словаря русского языка В.И. Даль, первое издание которого вышло в 1863–1866 гг., тол-

кует интересующее нас слово так: «Музеум или музей – собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли наук и искусств; здание для этого; хранилище, сохранище» [3. С. 357]. Как бы вторя Далю, в этимологическом словаре 1896 г. говорится, что музей – хранилище художественных ценностей и научных сокровищ (без всяких упоминаний о музах и их святилищах) [4. С. 566]. Но мысль связать этимологию слова музей с музами – богинями искусств и науки – оказалась настолько привлекательной, что в толковых и энциклопедических словарях и энциклопедиях конца XIX в. и в продолжение всего XX в. музей уже без всяких сомнений и оговорок связывали и по сию пору связывают исключительно с храмами муз [5. С. 112; 6. С. 382; 7. С. 84]. Более того, в «Российской музейной энциклопедии», изданной в самом начале XXI в., сообщается даже о том, что «прообразом музейного отношения к действительности можно считать... храм как специально организованную предметно-пространственную среду...» [8. С. 395].

Для выяснения реального положения дел мы должны были обратиться к тем работам, авторы которых указывают, что архетип музея не храм муз, а Μουσείον (мусейон или мусей). Так, древнегреческо-русский словарь, выпущенный в 1958 г., сообщает, что первым мусейоном называли философскую школу с книгохранилищем близ афинского Акрополя [9. С. 1111]. Гораздо более широкую известность получил Александрийский мусейон, созданный в Александрии в начале III в. до нашей эры по инициативе ученика Аристотеля Деметрия Фалерского [10. С. 410]. Происхождение древнегреческого слова Μουσείον определяется корневым словом μουσα с добавлением к нему суффикса εῖον, с помощью которого возникло новое словообразование – место от / для μουσα. Следует особо подчеркнуть, что слово μουσα имеет несколько значений, самое распространенное из них действительно муза, богиня-покровительница наук и искусств. Использование этого первого толкования и обусловило обозначение музея как храма муз. Однако при более внимательном чтении словарей выясняется, что слово μουσα имеет и другие значения, например: речь, слова, а также искусство, поэзия и, что для нас особенно важно, – образование, ученость, просвещенность. Именно так, согласно современным словарям, толковал слово μουσα великий греческий философ Платон [9. С. 1111]. А в греческо-русском словаре, изданном в 1894 г., слово μουσα (по латыни – mousa) перево-

дится, как наука, высшее образование, искусство, музыка, пение. В словаре приводится и слово Μουσείον, которое толкуется как храм муз, храм поэзии, искусства, науки, или просто музей [11. Стб. 827–828]. И в таком случае все становится на свои места, ведь Александрийский мусейон в продолжение нескольких столетий был главным научным центром античного мира, очагом научных знаний в области математики, географии, астрономии, медицины. В этом учреждении была собрана богатейшая библиотека, а также некоторые артефакты, образцы культуры народов Средиземноморья, сложился комплекс научного познания через опытное восприятие. По данным английского исследователя Д. Мюррея, который использовал сведения Страбона, мусейон предназначался для исследований, а также и для обучения студентов. Он занимал часть обширного дворца, включая крытую аркаду, помещение для публичных лекций и общий холл с прилегавшими к нему ботаническим и зоологическим садами. Мусейон опирался на поддержку богатых горожан, а позже и римских императоров [12. Р. 1–2]. Александрийский мусейон, или музей, как он был обозначен в публикации 1804 г., был подвергнут разгрому в 272/273 г. по распоряжению римского императора Аврелиана, покаравшего взбунтовавшихся жителей города Александрии. Однако музей долго еще служил в качестве хранилища книг и жилища ученых, пока не погиб окончательно в 630 г. во время захвата Александрии сарацинами [13. С. 870–871].

Известно, что после распада Римской империи античная культура и греческий язык сохраняли первенствующее значение в Византии. И хотя византийские философы испытывали сильнейшее давление со стороны христианской догматики, тем не менее есть свидетельства, что византийские философы, в частности Михаил Пселл и Иоанн Итал, сохраняли интерес к сформулированным греками канонам чувственного восприятия окружающей действительности [14. С. 626–629]. И, добавим, – к использованию опыта Александрийского мусейона и сохранению его словесного обозначения. И вполне возможно с установлением культурных и церковно-религиозных связей Русского государства и Византийской империи сведения о мусейоне, или музее, и само это слово могли проникнуть в русскую культуру. Не случайно, по-видимому, в начале XVIII в., когда в Европе закрепилось уже обозначение собраний различных редкостей и артефактов как музеев, в русском языке слово музей использовалось

как синоним музеума. Так, отправленный Петром I в Европу для приобретения и доставки в Россию различных коллекций И.Д. Шумахер так излагал задания своего патрона: «Музея ученых людей, как публичные, так и private, посещать и из того усматривать в чем вашего императорского величества музей с оными разнится, ежели же чего в музее вашего величества не обретается, (то) оный недостаток наполнять тщится или хотя советовать, как оный недостаток наполниться может» [15. С. 534].

Но для того чтобы выяснить, как музей превратился в музей, а около двух столетий спустя вновь стал музеем, требуется новый не менее важный повод продолжения начатого исследования.

Литература

1. Музеум или музей // Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. – СПб., 1845. – Вып. 1. – С. 204–205.
2. Справочный энциклопедический словарь / ред. А. Старчевский. – СПб., 1854. – Т. 8. – 507 с.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2: И–О: [переиздание]. – М.: Русский язык, 1989. – 781 с.
4. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский. – М., 1914. – Вып. 8: Миняя – Нуда. – С. 537–616.
5. [*Рудаков В.Е.*] Музеи // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 20. – С. 112–122.
6. Словарь иностранных слов. – М.: ОГИЗ, 1937. – 724 с.
7. *Разгон А.М.* Музей // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1974. – Т. 17. – С. 84–86.
8. *Каулен М.Е., Мавлеев Е.В.* Музей // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. – Т. 1. – С. 395–396.
9. Древнегреческий русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевский. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1904 с.
10. Александрийский музей // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1974. – Т. 1. – С. 410.
11. Греческо-русский словарь / сост. А.Д. Вейсман. – СПб., 1894. – 4-е изд. VIII. – 1370 стб., – 28 с.
12. *Murray D.* Museums. Their History and their Use. – Glasgow, 1904. – Vol. 1. XI. – 339 p.
13. Музей // Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту / при Императорской Академии наук. – СПб., 1804. – Ч. 2. – С. 870–871.

14. Византийская философия: Михаил Пселл. Иоанн Итал // Антология мировой философии: в 4 т. – Т. 1: Философия древности и Средневековья. – М., 1969. – С. 626–629.

15. Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 годах // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. – СПб., 1862. – Т. 1. – С. 533–558.

М.О. Акишин

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ПРАВА РОССИИ

Аннотация. *Рассматриваются основные подходы к периодизации истории и обосновывается положение о том, что они не в полной мере соответствуют объекту историко-правовой науки. Предлагается использование культурно-исторического подхода к периодизации истории права и выделения в качестве ее критерия истории юридического языка. На основе диалектического метода и методов языкознания проводится периодизация истории юридического языка в связи с историей права России.*

Ключевые слова: *периодизация истории права, культурно-исторический подход, юридический язык.*

Актуальность проблемы периодизация истории права вызвана необходимостью понимания логики его развития, объяснения меняющейся роли права в жизни человека и общества в разные исторические эпохи. Не меньшую актуальность проблема периодизации имеет в образовательном процессе, так как она позволяет сформировать систему историко-правовых дисциплин.

В связи со становлением современного российского государства проблема периодизации истории вызвала острые дискуссии с участием таких известных методологов исторической науки, как М.А. Барг, А.Я. Гуревич, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницкий и др. Периодизация истории права обсуждалась правоведами на форумах в Москве и Самаре, организованных Российским историко-правовым обществом. Ее анализу был посвящен круглый стол, прошедший в 2011 г. в Омском университете.

Современные подходы к периодизации истории основываются на представлении о прогрессивном развитии общества, получившем обоснование в диалектическом учении Г.В.Ф. Гегеля. Господствующими подходами в современности к периодизации истории являются формационный, модернизационный и цивилизационный. В философии истории два первых подхода называют «линейными», третий – «циклическим».

Суть формационного подхода заключалась в том, что история общества определяется развитием производительных сил и производственных отношений («базиса»), которыми обусловлены право, государство и др. («надстройка»). Для номинации «обществ, находящихся на определенной ступени исторического развития», К. Маркс использовал термин из геологии – «формация» (от лат. *Formatio* – образование).

На этой основе советскими историками была разработана концепция, согласно которой во всемирной истории происходит последовательная смена первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций. Эта концепция была усвоена советской юриспруденцией и на ее основе сформулирована периодизация, в которой каждому способу производства соответствует свой тип государства и права: рабовладельческое, феодальное, буржуазное и социалистическое.

Теория модернизации исходит из противопоставления традиционных и современного общества. В основе перехода от традиционного общества к современному лежит вторая технологическая революция в истории человечества, приведшая к индустриальному развитию, процессу урбанизации и распространению формальной рациональности. В 1960-х гг. И. Валлерстайн на основе теорий модернизации и исторического лидерства империй и региональных союзов разработал теорию мир-системного анализа. Признаками общества Нового времени (*Modernity*) были провозглашены либерализм, прогрессизм, универсализм, рационализм, европоцентризм.

На основе теории модернизации и мир-системного анализа С. Хантингтон рассматривал эволюцию государства и права в качестве универсальных механизмов адаптации общества к меняющимся условиям существования. В зависимости от типа мировосприятия и уровня технологии он выделил во всемирной истории три периода: аграрный, индустриальный и постиндустриальный [2].

Рассматривая периодизации истории марксистской теории и теории модернизации, отмечу, что они создавались в условиях господства в социологии XIX – первой половины XX в. парадигмы социального дарвинизма, противопоставлявшей «цивилизацию» народов Европы «варварству» и «дикости» народов остального мира. Далее для марксистской теории характерен юридический позитивизм, согласно которому право возникает после появления государства как право господствующего класса. В антропологии права убе-

дительно доказано положение о том, что право появляется в догосударственных обществах. Наконец, развитие права не детерминировано экономикой. Право имеет свою логику развития, современные капиталистические отношения в значительной мере регулируются на основе юридических конструкций, созданных юристами Древнего Рима.

Теория цивилизации (от лат. *civil* – гражданский, государственный) рассматривает историю как циклический процесс, что затрудняет создание ее периодизации. В рамках теории цивилизации возможно построить только периодизацию возникновения и конкуренции различных цивилизаций, о чем свидетельствует периодизация Вильяма Макнила, ученика одного из классиков теории цивилизации А.Дж. Тойнби [4]. Кроме того, к недостаткам цивилизационного подхода относится множественность критериев, которые используют различные ученые для выделения различных цивилизаций.

Итак, марксистское учение, теория модернизации и цивилизационная теория не позволяют создать объективного основания для периодизации всемирной и национальной истории права. В связи с этим отечественными учеными был предложен ряд новых критериев периодизации. В.И. Костенко в качестве такого критерия предлагает использовать эволюцию формы правления, территориально-политического устройства и политического режима [3. С. 185]. А.А. Дорская – эволюцию видов и особенностей правовых норм, вызванных специфичными для той или иной эпохи общественными отношениями [1. С. 45].

Думается, при анализе проблемы периодизации истории права в отечественной науке не в полной мере учитывается потенциал культурно-исторического подхода, сформулированного в начале XX в. И. Колером. В XX – начале XXI в. плодотворность культурно-исторического подхода продемонстрирована в трудах М. Зенна по истории права Европы, Р. Давида, К. Цвайгерта, Х. Кетца и других ученых в сфере сравнительного правоведения.

В качестве критерия периодизации истории национального права в рамках культурно-исторического подхода можно использовать развитие юридического языка. В философии язык рассматривается как «ядро культуры». Юридический язык выполняет функцию «ядра» правовой культуры. Развитие юридического языка определяется фактическими, объективными условиями истории общества, их интерпретацией в правовых учениях (доктрине) и создании на этой

основе в процессе правотворчества принципов и норм права. Периодизацию истории юридического языка можно построить с помощью методов структурной лингвистики, концептуального анализа и иных методов языкознания. Эти методы позволяют выделить ряд эпох в истории развития юридического языка, которые являются в то же время этапами развития права и правовой культуры России.

Первой эпохой следует признать период становления юридического языка славянских народов. Формирование терминологии русского права начинается в догосударственный период и опирается на общие индоевропейские правовые представления, отражая сакральное понимание права как порядка, правильности, а преступления – как злодеяния. Правовая лексика славянских языков VI в. содержала такие понятия, как «право», «правда», «норов», «обычай», «пошлина», «ряд», «покон», «вира» и т.п.

Вторая эпоха связана с историей Древнерусского государства IX – начала XIII в. Для нее, во-первых, характерно появление идеи единства Русской земли и русского языка, что вело к стиранию диалектической обособленности восточнославянских племен; во-вторых, под влиянием крещения Руси наряду с русским юридическим языком княжого права появляется церковнославянский язык церковного права; в-третьих, происходит рецепция права Византии, что отразилось в заимствовании византийской юридической терминологии.

Третья эпоха – период удельной раздробленности и монголо-татарского ига второй половины XII – конца XV в. Распад государственного единства, обособление отдельных княжеств привели к появлению фонетических и морфологических особенностей в языке княжеской документации Галицко-Волынской и Северо-Восточной Руси, Новгорода и Пскова. На юго-востоке Руси, вошедшей в состав Польского государства, возникает «проста руська мова». В то же время в период ордынского ига русский язык стал одной из основ исторической памяти, которая позволила русскому народу консолидироваться и освободиться от ига.

Четвертая эпоха – период Русского государства конца XV – XVII в. Становление в этот период механизма государства раннего Нового времени, кодификация права, расширение сферы правового регулирования привели к формированию приказного языка. В московских приказах создается единство терминологии и норм юридического языка.

Пятая эпоха – государственные преобразования в Российской империи XVIII – начала XIX в. В эту эпоху возникает язык коллежского делопроизводства, происходит рецепция европейского права, которая отразилась в заимствовании правовой лексики из латинского языка и юридических языков стран Западной Европы (прежде всего, Германии). Реформа церкви привела к ограничению сферы использования церковнославянского языка.

Шестая эпоха в истории юридического языка России связана с министерской реформой и кодификацией русского права М.М. Сперанского, великими реформами 1860-х гг. и ограничением самодержавной власти в 1906 г. Государственным языком Российской империи этого периода являлся юридический язык министерств XIX в. М.Л. Магницкий отмечал, что в начале XIX в. образовался «классический деловой и государственный слог».

Седьмая эпоха истории юридического языка связана с историей Советской власти. Особенностью политики Советской власти в отношении юридического языка был акцент на его доступность для широких масс населения. В.И. Ленин писал, что «мы должны представлять свои... социал-демократические законопроекты, написанные не канцелярским, а революционным языком». С одной стороны, это привело к сближению юридического языка с литературным; с другой – юридический язык несколько утратил ясность и точность, т.е. основные требования, вытекающие из принципа правовой определенности. Крушение Союза ССР открыло новый этап в истории юридического языка и права России.

Подведем итоги. Каждая периодизация условна, так как она определяется предметом и методами научного исследования ученого. Однако принцип объективности требует от ученого учитывать объект своего исследования. Думается, изложенное выше позволяет прийти к выводу, что формационные, модернизационные и цивилизационные теории не в состоянии в полной мере учесть объект историко-правовой науки – правовую реальность, существовавшую в прошлом.

Критерии периодизации истории права должны соответствовать объекту историко-правовой науки. Одним из таких критериев может стать история русского юридического языка. Такой подход, во-первых, позволяет показать преемственность в развитии русского права; во-вторых, выделить основные этапы его развития; в-третьих, заимствования русским юридическим языком византийской и евро-

пейской правовой лексики позволяют рассматривать историю русского права в контексте всемирной истории права.

Литература

1. *Дорская А.А.* Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. – 2011. – № 1(7). – С. 44–55.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – М.: ООО «Изд. АСТ», 2003. – 603 с.
3. *Яцук Т.Ф.* Круглый стол «Периодизация истории государства и права» // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2011. – № 3 (28). – С. 182–190.
4. *McNeill William.* The Rise of the West after Twenty-Five Years // J. of World History. – 1990. – Vol. 1. – P. 1–21.

Д.С. Бобров

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛОНИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – 70-х гг. XX в.:
ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ
К ДИХОТОМИЧНОСТИ**

***Аннотация.** Публикация посвящена рассмотрению содержания колониционного дискурса сначала в дореволюционной историографии, а затем в советской сибиреведческой литературе 40–70-х гг. XX в. Автор приходит к выводу о существовании скрытой преемственности между дореволюционным и советским подходами к восприятию колонизации.*

***Ключевые слова:** отечественная историография, дореволюционная историография, советская историческая наука, колониционный дискурс, колонизация, освоение, Сибирь.*

Российское государство многие столетия своей истории пережило фактически беспрецедентную динамику своих границ. В этом свете сохраняется неослабевающая эвристическая значимость не только изучения, но и объяснения ретроспективы освоенческих процессов и в целом административной политики власти в тот или иной хронологический период. Перед исследователями долгое время стояла и на сегодняшний день не утратила своей актуальности задача поиска наиболее адекватных и соответствующих исторической действительности методологических инструментариев, в первую очередь теоретических понятий, облегчающих осмысление происходивших на окраинах перемен. Одним из таковых, безусловно, является категория «колонизация», используемая в целом ряде гуманитарных, в том числе достаточно часто в исторической науке.

Родоначальником теории вопреки часто встречающемуся заблуждению следует считать С.М. Соловьева. Согласно его трактовке, колонизация представляет собой специфический общественно-исторический феномен и движущую силу российского исторического процесса [1. С. 56–73; 2. С. 150]. В своих эвристических поисках классик отечественной историографии опирался, с одной стороны, на теоретические конструкции западноевропейского позитивизма,

который в советской исторической науке получил ярлык «буржуазных антропогеографических школ» [3. С. 7], а с другой – на добытый Н.И. Надеждиным и Г.Ф. Миллером фактический материал и выводы [2. С. 152].

Концепт колонизации достаточно быстро получил развитие в работах видных российских историков второй половины XIX – начала XX в. Вслед за С.М. Соловьевым его активно использовали в своих рассуждениях В.О. Ключевский, М.К. Любавский, Г.В. Вернадский и др. [4–7]. Общим в восприятии колонизации для них являлась убежденность в ее неотвратимости, необратимости (невозможности реверсного движения) и непрерывности. В такой трактовке колонизация априори рассматривалась в контексте социально-географических условий страны / региона, т.е. фактически географического детерминизма, в результате чего приобретала радиально-круговой, векторный, волновой или струйный характер распространения. Дореволюционные специалисты определяли ее как исключительно мирное, ненасильственное заселение земель, сопровождавшееся освоением пространства. Показательно замечание С.М. Соловьева относительно колонизации Сибири: «Здесь (в Сибири. – Д.Б.) один народ, государство не был завоеван другим народом, государством... словом... происходило население, колонизация страны» [1. С. 58].

Традиционным для дореволюционной историографии было выделение разновидностей колонизации. Оно осуществлялось в зависимости от ключевого актора освоения, т.е. социальной или политической силы, определявшей направление освоенческих процессов и игравшей в них ключевую роль. Четкая иерархия, градация типов / видов колонизации отсутствовали, они могли существовать одновременно, накладываться или сменять друг друга: историки «государственной» школы примерно в равной степени рассуждали о государственной, народной, крестьянской, княжеской, боярской, монастырской, казацкой и других вариациях явления. Наряду с ними речь также шла о славянской, русской колонизации. В дополнение к этому Г.В. Вернадский ввел термин «иррегулярная колонизация», к которой он относил землепроходцев, промышленников и служилых людей, а главное ее назначение видел в прокладывании «дороги» для «регулярной», осуществлявшейся государственной властью, церковью и крестьянством [6. С. 65, 70].

Наряду со столь глубокими по своему характеру суждениями в дореволюционной историографии хотя и редко, но встречались случаи откровенной идеализации колонизации. Например, П.И. Небольсин при рассмотрении ретроспективы заселения Сибири замечал, что «система колонизации была придумана и приводилась в исполнение чрезвычайно благоразумно, так что колонист, приходя в Сибирь, получал... полное обеспечение во всех своих нуждах» [7. С. 136–137].

В советской исторической науке всплеск интереса к категории колонизации характерен для периода 40 – середины 60-х гг. XX в. и в основном в контексте анализа освоения Сибири. Хрестоматийное для этого времени определение понятия было предложено С.В. Бахрушиным в 1947 г. при характеристике исторических задач изучения Якутии: «Колонизация означает заселение в узком смысле крестьянами, в широком смысле – заселение вообще иноземной территории» [8. С. 270]. В трактовке советских исследователей колонизация оказывалась неразрывно связанной в первую очередь с процессом феодализации, который в Сибири детерминировался стремлением государства одновременно подчеркнуть исключительность собственных прав на земли и ограничить юридические и хозяйственные возможности непосредственных производителей [9. С. 109–124; 10. С. 197].

В рамках колонизационного дискурса советские историки осуществили радикальное отмежевание от географической детерминанты, сделав предметом своих изысканий «население» [3, 8–11]. Это привело к кардинальной трансформации иерархической структуры разновидностей колонизации. Происходила ее дихотомизация, в центр внимания были поставлены правительственная / государственная и «вольнонародная» колонизация (на периферии исследовательского взгляда расположились еще и штрафная / ссыльная, а также монастырская колонизации, но они воспринимались как часть правительственной), где первая всегда направлена на подавление второй вплоть до ее полного подчинения. «Вольнонародная» по умолчанию занимала ведущие позиции, ее приоритет нашел свое очевидное отражение в ставшем для сибиреведов на несколько десятилетий фактически каноническим тезисе: «Присоединение различных районов Сибири находилось в прямой зависимости от интенсивности русской народной колонизации, заселения и хозяйственного освоения русскими переселенцами сибирской земли» [9. С. 55].

Основа складывавшегося антагонизма лежала в искусственной поляризации кристаллизовавшихся в ходе освоительского процесса расхождений интересов государства и широких слоев населения.

На самом деле внутренняя дихотомичность, противоречивость концепта были подспудно заложены еще самим С.М. Соловьевым: в своем раннем творчестве он склонялся к тому, что колонизация носит позитивный характер, содействует вызреванию государственных порядков и возникновению централизованной монархии; однако в более поздний период все чаще обращал внимание на негативные последствия явления для исторического развития России. Они проявились в исчерпании людских ресурсов, образовании низкой плотности населения, препятствиях распространению частной собственности на землю [2. С. 153].

Политическая ситуация в СССР 40–60-х гг. XX в. (точнее, во многом политизированный и конъюнктурный отказ историков от теории завоевания Сибири) в сочетании с качественной эволюцией научных представлений о колониализме [12. С. 8–9] предопределили стремление советских исследователей вывести концепт колонизации из колониального дискурса. Однако такой подход при отсутствии внятных маркеров и направлений методологического развития приводил к прямым теоретическим противоречиям и откровенному заигрыванию с понятиями. Во-первых, все затрагивавшие колонизацию дореволюционные авторы не выводили ее из контекста колониального дискурса. Во-вторых, это не удалось сделать и большинству советских историков, которые в своих работах одновременно (но не синонимично) использовали термины «колонизация» и «колония» [3, 8. С. 269–270]. Тот же С.В. Бахрушин фактически признавал наличие колониального дискурса в истории Сибири, рассуждая о «колониальном гнете», но всю «ответственность» за него возлагал исключительно на государственную власть, оправдывая участвовавшие в освоении регионов широкие слои населения и в первую очередь крестьянство [8. С. 269–270].

Попыткой выхода из своеобразного методологического тупика, в котором оказались сибиреведы к середине 60-х гг. XX в., стала идея «смешанной» колонизации. По мнению М.М. Громыко¹, она представляет собой сочетание легализованной государством крестьян-

¹ М.М. Громыко выделяет три формы / вида колонизации в Сибири: вольную, правительственную и смешанную [10. С. 106].

ской инициативы с действиями царской власти [10. С. 106]. Крестьянская колонизация опережала правительственные меры, обеспечивая важнейшее условие освоения – приток мигрантов, но более широкое освоение было невозможно без участия государственной власти, которая постоянно стремилась тормозить вольнонародные действия [Там же. С. 122, 130]. Иными словами, речь шла о частично выгодном обоим акторам освоения симбиозе, где плюсы каждого из них использовались в части, выгодной другой стороне. Новизна этого подхода не является исключительной. В дореволюционной историографии еще М.К. Любавский указывал на партнерство государства и населения в освоенческом процессе с разной степенью участия в нем одного или другого элемента [5. С. 564]. В академической «Истории Сибири» советского периода содержится знаковое обобщение относительно того, что «в качестве начальных организаторов сибирского земледелия выступили феодальное государство... и само население» [9. С. 63].

Принятие идеи смешанной колонизации академическим сообществом середины прошлого столетия было невозможно, поскольку означало бы признание существенной роли государства в освоении. Поэтому среди специалистов достаточно быстро стала наблюдаться тенденция отказа в своих работах от понятия «колонизация». Уже в начале 50-х гг. XX в. В.В. Покшишевский стремился всячески заместить неудобный термин более нейтральными «расселение», «миграции», а колонизационные волны превращались тогда в «крупные миграционные движения» [3]. К середине 70-х гг. XX в. терминологическое замещение «колонизации» на «присоединение», «освоение» приняло тотальный характер [12. С. 9], хотя продолжали выходить монографии, заключавшие инерцию утвердившихся в советской науке методологических подходов [13].

Таким образом, колонизационный дискурс в период второй половины XIX – 70-х гг. XX в. претерпел вполне закономерную трансформацию, которая, однако, затронула в основном его внешние, формальные проявления и в гораздо меньшей степени коснулась содержательной стороны. Это позволяет говорить о существовании скрытой преемственности / традиции между дореволюционным и советским подходами к восприятию колонизации.

Литература

1. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. – Кн. 1. – Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.
2. *Сили Ш.* Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 150–154.
3. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. – 208 с.
4. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 830 с.
5. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.
6. *Вернадский Г.В.* Против солнца: распространение Русского государства к востоку // Русская мысль. – 1914. – № 1. – С. 56–79.
7. *Небольсин П.И.* Покорение Сибири. – М.: Вече, 2014. – 352 с.
8. *Бахрушин С.В.* Избранные труды. Т. III, ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 299 с.
9. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
10. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск: Сиб. отд. изд-ва «Наука», 1965. – 265 с.
11. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 229 с.
12. *Никитин Н.И.* Термин «колонизация» в отечественной историографии: проблемы восприятия и идентификаций // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 1. – С. 6–18.
13. *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

ОБРАЗЫ ОКРАИН ИМПЕРИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Рассматриваются развитие основных концепций отечественной и зарубежной историографии изучения окраинной политики российской империи на протяжении XIX–XXI вв., ее особенности и значение для устойчивого развития империи как политической системы. При этом основное внимание уделяется Азиатской России.*

Ключевые слова: *Россия, империя, окраины, Сибирь, регионализм, политика, отечественная и зарубежная историография.*

На территории Российской империи исторически сложилось несколько типов управления окраинами. Поэтому изучение как концептуальных, так и частных вопросов окраинной политики требует регионального измерения. Присоединение Сибири к России является выдающимся событием отечественной истории XVII в. Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [1. С. 383]. Дальнейшее взаимоотношение центра и вновь присоединенных восточных территорий определялось характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства [2. С. 30]. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации» [3. С. 134], следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой авторы понимают захват чужой территории. Признание неоднородности империи выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [4]. Данное понятие охватывает важные сферы регио-

нальной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства. Одной из российских окраин, которая традиционно обращала на себя внимание как имперских властей, так и исследователей, являлась Сибирь. Исследовательский интерес российских историков к проблеме имперской политики на востоке страны фокусируется вокруг четырех основных вопросов: административные реформы М.М. Сперанского; управление коренными народами Сибири; аграрная политика; управление каторгой и ссылкой.

Зарубежная русистика накопила солидный массив исследований на тему империи [5–11]. В числе фундаментальных исследований следует отметить монографию английского ученого П. Кеннеди, в которой предпринят детальный компаративный анализ великих держав, поочередно выдвигавшихся на первый план истории [12]. Сравнительному анализу империи была посвящена конференция, организованная московским отделением Института «Открытое общество» совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета и Институтом Всеобщей истории РАН. Это была серьезная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. В фокусе докладов и дискуссий конференции находилась история Британской, Испанской, Германской, Габсбургской, Российской и Османской империй. А. Капеллер в докладе отметил, что Российская империя складывалась как «составное государство» и в этом смысле она может быть сравнена с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления. Доклады В. Кантора и А. Давидсона показали, что каждая империя имеет ряд системных признаков. Это сакральный характер власти, постоянное территориальное расширение (экспансия), наличие центра и периферии, окраин, провинций либо метрополий и колоний, полиэтничность и существование титульной нации, которая зачастую в численном отношении уступает всем остальным. Одним из важных атрибутов империи является общая идеология [13, 14].

Направление так называемой «институциональной» истории в зарубежной русистике было предпринято в 1973 г. Джорджем Йени [15]. Автор успешно справился с поставленной им самим задачей –

«дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Книга Ричарда Роббинса [16] исследует институт губернаторов. Автор рассматривает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной администрации. Отличительной чертой работы являются «портреты» 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. М. Раев одну из своих работ посвятил модели имперской политики России [17]. От отмечает, что для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы.

Для выяснения специфических особенностей российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. А. Рибер создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты, подчеркивая при этом значение фронтиров в формировании государственных границ и идеологии метрополии [18]. Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна [19], отметившего, что генерал-губернаторы являлись посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматриваются в монографии Р. Джераси [20]. Исследование профессора Токийского университета К. Мацузато основывается на комплексной методике, объединяющей геополитический, социально-управленческий и ментально-географический подходы, и посвящено анализу административной комбинации Н.Н. Муравьева-Амурского на Дальнем Востоке и реализации этих планов в конце XIX в.

В постсоветской историографии Сибири 1990–2010-х гг. проблемы окраинной политики империи: взаимоотношение центра и периферии, русского и иных этносов в рамках единого государства и единой политической системы, властного освоения и административной конфигурации региона – занимают важное место. Основной целью региональной имперской политики, по мнению А.В. Ремнева [21–24], Н.П. Матхановой [25–27], а также авторов настоящей публикации [28–30], была инкорпорация окраин в империю. Осуществлялась эта политика разными способами. Геополитические интересы постоянно вели Россию на Восток. «Сибирский вопрос» в Россий-

ской империи был в значительной мере лишь частным случаем окраинной политики, принципы и методы которой во многом зависели от господствовавших в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов. По мнению современных сибиристов, заметное влияние на региональную политику оказывали западные теоретические конструкции и опыт управления. Самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить регионам некоторую административную автономию. Отдельные регионы в силу их специфики представляли разные варианты протекания имперских процессов. Представителями современной отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах России. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние.

Современные исследователи имперской политики и империи на протяжении фактически четверти века пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. В работах, вышедших в XXI в., акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов.

Литература

1. *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет... / М.Я. Гефтер. – М.: А/О «Издат. группа «Прогресс», 1991. – 481 с. ISBN 5-01-003290-2
2. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с. ISBN 5-86007-247-3

3. *Кристенсен С.* История России XVII в.: обзор исследований и источников : пер. с дат. В.Е. Возгрин ; общ. ред. В.И. Буганов; вступ. ст. В.И. Буганов. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.

4. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А.* Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», МБУК «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 339 с. ISBN 978-5-9624-1450-8

5. *Fieldhouse D.K.* The colonial empires: a comparative survey from the eighteenth century. – London, 1966.

6. Colonialism, 1870–1945: an introduction. – London, 1981.

7. The theory of capitalist imperialism (Problems and perspectives in history). – London, 1974.

8. Unilever overseas: the anatomy of a multinational, 1895–1965. – London, 1978.

9. *Hobsbawm E.J.* The age of empire, 1875–1914. – London, 1987.

10. *Darwin J.* Britain and decolonization. The retreat from empire in the Post-war world. – Basingstoke, 1988.

11. *Porter A.N.* British imperial policy and decolonization, 1938–1964. – Vol. 2. – Basingstoke, 1987–1989.

12. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. – London, 1988. – P. 16, 232, 490, 514.

13. *Кантор В.* От русской империи к националистической деспотии. Становление Российской империи, ее пафос // Материалы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании». Москва, 7–9 июня 2003 г. – www.empires.ru

14. *Давидсон А.* Историк в постимперском пространстве // Материалы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании». Москва, 7–9 июня 2003 г. – www.empires.ru

15. *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. – Urbana; Chicago: University of Illinois. Press, 1973. – 430 p.

16. *Robbins R.G., jr.* The tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire [Richard G. Robbins] on Amazon.com. ... 1st edition (December 1, 1987); – Language: English, 1987. ISBN-10: 0801420466

17. *Raeff M.* Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems / ed. by Allworth E. – New York, 1971. – P. 22–42.

18. *Rieber A.* Approaches to empire // От мира империи к глобализации. – Саратов, 2002. – С. 117–138.

19. *LeDonne J.* Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // *Jb. Fur Geschichte Osteuropas.* – Wiesbaden. 1999. – Bd. 47, H. I. – P. 56–88; II: The Southern frontier // *Ibid.* – Wiesbaden, 2000. – Bd. 48, H. 2. – P. 161–183; III: The Eastern frontier // *Ibid.* – Bd. 48, H. 3. – P. 321–340.

20. *Geraci R.* Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. – Ithaca, 2001. – XVI. – 378 p.

21. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века / А.В. Ремнев; отв. ред. А.П. Толочко; Ом. гос. ун-т, Ом. фил. Объед. ин-та истории, филологии и философии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 236 с. ISBN 5-230-13728-2

22. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев; отв. ред. А.П. Толочко; Ом. гос. ун-т, Ом. фил. Объед. ин-та истории, филологии и философии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1997. – 253 с.

23. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века / А.В. Ремнев; М-во образования Рос. Федерации, Ом. гос. ун-т. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004 (Тип. ООО Издат. дома «Наука»). – 548 с. ISBN 5-7779-0429-7 (в пер.)

24. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века / А.В. Ремнев; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского». – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 577 с. ISBN 978-5-7779-1888-8

25. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков / Н.П. Матханова; отв. ред. Н.Н. Покровский; РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 422 с. ISBN 5-7692-0180-0

26. *Матханова Н.П.* Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. – 255 с.

27. *Матханова Н.П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. – Иркутск: ИГУ, 2016. – № 15. – С. 22–30.

28. *Дамешек Л.М.* Избранное: в 3 т. – Иркутск, 2018. Сер.: Россия Азиатская. – Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). – Иркутск: Оттиск, 2018. – 456 с. ISBN 978-5-6040406-5-2

29. *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И.Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2005. – 264 с. ISBN 978-5-91344-104-1 (в пер.)

30. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 88–93. ISSN 1561-7793

С. Дюллен

К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГРАНИЦ

***Аннотация.** Представлены выводы о довоенной советской истории границ и приграничных территорий. Границы для СССР были не только линией обороны от влияний извне, но также фронтом идеологической и военной экспансии и своеобразной витриной коммунистической системы для внешнего мира. Вопрос границ играл важнейшую роль в советской политике и идеологии, а фигура пограничника стала одной из ключевых для советской культуры. История СССР, увиденная с границы, открывает перспективы для дальнейшего трансграничного или транснационального изучения государства.*

Ключевые слова: история СССР, граница, государство.

История СССР, увиденная через призму границ [1], является попыткой осмыслить понятие «границы режима» [2]. Речь идет о том, чтобы описать двойную взаимосвязь: между режимом и его территорией и между государством и его соседями в условиях существования эксплицитного политического проекта, направленного на подрыв и дестабилизацию.

Два момента в этой истории кажутся мне ключевыми.

В 1920–1925 гг. шло строительство советского государства и его территории. В новой истории СССР акцент чаще ставится на 1914–1921 гг. – «континууме войны, насилия и революции» [3, 4], что объясняет слабый интерес историков к ключевым для нас пяти годам. Однако еще до провозглашения СССР и принятия новой конституции 1920–1923-е гг. явились, как и в других молодых восточно-европейских и балканских государствах, но с важными революционными особенностями, периодом активной правовой и картографической деятельности. Речь шла о том, чтобы наметить новые границы и наладить отношения с соседями. Это было время усвоения новых политических рубежей на местах. Затем, в 1924–1925 гг., наступает период институционализации практик и отработки политических механизмов. Об этом свидетельствуют самые разнообразные примеры: определение роли пограничников в

погранзоне, организация системы разведки и влияния в ближнем зарубежье, инструментализация пограничных инцидентов в целях сплочения нации, политика интеграции и ускоренного развития приграничных районов. В рамках этой первой фазы политика границ еще реагировала на ограничения и возможности, обуславливаемые соседями. Но ассоциация внешнего врага с внутренним уже присутствовала среди сотрудников разведки, политической полиции и погранохраны.

Второй ключевой момент пришелся на 1934–1940-е гг., когда постоянно разбухавшая граница оказалась на замке. Эта хронология не совпадает с историей Большого террора. Принятие Закона «Об измене Родине» в июне 1934 г. пришлось на период, который некоторые историки характеризуют как момент разрядки между крайне напряженной фазой 1932–1933-х гг. и первыми исключительными мерами, последовавшими за убийством Кирова в декабре 1934 г. Пик смертных приговоров по обвинению в незаконном пересечении границы пришелся на зиму 1938/39 года, когда ежовщина уже закончилась, а наиболее кровавые методы, характерные для массовых операций, были поставлены под вопрос Сталиным и новым главой НКВД Берией. Тот факт, что пограничная политика лишь частично вписывалась в сталинский репрессивный календарь, выработанный в 1930-е гг. под влиянием, главным образом, соображений внутренней политики, заслуживает внимания. Цикл запретов, репрессий и отселений, в ритме которых жило пограничье, зависел, на мой взгляд, в основном от международной ситуации, вернее от того, как ее воспринимали в Кремле, в республиках и в пограничных районах. Характерная уже для 1920-х гг. обостренная реакция на ощущение внешней угрозы доминировала в советском пограничном мире конца 1930-х. Политика обеспечения безопасности границ и дипломатия, направленная на сохранение мира, дополняли друг друга, порой функционируя по принципу сообщающихся сосудов.

Анализируя эволюцию отношений между режимом и территорией, следует также обратить внимание на акторов и на широкое обновление элит. Те, кто в 1920-х гг. стоял у истоков советской политики границ, – Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт и Г.Г. Ягода в ГПУ, Л.М. Карахан, Я.А. Берзин и Х.Г. Раковский в Наркоминделе, были профессиональными революционерами и космополитами. Они уже были охвачены манией политического

контроля, но еще практиковали гибкий подход к территории. А главное, у них было общее видение политики, которую они стремились осуществлять. Все они исчезли в ходе чисток. Те, кто занимался границей во второй половине 1930-х гг. – Н.И. Ежов и Л.П. Берия, М.П. Фриновский и И.И. Проскуров, А.А. Жданов и М.И. Литвин, были носителями иной политической культуры и принадлежали к другому поколению. К концу 1930-х гг. им всем было около сорока лет, их взрослый жизненный опыт был исключительно советским, а культурный и политический горизонт не имел ничего общего с багажом таких дипломатов, как Б.С. Стомоняков, М.М. Литвинов или И.М. Майский [5].

Даже если в советской системе главный политический импульс исходил от акторов, действовавших на центральном уровне, территория страны была столь гигантской, а ситуации на различных участках столь разнообразными, что было бы ошибкой забывать о республиканских и областных руководителях. Неизбежный временной зазор между Центром и его проектами, с одной стороны, и их осуществлением на местах – с другой, играл важнейшую роль, тем более что, как и в дореволюционной России, «дистанция огромного размера» и немногочисленность госаппарата обеспечивали широкие возможности для инерции, несмотря на подстегивающий эффект, который оказывала постоянная угроза чисток. Порой мы наблюдаем адаптацию спускаемых сверху директив к тому, что кажется возможным и допустимым с точки зрения местных конфигураций. Пограничное положение давало местным акторам определенную власть, что со всей очевидностью проявилось в период первой пятилетки [6]. Мы видели это на примере Белоруссии, где по крайней мере до середины 1930-х гг. Н.М. Голодед, возглавлявший с 1927 г. республиканское правительство, играл роль посредника одновременно в отношениях с Москвой и с местными руководителями.

Новое поколение, занявшее руководящие посты в момент чисток, четко усвоило специфическую сталинскую концепцию, которую можно назвать «государством тотальной безопасности» [7]. Закон «Об измене Родине» и меры, направленные против политических беженцев и иностранных граждан, Конституция 1936 г. и создание новых республик в Средней Азии, перенос границ в 1939–1940 гг. – за всем этим угадывается запущенный Сталиным с опорой на новые элиты процесс переформатирования государства.

Заметим, что ни Сталин, ни его усердные служители не отказывались от первоначального революционного проекта. Но стремясь добиться своих целей, они прибегали ко все более односторонним и полицейским методам. Революция отныне провозглашалась сверху, а средством навязать свои порядки в ближнем зарубежье становился ультиматум.

История СССР, увиденная через призму границ, неизбежно заставляет заинтересоваться вопросом отношений с соседями. Для Москвы было характерно повышенное внимание к ближнему зарубежью. Свидетельствуя о постоянном чувстве территориальной уязвимости, оно могло принимать самые разнообразные формы: политические, полицейские, экономические, дипломатические, военные, которые дополняли или противоречили друг другу в пространстве пограничья. Порой Москва могла успешно участвовать в разработке новых норм в области двусторонних отношений добрососедства, а трансграничные связи в этот период распада империй и изобретения заново межгосударственных отношений могли служить для осуществления трансферов и заимствований по обе стороны рубежей. Из-за особенностей своей экономической системы, основанной на монополии внешней торговли, советская сторона не шла так далеко в направлении развития трансграничных экономических обменов, как это делали страны, возникшие на руинах Австро-Венгрии. Но в годы нэпа такие связи оставались жизненно важными для пограничных районов, где ощущался острый недостаток всех ресурсов. Советское руководство, привыкшее черпать энергию в столкновениях, проявило большую способность к инновациям при разработке двусторонних механизмов разрешения пограничных конфликтов и инцидентов. Оно ловко брало на вооружение и применяло в целях обеспечения мира внутри и за пределами страны такие элементы международного права, как понятие демилитаризованной буферной зоны. Как это ни парадоксально, определение ненападения, в разработке которого приняли участие советские дипломаты, послужило основой для обоснования права на вмешательство. Конкретные сценарии нападения, вступления в войну и территориальных аннексий, которые использовал Кремль в 1939–1940-х гг., вписывались в более широкий контекст политики агрессии в Европе.

Во всех этих областях интересно открыть перспективы для дальнейшего трансграничного или транснационального изучения государства.

Литература

1. *Дюллен С.* Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940 / пер. с фр. Э. Кустова. – М.: НЛЮ, 2019.
2. *Nordman D.* La frontière // Dictionnaire critique de la République / eds V. Duclert, C. Prochasson. – Paris: Flammarion, 2002. – P. 499–504.
3. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. – Cambridge: Harvard University Press, 2002.
4. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. Л. Пантина. – М.: Росспэн, 2008.
5. *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 / пер. с фр. Э. Кустова. – М.: Росспэн, 2009.
6. *Барон Н.* Карелия: Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / пер. Е. Мухиной. – М.: Росспэн, 2011.
7. *Pons S.* Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. – London: Frank Cass, 2002.

И.П. Потехина

К ВОПРОСУ О ПАПСКОМ КАМЕРАРИИ ПАВЛА БЕРНРИДСКОГО

Аннотация. *Рассматривается одна из ошибок, допущенных исследователями рубежа XIX–XX вв. при изучении и переводе источников по истории финансовой администрации средневекового папства. Результатом этой ошибки стала долгое время сохранявшаяся в литературе некорректная датировка возникновения должности главы Апостолической камеры (палаты) – папского камерария.*

Ключевые слова: *история папства, папский престол, Апостолическая камера, камерарий, Григорий VII, Павел Бернридский.*

Среди разнообразных вопросов, связанных с историей средневекового папства, проблема формирования папского финансового ведомства – Апостолической камеры – в течение долгого времени оставалась предметом острых научных дискуссий. А некоторые ее аспекты подчас становились причиной весьма примечательных историографических казусов. К числу таких тем можно с полным правом отнести вопрос о возникновении должности папского камерария – чиновника, в наши дни называемого историками одним из самых могущественных представителей папского двора эпохи классического и позднего Средневековья.

В середине XIX – начале XX в. в научной литературе развернулась бурная полемика как по поводу времени появления этого должностного лица, так и по поводу должностей-предшественниц, на основе которых, в конечном счете, развился камерариат. С одной стороны, непосредственное соприкосновение с финансами св. Престола позволило историкам говорить о том, что камерарий являлся наследником папских «дворцовых судей», аркария и саккеллария (древних чинов, функционировавших при папском дворе еще в VI–VII вв.) [1. Col. 1543–1560; 2. P. 45; 3. Vol. I. P. 3; 4. С. 41–45]. В то же время его обязанности по сохранению папских сокровищ (облачений, утвари и пр.) указывали на связь с вестарарием (ризничим, хранителем папского гардероба, известным с VIII в.) [5. P. 5–6; 3. Vol. I. P. 3, 4; 4. С. 45–47]; а попечение о «домашнем» персонале

папского дворца (*palatium Lateranense*) и вовсе связывало камерария с домоправителем (или майордомом, видамом – «*vicedominus*») [2. Р. 45; 6. Р. 206; 7. Р. 223–224; 8. Т. III. С. 375]. Таким образом, перед исследователями вырисовывались условия сразу для трех точек зрения относительно происхождения камерария [4. С. 59–63].

Осложняла эту историографическую коллизию крайняя скудость источникового материала, не позволявшая установить точную хронологию папских административных трансформаций. В то время, как сама Апостолическая камера (как место выплаты причитающихся св. Престолу денег) впервые была упомянута в актах в 921 г., известия о *камерарии* как ее руководителе мы встречаем лишь в 1099 г. [9. Col. 806; 10. Р. 86; 11. Р. 248–249; 12. Р. 80]. При этом всевозможные «предшественники», которых исследователи с разных позиций связывали с камерарием, к этому времени либо исчезли сами, либо утратили львиную долю своих реальных финансовых и управленческих функций [13. Р. 376–379; 14. Р. 153 (н. 3), 154; 15. Р. 37–38, 115–123, 135–139].

В попытке выявить какую-либо административную преемственность (а заодно и связать ее с важнейшими церковно-политическими процессами рубежа раннего и классического Средневековья), отдельные исследователи высказали предположение о том, что у истоков камеральной организации со всем полагающимся ей штатом стоял не кто иной, как Гильдебранд, до своего избрания на папский престол (под именем Григория VII (1073–1085)) занимавший традиционно «организаторский» пост архидиакона Римской церкви (1059–1073) [16. S. 208; 14. Р. 151–152, 155–156; 17; 18. Р. 9, 37–74]. Таким образом, в качестве промежуточного звена между старыми фискальными должностями и камерарием представала фигура, и без того ярко зарекомендовавшая себя в деле преобразования и укрепления церкви. Дополнительным аргументом в поддержку данной точки зрения должен был служить тот факт, что еще до своего архидиаконата Гильдебранд будто бы исполнял обязанности «эконома» (с 1049 г.) [19. Р. 402] – правда, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, ограничивавшиеся лишь хозяйственными делами монастыря св. Павла [20. Vd. I. S. 16–17; 21. Р. 57; 4. С. 65]. Кроме того, в пользу «гильдебрандовской версии» создания должности камерария отчасти призвано было свидетельствовать сообщение папского биографа, монаха Павла из Бернрида, составившего помпезное жизнеописание Григория VII около 1128 г. [22]. И по иронии судьбы

именно истолкованию этого текста суждено было породить один из самых курьезных историографических казусов за всю историю изучения папской фискальной администрации.

Согласно рассказу Павла, записанному якобы со слов камерария (!) папы Александра II (1061–1073), Гильдебранд в годы служения последнему явил «чудо замечательного управления делами» – именно таким образом содержание соответствующего латинского пассажа передает, к примеру, американский медиевист У.Э. Лант, признанный авторитет в папских финансовых штудиях («the miracle of the admirable administration» [3. Vol. I. P. 141]). Подобная формулировка, да еще вложенная в уста фискального чиновника, по мысли исследователей, не могла свидетельствовать ни о чем ином, кроме административно-финансовой реформы, в ходе которой рассказчик, обозначенный как камерарий, возможно, и получил свой пост. Не утруждая себя внимательным прочтением *всего* рассказа Павла Бернридского, историки с готовностью восприняли объяснение «гильдебрандова чуда» и в значительной своей части на годы утвердились в мысли о сотворении камерариата будущим папой. А между тем разоблачение их ошибки находилось совсем близко. Приведем искомый отрывок из книги Павла Бернридского в более полном виде, мы видим следующее:

Huius camerarius, nomine Iohannes, narrare solebat factum in semet ipso divinae curationis miraculum per venerabilem Hildebrandum adhuc archidiaconum. Nam cum idem Iohannes apud Tusculanum nimis acri febrium dolore fatigaretur, misso nuntio, beatum virum rogavit obnixе, ne pigritaretur venire usque ad se. <...> Tunc vir Dei, domestica pietate ab intimis visceribus commotus, eiectis omnibus, se divitissime in orationem cum lacrymis absque verborum strepitu dedit. Completa oratione, comitissam Mathildem, cum qua idem Iohannes morabatur, vocavit eamque ut refectionem, pullum videlicet gallinae, infirmo praeparare hortatur. <...> Nam sufficienter refectus, obdormivit soporatus ac de omni illa validissima invaletu-

Его (Александра II. – *И.П.*) камерарий по имени Иоанн часто рассказывал о чуде божественного исцеления (курсив наш. – *И.П.*), сотворенном досточтимым Гильдебрандом, тогда еще архидиаконом. Ведь когда этот самый Иоанн находился в Тускуле, измученный чрезмерно тяжелой лихорадкой, он, послав вестника, попросил блаженного мужа, чтобы тот не медля пришел к нему. <...> Тогда божий человек, движимый благочестием, исходящим из самых глубин души, оставив все, со слезами и без громких слов предался горячей молитве. Закончив молиться, он призвал графиню Матильду, у которой остановился Иоанн, и посоветовал ей для восстановления сил приготовить больному цыпленка. <...> Доста-

dine sine mora convaluit [22. P. 482].

точно укрепив свои силы, он (Иоанн. – И.П.), усыпленный, заснул и немедленно оправился от своей тяжелой хвори.

Очевидно, что речь здесь идет о житейских навыках Гильдебранда, о его практической сметке и скорости реакции – если угодно, о знании свойств куриного бульона – но никак не о реформаторской активности. Таким образом, говорить о создании именно им должности камерария, да и вообще о его участии в управлении папскими финансами на основании данного источника, практически невозможно. Вряд ли следует принимать всерьез и упоминание о «камерарии» Александра II – не будем забывать о том, что Павел Бернридский создавал свой труд на исходе третьего десятилетия XII в., когда камерарий как глава папского фискального аппарата уже был привычной фигурой [4. С. 78, 270], так что автор мог произвольно перенести доступные ему сведения на далекое прошлое.

Впрочем, обратиться к разоблачению досадной оплошности в переводе и объяснении текста монаха Павла исследователям XX в. так и не довелось. Уже к середине столетия набирающие обороты изыскания в сфере истории западного монашества и его роли в развитии церкви выдвинули на передний план совершенно новые версии становления папской финансовой администрации (к примеру, в контексте Клунийского движения [Там же. С. 66–69]). Лаконичная и яркая, но безосновательная теория «папского камерария», описанного Павлом Бернридским, осталась всего лишь занимательным эпизодом в истории изучения средневекового папства.

Литература

1. *Joannes Diaconus. Liber de Ecclesia Lateranensi / Joannes Diaconus // Patrologiae cursus completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. – Paris: Excudebatur et venit apud J.-P. Migne editorem, 1855. – Vol. CXCIV. – Col. 1543–1560.*

2. *Duchesne L. Les premiers temps de l'État pontifical (754–1073) / L. Duchesne. – Paris: A. Fontemoing, 1898. – 224 p.*

3. *Lunt W.E. Papal Revenues in the Middle Ages / W.E. Lunt. – New York: Columbia University Press, 1934. – Vol. I. – X. – 341 p.*

4. *Потехина И.П. Богатство и бедность святого Петра. Административно-финансовая система средневекового папства (VI–XIV) / И.П. Потехина. – СПб.: Евразия, 2018. – 320 с.*

5. *Galletti P.-L.* Del Vestarario dell Santa Romana Chiesa / P.-L. Galletti. – Roma: G.G. Salomoni, 1758. – VI. – 119 p.
6. *Lauer P.* Le Palais de Latran. Étude historique et archéologique / P. Lauer. – Paris: E. Leroux, 1911. – III. – 644 p.
7. *Noble T.F.X.* The Republic of St. Peter. The Birth of the Papal State, 680–825 / T.F.X. Noble. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. – XXXIX. – 374 p.
8. *Грегоровиус Ф.* История города Рима в средние века: в 8 т. / Ф. Грегоровиус; пер. с нем. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1902–1912.
9. *Joannis Papae X epistolae et privilegia // Patrologiae cursus completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne.* – Paris: Excudebatur et venit apud J.-P. Migne editorem, 1853. – Vol. CXXXII. – Col. 799–814.
10. *Gallia Christiana, in provincias ecclesiasticas distributa / Opera & studio Domni D. Sammarthani.* – Paris: Ex Typographia Regia, 1715–1874.
11. *Robinson I.S.* The Papacy, 1073–1198: Continuity and Innovation / I.S. Robinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – XV. – 555 p.
12. *Paravicini Bagliani A.* La cour des papes au XIII^e siècle / A. Paravicini Bagliani. – Paris: Hachette, 1995. – 314 p.
13. *Cancellieri F.* Francisci Cancellieri De Secretariis Basilicae Vaticanae Veteris ac Novae Libri II... / F. Cancellieri. – Romae: ex Officina Salvioniana ad Lyceum Sapientiae, 1786.
14. *Fabre P.* Étude sur le Liber Censuum de l'Église romaine / P. Fabre. – Paris: E. Thorin, 1892. – VII. – 233 p.
15. *Halphen L.* Études sur l'administration de Rome au Moyen Age (751–1252) / L. Halphen. – Paris: Champion, 1907. – XVI. – 190 p.
16. *Richter A.L.* Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts / A.L. Richter. – Leipzig: Tauchnitz, 1853. – XVI. – 678. – 111 S.
17. *Borino G.B.* Una Sottoscrizione di Ildebrando Arcidiacono (24 maggio 1061) / G.B. Borino // Studi Gregoriani per la storia di Gregorio VII e della riforma gregoriana. – Vol. II. – Roma: Abbazia di San Paolo, 1947. – P. 525–528.
18. *Cowdrey H.E.J.* Pope Gregory VII. 1073–1085 / H.E.J. Cowdrey. – Oxford; Toronto: Oxford University Press, 1998. – XVI. – 743 p.
19. *Simonnot P.* Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours / P. Simonnot. – Paris: Bayard, 2005. – 810 p.
20. *Martens W.* Gregor VII, seine Leben und Wirken / W. Martens. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1894. – 2 Bd.
21. *Fliche A.* La Réforme grégorienne et la Réconquête chrétienne (1057–1123) / A. Fliche. – [Paris]: Bloud & Gay, 1944. – 502 p.
22. *Paulus Bernriedensis.* Gregorii P.P. VII vita a Paulo Bernriedensi conscripta / Paulus Bernriedensis // Pontificum Romanorum qui fuerunt inde ab exeunte saeculo IX usque ad finem saeculi XIII Vitae / ed. J.M. Watterich. – Lipsiae: Sumptibus Guilhelmi Engelmanni, 1862. – Vol. I. – P. 474–546.

А.Н. Худолеев

**«ИСТОРИЯ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА»
Д.И. ИЛОВАЙСКОГО: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. *Рассматривается источниковая база работы Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества». Выделяется несколько комплексов исторических источников, использованных автором при написании данного труда. Делается вывод о высоком уровне развития отечественного источниковедения к середине XIX в., позволявшем разрабатывать не только общероссийскую, но и историко-краеведческую проблематику.*

Ключевые слова: *Дмитрий Иванович Иловайский, историческое краеведение, дореволюционное источниковедение.*

«История Рязанского княжества» Д.И. Иловайского стала событием для отечественной исторической науки середины XIX в. Молодым ученым впервые было осуществлено комплексное локально-историческое исследование отдельно взятой территории Российской империи, достойное «современного состояния науки» [1. С. 131]. Работа Д.И. Иловайского долгие годы служила примером изучения региональной истории. В 1862 г. по представлению Н.Г. Устрялова она получила малую Уваровскую премию Санкт-Петербургской академии наук [2. С. 31–36]. Тема для исследования была выбрана неслучайно. Во-первых, Д.И. Иловайский являлся уроженцем Рязанской губернии; во-вторых, из-за недостатка средств он учился в Московском университете за казенный счет и после окончания университета вернулся на малую родину, чтобы как молодой специалист отработать в учреждениях Министерства народного просвещения; в-третьих, опять же недостаток денег на командировки в столичные архивы вынудил молодого учителя обратить внимание на историко-краеведческую проблематику.

До Д.И. Иловайского к истории Рязанской губернии обращались Т.Я. Воздвиженский в сочинении популярного характера [3] и А.Н. Пискарев, издавший сборник документов по истории Рязанского края XV–XVIII вв. [4]. Однако абсолютное большинство документов из него было бесполезно для Д.И. Иловайского, очертившего

верхнюю границу своего исследования 1521 г. – временем уничтожения самостоятельности Рязанского княжества.

Д.И. Иловайский приступил к изучению истории родного края со свойственными на протяжении всей его научной деятельности скрупулезностью, тщательностью и педантичностью. В-первых, летом 1856 г. он пешком прошел всю Рязанскую губернию для того, чтобы своими глазами увидеть ее географическую, топографическую особенность, познакомиться с памятниками старины [5]. Во-вторых, начал поиск сведений по истории Рязанской земли в различных исторических источниках. Последний момент представляет, на наш взгляд, особый интерес, так как позволяет понять, из каких «кирпичиков» строилось здание исследования, а также определить состояние отечественной исторической науки середины XIX в. с точки зрения накопления и обнаружения исторических источников.

При написании «Истории Рязанского княжества» Д.И. Иловайский активно использовал летописные источники. Прежде всего четыре основные летописи – по большей части Никоновскую и Лаврентьевскую, в меньшей степени Ипатьевскую и Воскресенскую. Также по мере необходимости использовались сведения Новгородской первой летописи, Новгородской четвертой летописи, Софийской первой летописи и Софийской второй летописи. Значительным подспорьем для Д.И. Иловайского в деле поиска и изучения древнерусских летописей послужило начало издания Императорской археографической комиссией в 1841 г. серии «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ) во исполнение «Высочайше утвержденных правил» для руководства Археографической комиссии от 18 февраля 1837 г. [6].

Еще одним полезным для Д.И. Иловайского изданием были вышедшие в 1841–1842 гг. также под эгидой Археографической комиссии «Акты исторические», призванные познакомить читающую аудиторию с документами, объясняющими «историю событий» и служащими «познанию старинного законодательства, управления, делопроизводства и проч.» [7. С. I]. Дмитрия Ивановича интересовал первый том данного издания. Он использовал из него духовные грамоты митрополитов Киевских и всея Руси Феогноста и Алексея, касавшиеся устройства Рязанской епархии, а также жалованные грамоты великих князей Рязанских Олега Ивановича и Ивана Федоровича.

Настоящей кладезю делопроизводственной документации являлось «Собрание государственных грамот и договоров» (СГГиД), вы-

ходившее в 1813–1826 гг. с целью «послужить наставительным пособием в приобретении политических знаний для уразумения истинных польз Империи Всероссийской» [8. С. III]. Из первого тома СГТиД Д.И. Иловайским был взят большой комплекс договорных грамот Ивана II Ивановича, Дмитрия I Ивановича, Василия I Дмитриевича, Василия II Васильевича, Ивана III Васильевича с рязанскими князьями и договорных грамот рязанских князей между собой. Любопытные и весьма интересные страницы взаимоотношений Рязанского княжества и Великого княжества Лиговского были найдены Д.И. Иловайским в сборнике документов Археографической комиссии «Акты, относящиеся к истории Западной России» (издание 1846–1853 гг.), задача которого обозначалась как «доставить материалам Отечественной истории возможное приращение, и упущенные из вида важные исторические документы сделать общеизвестными» [9. С. I].

Кроме летописных источников и делопроизводственной документации, Д.И. Иловайский пользовался сведениями из трудов В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Чаще всего Дмитрий Иванович обращался к «Истории Российской» В.Н. Татищева, антинорманская позиция которой ему импонировала. Работы предшественников применялись, главным образом, для фиксации событийной стороны, указаний на отдельные источники и подтверждения части своих выводов. За двумя исключениями, Д.И. Иловайский не вступал в полемику с вышеназванными авторами, признавая их авторитет. В первом случае он не согласился с известием В.Н. Татищева об освобождении великим князем Владимирским Всеволодом III Юрьевичем по просьбе митрополита Киевского и всея Руси Матфея рязанских князей, конфликтовавших с Владимиро-Суздальским княжеством [10. С. 366]. Во втором случае Д.И. Иловайский встал на защиту великого князя Рязанского Олега Ивановича, которого Н.М. Карамзин обвинил в разорительном походе на г. Лопасня в 1353 г. Он подчеркнул, что летопись не упоминает о том, чтобы Олег Иванович «жег, грабил Лопасну и мучил телесно ее наместника» [11. С. 159]. Сам Н.М. Карамзин не привел прямых доказательств вероломства Олега Рязанского, сославшись только на фразу из Троицкой летописи: «Князь Олег тогда еще млад был» [12. С. 534].

Таким образом, обзор источниковой базы «Истории Рязанского княжества» Д.И. Иловайского демонстрирует важный момент в развитии дореволюционного источниковедения и отечественной исторической науки в целом. К середине XIX в., благодаря Археографической комиссии, был накоплен и опубликован значительный ком-

плекс архивных источников и документов по истории древней и средневековой Руси. Это существенно облегчило ведение научного поиска для провинциальных историков, позволило включить в орбиту исследовательского поля локально-историческую проблематику и катализировать генезис российского исторического краеведения.

Литература

1. Григорьев А.А. Рец. История Рязанского княжества, соч. Д. Иловайского. – М., 1858 / А.А. Григорьев // Русское слово. – 1859. – № 1–2. – С. 130–144.
2. Отчет о пятом присуждении наград графа Уварова. 25 сентября 1862 г. – СПб. : Типография Императорской АН, 1862. – 42 с.
3. Воздвиженский Т.Я. Историческое обозрение Рязанской губернии / Т.Я. Воздвиженский. – М.: Типография С. Селивановского, 1822. – 405 с.
4. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. – СПб. : Издание книгопродавца В.А. Терскова, 1854. – 171 с.
5. Иловайский Д.И. Прогулка по берегам Оки // Иловайский Д.И. Мелкие сочинения и письма. 1857–1887 гг. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. – С. 97–128.
6. Высочайше утвержденные правила для руководства Археографической комиссии № 9951 от 18 февраля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. – Собр. II. – Т. XII. – Отд. I. – С. 97–101.
7. Предисловие // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. – Т. I: 1334–1598. – С. I–VIII.
8. Предисловие // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М. : Типография Н.С. Всеволожского, 1813. – Т. 1, ч. I. – С. I–VI.
9. Предисловие // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. – Т. 1: 1340–1506. – С. I–V.
10. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен / В.Н. Татищев. – М.: Типография Московского университета, 1774. – Кн. III. – 530 с.
11. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества / Д.И. Иловайский. – М.: Типография Московского университета, 1858. – 329 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – 2-е изд., испр. – СПб.: Типография П. Греча, 1819. – Т. IV. – 556 с.

В.А. Слугина

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНЫХ АКТОВ XVII в.: ГРАНИЦЫ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

Аннотация. *Несмотря на наличие большого числа публикаций источников XVII в., историческая документация указанного периода достаточно поверхностно описана и классифицирована в источниковедческой литературе. Вместе с тем отдельные разновидности актовых материалов Сибирского приказа анализируются в рамках исторического, историко-юридического и лингвистического подходов. Для решения проблем классификации источников и для верификации результатов, полученных специалистами смежных дисциплин, доказывається результативность использования методики формулярного анализа.*

Ключевые слова: *история Сибири, шертовальные записи, акты, формулярный анализ.*

Сибирский приказ, созданный в 1637 г., решал важную задачу формализации ряда новых и специфичных практик управления новыми территориями: обложение ясаком, взаимодействие с аборигенным населением Сибири, координация отрядов землепроходцев, исследовавших новые территории, и посольских делегаций, отправляемых для налаживания контактов с соседними государствами, прежде всего Монголией и Китаем. Усложнение административных процессов и стремление выстроить устойчивую модель взаимодействия русской стороны с народами Сибири прослеживается как в содержании документальных источников, так и в их внешних атрибутах (формулярах). При увеличивающемся объеме делопроизводства сами документы унифицировались и наполнялись приказными формами (штампами и клише) и канцеляризмами.

В составе сибирской документации появились специфичные разновидности актов: шертовальные записи, фиксировавшие тексты присяг сибирских народов на верность российскому монарху, и крестоцеловальные записи – тексты присяг для православного населе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60006.

ния Сибири; трансформировались и давно апробированные формы делопроизводственной документации – царские указы воеводам. На местах требовалось ведение специальной учетной документации – шертовальных, крестоцеловальных, переписных книг (списков), ясачных окладных книг.

При этом огромный массив сибирских документальных источников указанного периода, несмотря на наличие большого числа публикаций сборников документов, в источниковедческой литературе описан достаточно поверхностно. За исключением Н.Н. Оглобина, предложившего в конце XIX в. классификацию документов Сибирского приказа по видам деятельности [1. С. 3–4], масштабная типологизация разновидностей документов приказного делопроизводства XVII в. не предпринималась.

Названные выше акты, делопроизводственная и учетная документация отсутствуют как в «классических» источниковедческих классификациях источников, предложенных С.М. Каштановым [2. С. 151–152], так и в новейшей научной и научно-учебной литературе [3. С. 200]. С другой стороны, делопроизводство XVII в. в целом и документация Сибирского приказа в частности вызывают достаточно активный интерес у специалистов в области истории права, реализующих историко-юридический подход [4], и у лингвистов – исследователей исторической лексикографии [5].

В зависимости от избранного методологического основания и дисциплинарной принадлежности исследователи используют разные приемы описания и интерпретации источников. Например, при изучении процедуры шертования (приведения в подданство) народов Сибири М.О. Акишин опирается на теорию международного права и сопоставляет шертовальные записи XVII в. с шертными грамотами, заключаемыми с правителями Касимовского, Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды, башкир, народов Северного Кавказа в XV–XVI вв. и в итоге определяет шертные записи и грамоты как неравноправные международные договоры. Исследования М.О. Акишина, направленные на правовую (юридическую) интерпретацию шертовальных записей, не опираются на источниковедческие принципы классификации актовых источников, что отражается в выводах автора: шертные записи называются то присягами (т.е. односторонними торжественными обещаниями, клятвами), то неравноправными международными договорами [6. С. 237, 240]. Можем предположить, что это противоречие является следствием

неопределенности в концепциях правовой природы исполнения обязательств [7. С. 46], одну из которых, по-видимому, автор решил проверить на историческом материале.

Другой подход к интерпретации может быть реализован через обращение к классическому источниковедческому приему – формулярному анализу. Несмотря на то, что ряд историков обращают внимание на становление типовых формуляров разновидностей актовых и неактовых (делопроизводственных) источников в XVII в., специальный формулярный анализ документальных источников в исторических исследованиях предпринимается достаточно редко.

Суть формулярного анализа заключается в выделении устойчивых статей и формул внутри одной разновидности актов. Этот прием при кажущейся простоте позволяет преодолевать два серьезных затруднения, которые связаны с особенностями приказного делопроизводства XVII в.

Во-первых, в указанный период отсутствовала унификация в реквизитах и названиях документов. Например, тексты обязательств иностранцев перед русской стороной могли называться «шертной записью», «шертной грамотой» и просто «шертью», текст статей мог почти полностью цитироваться в делопроизводственных источниках и учетных документах – шертальных и ясачных книгах (списках). Такие разночтения исключают возможность типологизировать источники по их историческим наименованиям, но через выявление общей структуры акта можно аргументированно строить различия между группами документов.

Во-вторых, формулярный анализ позволяет также разграничивать источники нескольких разновидностей, объединенных механически вследствие «столбцовой» системы документооборота, типичной для того периода, или исходя из принципов архивного фондообразования, и наоборот: через типовые формулы можно выявлять связь между источниками нескольких разновидностей.

С другой стороны, применение формулярного членения текста – выделения статей, оборотов, предложений, элементов – осложнено разницей между исторической и современной грамматикой и системой письма. Скорописные документы писались сплошным текстом, без знаков препинания, заглавных букв, с конструкциями множественного перечисления «а также», «а если... то», «и тогда бы». Из-за отсутствия маркеров границ грамматических конструкций выделение элементов формуляра оказывается достаточно субъективным и,

кроме того, содержит допущения, вызванные историческими изменениями синтаксиса.

Формулярный анализ также используется в лингвистических исследованиях для того, чтобы выявлять типовые приказные обороты (клаузулы) и на их фоне выделять лексемы «живой» разговорной речи, оценивать наполненность документа региональной лексикой.

Несмотря на активный интерес историков, лингвистов и правоведов к источникам по истории Сибири XVII в., некоторые разновидности документации остаются слабо изученными и привлекаются исследователями только в качестве иллюстративного либо фактографического материала. При этом благодаря унификации формуляров, относительно неплохой сохранности и наличию достаточного числа однотипных документов сам исторический материал обладает большим потенциалом для компаративных (сравнительных) исследований в рамках исторической и юридической науки. Для проведения подобных исследований и корректного источниковедческого описания отдельных разновидностей документов кажется перспективным использование методики формулярного анализа.

Литература

1. *Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. – Ч. 4: Документы центрального управления. – М.: Унив. тип., 1901. – 288 с.
2. *Каштанов С.М.* Русская дипломатика: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / С.М. Каштанов. – М.: Высш. шк., 1988. – 229 с.
3. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е.Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А.В. Сиренова. – М.: Юрайт, 2016. – 396 с.
4. *Акишин М.О.* Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы / М.О. Акишин // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. – М., 2013. – С. 210–215.
5. *Городилова Л.М.* Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии / Л.М. Городилова; М-во образования Рос. Федерации. Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Хабар. гос. пед. ун-т». – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2003. – 261 с.
6. *Акишин М.О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России / М.О. Акишин // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 233–241.
7. *Шумейко И.Ю.* Сущность и правовая природа исполнения обязательства / И.Ю. Шумейко // Юрист – Правовед. – 2010. – № 1. – С. 46–50.

А.А. Чернышев

РОССИЙСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ НАЧАЛА XIX В. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Аннотация. *Целью является анализ содержания энциклопедий начала XIX в. в качестве разновидности историографического источника. Особое внимание уделяется эволюции построения и информационной наполняемости словарно-энциклопедической литературы. Появление в дореволюционной России полноценных энциклопедических изданий способствовало распространению научных знаний и повышению образованности русского общества, отвечая его запросам и требованиям времени.*

Ключевые слова: *Россия, историографический источник, российские энциклопедии, энциклопедический словарь, персоналии.*

Издание энциклопедии – это определенный рубеж, фиксирующий для общества состояние самой науки и ее достижения. Также подбор авторов, последующая правка статейного материала всегда вписываются в рамки редакционной политики и испытывают влияние государства и общества, т.е. общественно-политическую значимость. На примере рассмотрения любого научного и общественно значимого явления, отраженного в энциклопедическом труде, изданном в разное время, можно составить определенное мнение об эволюции самой науки и отношении к ней государства и общества.

В Российском государстве в начале XIX столетия происходит рост энциклопедической литературы, значительно возрастает спрос на справочно-энциклопедические издания.

Эталоном отечественной энциклопедистики становятся такие издания, как «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара (1835–1841), был остановлен на букве «Д», и первый окончанный «Справочный энциклопедический словарь» А.В. Старчевского и К.К. Крайя (1847–1855). Наличие статейного материала, иллюстрирующего биографии деятелей исторической науки, можно рассматривать как один из специфических источников историографической линии.

Содержание «Энциклопедического словаря» А.А. Плюшара выстраивалось по компиляционной методике и выкристаллизовыва-

лось в редакционном бюро. На страницах «Энциклопедического словаря» А.А. Плюшара в основном были размещены краткие биографии только тех выдающихся деятелей науки, которые известны как общественно-политические деятели или как авторы крупных исторических работ. Главный недостаток словаря А.А. Плюшара – это субъективная пристрастность составителя к некоторым фигурам. По наполняемости содержания «Лексикон» А.А. Плюшара включал информацию в большей степени о зарубежной истории и культуре, которая являлась компиляцией из немецкого справочного издания «Conversations-Lexicon» [1].

У составителей «Справочного энциклопедического словаря» А.В. Старчевского и К.К. Крайя имелась уже своя методика подготовки: сначала создавался проект, потом формировался словник (алфавит) в соответствии с объемом энциклопедии, утверждавшийся советом и авторами статей. В заключение каждая статья проходила через рецензентов-цензоров, в некоторых случаях их число доходило до 15 человек. Редакторы «Справочного энциклопедического словаря» А.В. Старчевского и К.К. Крайя еще в предисловии указали, что «...есть статьи довольно большие, но объем их вызван обширностью самого предмета, таковы, например, биографии наших Государей и знаменитых людей России». Коллектив авторов трудился на славу, каждый автор считал свою статью самой главной в энциклопедии, поэтому сокращений никто не терпел [2].

Информационное пространство толкования персон, событий в словаре во многом хотя и было схоже с древнерусскими азбуковниками, но обличалось масштабностью и логической упорядоченностью и культурой языка. Это издание характеризовалось исключительной широтой научно-популярных, по-настоящему научных энциклопедических и библиографических сведений. В редакции остро обсуждался вопрос о необходимости снабжать статейный материал библиографией. В итоге было принято решение о снабжении персоналии библиографическими источниками, которые должны были занимать не более одного столбца.

Опубликованные в энциклопедии А.В. Старчевского и К.К. Крайя персоналии показывают, сколько объема текста отводили редакторы на статьи, посвященные деятелям исторической науки. Обычный объем варьировался от 200 до 600 печатных знаков.

Анализ историко-персональной части показал, что объемно представлены биографии научной элиты: историков, этнографов,

краеведов. По количеству поданного материала выделялись статьи о Федоре Ивановиче Миллере [3], а также известном русском историографе Николае Михайловиче Карамзине [4].

Можно отметить, что биографический материал вкупе с историко-этнографическими данными составил богатое «ядро» энциклопедии. В целом структура построения статейного материала позволяет говорить о энциклопедиях как об особой вариации историографического источника, который обладает определенным спектром информации о состоянии исторической науки, и оценке ученых на разных периодах развития общества. Также энциклопедическая литература, выступая как историографический источник, обладает своей уникальностью как связь между автором статьи и читателями, которые мгновенно реагировали на появление новых томов.

Для историографа энциклопедический материал может быть представлен в виде вытекающих аспектов, так как отражение социально-общественной конъюнктуры сопровождается созданием текстов исторического содержания и трансформацию образов ученых-историков, которую можно наблюдать в вышедших новых энциклопедиях.

Литература

1. *Греч Н.И.* История первого энциклопедического лексикона в России // Греч Н. Записки о моей жизни. – М.; Л. 1930. – С. 603.
2. *Остроглазов И.М.* Забытый словарь // Русский архив. – М., 1890. – Кн. 3, вып. 11.
3. Миллер Федор Иванович // Справочный энциклопедический словарь А.В. Старчевского и К.К. Крайя. – СПб.: Издание К. Крайя, 1847–1855. – Т. 8: Мас–Нюр. – 1854. – С. 104–112.
4. Карамзин Николай Михайлович // Справочный энциклопедический словарь А.В. Старчевского и К.К. Крайя – СПб.: Издание К. Крайя, 1847–1855. – Т. 6: И, I, К–Кях [т.е. Кап–Кях]. – 1847. – С. 518–522.

С.И. Трихина

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПИСЕМ
Н.И. ПИРОГОВА – СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИСТОРИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ**

Аннотация: *В монографии «Научное, литературное и эпистолярное наследие Н.И. Пирогова» (1956 г.) А.М. Геселевич впервые опубликовал хронологическую классификацию писем Н.И. Пирогова, сгруппированную по годам и датам написания. В последующем были найдены новые тексты, утрачены некоторые из старых, а часть подлинников поменяла местонахождение. Кроме того, имели место сокращения, правки в соответствии с советской исторической доктриной, особенно это касалось писем религиозно-философского содержания. Нами разработаны основы тематической классификации эпистолярного наследия Н.И. Пирогова. Предполагается, что тематическая классификация станет существенным дополнением к хронологической классификации А.М. Геселевича.*

Ключевые слова: *эпистолярное наследие Н.И. Пирогова, тематическая и хронологическая классификация писем.*

С точки зрения методологии науки тематическая классификация предусматривает синтетический подход к историческому материалу, требующему анализа исторических фактов вместо их выстраивания в хронологическом порядке. Подобный метод ввёл в своё время В.И. Вернадский, который утверждал: «Сухая запись или документ, лежащие в основе исторического изыскания, дают лишь отдельное представление о реально шедшем процессе» [1. С. 28]. Эпоха глобализации, в которой мы живем, предполагает переоценку, систематизацию знаний, накопленных за историю земной цивилизации. Единое информационное поле, учение о ноосфере смещает акцент важности хронологических границ события в сторону следствий данных событий и их ценности в общей системе научных знаний.

По В.И. Вернадскому, «историк сам создает материал своего исследования, оставаясь, однако, все время в рамках точного, научного наблюдения, поэтому в истории науки постоянно приходится возвращаться к старым сюжетам», но возвращаемся мы к этим сюжетам не для того, чтобы просто к имеющимся и ранее известным доку-

ментам добавить новые материалы, а для того, чтобы переосмыслить накопленные тексты, идеи и события с точки зрения нового научного знания, включая проблемы и аспекты, которые ранее не изучались. Тем самым расширяется проблематика историко-научных исследований, прошлому ставятся новые вопросы, связанные уже с новым этапом развития науки и с новым пониманием, ставшим результатом новой методологической установки. Значит, в таком случае историк выступает уже не в роли пассивного регистратора событий, а в роли исследователя, создающего предмет своего изучения, формулирующего вопросы, подлежащие прояснению» [2]. В истории нет неважных или ненужных материалов и источников, работая с источниковой базой, мы сами создаем себе материал исследования и, основываясь на нем, имея в запасе достижения предыдущих исследований, заново переосмысливая всё имеющееся в нашем арсенале, исходя из задач дня сегодняшнего, выходим на новый уровень знаний, чтобы стать в свою очередь нижним витком спирального развития.

Советская наука, во времена которой А.М. Геселевичем была создана самая полная хронологическая классификация эпистолярного наследия Н.И. Пирогова [3. С. 161–205], имела в своей основе формационный подход к событиям истории, т. е. рассматривала ход истории как последовательную смену общественно-политических формаций. В силу этого всё, что не укладывалось в доктрину советской науки, в лучшем случае просто не рассматривалось или замалчивалось, кроме этого, допускались правки и искажения исходных материалов.

Опубликована она была в 1956 г. В предисловии написано, что составителем были просмотрены первые и повторные публикации за 125 лет на русском и иностранных языках [Там же. С. 161]. Письма были сгруппированы по годам, внутри разделов – по датам. Некоторые из писем сопровождалась аннотациями и историко-архивными данными, заимствованными из первоисточников, некоторые из пириговских писем вовсе не имели никаких аннотаций. Такая уловка использовалось специально, чтобы не привлекать внимание исследователей к неоднозначным, а зачастую и вредным с точки зрения советского режима эпистолярным опусам Н.И. Пирогова. Большую часть писем этой группы составляли так называемые религиозно-философские письма Н.И. Пирогова к А.А. Бистром (март–май 1850 г.), его будущей второй жене. Их научный оборот либо существ-

венно ограничивался, либо исключался полностью. К примеру, из 22 указанных А.М. Геселевичем пиროговских писем подобного характера только половина имела краткое описание их содержания. Остальные религиозно-философские письма Н.И. Пирогова этого периода, 11 единиц, по классификации А.М. Геселевича, были вовсе лишены сведений об их содержании, что создавало определенные трудности для установления таких писем в его обширном эпистолярном наследии. Кроме того, следует отметить, что А.М. Геселевич указывает 22 письма, обращенных к невесте, что тоже спорно. Н.И. Пирогов писал письма в течение нескольких дней, проставляя в тексте даты, но отправлялись они не так часто, поэтому возникает вопрос об их количественной классификации: считать ли это разделение самостоятельными письмами или рассматривать их как общую единицу, что тоже актуально. А.М. Геселевичем была проделана огромная работа по выверке первоисточников и публикаций, все проверено лично, без ссылок на непроверенные источники. Это была работа всей жизни, и в качестве путеводителя по базе источников она уникальна и бесценна. Это лучшее достижение в области библиографических исследований творческого наследия Н.И. Пирогова, и его эпистолярного наследия в том числе. Самим А.М. Геселевичем указывалось, что многие материалы, хранящиеся в архивах и в частных коллекциях, остались неопубликованными. В том же 1956 г. в «Вестнике хирургии им. И.И. Грекова» А.М. Геселевич публикует статью «О неизданных письмах Н.И. Пирогова к хирургу А.Л. Обермиллеру» [4], задавая таким образом, ещё одно ранее мало исследованное направление работы с эпистолярным наследием Н.И. Пирогова. Личность самого А.Л. Обермиллера выводит нас, в свою очередь, на интересные материалы о Н.И. Пирогове, изложенные в дневниковых записях Д.А. Скалона [5], адъютанта великого князя Николая Николаевича Романова Старшего, которого по поводу его болезни совместно консультировали С.П. Боткин и Н.И. Пирогов.

Желание создать тематическую классификацию не является скропалительным и надуманным. Если мы обратимся к самым первым публикациям писем Н.И. Пирогова, то увидим, что и И.В. Бертенсон¹, и С.Я. Штрайх², и А.А. Пирогова³ публиковали письма тема-

¹ И.В. Бертенсон – лейб-медик Высочайшего двора Российской империи.

² С.Я. Штрайх – историк, литературовед, биограф Н.И. Пирогова.

³ А.А. Пирогова – урожденная Бистром, вторая жена Н.И. Пирогова.

тическими разделами, уже своими публикациями задав их названия. Эта стихийно начатая тематическая классификация была продолжена в 2010 г., когда под руководством А.Д. Тюрикова были изданы «Философско-педагогические письма Н.И. Пирогова» [6]. Исходя из этого, можно сказать, что тематическая классификация вызревала из исторических предпосылок и первым ее разделом, как повелось с И.В. Бертенсона, стала «Научная биография Н.И. Пирогова, хирурга и анатома». Первый раздел будет пополняться новыми письмами, освещающими определенные факты научной биографии великого хирурга, но письма, помещенные там, в большинстве своем содержат, хоть и в малом количестве, мысли и выводы, связанные с другими тематическими разделами. Эта многозначность и многозадачность писем была камнем преткновения в создании тематической классификации и для А.М. Геселевича, который отказался от этой мысли. Правильно и однозначно распределить письма по темам – задача не из простых. Исследовательской работы было много, поэтому он начал систематизацию эпистолярного наследия Н.И. Пирогова с создания хронологической классификации и проверки первых публикаций. С.Я. Штрайх в большей мере работал с первоисточниками, поэтому в нашем исследовании мы по специфике поставленных задач находимся ближе к нему, а именно устанавливаем, где в данный момент находятся указанные им и найденные позднее подлинники писем Н.И. Пирогова и персон, окружавших его, и группируем их в тематические блоки. С официальными письмами к определенным чиновникам или ведомствам это сделать проще. В личной переписке получают неизбежные накладки, потому что многие письма не укладываются точно в определенный раздел. В подобных случаях мы размещаем их в нескольких разделах, давая пояснения и перекрестные ссылки.

Эпистолярное наследие Н.И. Пирогова (1810–1881) – это огромный пласт его врачебных, педагогических, научных результатов, изложенных в почти 400 письмах, написанных многим адресатам. Свою задачу мы видели в том, чтобы из всего этого многообразия выделить источниковую базу нашего исследования – особенную, но тем не менее очень важную часть, а именно: письма Н.И. Пирогова к родным и близким ему людям: невесте и жене А.А. Бистром [7], сыновьям Николаю и Владимиру [8], а также соратникам и друзьям: Иосифу Васильевичу Бертенсону, Екатерине Михайловне Бакуниной, Александру Леонтьевичу Обермиллеру [9]. В дополнение к

разделу «Севастопольские письма» нами взята официальная переписка комиссариатского и медицинского департаментов Военного министерства и 2-а письма Н.И. Пирогова во Французскую академию. Кроме того, переписка Н.И. Пирогова и А.А. Пироговой с Теодором Бильротом по поводу болезни великого русского хирурга в последний год его жизни (1881 г.) [10]. Всего более 130 писем, т.е. 33 % всего эпистолярного наследия Н.И. Пирогова. Наше исследование можно назвать выполненным на стыке двух специальностей: история науки и техники (исторические науки), а также история науки и техники (медицинские науки) и история фондов «пироговских» реликвий.

Все эти материалы станут основой новой (тематической) классификации эпистолярного наследия Н.И. Пирогова, которая будет содержать развернутые аннотации писем с указанием их местонахождения, описания внешнего вида подлинников, первой публикации, а также опубликованных научно-исследовательских работ и статей по тематике разделов и подразделов. Поскольку в новую тематическую классификацию вводится указание на местонахождение подлинника и описание его внешнего вида, нами были проведены исследования по истории фондов архивов и музейных собраний, где на хранении находятся подлинники писем Н.И. Пирогова. В результате были установлены новые факты их перемещений и утерь.

Тематическая классификация, построенная как генеалогическое древо, т.е. с темами и подтемами, позволит вводить множество дополнительной информации, связанной с обстоятельствами написания того или другого письма и указанием дополнительных источников по этой тематике, которые в противном случае приходится отыскивать в разрозненных периодических публикациях.

Тематическая классификация предполагает более широкие информационные возможности в противоположность классификации хронологической. Кроме того, если вопрос касается эпистолярного наследия, мы не должны забывать, что любая переписка имеет двусторонний характер. При тематическом делении значительно легче приводить в качестве справочного материала или в формате полного текста ответы респондентов, если таковые имеются. Кроме того, тематическая классификация дает возможность не только специалистам, но и широкому кругу читателей быстрее ориентироваться в огромном информационном поле творческого наследия и выбирать интересующие их разделы, особенно если они снабжены подробны-

ми комментариями и к ним приурочена справочная литература по данной тематике. Сделать это в рамках одного исследования невозможно, для этого необходима в первую очередь публикация отдельными книжными изданиями определенных тематических разделов, более детальная разработка внутри каждого раздела. Тематическая классификация необходима для организации учебного процесса и наработки учебного материала, ускоряет подготовку при издании учебной литературы, может служить отправной точкой серьезного научного исследования. Если каждый раз тематическая подборка делается самостоятельно, могут быть механически допущены какие-либо неточности, фактографические ошибки. Необходим надежный источник, с которым исследователь или пользователь данного раздела может свериться, плюс указатель основополагающей литературы, посвященной данному вопросу. Мы видим, что даже у такого величайшего биографа, как А.М. Геселевич, можно найти фактографические ошибки, как это случилось со временем пребывания Н.И. Пирогова в Вене [10].

Работа это очень объемная и технически не может быть полностью выполнена в рамках одного исследования.

Тематическая классификация писем Н.И. Пирогова в итоге должна представлять собой модеризируемый электронный пополняемый ресурс по типу Википедии с возможностью поиска по ключевым словам, куда сами исследователи могут вносить свои научные достижения в данной области в соответствующие разделы тематической классификации, что создаст мощный толчок в изучение наличествующего эпистолярного материала, а также сопутствующих историко-культурных исследований и облегчит работу исследователей.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
2. *Шишков И.З.* История и философия науки [Электронный ресурс] / И.З. Шишков. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. –768 с.
3. *Геселевич А.М.* Научное, литературное и эпистолярное наследие Н.И. Пирогова: библиография. – М.: Медицинская литература, 1956. – 264 с.
4. *Геселевич А.М.* Неизданные письма Н.И. Пирогова к хирургу А.Л. Обермиллеру // Вестник хирургии им. Грекова. – 1956. – Т. 77, № 11. – С. 25–31.

5. *Журавский С.Г.* Н.И. Пирогов в последние годы жизни (по материалам дневника 1876–1878 Д.А. Скалона) // Военно-медицинский журнал. – 2015. – Т. 336, № 12. – С. 57–68.
6. *Пирогов Н.И.* Философско-педагогические письма / сост. А.Д. Тюриков. – Иваново: ИПК «ПрессСто», 2010. – 426 с.
7. *Пирогов Н.И.* Письма к невесте // ИРЛИ РАН. – Ф. Р-П. – Оп. 1. – Ед. хр. 308. – Л. 16–143.
8. *Пирогов Н.И.* Письма к сыну // ИРЛИ РАН. – Ф. Р-П. – Оп. 1. – Ед. хр. 308. – Л. 146–191 об.
9. *Козовенко М.Н., Трихина С.И.* Неопубликованные письма Н.И. Пирогова: первое и второе письмо к А.Л. Обермиллеру (1877) // История медицины. – 2015. – Т. 2, № 3. – С. 465–470.
10. *Шевченко Ю.Л., Козовенко М.Н., Трихина С.И.* Малоизвестная переписка семьи Н.И. и А.А. Пироговых с Т. Бильротом // Вестник хирургии им. И.И. Грекова. – 2013. – Т. 172, № 6. – С. 93–99.

С.В. Туров

**КРАТКОЕ ЖИТИЕ Г.Д. ВЕРБОВА, СТРАННИКА,
ПРОСВЕТИТЕЛЯ, УЧЕНОГО МУЖА, ВОИНА,
НЕ ИМ САМИМ, НО НАПИСАННОЕ**

Аннотация. *На примере жизненного пути и творческого наследия ленинградского этнографа Г.Д. Вербова характеризуется слой ученых-подвижников Севера, работавших в 1920–1930-х гг. в условиях бытовой неустроенности и настороженного отношения местного населения. Особое внимание уделено археографическому наследию Г.Д. Вербова. До последнего времени эта грань его научного наследия была не изучена. Между тем Г.Д. Вербов много работал в архивах по выявлению новых материалов, активно использовал их в своих исследованиях, а также плодотворно занимался публикацией источников.*

Ключевые слова: *Г.Д. Вербов, ненцы, археография, Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ.*

«Родился от родителей благородных и благоверных»¹

Григорий Давыдович Вербов родился 11 июня 1909 г. в Москве в семье полярника. В юности Григорий увлекался книгами о Севере, посещал кружок изучения естественных наук. В 1924–1925 гг. его отец Давыд Федорович руководил полярной станцией на Новой Земле. Григорий в эти годы учился в Тенишевском училище. Во время каникул в 1925 г. в возрасте 16 лет он на свой страх и риск добирается до Архангельска, где устраивается матросом на пароход «Русанов» и участвует в снятии зимовки своего отца [1. С. 196].

«Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодovitая и плодoсная, семена принявшая в сердце свое...»

После окончания Тенишевского училища Григорий Давыдович в 1927 г. поступает в Институт народов Севера. Вскоре он переводится в Ленинградский государственный университет на этнографическое отделение. Здесь его заметил Г.Н. Прокофьев, видный специалист в области языка и культуры самодийских народов. В 1930 г.

¹ Здесь и далее использованы цитаты из Жития Сергия Радонежского, составленного Епифанием Премудрым (Житие Сергия Радонежского // Древняя русская литература. Хрестоматия. М.: Просвещение, 1980. С. 160–166).

Прокофьев организует для Вербова командировку в Большезельскую тундру в п. Оксино, где Вербов руководит «краеведческой ячейкой». В 1931–1932 гг. он заведовал Красным чумом в Большеземельской тундре. В 1932 г. Вербов поступает в аспирантуру. Тема диссертации: «Диалект лесных ненцев». В 1934 г. Вербов командировается Комитетом нового алфавита народов Севера в пуровскую тайгу. По результатам работы в 1936 г. Вербов публикует отчёт «Лесные ненцы» [1. 197–199; 2. С. 57–70]. Диссертацию Вербов защитил в 1935 г. По существу, получилась своеобразная энциклопедия языка, культуры и быта лесных ненцев [1. С. 201; 3. С. 4–190].

«И всячески всегда он изнурял тело свое, и иссушал плоть свою, и чистоту душевную и телесную без осквернения соблюдал...»

В 1935–1937 гг. Вербов выезжает в Салехард, где занимает должность ученого секретаря Ямальского окружного комитета нового алфавита. По возвращении в Ленинград с 1938 г. Г. Вербов работал старшим научным сотрудником в Институте этнографии АН СССР в кабинете Сибири и одновременно преподавал ненецкий язык в Ленинградском государственном университете. В этот период научной деятельности Григорий Давыдович разобрался в сложном и запутанном в литературе вопросе о родовом устройстве ненцев [4]. В 1938–1939 гг. Вербов объехал всю территорию, заселенную ненцами, как в европейской части страны, так и за Уралом, собрал богатейший этнографический и языковой материал [1. С. 202]. Об условиях, в которых проходила эта и предшествующие экспедиции Григория Давыдовича и других исследователей Севера в 1920–1930 гг., хорошо сказал А.В. Головнёв: «Новым и относительно независимым поколением исследователей-полевиков явилась *группа смелых подвижников* (выделено мной. – С.Т.), начавших работы на бурлящем классовом волнении Российском Севере в 20–30 годы. Им было несравненно труднее предшественников – явное или скрытое противостояние коренного населения новой власти распространялось и на них, обремененных доверием этой власти. Им приходилось отыскивать равновесие между научными целями и требованиями официальной идеологии. Их экспедиции экипировались на порядок хуже дореволюционных. И все же им удалось этнографически глубоко постичь традиционные культуры, по-своему заново их открыть, написать яркие и содержательные работы. В.Н. Чернецов, Б.О. Дол-

гих, Г.Д. Вербов, Г.Н. Прокофьев и Е.Д. Прокофьева стали основателями советского самоедоугрождения» [5. С. 11–12].

«Место указал, внезапно источник большой появился, который и до сих пор все видят и из которого черпают...»

В 1932–1934 г. Вербов вместе с ненцем-студентом Н. Собриным написал брошюру «Красный чум» и перевел ее на ненецкий язык [1. С. 202; 6]. Много помогал аспирант Вербов своему учителю Г.Н. Прокофьеву в переводе на ненецкий язык нескольких школьных учебников и пособий. Перевёл книгу рассказов Е. Чарушина «Звери жарких стран». Перевел с ненецкого языка повести Николая Вылки «На острове» и «Марья», пьесу И. Ного «Шаман». В Салехарде он издаёт в 1937 г. «Краткий ненецко-русский словарь» и «Ненецкие сказки и былины» [1. С. 203; 7, 8].

«Многие же ученики его в добродетелях прославились великих...»

Вербов стал наставником для известного учёного Л.В. Хомич, автора одного из наиболее значимых трудов по культуре и быту ненцев. Впоследствии она вспоминала: «Г.Д. Вербов великолепно знал разговорный ненецкий язык и вложил много труда, чтобы мы, его студенты, овладели им как можно лучше». А.В. Алмазова, составитель «Самоучителя ненецкого языка», также считала своим учителем Г.Д. Вербова [9].

«Смело вступил в бой со свирепостью их, нисколько не уstraшаясь...»

Григорий Давыдович ушёл на фронт добровольцем. Он погиб в июле 1942 г. близ железнодорожной станции Понтонная Ленинградской области. Незадолго до смерти Вербов узнал о кончине своего учителя Прокофьева в блокадном Ленинграде и отозвался: «Осиротела наша отрасль науки. Много нужно работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь». Наверняка об этом же подумали близкие и коллеги Григория Давыдовича, узнав о его гибели [1. С. 206].

«Чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали сыновьям своим, чтобы они не забыли...»

Вербов-археограф в истории науки известен менее. В феврале 1941 г. на заседании Всесоюзного географического общества он сделал доклад «О древней Мангазее и расселении некоторых само-

едских племён до XVII века». Уже после его смерти доклад этот был опубликован. На базе изучения материалов, собранных в своё время Г.Ф. Миллером, и других письменных источников Вербов делает вывод о том, что ещё в XV в. местность в районе среднего течения р. Таз была заселена энецким племенем манкаси. Позднее этот термин был использован в названии «государева острога Мангазеи», поставленного здесь в 1600 г., а затем и в названии Мангазейского уезда. Кроме того, Вербов подметил, что на карте Дженкинсона (1562 г.) восточнее земли Малганзея помещена земля Байда. В известном памятнике новгородской литературной традиции «Сказание о человецех незнаемых...» содержатся сведения о некоей стране Банд. Вербов замечает в этой связи, что у энцев или енисейских ненцев имеется род *бай*. Некогда этот род обитал на левом берегу Енисея [10. Л. 130–131; 11].

Известен Г.Д. Вербов и как археограф-публикатор. Благодаря этой стороне его деятельности широкая научная общественность познакомилась с этнографической частью творческого наследия известного русского учёного XVIII в. В.Ф. Зуева. Будучи ещё «академическим студентом», в 1771–1772 гг. В.Ф. Зуев участвовал в экспедиции в восточные районы страны, предпринятой по заданию Академии наук П.С. Палласом. Собранные в этом путешествии материалы В.Ф. Зуев переработал в сочинение «Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов». Г.Д. Вербов восстановил данное сочинение Зуева (рукопись после длительного пребывания в архиве была разрознена) и, присовокупив к нему ещё одну рукопись Зуева «Об оленях», подготовил эти материалы к печати. Публикация состоялась в 1947 г. [12]. Вербов-археограф успел поработать и в северных архивах. В архиве учёного, хранящемся сегодня в Кунсткамере, имеется несколько тетрадных листов, на которых он сделал выписки из документов Салехардского окружного архива [13]. Судя по выпискам, здесь он познакомился с «Обдорской приходской летописью». В летописи его заинтересовала таблица «Количество дворов и душ в приходе» с 1794 по 1876 г. Кроме того, он воспроизвёл в своих заметках размеры денежных пожертвований, собиравшихся ежегодно прихожанами обдорской Петропавловской церкви, и заметил по этому поводу: «Это чуть не 10 руб. на двор!». Вербов воспроизвел летописные сообщения о восстании Ваули Пиеттомина, который в январе 1841 г. с отрядом в 400 человек подошёл к Обдорску, всту-

268

пил в переговоры с местной администрацией, но был схвачен, арестован и сослан на каторгу в Восточную Сибирь, где и умер [14. С. 443–444]. Ученого заинтересовало также сообщение из летописи о посещении Обдорска тобольским архиепископом Варлаамом в 1865 г. Из летописи Вербов перенёс в свои записи таблицу «Сравнительное число язычников, принявших святое крещение при Обдорской церкви». Кроме приходской летописи, Г.Д. Вербова заинтересовали ещё несколько документов – это некое предписание из Тобольского губернского правления от 1866 г. о «пресечении поборов на мнимые церковные надобности, или различные церковные поправки, которые никогда не производились». Из указа Тобольской духовной консистории от 1866 г. об ужесточении борьбы с «идолопоклонством» «крещёных остяков и самоедов» он сделал обширные выписки. Наконец, Вербова заинтересовал «Список с журнала Совета главного управления Западной Сибири», в котором речь шла о злоупотреблениях «русских промышленников-торговцев». Сегодня большая часть выписок Вербова представляют интерес только в плане реконструкции его научных интересов и творческих замыслов. Обдорская приходская летопись опубликована [15. С. 25–56]. Ещё одна группа выписок была сделана Вербовым из документов советского периода за 1933–1938 гг. Часть выписок озаглавлена как «Материалы по выборам в Верховный Совет РСФСР в июле 38 года». Вербов собрал под этой рубрикой сведения из документов о сопротивлении «кулаков» избирательной кампании. В основном это цитирование антисоветских высказываний зажиточных оленеводов. Завершается подборка выписок сведениями о проведении коллективизации, извлеченными Г.Д. Вербовым из документа, озаглавленного «Дневник № 13 для разных записей Ануфриева Ф.М. на 1933–34 год (зав. Ям. округом)». На сегодняшний день эти уникальные источники в Государственном архиве ЯНАО отсутствуют. Скорее всего, они исчезли в результате какой-либо из многочисленных в описываемый период архивных чисток.

Литература

1. *Любавская М.Д.* Первый ученик (о Григории Давыдовиче Вербове) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. – СПб.: Наука, 2005. – С. 197–206.
2. *Вербов Г.Д.* Лесные ненцы // Советская этнография. – 1936. – № 2. – С. 57–70.

3. *Вербов Г.Д.* Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. – Новосибирск, 1973. – С. 3–190.
4. *Вербов Г.Д.* Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. – 1939. – С. 43–65.
5. *Головнёв А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 600 с.
6. Что такое «Красный чум». – Л.: Ленпартиздат, 1932.
7. Ненецкие былины и сказки. – Салехард : Ямало-Ненецкий комитет нового алфавита, 1937.
8. Краткий русско-ненецкий словарь. – Салехард : Ямало-Ненецкий комитет нового алфавита, 1937.
9. *Степанова О.Б.* Мы – поколение энтузиастов // www.kunstkamera.ru/siberia официальный сайт Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН.
10. Архив Российской академии наук (Ар. РАН). – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 45.
11. *Вербов Г.Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII века // Известия Географического общества. – 1943. – Т. 75, вып. 5. – С. 16–23.
12. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 96 с.
13. Архив Музея археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Ар. МАИЭ). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 99.
14. История Сибири с древнейших времён до наших дней. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – Т. 2. – 538 с.
15. *Туров С.В.* «Памятная книга обдорской Петропавловской церкви»: история создания и изучения // Ямал в XVII – начале XX в.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования). – Салехард; Екатеринбург: Банк культурной информ., 2006. – С. 25–56.

Ван Ци, С.Б. Ульянова

СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ «РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Аннотация. *Рассматриваются цели, задачи и принципы создания базы данных третьего поколения, охватывающей актуальные достижения российского востоковедения. Анализируются роль цифровых технологий в изучении востоковедения в России, возможности создания интерактивной исследовательской и академической платформы на основе создаваемой российскими и китайскими учеными базы данных «Российское востоковедение», потенциал этого ресурса для дальнейшего развития востоковедческих исследований.*

Ключевые слова: *востоковедение, базы данных, цифровая история, историография, исследовательская платформа.*

В эпоху «больших данных» использование междисциплинарных методов исследований, соединение парадигм гуманитарных и естественных наук стало модной концепцией. Соответствующее этой тенденции создание баз данных (БД) приобрело чрезвычайно большое значение для стимулирования научных исследований. В настоящей статье рассматриваются основные вопросы, связанные с созданием базы данных «Российское востоковедение»:

1) Какова роль цифровых технологий в изучении востоковедения в России и его дальнейшего стимулирования?

2) Возможен ли переход от простой оцифровки к базе данных при создании БД «Российское востоковедение»?

3) Как обеспечить сохранение лидирующих позиций базы данных «Российское востоковедение» в академической деятельности?

Говоря о влиянии цифровых технологий на фундаментальные исторические исследования, китайские ученые часто цитируют слова известного историка и литературоведа Чэнь Иньцюе (1890–1969): «Современная академическая наука должна иметь новые материалы и новые проблемы. Использование новых материалов для изучения новых проблем задает новые академические тенденции» [1. С. 266]. «Новые материалы» в данном случае означают введение в оборот новых источников, как, например, Дуньхуанские рукописи, ставшие беспрецедентным открытием в истории китайской науки [2]. А «но-

вые проблемы», в основном, касаются целей и объектов, а также методологии исследований. В связи с этим внедрение цифровых технологий представляет собой не «новые материалы», а «новую проблему».

Говоря о методах исторических исследований, известный китайский историк, литературовед, педагог Фу Сынянь (1896–1950) отметил, что «современные исторические исследования стали объединением различных научных подходов. Такие предметы, как геология, география, археология, биология, метеорология, астрономия и т.д., являются важными инструментами для изучения исторических проблем [3]. Может ли внедрение цифровых технологий и как следствие расширение доступа к источникам и литературе повысить эффективность востоковедческих исследований в России? Да, при условии точного и правильного позиционирования их места в работе ученых.

Традиционная концепция big data исходит из того, что разница между оцифровкой и базой данных заключается в том, что последняя позволяет анализировать вычисляемые данные. В гуманитарных науках суть перехода от простой оцифровки к базам данных заключается в активации «мертвых данных» и формировании на их основе «вторичных данных». Согласно закону информации Г. Саймона, стремительный рост объема информации вызывает дефицит внимания [4. С. 34–35]. Поэтому стремление к всеохватывающей оцифровке и пренебрежение структурированием данных приводит к «поисковой зависимости», к интерпретации данных без фактического контекста. Как доказывает Ли Чжэньхун, «мы не можем представить себе, что сочетание отдельных бесчисленных фрагментов материала, лишенных исторического чувства, может отражать любые проблемы в реальном историческом поле» [5. С. 81]. Эрудиция сама по себе не делает человека мудрым.

Итак, как реализовать переход от оцифровки к данным в создании базы данных «Российское востоковедение»? Его основная задача – решение проблемы проявления «человеческого» потенциала. В этой связи необходимо сделать краткий обзор истории создания баз данных, в которой можно выделить три этапа.

Базы данных первого поколения характеризуются тем, что хранение и вывод данных выполняются и контролируются администратором. Их преимущества заключаются в том, что они просты, гибки и безопасны. Но, с другой стороны, они малы и ограничены индивидуальными особенностями администраторов, в них трудно выпол-

нять масштабное обновление данных, сложно наладить взаимодействие между администратором и пользователем.

Для баз данных второго поколения характерно то, что хранение данных осуществляется и контролируется администратором, а вывод данных выбирается пользователем самостоятельно. Их преимущество заключается в том, что выбор данных имеет конкретные критерии, обновлять данные достаточно просто, доступ к данным и их использование более удобны. Основные недостатки этих БД связаны с тем, что администраторы, число которых, как правило, ограничено, часто не успевают обновлять свою базу данных. И со временем такая база данных становится все более устарелой и негибкой.

Попытки устранения недостатков таких баз данных, как правило, сводятся к двум методам конструирования БД: 1) создание специализированной базы данных только в определенной области (типичный пример – база данных электронных документов китайского происхождения Тайваньского центрального исследовательского института); 2) создание комплексной базы данных, которая представляет собой комбинацию из нескольких специализированных баз данных (типичный пример – web of science).

Несмотря на то, что эти два способа в некоторой степени устраняют недостатки баз данных второго поколения, они одновременно ограничивают их размеры. Следует особо отметить важность того, как именно планируются последующие действия после создания базы данных и как они могут способствовать повышению эффективности исследований. Очевидно, что последующие хранение и расширение данных, осуществляемые лишь несколькими администраторами, далеко не достаточны.

В рамках нашего проекта «Востоковедение в России» мы выдвинули концепцию базы данных третьего поколения. Целью проекта является создание базы данных «Российское востоковедение», которая действительно принадлежит пользователю (как профессионалам, так и непрофессионалам). Для нее характерно то, что хранение данных контролируется совместно администраторами и пользователями, а вывод данных выбирается пользователем самостоятельно. Таким образом, пользователи базы данных также являются и ее разработчиками. Например, пользователи могут загружать в базу данных новые материалы и новые результаты исследований, на которые они имеют авторское право. Эти материалы и исследования

после проверки администратором платформы будут доступны другим пользователям, а затем новые данные, новые результаты будут доставлены в любой уголок мира. Ученые смогут быстро получать различные отзывы, чтобы улучшить свои исследования. Администраторы могут также использовать различные технические средства, чтобы стимулировать больше пользователей к участию в этой работе, ускоряя обновление данных, для того чтобы распространять новые идеи на профессиональной платформе вовремя, усилить столкновение и интеграцию разных идей в базе данных «Российское востоковедение». Очевидно, что эта особенность значительно уменьшает сложность обновления данных после первоначального формирования БД, избегает ограниченности профессиональных качеств и других недостатков администраторов. Модель базы данных «Российское востоковедение» позволяет ей постоянно развиваться.

Чтобы создать знаменитую «Сыку цюаньшу» («Полная библиотека в четырех частях») – крупнейшее собрание текстов Древнего Китая, потребовались огромные людские, финансовые и материальные ресурсы. Похожая ситуация складывается и в области создания базы данных. Как же при малых усилиях достичь больших успехов в таких ограниченных условиях? Истинная история обязательно должна быть сосредоточена на реальной жизни человека [6. С. 129]. При создании БД «Российское востоковедение», представляющей собой не просто систему хранения и запросов данных, но интерактивную исследовательскую платформу для изучения востоковедения в России, мы опираемся на человеческие возможности и мудрость.

Как известно, в российском востоковедении сложилась система из 6 дисциплин и 35 субдисциплин. Некоторые из них находятся на переднем крае международных исследований, опираются на обширные данные, охватывают большое число исследователей, добывающих оригинальных результатов. Поэтому при создании БД «Российское востоковедение» мы исходим из принципа интерактивности, т.е. двустороннего или разнонаправленного взаимодействия. В центре нашей работы лежит решение проблемы взаимодействия между людьми.

Как правило, исследования, связанные с традиционными базами данных (первого и второго поколения), используют форму обмена сообщениями с администратором, в том числе для внесения новых данных. В этом случае отсутствует контакт между автором и пользователем данных. Работая с традиционной базой данных, мы мо-

жем повысить эффективность хранения данных, эффективность запросов, но не можем влиять на повышение эффективности исследований. Стремясь преодолеть этот порог, мы внедрили в БД «Российское востоковедение» две системы – сообщения и форум. Система сообщений означает, что в литературе, включенной в базу данных, пользователи могут оставить сообщение о содержании любого фрагмента. И это сообщение будет доступно другим пользователям после проверки администратором. Таким образом, в базу данных включаются обсуждения и совместные исследования «лицом к лицу», всегда и везде (это поможет сократить продолжительность и стоимость исследований). Если система сообщений предназначена для взаимодействия, исследований и совершенствования литературы, то форум ориентирован на взаимодействие, исследование и совершенствование отдельных субдисциплин. Он представляет собой специализированную научную платформу, основанную на изучении литературы и новых исследовательских результатов в области востоковедения. Введение этих двух систем – сообщений и форума – превращает нашу БД в многоадресную интерактивную модель поиска. Мнения пользователей о публикациях, дискуссии, общение с авторитетными и уважаемыми учеными по принципу «всегда + везде + равенство + столкновение» станут новым элементом будущего обмена идеями. Это позволит нашей базе данных «Российское востоковедение» занять лидирующие позиции в научном мире.

Помимо вышесказанного, БД «Российское востоковедение» будет использоваться как интерактивная академическая платформа для российских и китайских ученых и студентов. С помощью облачного хранилища они получают возможность сформировать собственную исследовательскую платформу, доступную по паролю и содержащую необходимые конкретному исследователю данные.

Таким образом, созданная нами база данных «Российское востоковедение» представляет собой прикладную веб-технологию, MySQL-технология, прикладную платформу научной базы данных, предназначенную для исследователей и энтузиастов. Платформа включает в себя три основных функциональных модуля: поиск литературы, семинар по анализу данных и вывод данных. В сочетании с системой Tableau доступны персонализированные информационные услуги при осуществлении визуального анализа. База данных предусматривает интерактивную и поисковую систему научных исследований на основе системы хранения данных.

Литература

1. *Чэнь Иньцюе*. Чэнь Юань: Предисловие о записи после бедствия в Дуньхуане / Чэнь Иньцюе // Вторая серия наброска в доме Цзиньмин. – Пекин: Саньлянь, 2001 (на кит. яз.).
2. Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэнсюэ / под ред. Л.Н. Меньшикова. – М. : Изд-во вост. лит., 1963. – 74 с.
3. *Фу Сынянь*. Смысл работы в Институте исторического языка / Фу Сынянь // Бюллетень Института исторического языка центральной научно-исследовательской академии. – 1928. – Сер. 1, разд. 1. – С. 3–5 (на кит. яз.).
4. *Саймон Г.А.* Рациональность как процесс и продукт мышления / Г.А. Саймон // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.
5. *Ли Чжэньхун*. Сознание этнических групп и описание истории – стремление к описанию истории в историческом контексте / Ли Чжэньхун // Быть начитанным. – 2015 – № 7 (на кит. яз.).
6. *Юй Инши*. История, историк и эпоха / Юй Инши // Литературные и исторические традиции и восстановление культуры. – Пекин : Саньлянь, 2004.

И.В. Максимова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РУССКОГО ГОРОДА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

***Аннотация.** Раскрываются информативные возможности, специфика и опыт использования материалов региональной прессы для изучения различных аспектов повседневной жизни городских обывателей во второй половине XIX – начале XX в.*

***Ключевые слова:** отечественная историография, периодическая печать, история повседневности, дореволюционный город.*

В современной исторической науке одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого выступает «история повседневности». Свойственные данному направлению междисциплинарный подход к анализу исторических проблем и особое внимание к человеку, его обыденным проявлениям определяют широкие возможности и новые перспективы в прочтении казалось бы традиционных для исследователей источников. Говоря о методах изучения истории повседневности, признанный специалист в данной области Н.Л. Пушкарева отмечает, что для анализа повседневности характерны использование собственного метода «вчитывания в текст», попытки проникнуть в его внутренние смыслы; стремление к выстраиванию «диалога» с источниками и их авторами [1. С. 329–330].

Вместе с тем наблюдается существенное возрастание интереса исследователей к такому виду исторического источника, как периодическая печать. К сожалению, материалы дореволюционной, в первую очередь региональной прессы, по-прежнему используются недостаточно, часто служа лишь дополнением или яркой иллюстрацией к документам, извлеченным из условно более «значимых» источников. В то же время источниковедческий потенциал материалов периодики в контексте изучения истории повседневности, на наш взгляд, огромен, что обусловлено самой спецификой данного вида источника и методикой работы с ним. К характерным чертам прессы

обычно относят периодичность и оперативность опубликования информации; многоплановость (комплексность) содержания, выражающуюся в объединении текстов, различных по жанру, происхождению, разновидностям; выполнение задач информирования общества и воздействия на массовое сознание; формирование мнений и стереотипов мышления. Исследователи склонны подчеркивать, по сути, информационную неисчерпаемость периодической печати, которая «...содержит информацию практически обо всех сферах жизни общества и сторонах человеческой жизни» [2. С. 158]. Также, исходя из многоплановости содержания, источниковеды настаивают на необходимости применения дифференцированного подхода и соответствующих методов при работе с каждой из разновидностей привлекаемых газетных материалов [3. С. 630–631].

Обращаясь к конкретному опыту использования материалов региональной прессы для реконструкции городской повседневности пореформенной эпохи, хотелось бы выделить несколько показательных работ. Так, в монографии костромского историка О.В. Бердовой раскрываются наиболее значимые проявления культурной жизни Костромской губернии, включая анализ различных аспектов повседневной жизни местного общества, в зеркале губернской прессы [4]. В статье воронежского исследователя Г.Н. Мокшина на основании критических заметок, опубликованных в региональной печати 1860-х – начала 1880-х гг., рассматриваются быт и нравы жителей уездного города Землянска [5].

Несомненный интерес представляют публикации хакасского исследователя Т.А. Кискидосовой, специализирующейся на изучении истории повседневности дореволюционных городов Енисейской губернии: Красноярска, Енисейска, Ачинска, Минусинска, Канска и Туруханска. В своих изысканиях автор активно использует материалы региональной прессы, высоко оценивая в целом информационные возможности сибирских газет. При этом историк, как и большинство его коллег, настаивает на необходимости строгой проверки соответствия материалов периодической печати действительности, их достоверности, для чего следует привлекать другие исторические источники, а также учитывать идеологическую направленность издания, цель той или иной публикации, личностные воззрения авторов статей и заметок и т.д. [6. С. 151].

Довольно успешную попытку комплексного использования материалов региональной прессы в совокупности с иными источника-

ми представляет докторская диссертация самарского ученого Е.Ю. Семеновой [7], посвященная изучению влияния Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний. Пристальное внимание исследователь уделяет анализу статей, очерков, заметок, в которых критиковались различные явления повседневной жизни военной эпохи: спекуляция, очереди, дороговизна, недостаток продовольствия; содержались суждения авторов о восприятии окружающей действительности, сведения об отношении обывателей к пребыванию в городах раненых, беженцев, военнопленных и пр. [7. С. 33].

Отдельно хотелось бы отметить монографию томского историка А.Н. Жеравиной [8], написанную на базе извлечения материалов из дореволюционных газет методом их сплошного сбора. Подобный подход с позиции источниковедения оправдан, не случайно оптимально-минимальной единицей периодического издания принято считать его комплект за весь период издания (или за период издания при одном редакторе) [3. С. 465]. Автору удалось провести качественное комплексное исследование, погрузив читателей в многогранный мир губернского города Томска, жизнь которого «...предстает как совокупность людского общежития с многообразием возможностей для реализации личности» [8. С. 2].

В связи с тем, что на страницах периодики нередко публиковались материалы, напрямую или опосредованно связанные с такими «общественными недугами», как бедность, нищенство, безработица, хулиганство, проституция, алкоголизм и т.д., мы располагаем существенной, но мало задействованной источниковой базой для реконструкции повседневной жизни деклассированных и маргинальных слоев населения. Изучение городской повседневности в русле озвученной проблематики является весьма перспективным направлением и ждет своих исследователей.

После небольшого историографического обзора с опорой на личный опыт хотелось бы указать на некоторые сложности и нюансы, с которыми может столкнуться историк при работе с материалами периодической печати.

Во-первых, с плохой сохранностью или вообще отсутствием на местах полных комплектов региональных изданий. В этих случаях наилучшим выходом станет работа в читальном зале отдела газет Российской государственной библиотеки (г. Химки) или Российской

национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), что влечет за собой дополнительные временные и материальные затраты.

Во-вторых, необходимо учитывать субъективный характер материалов прессы, которые требуют критического осмысления и сопоставления с другими источниками. Многие авторы справедливо полагают, что данный источник, несмотря на актуальность фиксируемых фактов, не отличается глубиной анализа информации. Одновременно сам исследователь повседневности, пользуясь психологическими приемами вживания («эмпатии»), создает более субъективированное знание, нежели знания, получаемые с помощью традиционного исторического или этнографического описания [1. С. 331]. Возникающий эффект двойного субъективизма может негативно повлиять на качество и полноту проводимого исследования, поэтому важно придерживаться общепринятой методики работы с периодической печатью.

В-третьих, работа с годовыми подшивками местной прессы представляет собой довольно трудоемкий процесс, требующий вдумчивого отношения и элементарной усидчивости. Часто просмотр комплекта вышедшей ежедневно газеты только за один год может занять полноценный рабочий день. Конечно, средства фотосъемки заметно облегчают труд современного исследователя по сравнению с его предшественниками, но не всегда их использование допустимо. При этом львиная доля работы приходится не столько на извлечение «рабочих» материалов из источника, сколько на их последующую интерпретацию.

В-четвертых, трудоемкость работы на стадии интерпретации источника ощутимо увеличивается в связи со сложностями, связанными с определением разновидности или жанровой принадлежности используемых материалов, установлением их авторства и обстоятельств написания, корректным пониманием терминологии в контексте эпохи. Например, детальный анализ годовой подборки царицынской газеты «Волжско-Донской листок» за 1900 г. позволил нам ввести в научный оборот материалы двух жанровых эпизодических рубрик – «Царицынские трущобы (Очерки с натуры)» и «Встречи и впечатления (С натуры)». Автор очерков – некто Бинокль, о подлинной личности которого мы можем лишь догадываться [9]. Изучая на материалах уездной прессы острейшую проблему хулиганства в г. Царицыне, нам пришлось для уточнения этимологии термина «ду-

ховые», которым на местный манер чаще всего называли хулиганов, консультироваться с филологами [10].

В-пятых, характерный для историка повседневности отказ от установки встать «над» источником существенно раздвигает возможности творческого переосмысления выявляемых текстов в «диалоге» с современниками воссоздаваемой эпохи, но, с другой стороны, возрастает опасность при отсутствии должного профессионализма ограничиться «мозаикой миниатюр», лишенной теоретической глубины и предназначенной для «легкого чтения».

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что, несмотря на обозначенные выше «подводные камни», многоплановые, зачастую уникальные материалы региональной прессы являются ценным источником по истории повседневности дореволюционного русского города.

Литература

1. *Пушкарева Н.Л.* История повседневностей и микроистория / Н.Л. Пушкарева // Теория и методология истории: учеб. для вузов. – Волгоград: Издатель, 2014. – С. 312–334.
2. *Русина Ю.А.* Источниковедение новейшей истории России: учеб. пособие / Ю.А. Русина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 236 с.
3. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2004. – 702 с.
4. *Бердова О.В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века / О.В. Бердова. – Кострома: Изд-во КГУ, 2002. – 360 с.
5. *Мокшин Г.Н.* Быт и нравы жителей уездного города Землянска 1860-х – начала 1880-х гг. / Г.Н. Мокшин // История: факты и символы. – 2018. – № 3 (16). – С. 45–53.
6. *Кискидосова Т.А.* Материалы местной периодической печати как источник по истории повседневной жизни горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Т.А. Кискидосова // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): матер. междунар. науч. конф., 14–16 марта 2019 г. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2019. – С. 150–155.
7. *Семенова Е.Ю.* Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи: июль 1914 г. – февраль 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е.Ю. Семенова. – Саратов, 2013. – 50 с.

8. *Жеравина А.Н.* Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати) / А.Н. Жеравина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 402 с.

9. *Максимова И.В.* «Листая газетные страницы...»: штрихи к портрету жителей провинциального города Царицына конца XIX века / И.В. Максимова // Традиционные общества: неизвестное прошлое: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2018 г. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гум.-пед. ун-та, 2018. – С. 282–290.

10. *Максимова И.В.* «Мы, балканские, отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына / И.В. Максимова // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов: сб. науч. трудов. – Волгоград: ООО «Бланк», 2018. – С. 166–174.

Е.А. Костылева

ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПРОТОКОЛОВ И ТРУДОВ ОБЩЕСТВА ПРАКТИЧЕСКИХ ВРАЧЕЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ» В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Аннотация.** Исследуется источниковый потенциал «Протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии» как информационного комплекса по истории медицины и здравоохранения Томской губернии начала XX в. Проводится анализ полноты сохранившегося источника, а также изучается возможность верификации информации, получаемой из «Протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии».*

Ключевые слова: история медицины, история здравоохранения, врачи, Томская губерния, Сибирь.

История организации здравоохранения в дореволюционный период является малоизученной темой, особенно это касается Сибири: ввиду удалённости региона, малой плотности населения, значительной удаленности населенных пунктов друг от друга сбор статистических данных по заболеваемости, рождаемости и смертности, распространённости инфекционных заболеваний и качеству оказания медицинской помощи являлся сложной задачей. Ещё меньше информации дошло до наших дней: многие источники были утрачены в период Гражданской войны или же уничтожены советской властью в 1930-е гг. (личные документы репрессированных граждан).

Одним из важнейших источников по истории здравоохранения Томской губернии начала XX в. являются «Протоколы и труды Общества практических врачей Томской губернии». Данное общество было образовано в 1903 г. группой практикующих врачей-единомышленников, желающих объединить свои силы для обсуждения актуальных проблем здравоохранения и совместных поисков их решения. Оно стало четвёртым в Сибири после Тобольского и Восточносибирского (Иркутск) обществ практикующих врачей, а также Общества морских врачей во Владивостоке [1. С. 3].

Некоторые члены общества являлись представителями профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала

Императорского Томского университета, которые хотели направить свою деятельность помимо научного изучения проблем теоретической медицины в русло практического здравоохранения. Кроме того, в общество вошли многие практикующие врачи Томска, количество которых возросло в разы благодаря открытию Императорского Томского университета: с 12 в 1885 г. до более 80 в 1902 г. [1. С. 8].

«Протоколы и труды Общества практических врачей Томской губернии» издавались на протяжении первых десяти лет существования общества: первый выпуск, содержащий материалы за первый год существования общества, вышел в 1904 г.; второй выпуск (1904–1908 гг.) – в 1910 г.; третий (1909–1910 гг.) – в 1913 г.; четвёртый (1911–1912 гг.) – в 1914 г. Каждое издание состоит из двух частей: первая – «Протоколы» – развёрнутые протоколы заседаний, отражающие количество участников-членов общества (со списком фамилий), приглашенных экспертов и сторонних слушателей, а также содержащие информацию о том, что обсуждалось на заседании с отражением высказываемых мнений в виде приводимых цитат, иногда в виде стенограммы на несколько листов. Вторая часть – «Труды» – включает в себя сборник тезисов докладов, сделанных на заседаниях общества.

С 1911 г. «в целях взаимного осведомления и общения» совет общества постановил рассылать «Труды» Общества практических врачей Томской губернии по мере их выхода медицинским обществам России. Второй выпуск «Трудов» был разослан 63 обществам [2. С. 10].

Большая часть докладов, прочитанных на заседаниях общества, или их краткое изложение находили отражение в виде небольших заметок в периодических медицинских изданиях: «Русском враче», «Сибирских врачебных ведомостях», «Сибирской врачебной газете», «Хирургии», «Хирургическом архиве», «Педиатрии», «Обзрении психиатрии», «Archiv für klinische Chirurgie» [3. С. 150]. После 1912 г. издание «Протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии» было прекращено, краткие отчеты о деятельности общества публиковались лишь на страницах периодической печати.

Наиболее часто краткие выдержки из протоколов Общества практических врачей Томской губернии публиковались на страницах газеты «Сибирская жизнь» [4]. Кроме того, с 1913 г., когда перестали публиковаться «Протоколы и труды», члены общества смогли

организовать выпуск собственной еженедельной медицинской газеты «Сибирский врач» [5]. Однако это издание позиционировалось как медицинское издание Сибири, в котором имели возможность публиковаться все представители медицинских профессий, и непосредственно к деятельности общества оно не имело отношения [6. С. 3].

В период с 1902 по 1912 г. членами общества было сделано в общей сложности 149 докладов и сообщений, полный перечень которых содержится в «Протоколах и трудах Общества практических врачей Томской губернии», а также они нашли своё отражение в периодических изданиях [7. С. 11]. Ряд докладов сопровождался демонстрацией пациентов. Из этих 149 докладов 88 (59 %) приходилось на область практической медицины, 6 (4 %) – на теоретическую медицину и 55 (36 %) на санитарную, статистику, общественную медицину и бытовые вопросы [3. С. 149].

На основании «Протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии» можно реконструировать многоплановую деятельность членов общества по улучшению существующей в Томске системы здравоохранения. В первую очередь это касается отчетов по «ночным дежурствам» – жители Томска после окончания приема врачей в больнице приказа общественного призрения и клиниках при Императорском Томском университете имели возможность обратиться за медицинской помощью лишь непосредственно на дом к врачу, однако далеко не все горожане могли оплатить врачебные услуги. Помощь же дежурных врачей общества оказывалась преимущественно бесплатно (более половины случаев обращений) – плата не взималась с неимущих горожан. Комплексный анализ отчетов по ночным дежурствам и лаборатории общества позволяет составить представление о непосредственно врачебной деятельности общества.

Кроме того, ввиду принадлежности ряда членов общества к Императорскому Томскому университету, клиникам при нём, железнодорожной службе (медико-санитарное сопровождение переселенцев) и больнице приказа общественного призрения на основании их высказываний в протокольной части и ряда докладов может быть проведён сравнительный анализ условий и специфики труда.

Ожесточенные дискуссии, отраженные в «Протоколах и трудах» на протяжении всех выпусков об открытии собственной аптеки, амбулатории для дневного приема пациентов, издание сибирской ме-

дицинской газеты и организация общероссийских, сибирских или губернских съездов врачей позволяют реконструировать взаимоотношения общества как медицинской организации с администрацией Томской губернии и правительством Российской империи.

Однако, несмотря на значительный объём данных, которые могут быть получены из «Протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии», они всё же требуют обращения к ряду других источников того времени для верификации и валидации полученных данных при анализе системы здравоохранения Томска и Томской губернии начала XX в. Также стоит отметить, что часть информации о деятельности членов общества не сохранилась – ряд документов был утерян при неоднократных переездах из одного помещения в другое; некоторые, в том числе заполненные анкеты, посвященные изучению потенциальных климатолечебных и кумысолечебных мест Томской губернии, были утрачены в октябре 1905 г. [8. С. 12]. Часть документации общества была по тем или иным причинам утеряна в период Первой мировой и Гражданской войны. Часть информации, упоминания о которой можно найти в «Протоколах», вовсе не вошла непосредственно в протоколы – она содержится в личной переписке членов общества между собой или же с различными подразделениями государственных органов (городская дума, Сенат, приказ общественного призрения и т.д.).

Отказ от публикации протоколов и трудов Общества практических врачей Томской губернии с 1913 г. во многом объясняется постепенным угасанием интенсивности его деятельности. Во многом этому способствовала Первая мировая война и последовавшая за ней Гражданская война, в рамках которой было мобилизовано значительное количество практикующих на тот момент врачей. Тем не менее деятельность Общества практических врачей Томской губернии продолжалась: функционировали ночные дежурства, лаборатория и библиотека при обществе, но заседания стали проводиться реже, и их содержание прекратили фиксировать в бумажном виде. В 1917 г. члены Общества практических врачей Томской губернии, продолжившие свою врачебную деятельность в Томске, вошли в состав медицинской секции Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете, в рамках которого существовали вплоть до середины 1920-х гг.

Литература

1. Отчет, протокольные извлечения и труды Общества практических врачей Томской губернии за 1-й год его существования. – Томск: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1904. – 79 с.
2. Труды Общества практических врачей Томской губернии. – Вып. 2: 1904–1908 / под ред. В.В. Корелина. – Томск: Типография губернского управления, 1910. – 240 с.
3. *Некрылов С.А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период / С.А. Некрылов; науч. ред. С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 258 с.
4. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая выходит в г. Томске ежедневно, за исключением дней послепраздничных. – Томск, 1902.
5. Сибирский врач: газета научной и общественной медицины и врачебного быта. – Томск, 1917.
6. *Жилякова Н.В.* Медицинские издания города Томска конца XIX – начала XX века: типологический аспект // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2014. – № 3. – С. 90–102.
7. Труды Общества практических врачей Томской губернии. – Вып. 3: 1909–1910 / под ред. Г.Е. Сибирцева, Н.Г. Гинзберг. – Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. – С. 69, 87.
8. Протоколы и труды Общества практических врачей Томской губернии. – Вып. 4: 1911–1912 / под ред. Н.Г. Гинзберг. – Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. – С. 47, 89.

И.А. Дунбинский

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА В.М. ФЛОРИНСКОГО КАК УСТРОИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

***Аннотация.** На основании научно-исследовательской литературы, а также периодической печати исследуется трансформация образа В.М. Флоринского как устроителя Императорского Томского университета. Анализируются этапы изменения его образа, а также определяются и осмысляются причины, повлиявшие на оценку В.М. Флоринского в дореволюционной и советской историографии.*

Ключевые слова: историография, В.М. Флоринский, Императорский Томский университет, Сибирь, Томск.

Несмотря на то, что впервые о необходимости университета в Сибири заговорили еще в начале XIX в., практическая реализация университетской идеи началась лишь в середине 1870-х гг. Важную роль в создании первенца высшего образования в Сибири сыграл Василий Маркович Флоринский. Это проявилось как в выборе города в качестве университетского центра, так и в организации сооружения зданий для него, создании учебно-вспомогательных учреждений, написании устава и подборе профессорско-преподавательских кадров. Да и сам хозяйственный способ организации строительства университета, предложенный В.М. Флоринским, был для того времени уникален. Он позволил сэкономить для казны достаточно большие суммы денег. К этому надо добавить и то, что университет возводился в значительной степени на частные пожертвования, на

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-39-20008 мол а_вед «Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX–XX вв.»; гранта РФФИ, проект № 18-49-703004 «Университет и интеллектуальный капитал: исторический опыт и ответы на вызовы современности вузовского комплекса Томска в XX–XXI вв.».

эти же средства было приобретено первое оборудование для университетских учебно-вспомогательных учреждений. В организации пожертвований как на строительство, так и для укомплектования его кабинетов, музеев, библиотеки В. М. Флоринский принимал активное участие. Созидание же Сибирского университета в Томске было делом всей России.

Однако отношение к образу В.М. Флоринского на протяжении дальнейшей истории несколько раз претерпевало трансформации. Так, если при жизни В.М. Флоринского оценки его деятельности по организации и созданию Сибирского университета были в целом положительны, то после смерти деятельность В.М. Флоринского получила самую разную оценку – от сдержанно положительной вплоть до резко негативной.

Например, вскоре после открытия Томского университета в 1888 г. автор статьи в «Сибирском вестнике» писал: «Мы, современники <...> не в состоянии оценить тех жертв, той неусыпной энергии, с которыми почтенный радатель о просвещении Сибири почти полтора десятка лет шел неуклонно к достижению своей любимой, желанной цели. <...> Дело рук Василия Марковича – наш Томский университет – у всех на виду, но не все знают, каких трудов это дело ему стоило» [1. 1888. 18 сент.].

Высокую оценку вклада В.М. Флоринского в организацию и открытие Сибирского университета также давал первый его библиотекарь С.К. Кузнецов, который в своей статье «Томский Императорский университет. 1888–1898», несмотря на личную неприязнь к последнему, писал о значительном вкладе В.М. Флоринского в выбор университетского места, доработку проекта архитектора А.К. Бруни, организацию пожертвований для университета, а также в организацию строительства первого в Сибири общежития для студентов [2. С. 599–629].

Вскоре после отъезда В.М. Флоринского из Томска в сентябре 1898 г. ректор Томского университета А.И. Судаков, делая доклад на ежегодном университетском акте, совпавшем с открытием юридического факультета в составе университета, дал не только положительную характеристику В.М. Флоринскому, но и подчеркнул его важную роль в процессе устройства Сибирского университета [3. С. 3–23].

Однако после смерти В.М. Флоринского в 1899 г., несмотря на то, что он в течение 13 лет являлся попечителем Западно-

Сибирского учебного округа, лишь некоторые сибирские газеты того времени разместили на своих страницах некролог.

Так, журналист газеты «Сибирский вестник» писал о вкладе В.М. Флоринского в организацию строительства Императорского Томского университета следующее: «1 июля 1885 г. Василий Маркович назначен был попечителем Западно-Сибирского учебного округа. Вступив на этот высокий пост, он энергично подвинул дело постройки университетских зданий» [1. 1899. 13 янв.].

С другой стороны, ежедневная томская газета «Сибирская жизнь» вовсе проигнорировала смерть В.М. Флоринского, разместив на своих страницах лишь объявление о дате панихиды в университетской домово́й церкви [4. 1899. 12 янв.].

Подобное двойственное отношение к фигуре В.М. Флоринского нашло свое отражение и в последующих статьях о нем в дореволюционной историографии.

Так, в статье о В.М. Флоринском в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», в номере газеты «Сибирская жизнь», посвященном 25-летнему юбилею Императорского Томского университета, а также в брошюре ординарного профессора М.Ф. Попова, вышедшей в честь 25-летия университета, подчеркивалось, что В.М. Флоринский был «строителем и организатором Томского университета и что заслуги его в этом деле велики» [5. С. 169; 4. 1913. 22 окт.; 6. С. 3].

В 1917 г. увидел свет «Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913)». В нём отмечалась роль В.М. Флоринского в организации строительства зданий Императорского Томского университета, в устройстве библиотеки, создании Музея археологии и этнографии Сибири. Относительно, например, музея отмечалось: «Своим возникновением музей обязан всецело бывшему попечителю Флоринскому, большому любителю и ценителю древностей. Первый каталог, им составленный, на три четверти содержит примечания самого Флоринского, заключающий в себе сравнительную научную оценку предметов, замечаний и общие соображения по поводу различных древностей» [7. С. 263–264].

С другой стороны, сибирские областники отзывались о В.М. Флоринском весьма негативно. Так, Г.Н. Потанин, откликаясь на опубликованные уже после смерти воспоминания В.М. Флоринского, обвинил последнего в преувеличении своих заслуг в устрой-

стве университета. Особое неудовольствие идеолога областников вызвала характеристика Флоринским Н.М. Ядринцева [4. 1906. 29 окт.]. В 1907 г. тот же Г.Н. Потанин в работе «Областническая тенденция в Сибири» повторил эту же мысль: «В истории открытия сибирского университета Ядринцев сыграл значительную роль; Флоринский в своих воспоминаниях отрицает инициативу Ядринцева в этом деле и приписывает ее себе, но в кругу сибирских патриотов сохранилось совершенно противоположное предание. Так или иначе было дело, во всяком случае, вне сомнения, что Ядринцев был самым неутомимым популяризатором этой идеи в литературе и обществе» [8. С. 98].

В советский период авторы работ, посвящённых истории Томского государственного университета и развитию высшего образования в Сибири, нередко в своих исследованиях либо вовсе не упоминали В.М. Флоринского, либо давали ему крайне негативную характеристику.

Так, в вышедшей в 1923 г. книге Н.С. Юрцовского о развитии просвещения в Сибири, несмотря на то, что В.М. Флоринский упоминался в числе меценатов Сибирского университета, одновременно подчеркивался его консерватизм как представителя власти [9. С. 212].

В книге В.А. Манассеина, вышедшей в 1924 г., хотя и делается ссылка на речь В.М. Флоринского, произнесенную по случаю закладки Сибирского университета, но напрямую его фамилия не упоминается [10. С. 29]. В брошюре «Томский государственный университет. 50 лет со дня основания» имя В.М. Флоринского также предано забвению [11].

В юбилейных изданиях «Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955)» и «Томский университет. 1880–1980» авторы охарактеризовали В.М. Флоринского как «воинствующего монархиста», «властного, честолюбивого до мелочности человека», хотя в то же время и признавали его успешную деятельность при организации становления университета [12; 13. С. 14].

В 1960–1970-х гг. такие авторы, как Н.П. Федотов, Л. Шинкарев, Г.И. Мендрин, В.С. Синяев, затрагивая в своих работах историю организации Томского университета, также практически не упоминали или упоминали лишь в явно негативном контексте фамилию В.М. Флоринского [14–17].

Тем не менее некоторое переосмысление вклада роли В.М. Флоринского произошло в 1980-х гг. Так, в монографии М.Р. Филимонова раскрывается вклад В.М. Флоринского в формирование библиотечной коллекции Императорского Томского университета, а также отмечается, что сам В.М. Флоринский пожертвовал университету множество книг из собственной библиотеки [18. С. 16–17].

Таким образом, В.М. Флоринский является ярким примером такого типа исторических деятелей, которые после Октябрьской революции были преданы забвению либо подавались в резко негативном свете. Во многом этому способствовал тот факт, что, являясь попечителем Западно-Сибирского учебного округа, В.М. Флоринский неоднократно вступал в конфликты с профессорами и студентами, разделяющими либеральные и социалистические взгляды. Кроме того, многие его современники старались показать свою ключевую роль в организации университета, преуменьшив вклад В.М. Флоринского в этом процессе. Благодаря этому если при жизни В.М. Флоринского большинство современников позитивно оценивало его вклад в организацию Томского университета, то в дальнейшем его оценка становилась всё более негативной. Отметим, что коренной перелом в восприятии деятельности В.М. Флоринского произошел в 1990-е гг., когда традиции советской историографии были подвергнуты критике и переосмыслению.

Литература

1. Сибирский вестник политики литературы и общественной жизни. Выходит в Томске, еженедельно, по четвергам. – Томск, 1888, 1899.
2. Кузнецов С.К. Томский Императорский университет. 1888–1898 // Сибирский торгово-промышленный календарь за 1899 г. – Томск: Издание Ф.П. Романова в Томске, 1898. – С. 599–629.
3. Судаков А.И. Очерк истории развития и деятельности Императорского Томского университета за первое десятилетие его существования // Известия Императорского Томского университета. – 1899. – Кн. 15. – С. 3–23.
4. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая выходит в г. Томске ежедневно, за исключением дней послепраздничных. – Томск, 1899, 1906, 1913.
5. Флоринский В.М. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXXVI: Финляндия–Франкония. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1902. – С. 169.

6. *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913) ординарного профессора М.Ф. Попова: доложен в торжественном собрании Университета 22 октября 1913 года / М.Ф. Попов. – Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. – 29 с.

7. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). – Томск, 1917. – 544 с.

8. *Потанин Г.Н.* Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избранные статьи и биографический очерк. – Томск, 1915. – С. 86–113.

9. *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. – Вып. I: Общий ход развития школьного дела в Сибири (1703–1917). – Новониколаевск: Сиб. обл. изд-во, 1923. – 246 с.

10. *Манасеин В.А.* Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX ст. / В.А. Манасеин. – Иркутск, 1924. – 30 с.

11. *Зайченко П.А.* Томский государственный университет. 50 лет со дня основания / П.А. Зайченко, И.М. Мягков. – Томск, 1934. – 64 с.

12. *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / П.А. Зайченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. – 478 с.

13. Томский университет. 1880–1980: [очерк истории и деятельности] / под ред. М.Е. Плотниковой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 431 с.

14. *Федотов Н.П.* Томскому медицинскому институту 75 лет // Советское здравоохранение. – 1963. – № 9. – С. 70–76.

15. *Шинкарев Л.* Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Факты, размышления, прогнозы / Л. Шинкарев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – С. 363–370.

16. *Мендрин Г.И.* Томский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт. 1888–1976 / Г. И. Мендрин. – Томск, 1976. – С. 3–5.

17. *Синяев В.С.* Основание в Томске университета и технологического института // Томску – 375 лет: сб. статей. – Томск, 1979. – С. 79–88.

18. *Филимонов М.Р.* Книжная сокровищница Сибири: к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета / М.Р. Филимонов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 194 с.

А.В. Падалка

ЖЕНЩИНЫ ФЛОРЕНЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ГОРОДСКИХ ХРОНИК XIV в.

Аннотация. *Рассматривается вопрос о репрезентации женщин во флорентийских хрониках XIV в. В качестве источников использованы хроники Дино Компаньи и Джованни Виллани. Автор анализирует упоминания о положении флорентийских горожанок, а также изучает представления хронистов о женщинах в целом.*

Ключевые слова: *Флоренция, женщины, хроника, Дино Компаньи, Джованни Виллани.*

Как показывают материалы современных исследований, в том числе гендерных, в XIV в. положение женщин в пололанских семьях Флоренции стало более неопределенным. С одной стороны, они приобрели большее влияние за счет увеличения их роли в регулировании бытовой стороны семейной жизни и воспитании детей. С другой стороны, власть женщин оставалась почти исключительно номинальной. Сфера их деятельности была достаточно ограниченной и сводилась к организации повседневной жизни семьи. Дом стал одновременно центром реализации женщин и жестким ограничителем их свободы. Внутри дома они имели некоторые права, вне его их подстерегали опасности. Итак, одновременно с обретением влияния женщины потеряли часть свободы. Эти тенденции хорошо заметны при изучении городских источников XIV в. В данном случае рассмотрим тексты двух хроник: Дино Компаньи и Джованни Виллани.

Дино Компаньи в своей «Хронике событий, случившихся в его время» уделил некоторое внимание соотечественницам. Перечисляя достоинства родного города, он упомянул, что во Флоренции «жены очень красивы и нарядны» [1. С. 45]. Однако далее в тексте хроники женщины появлялись всего несколько раз. Первая из них – монна Альдруда (Гвальдрада) из рода Донати, предложившая Буондельмонте деи Буондельмонти свою дочь в жены и тем вызвавшая разрыв его помолвки, который повлек убийство молодого человека [Там же. С. 47–48]. Следует отметить, что Компаньи, подробно пе-

рассказывая диалог, не дал никаких оценок поведению этой любящей матери. Здесь отчетливо прослеживается пополанский менталитет хрониста: ответственность он возлагал на мужчину, а не на женщину. Поведение героя осуждалось не столько из-за легкомысленного отказа от первой невесты, сколько из-за оскорбления, которое Буондельмонте нанес ее семье; здесь Компаньи солидарен с Данте [2. С. 386]. В данном сюжете хронист практически не персонализировал женщин, акцентируя внимание на обстоятельствах убийства Буондельмонте.

Далее Компаньи сообщал о супруге некоего дворянина, тайно освободившей мужа из тюрьмы [1. С. 87]. В данном случае хронист продемонстрировал участие женщины в городской жизни через призму семейных связей. Действительно, иная политическая активность была почти недоступна женщинам. При этом жены и дочери изгнанников нередко были вынуждены покидать родную Флоренцию или вступать в монастыри [3. С. 146].

Компаньи проиллюстрировал роль женщины в городской политике сюжетом о втором браке Корсо Донати. Последний «...после смерти жены взял себе другую... Ее родня была против брака, ибо ожидала... наследства, но мать девушки, прельстившись качествами жениха, вопреки воле прочих решила с ним породниться» [1. С. 88]. Здесь, как и в рассказе о «кровавой свадьбе», женщина стала «двигателем» ситуации, приведшей к волнениям в городе, но ее поступку не дано никакой оценки, ответственность возложена на Донати и родственников невесты. Важно отметить, что обе упомянутые Компаньи матери действовали в специфической сфере заключения браков, что было достаточно не характерно для аристократической и пополанской части городского населения (где выбор супругов для детей был сферой ответственности отцов или других родственников мужского пола) [4. С. 32].

Наконец, во второй части своей хроники Компаньи упомянул, что представители победившей партии черных гвельфов «...девиц насильно брали замуж...» [1. С. 145]. По всей вероятности, этим выражением автор обозначил изнасилования. Ряд других упоминаний о погибших или пострадавших вследствие войн и городских междоусобиц женщинах демонстрирует, что даже знатные дамы не были защищены от произвола в подобных случаях.

Джованни Виллани начал свою хронику не с краткой справки о городе, как Компаньи, а с сотворения мира. В пересказах сюжетов

Ветхого Завета он вывел ряд исторических персоналий (Семирамида, Елена, Лукреция), не отличающихся от своих типичных изображений. Более интересны его портреты флорентиек, живших за несколько десятилетий до написания хроники. В оценках этих дам Виллани преимущественно позитивен. Его восхищали скромность и целомудрие женщин «старых времен». В рассказе о супруге графа Гвидо Старшего, жившей в первой половине XIII в., хронист отметил не только красоту и воспитание девушки, но и ее целомудрие [5. С. 129], а также подчеркнул, что удачное замужество было своеобразным «вознаграждением» ее добродетели.

В пространном рассказе о «старой» Флоренции автор восхвалял умеренность и чистоту нравов прошедшего времени, причем его описание почти дословно копировало аналогичный пассаж Данте в «Божественной комедии» [2. С. 379–380]. Данте явно идеализировал Флоренцию прошлого и с прискорбием наблюдал падение нравов в современном ему городе [6. С. 170]. Виллани дублировал в прозе сетования своего предшественника, повторяя в числе прочего жалобы на суммы приданных и тягу женщин к роскоши [5. С. 176].

С началом XIV в. в хронике исчезли портреты отдельных женщин. Если в первых книгах Виллани, повествуя о знатных родах, перечислял дам, принадлежащих к ним, то в последних частях он упоминал почти исключительно об абстрактных «женщинах» или «горожанках». Современницы хрониста не вызывали у него такого же одобрения, как жительницы «старой» Флоренции. Оценки Виллани намного категоричнее и негативнее комментариев Компаньи.

Несколько главок «Новой хроники...» посвящены тщеславию флорентийских женщин. Все роскошные женские уборы Виллани называл «неприличными и отвратительными... непристойными и противоестественными» [Там же. С. 303]. Он всячески приветствовал строгие запреты, введенные для ограничения роскоши женских нарядов, а послабления, сделанные в 1326 г. по просьбе супруги герцога Калабрии, расценивал не просто как дурной поступок, но как проявление слабости правителя: «неумеренные желания женщин берут верх над мужским здравомыслием» [Там же]. Следует отметить точность, с которой Виллани описал недозволенные наряды [Там же. С. 332]. Запрещены были не просто роскошные или дорогие уборы, но любые украшения. Это, вероятно, явилось следствием эволюции купеческого менталитета, склонного к оценке любого проявления тщеславия как наущения дьявола и вместе с тем источ-

ника расходов. «Этот запрет хвалили и одобряли все итальянцы, и женщинам, привыкшим к роскошным нарядам, пришлось вернуться к умеренности» [5. С. 333], – писал Виллани. Тем не менее на практике богатство нарядов практически не было урегулировано законами о роскоши, так как последние касались в первую очередь женщин, но не мужчин [7. Р. 153].

Виллани также упоминал, что именно женщины предавались чревоугодию на пирах, и им он вменял в вину необыкновенный размах свадебных торжеств [5. С. 332–333]. Вероятно, он, как и его младший соотечественник Джованни ди Паголо Морелли, осуждал это явление еще и потому, что такого рода развлечения склоняли женщин к суетности и могли нанести урон их репутации [8]. Купец Паоло да Чертальдо в своем моралистическом трактате «Книга о добрых нравах» присоединялся к этому осуждению, предполагая, что стремление к наслаждениям повлечет за собой худшие пороки [9. С. 355]. Таким образом, порицание излишеств, «общее место» пополанского менталитета накладывались у этих авторов на представление о женщине как о создании слабом и склонном к порокам, из-за чего на головы чревогодниц обрушивались куда более сильные выражения, чем на обжор мужского пола [10. Р. 66].

Вторая супруга Виллани, Мона деи Пацци, в 1327 г. нарушила закон о роскоши, однако заслужила прощение у герцога Калабрии, правителя Флоренции [11. С. 470–471]. Вполне вероятно, что, сокрушаясь о неумеренности женских желаний, Виллани выступил не столько в роли хрониста-морализатора, сколько в роли главы семейства, считающего своим долгом наставлять женщин и проявляющего недовольство в случае, когда последние «нарушают правила». В нем явно говорил также и купец, подсчитывающий убытки от женских трат.

В рассказе о «кровавой свадьбе Буондельмонте» у Виллани отчетливее, чем у Компаньи, прослеживался образ женщины как соблазнительницы, подчеркивалась слабость молодого Буондельмонте, бессильного перед дьявольскими кознями, выраженными через женскую лесть и девичью красоту [5. С. 129]. Если Компаньи был относительно нейтрален к матери из семейства Донати, то Виллани порекомендовал ей и ее дочери роль искусительниц, возложив на обеих женщин часть ответственности за последующие бедствия. Возможно, стремление обелить образ Буондельмонте было связано с тем,

что брат Виллани Маттео был женат на даме из рода Буондельмонти [12. С. 122].

Итак, городские хронисты нечасто упоминали о женщинах; их сферой интересов была жизнь города, и флорентийки в их трудах представляли именно как часть городского населения. И Компаньи, и Виллани выделяли некоторых женщин из общей массы горожанок Флоренции. Последние, как и их современницы из других итальянских городов, в представлении хронистов были легкомысленными и неумеренными в желаниях. У них имелась определенная, весьма ограниченная, власть над мужьями; им не была чужда политическая активность, проявлявшаяся, однако, в специфически феминной сфере (требования отмены законов о роскоши) или выражавшаяся через разделение судьбы родственников-мужчин. Следует заметить, что стремление флорентиек к частичной самостоятельности (например, включение в социальные отношения через выбор одежды и украшений) нередко вызывало неодобрение хронистов. В книгах Виллани также прослеживается мысль о превосходстве женщин «добрых старых времен» над его современницами, причем добродетели первых демонстрировались на единичных примерах, в то время как пороки последних приписывались горожанкам Флоренции в целом.

Литература

1. *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / пер. с итал., ст., примеч. М.А. Юсима. – М.: Реабилитация, 2015. – 304 с.
2. *Алигьери Д.* Божественная комедия / пер. с итал. и коммент. М.Л. Лозинского. – М.: Наука, 1967. – 628 с.
3. *Краснова И.А.* Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. – 31-й спец. вып.: Нормы и девиации в гендерной истории и историографии. – М.: Красандр, 2010. – С. 125–153.
4. *Антонетти П.* Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте (Живая история: Повседневная жизнь человечества) / пер. с фр. В.Д. Балакина. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 287 с.
5. *Виллани Д.* Новая хроника, или История Флоренции / пер. с итал. М.А. Юсима. – М.: Наука, 1997. – 551 с.
6. *Дмитриева М.И.* Между традицией и новациями: образ Флоренции в городской литературе Треченто // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 55. – С. 164–176.
7. *The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe* / ed. by J.M. Bennett, R.M. Karras. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 640 p.

8. *Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. – Firenze, 1956. – URL: <http://ww2.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000286/bibit000286.xml> (дата обращения: 11.08.2019).*

9. *Да Чертальядо П.* Книга о добрых нравах / пер. с итал., примеч. И.А. Красновой ; под ред. В.Г. Безрогова, Т.Н. Матулис // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. – М.: РОУ, 1996. – С. 321–370.

10. *Weddle S.* Women's Place in the Family and the Convent: A Reconsideration of Public and Private in Renaissance Florence // Journal of Architectural Education. – 2001. – Vol. 55, № 2: Gender and Architecture. – P. 64–72.

11. *Юсим М.А.* Джованни Виллани – первый историк Флоренции // Виллани Д. Новая хроника, или История Флоренции. – М.: Наука, 1997. – С. 467–481.

12. *Краснова И.А.* Флорентийское общество во второй половине XIII – XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 494 с.

Е.В. Ануфриева, Н.В. Дулина

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ ИСТОРИЙ СОВРЕМЕННОКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)¹

Аннотация. *В основе статьи лежат материалы устных историй современников Великой Отечественной войны, рассказанных ими во время проведенных нами интервью. Информантами (собеседниками) оказались люди, пережившие войну и сохранившие память об этом событии, согласившиеся поделиться своими воспоминаниями. Военная повседневность предстала иной, по сравнению с тем, что уже известно о жизни населения СССР в период войны. Мужчины и женщины по-иному рассказывают об известных событиях, что позволяет констатировать существенные гендерные особенности военных нарративов.*

Ключевые слова: *гендер, гендерный подход, военная повседневность, устная история, Великая Отечественная война.*

История повседневности, в том числе и военной повседневности, часто оказывается в центре внимания исследователей (см., напр., [1–3] и др.).

В научных исследованиях повседневность понимается как установка сознания на принятие действительности как данности; <...> практический характер повседневной деятельности, конкретность и прагматизм целей, которые ставит и решает «повседневный деятель». Повседневная реальность подчинена привычному порядку повторяющихся изо дня в день событий [4. С. 69]. Именно эта привычность, составляющая ткань нашей жизни, и ускользает, как правило, из памяти. Потенциал устной истории как метода проведения исследования в данном случае представляется вполне оправданным. Говоря о методологическом значении устной истории для социогуманитарных наук, исследователи отмечают, что она дает информацию, которая почти не фиксируется официальными документами и

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту МОН РК на тему: «Фронт / тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана и России».

которая служит источником для целого ряда наук, при этом обращая внимание, что источники устной истории как сформировавшегося нового направления исследований – oral history – еще находятся на стадии освоения [5. С. 4–5].

Л.П. Репина подчеркивает: «...индивидуальные воспоминания представляют собой смесь персонального и социального. Сама по себе память субъективна, но одновременно она структурирована языком, образованием, коллективно разделяемыми идеями и опытом, что делает индивидуальную память также социальной. Воспоминания социальны и в том, что они касаются социальных взаимоотношений и ситуаций, пережитых индивидом совместно с другими людьми. Эти воспоминания, в состав которых входят одновременно и персональная идентичность, и ткань окружающего общества, являются, по существу, средством воспроизводства социальных связей» [6. С. 431–432]. Субъективный характер памяти отмечен и А. Ассман: «...индивидуальные и коллективные воспоминания осуществляются определенным субъектом, усиливая его самосознание» [7].

Немаловажным представляется тот факт, что исследователи, работая с полученными методом устной истории данными, обращают внимание на гендерные особенности устной истории, говоря о том, как происходит обмен информацией во время беседы, на какие события обращают внимание мужчины и женщины, говоря, в частности, о том, что «устная история и ее гендерный аспект оставляют в стороне требования статистики и принцип массовости» [8. С. 90].

Вряд ли стоит особо доказывать, что информация, содержащаяся в памяти людей и передающаяся в устной форме, коренным образом отличается от той информации, которая обычно фиксируется в письменных источниках. Мы опросили в Волгограде и Волгоградской области, Ставропольском крае, Архангельской области, на Сахалине и в других регионах России в 2019 г. 76 респондентов, современников событий Великой Отечественной войны, которым сейчас от 75 до 94 лет, проживающих и в городе, и селе. Один из блогов гайда интервью был посвящен повседневному быту людей.

Как уже было упомянуто выше, нашими собеседниками были пожилые люди, поэтому довольно часто они давали ответы на вопросы, которые мы еще не успели задать, опережая ход интервью, а

мы оказывались в ситуации, описанной Р. Грилом в работе об интерпретации устно-исторического интервью [9. С. 304].

Данные, полученные нами в результате интервьюирования современников Великой Отечественной войны, можно классифицировать следующим образом: интервью, взятые у а) ветеранов войны – непосредственных участников военных действий (7 человек), б) труженников тыла (6 человек), в) детей войны (63 человека).

Обратим внимание на тот факт, согласившись на проведение интервью, его участники очень по-разному отвечали на вопросы. Одни с явной болью и переживаниями, которые всколыхнул рассказ о прошлом. Другие, особенно ветераны, часто встречающиеся со школьниками, много раз повторенными словами давали практически «шаблонные» ответы на вопросы. Кто-то из-за плохого слуха отвечал сам себе на вопрос, который для него более важен. А кто-то с явной обидой на то, в каком положении он сейчас находится (одиночество, маленькая пенсия, равнодушное отношение окружающих, за исключением 9 Мая). Иначе говоря, социальный контекст был еще одним (невидимым), но полноправным участником интервью.

Пронзительны по своей эмоциональности воспоминания детей военного времени, когда на вопрос о запахе детства собеседница отвечает: «Запах горелого мяса. Поэтому мясо я редко жарю, шашлыки не люблю» и в продолжение, отвечая на вопрос: «Много ли застывших перед глазами картин осталось?», в ответ услышали: «Да. Первая – горящий дом, вторая – горящая Волга» (ж., 84 года). Другой современник войны вспоминает о ней так: «Особо мне запомнилось время, когда немцы разбомбили такие огромные танкеры, емкости с нефтью, стоящие над Волгой. Нефть потекла, плыла по воде и горела. Зарево *(было)* от нефти ночью. Мы жили на расстоянии 20 км *(от Сталинграда)* и был виден свет от огня. Запомнилось и такое – я сам наблюдал немецкие самолеты, большой группой летели через пойму *(Волго-Ахтубинскую)*. Я услышал взрослый разговор: “Полетели бомбить ленинскую железнодорожную станцию”. Видел, как однажды сбили самолет *(немецкий)* из зенитного орудия, он загорелся, и все наблюдали немецкого летчика, спускающегося на парашюте. Интересно было то, что все женщины похватили, кто вилы, кто мотыгу, кто лопату. Поймали тут же летчика, подоспели военнослужащие – забрали его в плен» (м., 85 лет). Это воспоминания людей, оказавшихся в Сталинграде в дни Сталинградской битвы. А вот что рассказала собеседница, во время войны находившаяся

в Брянской области, на вопрос «Что Вы помните о войне?»: «О войне я помню: в 1942 году в наш поселок пришли немцы. Поселок наш находится среди лесов, это называется брянские леса, и за эти годы, что шла война, там, недалеко от нашего поселка, партизаны устроили свою базу. И за то, что партизаны приходили и жители им помогали, чем могли, немцы эвакуировали всех жителей. Некоторых расстреляли. <...> А детских каких-то воспоминаний о том времени: помню лишь, что всегда хотелось есть, что мы были голодные часто» (ж., 80 лет).

Вопрос об участии женщин в войне все чаще оказывается в центре внимания исследователей (см., напр., [10, 11]). В нашем исследовании гендерный аспект проводимых интервью был представлен вопросами о женщинах, их работе в тылу и на фронте. Один из ветеранов войны признался: «Женщины одни и работали [в колхозе]... У меня на учете 30 женщин было... одна наша поселковая, сделала такой подвох, переделалась в форму немецкую, получилось много немцев перебить так, вот благодаря ней так победили. Женщин с винтовкой почти не было. Вот та была с пулеметом» (м., 95 лет). Другой ветеран рассказывает: «Женщины воевали наравне с мужчинами. Брат мой... работал начальником банно-прачечного отряда, стирка-мойка. У него одни женщины были. Стирала, мыли и так далее, на армию работали просто, там гимнастерки, прочая стирка... Бинты стирали. Да. Это страшно» (м., 92 года). И словно крик души сквозь годы: «Вот я учился в сельскохозяйственной технике, на практике были женщины в основном. Сколько они зерна этой лопатой перелопатили. Это сейчас есть техника, а тогда лопатой [работали], у женщин были семьи, они оставляли своих детей, с утра до вечера работали там. Я видел, как на заводах, в городе Чапаевске, я был как раз во время войны в этом городе, там производились снаряды, патроны, ящики для снарядов и патронов. И там работали девчонки, можно сказать, 13–14 лет, у станков, даже спали там» (м., 94 года).

Справедливости ради заметим, что были интервью, в которых роль женщин во время войны сведена к минимуму. Но такие интервью скорее исключение, чем правило.

Воспоминания женщин – тружениц тыла – сплошная боль и кровь выживания, вот некоторые из них: «Работала в колхозе, успевала и огород (свой) сажала. Как его сажать? <...> Ночью – луна (светит), вот как сейчас помню: небо светлое-светлое и я с работы

приходила копала огород лопатой, трудно было, не только я, а весь хутор так работал, много работал, много дел было» (ж., 93 года); «Поначалу (*начало Сталинградской битвы*) я солдат просто на лодке перевозила. Бывало, плыву, а сверху с самолета немцы стреляют. Прикрываться нечем. А я чашку на голову одеваю, а пули по ней – бум-бум-бум, только и слышно. А потом раненых в госпиталь отвозили, в Сарепту, и я их там перевязывала. Лекарств не было. Раны обрабатывали хиною. Сначала я в обморок падала: они там все были в крови, у кого рук, у кого ног не было. Ужас!» (ж., 94 года).

Завершая представление отдельных интервью, можно сказать, что женщины во время войны сами для себя, да и в глазах мужчин, открыли в себе новые качества и новые силы, позволившие выжить, детей и стариков сохранить, преодолеть «ужас» военного времени, открыв для себя иную повседневность. А было им тогда всего ничего: 15–17 лет.

Литература

1. *Козлов Н.Д.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 2, т. 4. – С. 93–110.

2. *Гугова М.Х., Текуева М.А.* Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра. – 2012. – № 46. – С. 77–81.

3. *Матюшевская М.И.* Повседневная жизнь советских людей в годы Великой Отечественной войны: методология изучения и источники на примере трудов современных белорусских историков / М.И. Матюшевская // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): матер. междунар науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 55–59.

4. *Малова Е.Ю.* Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 7. – С. 68–71.

5. Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. статей / отв. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – 238 с.

6. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

7. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9637770.

8. *Окладникова Е.А.* В.Д. Запорожская – ученый-сибиревед: гендерный аспект личной истории // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 3. – С. 80–92.

9. *Грил Р.* Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью // Хрестоматия по устной истории / пред., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2009. – С. 296–321.

10. *Заверишинская Н.А.* Тематизация памяти о «женщине на войне» в современных деконструкциях событий Второй мировой войны // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 82–98.

11. *Лоскутова М.В.* Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 56 с.

А.А. Савчук

PORN STUDIES И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ПОРНОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Дан краткий обзор одного из наиболее спорных полей гуманитарных наук – *porn studies*, его проблемных полей, а также описаны сложности, с которыми сталкиваются исследователи при формировании терминологического аппарата *porn studies* (языка порнографии) и публичном обсуждении результатов своего исследования.

Ключевые слова: история, порнография, феминизм, невербальная коммуникация, порнокультура.

Проблема построения равноправных – в том числе и сексуальных – отношений между полами волновала как коммунистов в СССР, так и феминисток всех волн в Европе и США. С конца XIX в. по всему миру были приняты законы, наделяющие женщин равными с мужчинами избирательными, имущественными и законодательными правами, однако, как утверждала Андреа Дворкин, «в привычной ежедневной жизни женщины в определенном смысле насильно и тесно встроены в общество, в котором женские сексуальные и репродуктивные возможности контролируют мужчины» [1]. Вторая волна феминизма снимает табу молчания с порнографии, а в ходе третьей и четвертой волн она попадает в исследовательский фокус, с одной стороны, как нечто аморальное, утверждающее контроль мужчин над женскими телами, а с другой – как позитивная практика, позволяющая партнерам достичь сексуальной гармонии.

Формирование научного языка исследования порнографии исторически связано, на наш взгляд, с тремя группами причин: изменением правового и экономического статуса женщин в большинстве стран в сторону субъектности, перераспределением волн траффинга в Азию и Восточную Европу, появлением сначала видеоманитофонов, а потом и сети Интернет, повлиявшим на возможность распространения порно. При этом первая группа причин входит в прямой конфликт с двумя другими. Как справедливо заметил Брайан МакНейр, «как минимум семь тысячелетий практически во всех мировых цивилизациях секс и контроль за ним (кто, каким образом и с

кем им занимается) остается основой возглавляемых мужчинами систем социальной стратификации, в которых женщины... притесняются и преследуются» [2. С. 16].

Переход порнографических изображений от единичных к массовым связан с появлением фотографий и почтовых открыток. Данные изображения относились к эстетизированной эротике или тому, что сейчас называют софткор порно. Особенностью невербального языка таких открыток было представление красоты женского тела и эротического, эстетического взаимодействия между полами. Ситуация меняется во второй половине 1950-х гг., когда начинают набирать обороты движение хиппи с его лозунгом «make love not war», сексуальная революция и вторая волна феминизма. Свободный секс становится условием освобождения не только женщин, но человечества в целом – от двойной морали, ханжества и пуританства. Порнографические материалы начинают распространяться через специальные журналы, например «Playboy» Хью Хефнера (с 1953 г.), но невербальный язык порнографии постепенно смещается от эстетики сексуальных отношений и женского тела к подчинению мужским желаниям. Появление в 1970-е гг. журнала «Hustler» Ларри Флинта и хардкор порно окончательно перемещает порнографию в разряд хорошо продаваемого товара. Широкое распространение печатной продукции и появление видеомагнитофонов позволило сделать производство порно действительно массовым, а стремление мужчин удержать контроль за экономической, психологической и репродуктивной свободой женщин предоставило порномагнатам обширную клиентуру. Фильмы для взрослых – «За зеленой дверью», «Дьявол в мисс Джонс», «Алиса в стране чудес» – начинают показывать в кино, что переводит эотику и порнографию из категории аморального в разряд нормы. На порнографическую продукцию появился спрос, заговорили об обучающей функции порно. В 1988 г. производство порнографии было легализовано в Калифорнии, США, новый закон определял порнографию как форму свободы слова и самовыражения. Порнобизнес стал приносить сверхприбыли, по самым скромным подсчетам (доходность от продажи порно по-прежнему является полужагоальной), в 2015 г. годовой оборот в порнобизнесе составил 15 млрд долл. [3]. Апофеозом развития порнографии стало появление в 1990–2010-е гг. гонзо порно, распространение хентай порнографии и порноматериалов, связанных с уголовно наказуемой деятельностью: детской порнографии, видео реальных изнасилова-

ний и др. Если раньше подобные материалы было сложно найти, то сейчас, благодаря массовому распространению порно в сети Интернет, жесткое порно становится чуть ли не единственной доступной формой порнографии, формируя у подростков шаблон сексуального поведения. «Хотя я изучаю порноиндустрию более 20 лет, ничто не готовило меня к тому, как быстро хардкорное, жесткое порно начнет доминировать в Интернете», – пишет Гейл Дайнс [4]. Четвертая волна феминизма, начавшаяся в 1990-е гг., развернула активную борьбу с порнографией как с явлением, дискриминирующим женщин, вовлекающим их фактически в проституцию через экономическое или физическое принуждение к съемкам в порно, особенно для жертв траффинга.

Порнография попадает в исследовательский фокус западной гуманитаристики в 1980–1990-е гг. (в России первые переводы статей зарубежных исследователей и отечественные работы появились в журнале «Логос» в 2012 г.). В зависимости от своей научной области ученые концентрировались на разных аспектах изучения порнографии, постепенно накопление гуманитарного знания о порнографии привело к появлению на Западе нового исследовательского поля – *porn studies*. Результаты исследований публикуются в одноименном журнале, однако само исследовательское поле до сих пор является спорным. Линда Уильямс пишет о том, что главными проблемами *porn studies* являются отсутствие качественных и нейтральных исследований и архива материалов, что осложняет работу историков, а также сложности в формировании метаязыка исследований [5]. Помимо жанровых терминов (порнография, порно, порнуха), на которых фокусируются Дайнс и Уильямс, употребление которых и вызывает основное возмущение научного сообщества, в исследовательском поле *porn studies* оказываются такие философские категории, как аморальность и имморальность, вводимые исследователями в контексте связи секса и насилия в культовом кино [6]. Также *porn studies* используют методы из других наук – количественный анализ (регрессионный, статистический, вариативный и кластерный анализы) и текстовый анализ, который делится на *идеологический* (когда в тексте и / или видео ищут «идеологии» – расизм, патриархат, гетеронормативность и т.д.), *постструктуральный* (когда исследуются значения и образы, создающиеся текстом и / или видео в сознании потребителей), *оценочный* (когда оцениваются художественная кра-

сота и привлекательность текста / фильма) и *экзегетический*, или истолковательный (когда писатель объясняет свой замысел) [7].

Тем не менее среди исследователей не прекращаются споры о терминологии и понимании того, какую роль играет порнография в современном обществе. Соблюдение принципов объективности и историзма приводит исследователей к неизбежному конфликту с противниками порнографии, в первую очередь религиозными и феминистскими активистами. Само обозначение исследовательского поля как «исследование порно» маргинализирует исследователя. «Изначальная трудность при анализе порно заключается уже в привлечении наглядного материала. Ведь даже ссылки на конкретные источники могут быть рассмотрены как пропаганда порнографии, а то и проявление морального нездоровья исследователя, свидетельство его личной развращенности и т.д. Поэтому независимо от степени наличия у каждого из нас соответствующих качеств мы скорее воздержимся от изучения этого амбивалентного явления, особенно в институциональной и академической среде», – пишет Игорь Чубаров [8].

Несмотря на споры вокруг *porn studies* и их маргинализацию, данное направление кажется нам весьма необходимым в научном поле. Широкое распространение порнографии и появление все более жестких ее жанров трансформируют отношение к сексу, в том числе и коммерческому. По мнению ряда исследователей, порнография влияет не только на взаимоотношения между мужчиной и женщиной, но и на такие криминальные вещи, как проституция, траффинг и принуждение к съемкам в порно, в том числе и детей. Отсутствие четких научно закреплённых дефиниций между порно и искусством дает весомый аргумент защитникам тех преступников, кто хранил, смотрел и распространял детское порно или снимал его. В перспективе исследовательское поле *porn studies* может дать психологам, социологам и правоохранительным органам четкий инструмент для противодействия вышеописанным криминальным явлениям.

Литература

1. Дворкин А., МакКиннон К.Э. Порнография и гражданские права. – Доступ из URL: [https:// ru.bookmate.com/ books/Xa92ZCoK](https://ru.bookmate.com/books/Xa92ZCoK) (дата обращения: 15.08.2019).
2. МакНейр Б. Стриптиз-культура. Секс, медиа и демократизация желаний / Б. МакНейр. – Москва: АСТ; Екатеринбург: У-фактория, 2002. – 455 с. ISBN 978-5-9713-7254-7

3. *Жданов С.* Порноэкономика: сколько денег делает порноиндустрия, кто главный порномагнат и почему мужчинам в XXX-фильмах так мало платят / С. Жданов. – Доступ из URL: <https://knife.media/economics-of-porn/> (дата обращения: 15.08.2019).
4. *Dines G.* Pornland: How porn has hijacked our sexuality / G. Dines. – URL: https://www.academia.edu/31540072/DINES_G._Pornland.pdf (дата обращения: 15.08.2019).
5. *Уильямс Л.* Порнография, порнуха и порно: мысли о поле, заросшем сорняками / Л. Уильямс. – Доступ из URL: http://www.logosjournal.ru/arch/62/art_98.pdf (дата обращения: 19.09.2019).
6. *Матис Э.* Культовое кино и сексуальное насилие / Э. Матис. – Доступ из URL: http://www.logosjournal.ru/arch/62/art_92.pdf (дата обращения: 19.09.2019).
7. *McKee A.* Humanities and scientific research methods in porn studies / Alan McKee. – URL: https://www.academia.edu/12804895/Humanities_and_social_scientific_research_methods_in_porn_studies (дата обращения: 19.09.2019).
8. *Чубаров И.* Порно как искусство насилия / И. Чубаров. – Доступ из URL: http://www.logosjournal.ru/arch/62/art_91.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

А.В. Корневский

**«ТРЕТИЙ РИМ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В., ИЛИ БЫЛ ЛИ
ФИЛОФЕЙ «ПРОВИНЦИАЛОМ»?**

Аннотация. *Пolemика о происхождении, смысле и значении теории «Москва – Третий Рим» относится к той категории вечных вялотекущих споров, которые периодически – либо после публикации значительных научных трудов, либо (что чаще) под воздействием политической конъюнктуры – привлекают пристальное внимание научного цеха, а затем вновь оказываются на обочине историографического процесса.*

Ключевые слова: *Российское государство, Третий Рим, Филофей, Макарий.*

На тему «Москва – Третий Рим» время от времени появляются статьи, но все они, как правило, написаны *à propos*, и мнений в них высказывается значительно больше, чем аргументов. Одним из таких вопросов, по которому многие высказывались, но внятного ответа так и не дали, является явное, если не демонстративное невнимание властей к теории «Третьего Рима» в течение первых шести с половиной десятилетий ее существования. В самом деле, вплоть до конца 80-х гг. XVI в. государство, прилагая титанические усилия к созиданию новой исторической памяти, черпало вдохновение в идеях Спиридона-Саввы, Иосифа Волоцкого, митрополита Макария и многих иных мыслителей, но оставалось совершенно глухо к воззрениям старца Филофея. Историки, философы и богословы, склонные видеть в идее «Третьего Рима» некую ключевую метафору русской истории, универсальный ключ ко всем пресловутым загадкам русской души, культуры, политики etc, сей факт не очень афишируют. Их оппоненты, не считающие данную теорию «визитной карточкой русского Средневековья» [1. С. 10], наоборот, подчеркивают его значение для обоснования своих взглядов. При этом маргинальность теории «Третьего Рима» в русском интеллектуальном ландшафте XVI в. напрямую увязывается с маргинальной – и в мировоззренческом, и в географическом смысле – позицией ее автора. Так, М. По, не видящий какой-либо закономерности в зарождении идеи

«Москва – Третий Рим» и не считающий ее «осевым моментом» русской истории, подчеркивает случайный характер появления теории (по ходу антиастрологической полемики с Николаем Булевым) и ситуативность применения автором данного концепта – всего лишь «в качестве приема, который можно использовать в экклезиастическом дискурсе» [2. С. 70]. П. Бушкович выражается еще резче, называя теорию Филофея «апокалиптическим бредом маргинального провинциального монаха» [3. С. 115]. А.С. Усачев также придерживается мнения о «периферийности теории “Москва – Третий Рим” для русских мыслителей эпохи Средневековья» [4. С. 76]. Подчеркивая факт полного отсутствия упоминаний о «Третьем Риме» в официальных документах и программных идеологических текстах, санкционированных властью в годы правления Василия III и Ивана Грозного, он задает почти риторический вопрос: «Чем обусловлен этот казус: преувеличением значения данной мифологемы для Московской Руси XVI в. мыслителями Нового и новейшего времени или тем, что “Третий Рим” в текстах этого столетия столь искусно укрыт от глаз непосвященных, что при беглом взгляде на них его обнаружить не удастся?» [Там же. С. 69–70].

Однако несмотря на интригующий тон данного суждения, итоговый вывод автора вполне однозначен: теория «Третьего Рима» занимала в книжности XVI в. «периферийное» положение, что объясняется двумя обстоятельствами: «Во-первых, псковский инок был лишь одним из целого ряда писателей, так или иначе оказывавших влияние на формирование идеологии Московского царства. Во-вторых, свою роль, очевидно, сыграл и “провинциальный” статус Филофея, не входившего в круг книжников, группировавшихся вокруг московских митрополитов, с которыми было связано происхождение ключевых памятников этого времени – Никоновской летописи, Чина венчания, Степенной книги. Это и определило маргинальный статус данной мифологемы, которая в крупнейших памятниках историко-политической мысли этой поры не фиксируется» [Там же. С. 83–84].

И тем не менее, быть может, авторская ирония, сквозящая в суждении об идее Филофея, «искусно укрытой от глаз непосвященных» в текстах XVI в., не столь уж и оправданна? По крайней мере, подобные догадки приходили в голову многим отнюдь не третьеразрядным историкам русской религиозно-политической мысли. О конгенитальности теории «Третьего Рима» и доктринальных положений

Стоглавого собора писал прот. Г. Флоровский. Апокалиптический дух старообрядчества он объяснял осуждением на соборе 1666–1667 гг. Стоглавого собора и митрополита Макария, что было воспринято защитниками старины как конец Третьего Рима [5. С. 66–69].

А.Л. Гольдберг в своих текстологических исследованиях сочинений о «Москве – Третьем Риме» пошел еще дальше. Их созвучие с идейной направленностью Стоглавого собора и воззрениями самого митрополита Макария он считал столь значительным, что приписал авторство «Послания о крестном знамении» (великому князю Василию Ивановичу) и «Сочинения об обидах церкви» (Послания царю Ивану Васильевичу) некоему книжнику из окружения митрополита Макария. И это при том, что теория «Москва – Третий Рим» ни единым словом не упомянута в актах собора. Включение филофеевского «Послания на звездочетцев и латин» (М.Г. Мисюрю-Мунехину) в Успенский (1552 г.) и Царский (1554 г.) списки Великих Четых Миней А.Л. Гольдберг также считал свидетельством того, что «идеи, изложенные Филофеем, привлекли внимание иерархов Московской Руси» [6. С. 75].

Н.В. Сеницына, в целом принявшая гипотезу А.Л. Гольдберга, отметила, что коль скоро «Послание о крестном знамении», посвященное, среди прочего, проблеме «вдовства» епархий, написано между 1524 и 1526 гг. (позже написания «Послания на звездочетцев и латин», но до назначения Макария на «вдовствующую» Новгородскую архиепископию), то оно могло быть завуалированным прошением об этом назначении. Более того: «Если это так, то можно предполагать, что сочинение создано в кругу будущего архиепископа, затем митрополита Макария» [7. С. 270].

В то же время Н.В. Сеницына сочла доводы А.Л. Гольдберга в пользу непричастности Филофея к написанию данного послания уязвимыми, поскольку значительное число параллелей между данным произведением и различными текстами Филофея, в том числе и не входящими в цикл произведений о Третьем Риме, дает больше оснований считать их автоцитатами, нежели заимствованиями [Там же. С. 172, 176]. Но если это так и автор «Послания о крестном знамении» все-таки Филофей, то, следовательно, есть все основания причислить его к «кругу Макария»?

На подобные же выводы наталкивает и предложенная М. Флайером трактовка ритуала «шествия на осяти», введенного в москов-

ский придворный церемониал митрополитом Макарием не позже 1558 г. В датируемом этим годом описании ритуала, сделанном одним из представителей английского посольства Дженкинсона, отмечается, что царь ведет за поводья лошадь, «загримированную» под ослицу, на которой восседает митрополит [8. Р. 138–139]. Следовательно, монарх предстает «брододержателем» церкви, как назван царь в посланиях о Третьем Риме [9. С. 218, 238, примеч. 58], и церемонию «шествия на осляти» можно рассматривать в качестве своеобразной иллюстрации теории Филофея.

Итак, попытаемся проверить эти гипотезы путем сопоставления биографических сведений о митрополите Макарии и старце псковского Елеазарова монастыря Филофее, выяснив, в каких точках во времени и пространстве могли пересечься жизненные пути двух этих выдающихся деятелей Русской церкви XVI столетия.

Переломным моментом в биографии будущего митрополита Московского и всея Руси Макария были 20-е гг. XVI в. В начале этого десятилетия он становится заметной фигурой среди братии Пафнутьево-Боровской обители, и уже в феврале 1523 г. митрополит Даниил поставил Макария в архимандриты Лужецкого монастыря. Примерно в это же время разворачивается известная нам по историческим источникам деятельность Филофея. 1521-м годом датируется самое раннее из дошедших до нас посланий старца, адресованных псковскому великокняжескому дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину «По случаю мирового поветрия». В нем Филофей ополчается против мер, предпринятых Мисюрем против распространения вспыхнувшей в Пскове эпидемии. Исходя из традиционной христианской трактовки эпидемий и других бедствий как божьей кары, Филофей считал любые меры борьбы с ними не только тщетными, но и греховными. Особенно же негодовал старец против карантинного режима, установленного Мунехиным, в соответствии с которым предписывалось запира́ть дома больных и не допускать к ним священников. Следом за первым посланием Филофей отправил Мунехину второе – «На противящихся божьей воле», в котором почти дословно повторил свои требования.

И характер затронутых проблем, и сам тон посланий говорит о том, что их автор являлся лицом, влиятельным в церковной среде Пскова, и прекрасно осознавал степень своего влияния. Уже это заставляет усомниться в том, что Филофей был простым иноком. К тому же, как справедливо заметил еще один из первых биографов

псковского старца В. Малинин, устав Елезарова монастыря не допускал письменных сношений монахов с властями через голову игумена [10. С. 38].

Но еще более весомым аргументом в пользу того, что Филофей был настоятелем Елезарова монастыря, В. Малинин считал упоминание в Житии Евфросина (основателя обители) об игумене Филофее, при котором постригся разбойник Василий Тесные Очи [Там же. С. 33]. Данное событие в тексте не датировано, однако анализ следующего сюжета жития – о чуде исцеления некоего Иуды – позволяет утверждать, что речь идет именно о том времени, на которое приходится литературная деятельность автора теории «Москва – Третий Рим».

Этот вывод основан на следующих умозаключениях. В рассказе об исцелении Иуды игуменом назван уже не Филофей, а Нил (т.е. смена настоятелей произошла в промежутке между двумя указанными событиями), при этом отмечается, что чудо произошло в великое княжение Ивана Васильевича (а значит, не ранее 1533 г.) и при архиепископе новгородском Макарии (т.е. до марта 1542 г., когда тот был возведен на Московскую митрополию). Из этого вытекает, что Филофей мог быть игуменом до 30-х или даже до начала 40-х гг. XVI в.

Именно на эти годы приходится появление двух самых известных произведений о Третьем Риме – «На звездочетцев и латин» и «О крестном знамении». Верхней хронологической границей (*terminus ante quem*) для первого является февраль 1524 г., поскольку поводом к его написанию стало присланное Мисюрем «Написание» придворного медика Николая Булева с предсказанием в указанное время нового всемирного потопа. Естественно, что появление полемического послания, направленного против данных астрологических выкладок, просто не имело бы смысла по истечении февраля 1524 г., когда оно было бы опровергнуто самим течением времени. Второе послание, как уже было сказано ранее, датируется промежутком между появлением первого произведения (поскольку характер изложения идеи Третьего Рима в нем явно вторичен по отношению к «Посланию на звездочетцев») и 1526 г., когда было удовлетворено одно из главных требований, содержащихся в данном тексте, – устранение «вдовства» Новгородской епархии.

Если принадлежность Филофею первого послания никем не оспаривается, то в отношении второго, как уже отмечалось ранее,

сложилась достаточно противоречивая ситуация. А.Л. Голдберг опроверг авторство Филофея на том основании, что самые ранние его списки дошли до нас без упоминаний имени старца, а его содержание не только вторично по отношению к «Посланию на звездочетцев», но и содержит значительные композиционные, стилистические и смысловые отличия. Частично с этими выводами согласилась Н.В. Сеницына. Также она согласилась, что тема «вдовства» церковных кафедр, затрагиваемая в послании, подразумевает вакантность Новгородской архиепископии и поэтому может рассматриваться в качестве датирующего признака, а само послание – в «качестве прошения об этом назначении». В этом случае, как считает Н.В. Сеницына, «можно полагать, что сочинение создано в кругу будущего архиепископа, а затем митрополита Макария» [7. С. 270].

<i>Многосложный свиток</i>	<i>Послание о крестном знаменнии</i>	<i>Послание по случаю морового поветрия</i>	<i>Послание на противящихся Божьей воле</i>
		Бесмертнаго Бога силою и величеством и святяги живоначалныя Троица волею	Безсмертнаго Бога силою и живоначалныя Троица волею и величеством
Иже от вышня десница Божия всемогущия	Иже от вышня и от всемогущия вся содержаща десница Божия	И от вышня десница Божия всемогущия	От вышня десница Божия всемогущия
Вышняго Царя царем и Господа господом		Вышняго Царя царем и Господа господем	Вышняго Царя царем и Господа господом
Им же цари царствуют и силнии держат землю	Им же царие царствуют	Им же царие царствуют и господие господствуют,	Им же царие царствуют и держат землю
Им же велиции величаются и могущии пишут правду [11]	Им же велиции величаются и силнии пишут правду [10. Приложения. С. 49]	И им же велиции величаются и силнии пишут правду [10. С. 26]	И им же велиции величаются и силнии пишут правду [10. С. 26]

В то же время она отметила, что в пользу авторства псковского старца может свидетельствовать присутствие в «Послании о крест-

316

ном знамении» параллелей не только к «Посланию на звездочетцев», но и к другому сочинению, бесспорно принадлежащему Филофею – «Посланию по случаю морового поветрия». А это уже заставляет видеть в данных фрагментах именно автоцитаты, но никак не заимствования [Там же. С. 172, 276].

Наличие в «Послании о крестном знамении» автоцитат из указанного текста, действительно, можно считать весомым аргументом в пользу авторства Филофея. Речь идет о так называемом «Много-сложном списке» – послании патриархов императору Феофилу, из которого в «Послание на звездочетцев» попало именование царя «брододержателем святых божиих престол», а в «Послание о крестном знамении» – вступительная фраза. Аналогичная, но более полная цитата имеется и в «Послании по случаю морового поветрия», а также в текстуально близком ему «Послании на противящихся Божьей воле». При этом сравнение параллельных мест из указанных источников может дать нам объяснение анонимности ранних списков «Послания о крестном знамении», которую А.Л. Гольдберг считал веским аргументом против авторства Филофея.

Нетрудно заметить, что перед нами один и тот же текст. Разница лишь в том, что «Послание о крестном знамении» передает его без начальной части фразы «Безсмертнаго бога силою и живоначальные троица волею и величеством...». Сопоставляя данные фрагменты, В. Малинин и Ф. Кемпфер делали вывод, что вариант посланий 1521–1522 гг. является вторичным по отношению к «Посланию о крестном знамении». Н.В. Сеницына, наоборот, считает, что в более ответственном послании, адресованном великому князю, составитель счел необходимым вторично обратиться к источнику и воспроизвести его более строго, чем в посланиях к великокняжескому дядю, где он позволил себе больше «вольностей» [7. С. 139]. Но если отбросить первую фразу, присутствующую в посланиях 1521–1522 гг., то окажется, что остальной текст в них воспроизведен точнее, чем в «Послании о крестном знамении». В нем пропущено именно то словосочетание – «вышняго Царя царем и Господа господом», с которым согласуется местоимение «им», и в результате фраза становится весьма невразумительной. В то же время в первой фразе посланий 1521–1522 гг., добавленной к цитате из «Много-сложного свитка» (сконструированной Филофеем из двух вариантов формуляра ханских ярлыков [7. С. 158]), появляется слово «величеством». Но это принципиально меняет грамматическую структуру

фрагмента, так как теперь местоимение «им» может согласовываться сразу с двумя словами. Причем согласование со словом «величеством» выглядит даже более устойчивым, поскольку оба слова стоят в одном падеже.

А теперь уместно задать вопрос: зная, с какой вольностью обращался Филофей с цитатами из самых авторитетных источников и с какой легкостью варьировал собственные и чужие словесные обороты (пример тому – компиляция из ханских ярлыков и «Многосложного свитка»), можем ли мы предположить, что он стал бы отказываться от столь эффектной новации? Учитывая эту особенность литературной манеры псковского инок, скорее можно допустить, что теперь он мог бы упростить фразу, опустив то словосочетание, с которым ранее согласовывалось местоимение «им», поскольку новое дополнение вполне его компенсировало и в грамматическом, и в семантическом плане. Но если в оригинале «Послания о крестном знамении» начало фразы присутствовало, то каким образом оно могло быть утеряно? Одно из двух: либо эта часть фразы находилась на первом, впоследствии утерянном, листе (и тогда понятно, почему текст стал анонимным), либо переписчик опознал в начальной фразе искажение цитаты из «Многосложного свитка» и устранил «вольность». Но во втором случае он непременно исправил бы и вторую ошибку, а он этого не сделал, оставив местоимение «им» полным «сиротой». Следовательно, этому книжнику не был знаком первоисточник цитаты. Да и в целом его квалификация была невысока, коль он не обратил внимания на явную несуразность вступительной фразы.

Приведенный пример текстовых параллелей между «Посланием о крестном знамении» и сочинениями, не входящими в цикл произведений о Третьем Риме, – не единственный. Несомненной автоцитатой из «Послания по случаю морового поветрия» является самоуничижительное сравнение автора с «Валаамовой ослицей». Это позволяет говорить не просто о текстовых параллелях, но о наличии устойчиво повторяющихся черт авторского стиля Филофея: во-первых – о его склонности к уничижительным самоаттестациям, которые, отчасти повторяясь, отчасти видоизменяясь, присутствуют во всех его посланиях; во-вторых – о систематическом использовании автоцитат, многократном использовании и перенесении из текста в текст единожды найденных удачных оборотов.

Причем каждый раз автор воспроизводит его не дословно, а слегка видоизменяя или приспособлявая к новому контексту. Это

даже не столько автоцитаты, сколько «автопарафраз» – вольное переложение собственных идей и словесных оборотов. При этом многократное повторение в разных сочинениях целых текстовых блоков (своеобразная «автокомпиляция») применяется столь часто и последовательно, что из-за этого бывает трудно определить, чем является конкретный текст – самостоятельным произведением или особой редакцией (например, послания М.Г. Мисюрю-Мунехину «На звездочетцев», ему же «О покорении разума откровенью» и Иоанну Акиндеевичу «О злых днях и часах» или же адресованные тому же псковскому дьяку послания «На противящихся Божьей воле» и «По случаю морового поветрия»). И «Послание о крестном знамени» в полной мере отражает эту тенденцию.

В пользу версии Н.В. Сеницыной о том, что «Послание о крестном знамени» было завуалированным ходатайством о поставлении Макария на новгородскую кафедру, говорит и тот факт, что вскоре после его назначения духовенство Пскова обратилось к владыке с челобитной. Ответом на прошение псковичей стала грамота 1528 г. о правилах представления архиепископу кандидатов на рукоположение, а также о порядке рассмотрения владычным наместником тяжб псковского духовенства с «черными людьми» [12. С. 77–87]. Иными словами, предоставление указанных льгот можно рассматривать как демонстрацию архиепископом признательности за оказанную поддержку. Подтверждением особых отношений Макария с псковским клиром, сохранившихся и после его избрания на Московскую митрополию, служит также литературная деятельность агиографа Василия-Варлаама, земляка и младшего современника Филофея, пользовавшегося покровительством Макария и писавшего по его заказу [13. С. 115].

Итак, коль скоро нет никаких веских оснований отвергать принадлежность «Послания о крестном знамени» Филофею, представляется вполне вероятным и его личное знакомство с владыкой – если и не до его поставления, то уж как минимум после, когда Макарий, выполняя свой пастырский долг, должен был навещать вверенный его заботам Псков и вряд ли мог не познакомиться с главным ходатаем за его назначение. Это подтверждает и то обстоятельство, что именно Макарий сыграл ключевую роль в распространении идей Филофея за пределами Пскова. Общероссийская известность «Послания на звездочетцев и латин» начинается с его включения в Успенский список Великих Четых Миней, составление которого было

инициировано Макарием по завершении в 1541 г. предыдущего, Софийского. Также новгородское происхождение имеет и сборник РНБ, Q.XVII.50, содержащий один из самых древних списков этого послания.

В еще большей мере проливает свет на отношения Филофея и Макария третье произведение о «Москве – Третьем Риме», ранее обычно именовавшееся «Посланием царю Ивану Васильевичу», как оно и было озаглавлено в рукописных сборниках. Среди ученых не было единства только по вопросу о личности адресата: кто имеется в виду – Иван III или Иван IV. Н. Андреев [14. Р. 1–31], Ф. Кемпфер [15. S. 1–26], О. Оглоблин [16], Н.М. Золотухина [17. С. 100–106] считали таковым первого, остальные исследователи – второго. А.Л. Гольдберг посчитал в корне неверной саму постановку вопроса и весьма убедительно доказал, что традиционное заглавие не имеет никакого отношения к данному тексту. Им была выявлена группа рукописных сборников, в которых он предваряется пометой «Из Апокалипсиса» и помещен следом за «Посланием о крестном знамении», ошибочно адресованном великому князю Ивану Васильевичу. Это наблюдение позволило А.Л. Гольдбергу сделать вывод, что заголовок, под которым текст, обозначенный им как «Сочинение об обидах церкви», фигурирует в более поздних списках («Послание старца Филофея Елизаровы пустыни к царю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. Назад из Апокалипсиса»), является результатом оплошности переписчика, механически соединившего два заглавия. В итоге «посланием» стало именоваться произведение, начисто лишенное атрибутов эпистолярного жанра. По словам А.Л. Гольберга, в тексте нет ни титула адресата, ни обращения к нему, ни каких-либо других признаков произведения этого жанра [6. С. 88].

Действительно, в «Сочинении об обидах» отсутствуют такие обязательные элементы послания, как вступление с полным титулованием адресата, заключение с пожеланием ему различных благ и т.д. Кроме того, о царе здесь говорится в третьем лице, из чего следует, что адресатом он быть никак не мог. Однако трудно согласиться с утверждением об отсутствии в тексте «Сочинения» обращений. Тем паче, что они вовсе не являются исключительной особенностью эпистолярного жанра. Обращение к читателю или слушателю широко применяется во многих жанрах, в особенности же в произведениях риторического характера. В «Сочинении об обидах церкви» име-

ются обращения разного вида. Это и риторические фигуры (обращения к церкви), и апелляции к совершенно конкретному человеку: дважды в тексте встречается выражение «видиши ли», а в знаменитой тираде о друзьях и врагах церкви он назван «священной главой» с присовокуплением частицы «о». Употребление звательного падежа («о, священнаа главо») не оставляет сомнений в том, что это именно обращение, причем к архиерею, что может быть подтверждено множеством примеров как из церковной гимнографии, так и из древнерусской книжности. Например, обращение «о, священнаа главо», адресованное митрополиту Симону, присутствует в опубликованном Ю.К. Бегуновым памятнике иосифляно-нестижательской полемики начала XVI в. «Слово иное» [18. С. 352]. Но к какому именно иерарху адресовано данное произведение?

Повествуя о бедах, постигших церковь, автор нигде не указывает на какую-то конкретную епархию. Речь идет об обидах, наносимых всей Русской церкви, и, соответственно, искоренять их нужно по всей России. Следовательно, тот, к кому обращены эти призывы, является носителем высшей церковной власти в стране, т.е. митрополитом. В пользу такого истолкования говорит и сам стиль произведения. Если в посланиях Мисюрю-Мунехину и великому князю Василию Ивановичу Филофей не боится высказываться от собственного лица, а порою поучает адресата, то здесь этого нет и близко. Автор старается прибегать к безличным или неопределенно-личным конструкциям, постоянно «прячется» за цитаты: они составляют почти половину общего объема произведения. И такая позиция вполне объяснима: что позволительно клирику по отношению к светскому (пусть даже и венценосному) адресату, то по отношению к иерарху было бы расценено как вопиющее нарушение субординации.

Итак, принимая тезис А.Л. Гольдберга об ошибочности традиционного заглавия текста, уточним его. В древнерусской литературе имеется немало произведений, для которых характерны сочетание философской глубины и эмоциональности, обилие риторических фигур и ярких аллегорических образов. Будучи предназначенными не столько для чтения, сколько для слухового восприятия, эти произведения находятся как бы на стыке литературы и ораторского искусства. И эта «пограничность» довольно точно передается традиционным древнерусским термином «слово». Совершенно очевидно, что рассматриваемое произведение ближе всего именно к этому жанру и потому было бы

правильней именовать его «Словом об обидах церкви». Есть все основания предполагать, что оно предназначалось для публичного оглашения, о чем говорит двойственный характер обращений: к церкви в целом («О, светлая и небеса креплейша Христова церкви!») и ее предстоятелю («О, священная главо!»).

Однако А.Л. Гольдберг поставил под сомнение не только жанровую принадлежность данного текста, но и его атрибуцию. По его мнению, идейное содержание «Слова об обидах церкви», равно как и «Послания о крестном знамении», противоречит концепции, изложенной Филофеем в «Послании на звездочетцев», и в то же время созвучно идеям Стоглава. Из этого автором был сделан вывод, что оба памятника возникли в кругах, близких митрополиту Макарию, в связи с подготовкой к собору 1551 г.

Тем не менее анализ авторского стиля «Слова об обидах церкви», осуществленный с помощью метода графов, не подтверждает гипотезу А.Л. Гольдберга о непричастности Филофея к его написанию [19. С. 87–124]. Сравнение данного произведения с «Посланием на звездочетцев и латин» показывает, что построение фраз в обоих текстах подчиняется общим статистическим закономерностям, выдающим руку одного автора. Кажущиеся отличия в композиции, изобразительных средствах, а также интерпретации идеи «Третьего Рима» объясняются различиями в жанровой принадлежности и предназначении этих произведений. Если, как уже было сказано, «Слово» является риторическим произведением, то «Послание на звездочетцев» представляет собой типичный богословский трактат, облеченный в эпистолярную форму, а «Послание о крестном знамении», как справедливо указала Н.В. Сеницына, может быть отнесено к так называемым «княжеским зеркалам» [7. С. 270].

К тому же Т.В. Кругловой в научный оборот был введен очень серьезный текстологический аргумент, указывающий на происхождение этого произведения именно из Елеazarова монастыря. Ею было убедительно доказано, что отсылка к подложному 165-му правилу V Вселенского собора о церковных имуществах, имеющаяся в «Слове», воспроизводит все специфические чтения соответствующей цитаты из Устава Евфросина [20].

Выводу А.Л. Гольдберга о связи «Слова об обидах церкви» с подготовкой Стоглава противоречит и датировка самой ранней рукописи РНБ, Соф. 1444, установленная Н.В. Сеницыной по филиграммам: 30-е – начало 40-х гг. XVI в. В связи с этим возникает зако-

номерный вопрос: кому из митрополитов могло быть адресовано «Слово»? На данный хронологический отрезок приходится служение трех предстоятелей: Даниила (1522–1539), Иоасафа (1539–1542) и Макария (1542–1563). Патетический тон и программный характер произведения подсказывают, что поводом к его написанию было отнюдь не ординарное событие. Наиболее оправдано такое обращение в поворотные моменты жизни церкви – на соборе или при избрании нового митрополита, т.е. своего рода наставление в предстоящем ему служении. Таким образом, наиболее вероятной датой представляется 1542 г., а мотивом написания «Слова» – поставление архиепископа Новгородского Макария на Московскую митрополию. Но поскольку сборник, в составе которого дошло до нас это произведение, имеет новгородское происхождение (он является частью Софийского собрания рукописей, переданного в Публичную библиотеку в 1919 г.), то совершенно очевидно, что этот своего рода «приветственный адрес» исходил из ближнего круга Макария, сложившегося в годы его архиепископства.

Таким образом, наиболее вероятным событием, послужившим поводом к написанию «Слова об обидах церкви», является интронизация Макария в марте 1542 г. Но, как мы помним, согласно «Житию Евфросина» Филофей к этому времени уже не был игуменом Елеазарова монастыря. Прояснить данное обстоятельство позволяет Псковская I летопись, к составлению которой, как полагает большинство историков, Филофей имел самое непосредственное отношение. Одним из фрагментов свода, в которых, по мнению исследователей, наиболее явно просматривается авторская манера псковского старца, является статья 7049 (1540/41) [21. С. 28]. Действительно, в этой статье мы находим и самоуничижительную формулу («груб разумом и смыслом»), весьма созвучную самоаттестациям Филофея из его посланий, и характерное сочетание резкой критики наместников и пиетета по отношению к царской власти (великий князь Иван Васильевич, по словам летописца, милосерден к псковичам и потому пожаловал их правом судить и казнить «лихих людей», не обращаясь к наместникам [22. С. 110]). Но более всего обращает на себя внимание следующий пассаж: «В тыя лета, – повествует летописец, – Господу Богу поущшу за оумножение грех ради наших, быша намесники на Пскове сверепи, аки лвове, и людие его аки зверие дивии до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городом, а игумены честные из

монастыреи избегоша в Новгород» (курсив мой. – А.К.) [22. С. 110]. А ведь именно в Елеазаровом монастыре примерно в это время, как мы знаем, появился новый настоятель. Что это, как не то самое недостающее звено, которое выстраивает в единую причинно-следственную связь и смену игуменов в Елеазаровом монастыре между 1533 и 1542 гг., и появление «Послания на звездочетцев и латин» в Успенском списке Великих Четых Миней, работа над которым началась в 1541 г. (или, по крайней мере, это *terminus post quem*, поскольку именно в 1541 г. был завершен предшествующий Софийский список [23. С. 127]), и тот факт, что самый ранний сборник, в составе которого дошло до нас «Слово об обидах церкви», имеет не псковское, а новгородское происхождение.

Итак, осенью 1540 г. Филофей, не найдя общего языка с преемниками М.Г. Мисюря-Мунехина, скончавшегося в 1528 г. (в статье этого года контраст между почтением к почившему и язвительным презрением к новым дьякам и наместникам выражен особенно нарочито), был вынужден искать защиты у новгородского архиепископа. Очевидно, он же и привез в Новгород свое послание «На звездочетцев и латин», включенное вскоре в состав нового списка Четых Миней. А когда в марте 1542 г. Макарий получил известие о поставлении на митрополию, бывший игумен Елеазарова монастыря был рядом с ним, и откликом на эту весть стало появление «Слова об обидах церкви». После этого Филофей смог вернуться в свою обитель, где к тому времени уже был новый игумен, и сосредоточился на работе над летописным сводом. Однако, коль скоро более поздних произведений старца до нас не дошло, а в статьях, следующих за 1541 г., влияние Филофея столь явно не обнаруживается, мы вправе предположить, что прожил он после своего возвращения недолго.

Тем не менее годы сотрудничества псковского старца с архиепископом Новгородским Макарием нашли свой отзвук в последующем паптырском служении предстоятеля Русской церкви. Очевидно, Макарий пытался сделать идеи Филофея достоянием гласности, так как позже он включил его «Послание на звездочетцев» в Царский список Великих Четых Миней (1554 г.) [6. С. 75]. Да и коронация Ивана IV, совершенная 16 января 1547 г. по инициативе митрополита Макария по им же составленному «Чину царского венчания», может рассматриваться как практическое воплощение теории Филофея.

Ее ключевая идея – моральная ответственность власти и непреложное соблюдение ею законов Божеских и человеческих, недопустимость попрания справедливости – проходит красной нитью через все пастырские наставления Макария. «Имей страх Божий в сердци, и съхрани веру христианскую Греческого закона чисту и непоколебиму, и съблюди царство свое чисто и непорочно, яко же ныне приал еси от Бога, и люби правду и милость и суд правый и к послушным милостивное», – обращается он к Ивану IV в Поучении, оглашенном во время венчания на царство [24. С. 1547]. И этот же мотив обнаруживается во всех политических инициативах митрополита – таких, как «соборы примирения» 1547 и 1549 гг. и вдохновленная им деятельность Избранной рады.

Еще очевиднее проступают филофеевские идеи во введенном Макарием ритуале «шествия на осляте», совершавшемся в Вербное воскресенье. Английский дипломат из посольства Дженкинсона так описывал это действо: «Затем появляются Его императорское величество с митрополитом следующим образом: вначале – лошадь, покрытая до земли белым холстом, ушам которой с помощью той же ткани придан вид более длинных, наподобие ослиных. На этой лошади боком, подобно женщине, восседает митрополит. На коленях у него лежит святая книга с распятием ювелирной работы на переплете, которую он крепко держит левой рукой, а в правой у него – золотой крест, которым он непрестанно благословляет людей по пути следования. Человек тридцать расстилают перед лошадью свои одежды, и как только та пройдет по ним, вновь берут платья, забегают вперед и опять стелют, так что лошадь постоянно идет по ним. Все стелющие платья – сыновья священников, и за сии труды император жалует их новыми одеждами. Один из вельмож императора держит лошадь за голову, а сам император, идя пешком, ведет ее за конец поводьев одной рукой, а другой – держит пальмовую ветвь» [8. Р. 138].

Анализируя данное описание, М. Флайер обратил внимание на то, что «поводья, которыми собственно управляют ослом, находятся не в руках митрополита, а скорее в руках царя, коронованного Богом в качестве Его представителя на земле. Движущая сила всей процессии отдана ему. Символические бразды правления переданы из рук иконографического Христа в его собственные. Двойственность этого образа – тянущего и ведущего – не могла ускользнуть от наблюдавших обряд» [9. С. 218, 238, примеч. 58].

В целом соглашаясь с американским исследователем, отметим одну немаловажную деталь: в церемонии, описанной английским путешественником, митрополит и *не может* держать поводья, поскольку в руках у него – Священное Писание и крест, главные атрибуты и символы сотериологической миссии и пастырского долга церкви. Таким образом, именно исполнение главного предназначения церкви как «столпа и утверждения истины» предстает как нечто совершенно несовместимое с реализацией управленческих функций, что *по неизбежности* переносится на светскую власть.

Такое представление о соотношении Царства и Священства несколько отлично от традиционного византийского понимания «симфонии властей», но в то же время в ней обнаруживается разительное сходство с учением Филофея Псковского о Москве – Третьем Риме. Если византийские мыслители рассматривали симфонию властей преимущественно как их *гармоничную соразмерность* и были озабочены соблюдением паритета между церковью и государством, их взаимным невмешательством в юрисдикцию друг друга, то у Филофея акценты расставлены совершенно иначе.

С точки зрения псковского старца христианское царство, мистический Рим – есть тот самый Удерживающий (*ὁ κατέχων*), о котором сказано во Втором послании апостола Павла к фессалоникийцам: «И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2. Фес. 2: 6–7). Рим есть последняя препона Антихристу, а крепостные стены этой твердыни – вера, благочестие и соблюдение божественных установлений. Москва может разделить судьбу Рима и Царьграда, если ее народ изменит православие, если будут попирались нравственные нормы, если сильные будут безнаказанно помыкать слабыми, если власть не будет стоять на страже веры и справедливости. Поэтому главную ответственность за религиозное и нравственное состояние общества Филофей возлагает на царя, *требуя* от него активного участия в делах церкви, видя в нем ее заступника, попечителя и гаранта осуществления ее пастырской миссии. Дело церкви – проповедовать и благословлять, наставлять и печаловаться, а во всем остальном она признает над собою власть государя [25. С. 118–125; 26. С. 196–211]. В этом плане отнюдь не случайным выглядит его именование в посланиях Филофея «брододержателем святых божиих престол», в точности соответствующее роли царя в ритуале «шестивия на осляти».

В связи с этим следует указать на замечание Н.В. Сеницыной о важной смысловой метаморфозе данного выражения: оно, как уже отмечалось ранее, заимствовано из неоднократно цитированного Филофеем послания трех патриархов императору-иконоборцу Феофилу (так называемого «Многосложного свитка») [7. С. 345]. Но если в оригинале данное выражение является самоаттестацией отправителей – предстоятелей церкви, то Филофей переносит его на царя, что характеризует принципиальное отличие его взглядов от классической византийской теории «симфонии властей».

Все это позволяет видеть в авторе теории «Москва – Третий Рим» и вдохновителе Стоглавого собора единомышленников, выразителей общей системы взглядов и ценностей. Более того, митрополит Макарий не только на словах, но и на деле воплощал столь близкий ему религиозно-политический идеал, запечатленный в сочинениях псковского старца. Стремясь повысить авторитет монаршей власти, но одновременно внушить ее носителю чувство ответственности перед Богом (а опосредованно – и перед обществом: *Vox rouli – Vox Dei*), он инициировал и осуществил венчание Ивана IV на царство. И он же, следуя категорическому императиву «наставлять и печаловаться», вынудил молодого царя, уже проявлявшего свои inferнальные наклонности, обуздать свой нрав и пойти по пути реформ Избранной рады.

По сути, именно Макарий до смертного часа оставался Удерживающим, не позволявшим Ивану Грозному выпустить на волю своих демонов и погрузить страну в кромешный ужас Опричнины. Ведь замысел большого террора созрел в его голове уже в начале 60-х гг., но каждый раз, когда он уже казалось готов был запустить на полный ход машину репрессий, непреодолимым препятствием становился авторитет митрополита всея Руси. «Благодаря влиянию Макария, – писал Р.Г. Скрынников, – многократные конфликты царя с удельными князьями, не раз порождавшие острый политический кризис, разрешались мирным путем и не приводили к кровавым эксцессам» [27. С. 170]. Однако, резюмирует историк, «со смертью Макария 31 декабря 1563 г. церковь лишилась опытного и авторитетного руководителя, что развязало руки Грозному. Политический кризис вступил в новую фазу» [Там же. С. 171].

И не следует ли из всех приведенных фактов, что *единственным* препятствием к распространению теории «Москва – Третий Рим» была политическая позиция Ивана Грозного, чьи представления о

«вольном самодержавстве» были совершенно несовместимы с филофеевской идеей ответственности власти перед Богом и церковью (а фактически – перед воцерковленным обществом)? Ведь именно после смерти Ивана IV, когда возникла острая потребность в преодолении взаимной отчужденности между государством и церковью, между властью и обществом, правительство царя Федора Ивановича и Бориса Годунова берет эту теорию на вооружение. По справедливому замечанию Р.Г. Скрынникова, учреждение патриаршества, теоретически обоснованное ссылкой на послания Филофея, было осуществлено по инициативе и силами светской власти при почти полной безучастности церкви [28. С. 345–363]. И далее в результате последовательных усилий властей теория «Москва – Третий Рим» находит отражение в актах государственно-правового характера и фактически становится официальной религиозно-политической доктриной Российского царства.

Литература

1. Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История Русской Православной Церкви. – 2015. – № 3.
2. По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. – 2000. – № 2.
3. Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // *Ad Imperio*. – 2003. – № 3.
4. Усачев А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 1.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж, 1937.
6. Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ. – Т. XXIX. – Л., 1974.
7. Симицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. – М.: Индрик, 1998.
8. Hakluyt R. The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. – London; Paris; New York & Melbourne: Cassell and Company, 1889.
9. Флайер М.С. Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет: период Киевской и Московской Руси. Антология*. – Самара: Самарский университет, 2001.
10. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1901.
11. РНБ. – Соф. 1444. – Л. 1.

12. *Евгений, митр. (Болховитинов)* История княжества Псковского. – Киев, 1831. – Ч. II. Прибавление X.
13. *Дмитриева Р.П.* Василий (в иноках Варлаам) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. – Л.: Наука, 1988. – Ч. 1.
14. *Andreev N.* Filofey and His Epistle to Ivan Vasilyevich // Slavonic and East European Review. – 1959. – Vol. 32.
15. *Kampfer F.* Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofeys // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. – 1970. – Bd. 18, n. 1.
16. *Оглобин О.* Московска теория III Риму в XIV–XVII стол. – Мюнхен, 1951.
17. *Золотухина Н.М.* Из истории русской политической мысли конца XV – начала XVI в.: теория «Москва – Третий Рим». – М., 1977. – №1.
18. *Бегунов Ю.К.* «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Труды отдела древнерусской литературы. – 1964. – Т. 20.
19. *Корневский А.В.* Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // Ab Imperio. – 2001. – № 1–2.
20. *Круглова Т.В.* Церковь и духовенство средневекового Пскова [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/history/15/runcimen/krug_psk.html (дата обращения: 19.06.2016).
21. *Охотникова В.И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. – Л., 1989. – Ч. 2.
22. Псковские летописи / пригот. к печ. А. Насонов. – М.; Л., 1941. – Вып. 1.
23. *Дробленкова Н.Ф.* Великие Минеи Четьи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 1: Вторая половина XIV–XVI вв. – Л.: Наука, 1988. – Ч. I.
24. *Макарий.* Поучение митрополичне к великому князю // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. – Т. 1.
25. *Корневский А.В.* Идеал «христианского царства» в сочинениях Филофея Псковского // Идеал общественного устройства в истории отечественной мысли. – Ростов н/Д, 1994.
26. *Корневский А.В.* Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1995.
27. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. – СПб.: Наука, 1992.
28. *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. – Новосибирск: Наука, 1991.

О.Н. Науменко, Е.А. Науменко, Ю.А. Бортникова

**ЦВЕТ ИСЛАМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНОПИСИ
(В ПРОЕКЦИИ «ВИЗАНТИЯ ~ СЕВЕРНЫЙ УРАЛ»)¹**

***Аннотация.** Рассматривается практика использования колористической гаммы ислама в православной традиции на примере икон и фресок, хранящихся в фондах Пинакотеки Ватикана и Пермской государственной художественной галереи. Авторы обращают внимание, что все эти образцы созданы в схожих политических условиях, когда усиление миссионерской деятельности христианских государств сочеталось с ослаблением соседних мусульманских стран.*

Ключевые слова: *зеленый цвет, Пинакотека, Пермская государственная художественная галерея, православие, католичество, ислам, иконопись.*

Христианское миссионерство имеет тысячелетнюю историю, сопровождаясь распространением произведений религиозного искусства; значительная часть из них появилась в результате творчества уже христианизированных народов и отражала причудливые образы местной этнической среды. Некоторые образцы христианской иконографии с элементами такого синкретизма сознательно создавались художниками Византии, Ватикана и местных епархий по всему миру, несмотря на ограничения официальных канонов. Ряд православных икон, предназначенных для миссионерской деятельности, отражали не только антропологический облик местных народов, но и образы и цветовую гамму их религий, в том числе ислама. Такие иконы встречаются в крупнейших коллекциях Государственной Третьяковской галереи и Пинакотеки Ватикана, однако в музеях Урала и Сибири их значительно больше, так как удаленность этих регионов от центра, а также многонациональный и многоконфессиональный характер предполагаемой паствы требовали особых подходов к практике миссионерства.

Характерно, что ни российские, ни итальянские (и в целом зарубежные) исследователи пока не обратили внимание на феномен и

¹ Выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-3655.2019.6.

масштаб использования цвета и образов ислама в христианской иконописи [1–9 и др.]. Сложность в понимании проблемы состоит в том, что зеленый цвет широко применяется не только в исламе, но и в христианской иконописи, олицетворяя идею жизни, поэтому вычленить «второй смысл» этого колористического образа можно лишь с помощью комплексного анализа исторических источников и фактов. Цель статьи – проанализировать четыре иконы из музеев России и Италии с выходящими за рамки канонов принципами использования зеленого цвета.



Рис. 1. «Иисус Благословляющий».
Худ. С. Мартини. I пол. XIV в. Пинакотека Ватикана. Зал 2.
Инв. № 40160



Рис. 2. Фрагмент иконы А. Рублева
«Богоматерь Владимирская».
Конец XIV – начало XV в.
Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник.
Инв. № В-2971

Одним из наиболее интересных экспонатов Пинакотеки Ватикана является православная икона «Христос Благословляющий» (рис. 1), созданная итальянским художником Симоне Мартини в первой половине XIV в. (до 1344 г.) по заказу неизвестного лица. Близкий по принципу изображения образец – икона А. Рублева «Богоматерь Владимирская» (рис. 2). На обеих изображены зеленые

лики: Иисуса Христа в первом случае и Богоматери с младенцем – во втором; в том и другом случае зеленый цвет оттеняется розовыми губами и румянцем. На иконе А. Рублева заметно влияние художественных традиций Византии, однако оба образца выполнены еще и в рамках одного исторического периода, в условиях схожей политической ситуации, связанной с татаро-монголами.



Рис. 3. Богоматерь с младенцем. XVII в. Урал, Россия. Пермская государственная художественная галерея. Постоянная экспозиция



Рис. 4. Богоматерь. XVII в. Урал, Россия. Пермская государственная художественная галерея. Постоянная экспозиция

По всей вероятности, заказчик «Иисуса Благословляющего» был состоятельным человеком, так как икона выполнена темперой и золотом и является лишь частью какого-то более объемного изображения: скорее всего, центром триптиха (или даже полиптиха), в настоящее время утерянного; известно, что мастерская художника специализировалась на создании пяти-, семи- и еще более многостворчатых полиптихов [4. Р. 10]. От остальных византийских образцов «Христос Благословляющий» отличается наличием итальянских художественных традиций; это не только икона, но и картина. В итальянской традиции отсутствовали четкие каноны, характерные для православия, что позволяло художнику реализовывать собственное представление о сюжете и варианте его отражения, с учетом предназначения иконы. В результате лик Иисуса получил монголо-

332

идную (монголо-татарскую) внешность; а художественный прием с зеленым цветом указывает на религию татаро-монгол – ислам. Икона А. Рублева «Богоматерь Владимирская» также уникальна, имеет несколько более поздних списков, где зеленый цвет лица исчезает, но одна из копий этот цвет лишь подчеркивает, становясь близкой нескольким уральским образцам, изображенным на рис. 3 и 4. В отличие от первых двух икон, пермские образы (как и более список с «Богоматери Владимирской») не имеют алых губ и румянца на щеках; зеленый цвет покрывает лица и тела полностью.

Первоначально феномен зеленых лиц вызвал несколько гипотез:

1) зеленые лики стали результатом дефекта краски другого цвета, которая изменила свой цвет с течением веков, однако краску в тот период получали из камня (зеленый – из малахита на Урале), и она изначально цвет сохраняла, становясь лишь более блеклой или темной (иногда по причине многолетней пыли и сажи);

2) иконописцы сознательно создавали эффект зеленого лица, так как при освещении иконостаса свечами зеленый мог становиться телесным или голубоватым, подчеркивая бледность и аскетизм, однако экспериментально эта гипотеза не подтвердилась: степень насыщенности зеленого цвета и его яркость такого эффекта не давали, сохраняя первоначальные оттенки;

3) зеленый цвет на ликах применялся отдельными иконописцами в разные периоды, с одинаковой периодичностью, не связанной с исламской историей прилегающих территорий, а использование такого приема было проявлением или личных художественных пристрастий иконописца, или продиктовано иконописными подлинниками, но и эта гипотеза не подтвердилась.

В частности, обращает на себя внимание частота использования всех оттенков зеленого в православной иконописи и скульптуре Северного Урала, которая в XVII в. приблизилась к 100 %. Авторы проанализировали 118 экспонатов XV–XIX вв. из фондов Пермской государственной художественной галереи и Березниковского краеведческого музея Пермского края. Результат показал, что в период XV–XVI вв. использование зеленого цвета для изображения лиц, хитонов, гробов и т.д. (без учета растительных мотивов) составляет 0 %, т.е. не применялось вообще (в основном это иконы не местного происхождения; православной деревянной скульптуры среди них нет). В XVII в. произошел резкий рост – до 95,6 %: из 23 исследованных экспонатов лишь 1 не имеет характерного зеленого цвета

(все образцы имеют местное происхождение). Однако этот «лишний» экспонат является хорошо известной исследователям скульптурой Николая Можайского (с шахматным орнаментом на фелони), и на его более ранней фотографии, сделанной после реставрации и опубликованной в Санкт-Петербурге в Словаре русского религиозного искусства, достаточно отчетливо заметен темно-зеленый цвет одежды [10. С. 153]. В настоящее время скульптура полностью темная, но ее фотография выводит на 100 % в использовании зеленого цвета в XVII в. В XVIII и XIX вв. этот процент снижается до 17,6 и 14,8, что в целом соответствует канону.

Анализируемые четыре иконы с зелеными ликами сближает лишь одно общее обстоятельство: они появились в схожих политико-религиозных условиях, когда, с одной стороны, христианское миссионерство рассматривалось как средство противодействия исламу, проникавшему из сопредельных территорий, а с другой стороны, когда в условиях усиления православных государств (в данном случае – Византии и Руси / России) появилась возможность активизировать миссионерскую работу. Для русских земель этот период возник в начале XV в. (появилась икона «Богоматерь Владимирская»), для территорий Северного Урала – в начале XVII в. (две иконы Богоматери из Перми), а очередной подъем Византии, начавшийся в конце XIII – начале XIV в., после ее освобождения от крестоносцев в 1261 г. [11], совпал с написанием иконы «Иисус Благословляющий». Еще одна гипотеза о предназначении этой иконы (и в целом триптиха / полиптиха) состоит в том, что она могла быть заказана бывшим мусульманином из числа татаро-монгол, принявшим христианство. В таких случаях на первоначальных этапах закрепления религии в культуре новообращенных наблюдается синкретизм, и прежняя вера получает новые образы в рамках христианства: например, это явление достаточно отчетливо наблюдалось у крещен (крещеных татар) [12]. Однако подобные образцы, хранящиеся в музеях Пермского края, создавались Епархией, а не крещеными мусульманами, – именно этот фактор делает первую версию о предназначении ватиканской иконы «Иисус Благословляющий» приоритетной.

Таким образом, использование цвета и образа ислама практиковалось в символизме христианского искусства. Наиболее выраженным это явление было в православии, особенно в Уральско-Сибирском регионе. Все известные иконы и средневековые скульп-

турные изображения, выполненные с использованием этого приема, отличаются продуманным и мудрым подходом, исходящим от Русской православной церкви. Цель этого подхода заключалась в создании такого образа православия, который для народов Урала, Сибири и Севера стал бы логичным продолжением прежних верований, а затем мягко их заменил. Такая политика вполне соответствовала сущности православной религии, ориентированной на веротерпимость при любых обстоятельствах.

Литература

1. *Carandini A.* Angoli di Roma. Guida inconsueta alla cita` antica. – Roma: Editory Laterza, 2016.
2. *I Musei Vaticani.* Conossere, la storia, le opera, le collesione. – Vatican: Edizione Musei Vaticavi, 2011.
3. Il volto dei Santi. Santorale Illustrato. – Milano: ANCORA EDITRICE, 2012.
4. Guida ai capovalovari della Pinoneka Vaticana. – Vatican: SCALA, 2008.
5. *Gianfranco Ravasi.* Le meraviglie dei Musei Vaticani. – Milano: Musei Vaticani, 2014.
6. *Enrichetta Leospo, Mario Tosy.* La donna nell' antico Egitto. Con 16 tovere acdor fuori testo. – Firenze: GIANTI, 1997.
7. *Meeks D., Favard-Meeks Ch.* La vita guotidiana degli ecizi e del loro de`i. Miti e rituali della lunga dinastia divina. – Milano: BUR, 1995.
8. *Philippe Daverio.* Le stanze dell' armonia. Nei musei dove l' Europa era gia` unita. – Milano: Rizzoli Vintage, 2018.
9. *Sacks O.* L' isola dei senza colore e l' isola delle cicadine. – Milano: GLI ADELFI, 1997.
10. *Гусакова В.О.* Словарь русского религиозного искусства. – СПб.: Аврора, 2006.
11. История цивилизаций. Реконструкция Константинополя [Электронный ресурце]. – URL: <http://www.historie.ru/3d-rekonstrukcii/vizantiya/559-rekonstrukciya-konstantinopolya.html> (дата обращения: 12.04.2019).
12. *Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Ju. A.* Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire // *Bylye Gody.* – 2016. – No. 41, vol. 3. – P. 594–599.

В.Н. Ерохин

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ

Аннотация. *Рассмотрены подходы к изучению религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Проанализированы основные идеи и достижения либерального и ревизионистского направлений в изучении Реформации.*

Ключевые слова: *Англия, Реформация, раннее Новое время, современная британская историография.*

Во второй половине XX – начале XXI в. британскими историками было много сделано в истолковании событий реформационного периода английской истории. Были предложены новые ответы на вопросы о причинах, ходе и темпах развития Реформации, её результатах, что стимулировало также новые общетеоретические размышления о ходе истории Англии.

В современной британской историографии английской Реформации сосуществуют и взаимодействуют два основных методологических направления: либеральное и ревизионистское. Ни одно из этих направлений не может доказать ненужность другого направления и полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами. На этом примере видно, что для достижения значительных исследовательских результатов в исторической науке необходимо использование разных методологических подходов.

Развитие либерального направления во второй половине XX в. происходило под влиянием концепции, разработанной Артуром Джеффри Диккенсом (1910–2001). Его главный обобщающий труд «Английская Реформация» [1] благодаря систематичности содержания и стилю изложения фактически стал играть роль авторитетного учебника. Реформация в работах Диккенса понимается как следствие упадка позднесредневекового католицизма, как возникновение новой формы церковной организации и религиозности, которые соответствовали новым историческим условиям. Концепции Диккенса присуща характерная для либерального историзма вера в общест-

венный прогресс, проявляющийся также и в сфере религиозных отношений в обществе. В либеральной концепции главным фактором, способствовавшим появлению реформационных идей в Англии и утверждению в стране протестантской церковной организации, независимой от Рима, считаются идейные влияния со стороны Реформации на европейском континенте. Действия короля Генриха VIII Тюдора (1509–1547), разорвавшего с Римом в 1534 г. и законодательно оформившего создание протестантской церкви Англии, по мнению либеральных историков, будучи важным политическим фактором утверждения Реформации, достигли цели и не вызвали серьёзного противодействия в стране, потому что протестантизм был идейно привлекателен для англичан. В обсуждении вопроса о темпах распространения протестантизма либеральные историки отстаивают мнение, что уже в начале 1550-х гг. Англия была протестантской страной, а с восшествием на престол королевы Елизаветы в 1559 г. протестантизм установился в стране окончательно и бесповоротно.

Значение деятельности представителей либерального направления состоит в том, что установки либеральных историков способствовали изучению идейных влияний в происхождении английской Реформации и анализу идейно-смыслового, богословского содержания реформационных учений. Гораздо меньше внимания либеральные историки уделяют анализу социально-экономических причин Реформации и материальных интересов различных социальных групп. Влияние материальных интересов как мотив исторического действия полностью не выпадает из сферы внимания либеральных историков, но не находится в разрабатываемой ими объяснительной схеме человеческого поведения на первом плане – их отличает в понимании причин исторических событий мнение о том, что движущим мотивом человеческого действия является сознательная приверженность определенным идеям.

Ревизионистское направление в изучении английской Реформации стало оформляться в 1970–1980-е гг. По своим основным идейно-теоретическим взглядам историки-ревизионисты принадлежат к одному из традиционных направлений в британской исторической науке – консервативному. Наиболее известными представителями этого направления стали Кристофер Хейг [2], Джон Скарисбрик [3], Имон Даффи [4], продолжающие свою научную деятельность по сей день. В общетеоретическом плане ревизионисты отрицают, что ис-

торический процесс по своему содержанию представляет собой реализацию тех или иных внутренне присущих ему или заранее кем-то сформулированных целей. Ревизионисты уделяют большое внимание роли случайностей в истории общества, скептически относятся к идее общественного прогресса и возможности выявления исторических закономерностей. По их мнению, лишь в ретроспективе, зная, чем завершился тот или иной процесс, можно выделить ту линию в развитии событий, которая стала главной. В развитии же общества реализуется тот сценарий, который проявляется из множества актов конкретных выборов, которые люди делают в складывающихся ситуациях, приспособляясь к этим ситуациям.

Ревизионисты, в отличие от либеральных историков, считают вполне жизнеспособной позднесредневековую английскую католическую религиозность и рассматривают церковь Англии предреформационных десятилетий XVI в. как институт, удовлетворявший духовные потребности англичан этого времени, в результате отказываясь рассматривать Реформацию как результат победы нового истинного прогрессивного протестантизма над старым, ложным, неадекватным новым историческим условиям католицизмом. Выявленная на европейском континентальном материале «порча церкви», против которой выступил в 1517 г. известный немецкий реформатор Мартин Лютер (1483–1546), рассматриваемая как одна из причин

Реформации в Западной Европе, по мнению ревизионистов, не имеет отношения к церкви Англии. Ревизионисты интерпретируют английскую Реформацию как политическое явление, связанное со стремлением короля Генриха VIII укрепить королевскую власть, что было ему необходимо на рубеже 1520–1530-х гг. для решения брачной проблемы (у него не было наследника престола мужского пола, без чего он не мыслил передачу королевской власти по наследству) и увеличения финансовых поступлений в государственную казну.

Реформация, как считают ревизионисты, также отвечала материальным интересам некоторых влиятельных групп в английском обществе – предпринимателей и землевладельцев, которые стремились ограничить роль церкви в общественной жизни, лишить её части материального богатства, а также юристов общего права, стремившихся ограничить юрисдикцию церковных судов и увеличить свои доходы путем расширения сферы судопроизводства и юридической практики судов общего права. В ревизионистской трактовке Реформация в Англии была результатом многочисленных актов выбора в

конкретных ситуациях, складывавшихся в политической истории страны XVI в. В связи с этим К. Хейг характеризует то, что происходило в Англии в 1530–1550-е гг., как «спотыкающуюся Реформацию», совокупность «Реформаций» в результате столкновений придворных политиков, перемен во внешней политике Англии, а не как явление, ранее традиционно обозначавшееся в британской историографии единым понятием, предполагавшим единство в ходе этого процесса (the Reformation). В истории Англии XVI–XVII вв., как отмечают историки-ревизионисты, в целом ряде случаев буквально стечение обстоятельств, перипетии в наследовании престола имели для религиозно-политической истории страны значительные последствия. Действительно, историческая случайность прямо-таки играла альтернативами английской истории тех лет, продемонстрировав парад уникальных ситуаций, задававших направление происходившего в реформационную эпоху. Так, основателю династии Генриху VII Тюдору (1485–1509) наследовал начавший Реформацию его сын Генрих VIII, которого, вообще говоря, не должно было быть на английском престоле, поскольку у него был старший брат Артур, но Артур умер в 1502 г. Случилось так, что у Генриха VIII и его жены Екатерины Арагонской не появилось наследника престола мужского пола, что повлекло за собой развод, спровоцировало выход Англии из церковного подчинения Риму. От брака со второй женой Генриха VIII Анной Болейн наследник престола мужского пола тоже не появился, что повлекло за собой казнь Анны Болейн по обвинению в мнимой супружеской неверности и новые браки короля. Сын Генриха VIII от брака с третьей женой Джейн Сеймур слабый здоровьем король Эдуард VI (1547–1553), в правление которого в Англии стали активно распространяться идеи континентальной Реформации, так что церковь Англии могла принять строй управления и доктрину, более близкую континентальному протестантизму и последующим идеям пуритан, не прожил даже полных 16 лет. Исповедовавшая католицизм дочь Генриха VIII от первого брака королева Мария Тюдор (1553–1558), восстановившая было католическое исповедание в Англии, не произвела на свет никакого потомства и в возрасте 42 лет скончалась, так что религия в стране вновь переменилась. Королева Елизавета I Тюдор (1558–1603), оказавшись на престоле после смерти сводной сестры, вдобавок к своим личным протестантским наклонностям, была вынуждена стать протестанткой буквально по обстоятельствам рождения, так как брак Генриха

VIII с ее матерью Анной Болейн никогда не признавали в Риме. Из-за бездетности Елизаветы I на английском престоле оказалась династия Стюартов (1603–1714) – родственники Тюдоров через брак дочери Генриха VII Тюдора Маргариты и шотландского короля Якова IV (1488–1513), которые не смогли бы попасть на английский престол в случае, если бы у Елизаветы I были дети. В правление второго представителя династии Стюартов Карла I (1625–1649) обострились отношения короны с парламентом, на что в определённой мере повлияло, в том числе, и то, что Карл I в течение всей жизни сильно заикался, что мешало ему быть полноценным публичным политическим деятелем. В сознании англичан начала XVII в. даже возникло поверье, что буквально все потомки Генриха VIII оказались бездетными в наказание за то, что Генрих VIII расправился с католической церковью. Эта цепь событий – удивительный пример того, как только лишь фертильно-демографические аспекты и обстоятельства жизни лиц из королевских династий могут повлиять на ход исторических событий.

Ревизионисты оспорили мнение либеральных историков о быстром утверждении в Англии реформированной религии и привлекают свидетельства источников о том, что протестантизм утверждался в массе народа медленно, отстаивая мнение, что лишь к 1580-м годам, когда протестантское исповедание было воспринято представителями властных элит на местном уровне в графствах, были достигнуты заметные успехи в процессе внедрения реформированной религии в стране. Ревизионисты также убеждены, что исключительное значение в общественной жизни имеет то, в каком направлении ведет народ монарх и, в самом широком смысле, политическая элита страны. Новым в трактовке религиозного положения в Англии реформационного периода в концепции ревизионистов стало и то, что они нашли место в религиозной истории Англии реформационного времени для католиков. Католицизм сохранился в Англии, по мнению ревизионистов, в связи с тем, что протестантизм в стране насаждался властями сверху, но этот процесс не увенчался полным успехом. В ревизионистской трактовке Реформация не превратила Англию в протестантскую страну: для ревизионистов Англия стала в результате Реформации страной, расколотой в религиозном отношении.

Литература

1. *Dickens A.G.* The English Reformation / A.G. Dickens. – London: Batsford, 1964. – X. – 374 p. ISBN: 0271028688
2. *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors / C. Haigh. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 384 p. ISBN: 0198221622
3. *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People [Text] / J.J. Scarisbrick. – Oxford: Blackwell, 1984. – 203 p. – ISBN: 0631134247
4. *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400–1580 / E. Duffy. – New Haven; London: Yale University Press, 1992. – 654 p. ISBN: 0300108281

Д.В. Сметанин

**ЦАРЬ С НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВЛАСТЬЮ ИЛИ МОНАРХ
В ГРАНИЦАХ СВОБОДЫ? ПОДХОД КЕМБРИДЖСКОЙ
ШКОЛЫ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ ПРИ
ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА**

***Аннотация.** Анализируется политический язык обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева в создании и конструировании «нового» образа царской власти с 1881 г. Автор приходит к выводу, что Победоносцев создает образ царя-менеджера и руководителя, который не только сам ограничивает свою «державную» власть, но и использует для этого «преданных из рода в род» дворян-землевладельцев, исполняя тем самым свою миссию и призвание по воле Бога.*

Ключевые слова: политический язык, монарх, свобода, власть, образ, теория, Новое время.

Политический язык – средство, с помощью которого речевой актер действует в публичном пространстве с определенной целью в контексте собственной исторической эпохи [1. С. 55–64]. Лингвистический, социальный и контекстуальный анализ политического языка, используемого автором в определенном трактате, помогает исследователю понять цель, мотивы, действия актора [2]. Дополнительные методы и приёмы, которые могут помочь при анализе и интерпретации образа царской власти, мы находим в статье Т.М. Атнашева и М.Б. Велижева, для которых важное значение имеют уровни политической коммуникации и сами «речевые акты» политического философа – к кому обращён данный политический трактат, в каких условиях он возникает и какими политическими языками пользуется его создатель [3. С. 110–120].

Мы считаем, что основная идея К.П. Победоносцева как философа и теоретика состоит не только в обосновании неограниченной власти вновь вступившего на престол Александра III, но и в её «модернизации». Некоторые идеи Победоносцева о власти можно проследить в важном политическом документе своего времени – Манифесте Александра III от 29 апреля 1881 г., в заголовке которого

большой интерес представляет фраза «...к водворению порядка и правды в действии учреждений России» [4. С. 3]. Здесь постулируется принцип, что власть и её реализация в России – в любом учреждении – должна основываться на праве и порядке, который призван обеспечивать «руководитель» страны – российский царь. Интересно, что «публикация» данного тезиса в манифесте выбрана не случайно, так как манифест – один из законодательных актов, который по своему определению публикуется в народе различными способами [5. С. 171–175].

При анализе данного документа интерес вызывает фраза заготовка: «о призыве всех верных подданных к служению верой и правдой...» [6. С. 338], которая проецирует в манифесте два важных принципа консервативных воззрений К.П. Победоносцева. Во-первых, вера и правда – основа функционирования власти в России. Во-вторых, верные подданные – добрые и честные люди, если они способны нести службу царю «верой и правдой». Отсюда следует указание на адресата данного манифеста – дворян-землевладельцев, которые обладают своим достоинством (честью), а значит, исходя из взглядов обер-прокурора, они способны на совершение «добрых дел» и привлечение царём к проведению самостоятельной работы по решению проблем в России.

Власть – это воздействие на массы людей со своими страстями и желаниями, которая объединяет людей в общество и следит за порядком [Там же. С. 238]. Данная власть в обществе должна основываться на правде, а так как правда исходит в воззрениях Победоносцева от Бога, то нет более легитимной и «праведной» власти, чем царская, – ведь она освещена таинством миропомазания [Там же]. В своём политическом языке обер-прокурор пользуется формулировками отцов Церкви, так как далее он утверждает, что сила правды безгранична, и только она придаёт власти способность привлекать людей добрых и праведных к делам правления [Там же. С. 239]. Из этих первых заявлений мы уже можем предположить, что идеал политического устройства для обер-прокурора Синода – это монархия, которая выполняет дело самопожертвования, т.е. служит всему обществу, пытается достигнуть главной цели своего бытия – обеспечить общественное благо [Там же].

Достаточно интересно он описывает мысли, почему власть монарха должна сохранять «свободу в своих законных пределах», т.е. оставаться неограниченной и абсолютной [Там же. С. 241]. Если

власть осознаёт своё достоинство, т.е. обладает совокупностью высоких моральных и духовных качеств и уважением к ним, то она имеет право на совершение любых действий для достижения общественного блага [5. С. 248]. Такие формулировки напоминают первых политических философов Нового времени – Н. Макиавелли и Дж. Ботеро.

Власть как некая сущность неотделима от своего пользователя – человека. В статье «Власть и начальство» [Там же. С. 238–249] обер-прокурор Синода рисует портрет-характеристику идеального властителя. Он должен служить примером для всех подданных в бытовой и государственной жизни [Там же. С. 242], обладать искусством находить способных людей и встраивать их в механизм осуществления государственной власти [Там же. С. 243], уметь организовывать деятельность правительства [Там же. С. 245], и в конечном счёте – вдохновлять своих подчиненных и подданных на ведение активной благой деятельности [Там же]. Победоносцев, следуя консервативной логике в формулировке источника власти, обоснования её неограниченности и «святости», рисует образ современного «менеджера-руководителя»: монарх не должен стремиться делать всю работу за своих подданных, но уметь грамотно организовать работу подчиненных, дать им «толику» самостоятельности в решении проблем, быть примером и воплощением верховной власти Бога в этой стране, т.е. в России. Следовательно, оставляя монарху неограниченную власть и обосновывая её «свободу», К.П. Победоносцев постулирует идею «самоограничения» царём своей власти. Портрет современного монарха для К.П. Победоносцева равен по форме президенту США, который вбирает ещё и законодательные функции.

В результате мы находим портрет «идеального» русского императора, который синтезирует старые понятия об абсолютной власти царя и мысли первых либеральных мыслителей Нового времени о возможности её ограничения. Анализ двух манифестов 1881 и 1883 гг. позволяет выявить 2 уровня политической коммуникации Победоносцева: для всех верных подданных (при буквальном прочтении текста и оглашении в народе) и для узкой группы дворян-землевладельцев – это видно через прочтение фраз «...успев привлечь к содействию в том и **дворян-владельцев, всегда послушных гласу добра и чести**», «да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных **Наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род**». Именно такое прочтение по-

зволяет проследить в дальнейшем логику проведения «контр-реформ», которые были направлены на укрепление дворянского сословия в политическом и экономическом аспектах.

Литература

1. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / К. Скиннер. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 53–123.
2. *Атнашев Т.М.* Кембриджская школа: история и метод / Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 5–53.
3. *Атнашев Т.М.* История политических языков в России: к методологии исследовательской программы / Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. II, № 3. – С. 107–137.
4. Высочайший манифест Александра III (русскому народу в торжественный день коронации). – М.: Б. и., 1883. – 18 с.
5. *Данилевский И.Н.* Источниковедение / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 1100 с.
6. *Победоносцев К.П.* Власть и государство // К.П. Победоносцев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1996. – С. 238–249.
7. *Победоносцев К.П.* Pro et contra / отв. ред. Д.К. Бурак. – СПб.: РХГИ, 1996. – 576 с. (Русский путь).

Д.И. Наумов

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

***Аннотация.** Рассматривается проблематика конструирования и использования «войн памяти» в качестве инструмента политической борьбы, а также вопрос о категориальном статусе данного конструкта.*

***Ключевые слова:** социальная память, «войны памяти», историческая политика.*

В комплексе теоретико-методологических проблем исторического знания (природа и концептуализация исторического познания, специфика формирования исторических знаний, историческая альтернативность и т.д.), разработка которых обусловила значимость и актуальность вклада выдающегося советского и российского медиевиста Б.Г. Могильницкого (1929–2014) в развитие современной исторической науки, правомерно выделить проблематику социальной памяти. Рассматривая социальные функции исторической науки, эксплицирующие специфику исторического познания, предметом которого являются конкретные исторические события, исследователь акцентировал внимание на взаимообусловленность социально-политической жизни общества и исторической рефлексии. Он писал: «Настоящее не безразлично к памяти о своем прошлом, равно как и это последнее отнюдь не является мертвым грузом, равнодушным к жгучим проблемам современности. Вот почему не может быть социальной памяти, нейтральной по отношению к современности. Какое бы отдаленное прошлое ни хранилось в ее ячейках, суждение о нем, а следовательно, и его оценка, в разной степени детерминируются настоящим» [1. С. 224]. Данный аспект интеллектуального наследия Б.Г. Могильницкого позволяет говорить о его методологической актуальности и эвристичности как при изучении проблематики социальной памяти, так и при аналитической оценке современных исследовательских практик.

В данном случае актуальность изучения такой специфичной темы, как конструирование и проведение «войн памяти» (как части исторической политики, так и формы информационного противо-

борства различных акторов), определяется комплексом причин различного характера.

В методологическом аспекте актуальность исследования данной проблематики определяется необходимостью как характеристики теоретических подходов к конфликтогенным манипуляциям с социальной памятью, так и определения содержания понятия «войны памяти». В данном случае одним из наиболее известных российских историков, изучающих идеологически, политически и экономически ангажированные процессы реинтерпретации прошлого в контексте этноцентристских концепций истории, когда «этнические проблемы, коллизии и конфронтации нашего времени способствуют этнизации исторического мышления» [2. С. 18], является В.А. Шнирельман. Однако в его ключевой работе по данной проблематике «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», построенной на богатой исторической, археологической и этнологической аргументационной базе, термин «войны памяти» в большей степени используется в качестве метафоры, чем концепта. Данный аспект работы В.А. Шнирельмана подвергся критике, парадоксальным образом акцентировавшей антигуманизм и имморализм книги, якобы разжигающей этнические конфликты в Закавказье посредством реанимирования памяти об исторических обидах и войнах (например, в работе Зумруд Кулизаде [3]). Следует отметить, что и в преимущественно публицистической работе Г.А. Бордюгова «“Войны памяти” на постсоветском пространстве», опубликованной в 2011 г., корректная дефиниция термина «войны памяти» также отсутствует. Фактически в ней экспликация значения данного термина предполагает не описание существенных и отличительных признаков рассматриваемого феномена, а актуализацию связанных с дезинтеграцией СССР политических процессов и советологических коннотаций: «Понятно, что “войны памяти” подспудно подразумевают вполне определённую цель – преодоление всего советского и имперского, идентификацию и национальную мобилизацию, равно как и сопротивление всему этому, желание восстановить прежний порядок» [4. С. 15].

С историософского ракурса проблематика «войн памяти» актуализирует диагностическую функцию исторического познания, социокультурным основанием для реализации которой служат нарративы про «золотой век» сообщества в исторической ретроспективе или перспективе. Ведь конфликтный дискурс, связанный с пробле-

матизацией соотношения прошлого, настоящего и будущего, свидетельствует о кризисном состоянии социума. В гносеологическом аспекте представляет интерес вопрос о том, могут ли актуализированные в конкретном социальном контексте «войны памяти» объективно эксплицировать: во-первых, систему символических координат, позволяющих индивиду адекватно идентифицировать себя в прошлом, настоящем и будущем; во-вторых, аксиологические детерминанты исторического процесса, свидетельствующие о наличии в нем морального начала и обуславливающие коллективную ответственность за его результаты; в-третьих, телеологический вектор исторического процесса, обуславливающий осмысленность человеческого бытия в конкретный период развития человечества.

С точки зрения политико-идеологического ракурса рассмотрения проблематики «войны памяти», как представляется, интерес представляет вопрос о возможностях данного социоинженерного инструмента в конструировании альтернативной исторической реальности в рамках государственной исторической политики (либо в ревитализации исторически утраченных культурных феноменов, значимых для сохранения идентичности сообщества). При этом такая альтернативная историческая реальность может как иметь весьма слабую историческую и территориальную локализацию, так и представлять собой набор мифологем, в принципе не имеющих какого-либо социально-исторического денотата. Однако несомненным является факт политической инструментализации исторических дискуссий, связанных с исторической памятью. Так, известный армянский историк В.Г. Тунян обвиняет азербайджанские политические и культурные элиты не просто в искажении исторических фактов, а в системной информационной войне с его страной на историческом поле: «Антиармянская психоисторическая война основана на преднамеренном искажении исторической истины. Она сопровождается антиисторическими построениями и имеет ряд составных: информационной, концептуальной и метафизической. Информационная составная содержит искажение фактов, концептуальная излагает теоретические умозаключения, а метафизическая определяет смысловую подмену истории противника, ставя целью осуществить моральное разложение» [5. С. 7]. Безусловно, рассмотрение «войн памяти» в Закавказье в контексте нейролингвистического программирования и информационной войны, характерное для его работы, представляет собой определенное преувеличение, но не элиминиру-

ет факт политических манипуляций с социальной памятью заинтересованных в конвертации символического капитала в политическое влияние элит. Так, именно в таком инструментальном контексте трактовку данного термина дает Д.О. Чураков: «"Войны памяти" – это особый компонент или даже особая форма идеологической войны. Именно так к этому явлению и следует относиться, делая его объектом научного анализа» [6. С. 21]. Следует отметить, что географические рамки «войн памяти», инспирируемые элитами, существенно выходят за границы постсоветского пространства, но именно в регионе ЦВЕ они получили наибольшую ожесточенность и размах (так, в бывшей Югославии, как подчеркивает Ян-Вернер Мюллер, «войны памяти» послужили катализатором для кровопролитной гражданской войны [7. Р. 17]).

Соответственно, возникает проблема определения категориального статуса термина «войны памяти», который широко используется в современном медийном дискурсе (прежде всего, в средствах массовой коммуникации Центральной и Восточной Европы). В современных геополитических условиях целесообразность данного шага обусловлена необходимостью жесткого разграничения объективных исторических фактов и процессов от квазиисторических идеологем, постоянно конструируемых различными политическими акторами и культурными элитами в качестве инструмента перераспределения влияния и власти в обществе. Это предполагает как наличие соответствующего инструментария, так и его верификацию, позволяющую отделить теоретический концепт от идеологемы.

В данном случае особый интерес представляет сборник «War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus», в котором рассматривается проблематика исторической политики и «войн памяти» в восточнославянских странах на современном этапе их развития [8]. В целом материал данного сборника позволяет эксплицировать идеологическую составляющую исследований памяти в широком смысле, но поставить под сомнение категориальный статус термина «войны памяти» в силу следующих моментов.

Во-первых, конструкт «войны памяти» имплицитно рассматривается в контексте межгосударственных конфликтов на постсоветском пространстве, в которых статус агрессора автоматически атрибутируется России как носителю неоимперской политики (но без внятного обоснования этого факта). При этом внешние геополитические и экономические факторы, моральная деградация и коррупция

элит, кризисные процессы социально-экономического характера на постсоветском пространстве элиминированы из проблемного поля и не рассматриваются в качестве детерминант постсоветских конфликтов. Как представляется, подобного рода оценочные конструкции опираются на идеологическую аргументацию, в основном выработанную в рамках советологии, но практически не подкрепляются объективными историческими фактами.

Во-вторых, исторические и культурные связи восточнославянских народов рассматриваются в контексте бинарной оценочной системы, где статус жертвы и агрессора конструируется идеологически, а не исторически. Стоит отметить, что постулируемое практически во всех главах сборника политическое и экономическое угнетение украинского и белорусского народов со стороны России, как коллективного актора исторического процесса, не подтверждается соответствующими фактами. Кроме того, вызывает возражение подход к трактовке феномена восточнославянского единства, который исключительно рассматривается как мифологема и идеологический конструкт, что имплицитно легитимирует его диффамацию. Особенно это бросается в глаза в пассаже про погибших на пожаре в Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. в Одессе, в котором фактически отсутствует какое-либо сочувствие жертвам и осуждение виновников трагедии [8. Р. 15].

В-третьих, вызывает сомнение трактовка коммеморативных практик как инструментов коллективной мобилизации в период политического кризиса (в первую очередь, в отношении «Бессмертного полка»), так как она не основывается на эмпирической базе (например, результатах социологических опросов), позволяющей делать подобные безапелляционные заключения. Более того, вызывает удивление тот факт, что историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. рассматривается исключительно в контексте идеологизированного мифостроительства и государственной пропаганды, объектом которой являются атомизированные социальные массы, в советский и постсоветские периоды развития Беларуси, Украины и России. Именно в таком ключе рассматривается историческая память белорусского народа, где метафора «партизанская республика» рассматривается как советский колониальный миф, который конституирует гражданский культ победы в Великой Отечественной войне на основе жертвенного героизма как инструмента советизации [Ibid. Р. 375]. Соответственно, современные ком-

меморативные практики в белорусском обществе автоматически трактуются как средство искусственной политической мобилизации и легитимации власти.

Таким образом, «войны памяти» представляют собой идеологический конструкт и социоинженерный инструмент, применение которого элитами позволяет как обеспечить политическую мобилизацию населения, так и инициировать девальвацию символического капитала оппонентов. Однако проблематично рассматривать «войны памяти» как историческую категорию, эвристичную при оценке исторических явлений и процессов современной эпохи.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 240 с.
2. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.
3. *Кулизаде З.* Концепция истории и истории культуры Азербайджана в книге главного научного сотрудника Центра по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктора исторических наук В.А. Шнирельмана «Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье» как очередная политико-идеологическая провокация этнополитических конфликтов в регионе Южного Кавказа / З. Кулизаде. – Баку: Элм, 2009. – 121 с.
4. *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
5. *Тунян В.Г.* Фальсификация истории восстановления армянской государственности в азербайджанской историографии / В.Г. Тунян. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2018. – 396 с.
6. *Чураков Д.О.* Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве / Д.О. Чураков // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 3. – С. 21–27.
7. *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past* / Jan-Werner Müller (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 288 p.
8. *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* // Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, and Tatiana Zhurzhenko (eds). – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – 506 p.

С.Б. Ульянова

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ ПРОТИВ СПОРТСМЕНОВ (ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ МАССОВОГО СПОРТА В СССР В 1920–1930-е гг.)¹

Аннотация. *Рассматривается производство и содержание официального советского дискурса физической культуры, ее противопоставление традиционным спортивным досуговым практикам в 1920–1930-е гг. Выделяются основные элементы концепта советской физической культуры. Анализируется содержание практической деятельности в области массового спорта в ранне-советском обществе, ее политико-идеологический контекст.*

Ключевые слова: *советское общество, история спорта, массовый спорт, физическая культура, организация физической культуры пролетарской молодежи при РКСМ «Спартак».*

История советского спорта представляет собой быстро набирающую популярность тему исследования [1–3]. При этом зачастую в «связке» с термином «спорт» употребляется и термин «физическая культура». Словари определяют физическую культуру как часть общечеловеческой культуры, направленную на разностороннее укрепление и совершенствование организма человека, а спорт – как организованную по определённым правилам деятельность людей, состоящую в сопоставлении их физических и / или интеллектуальных способностей. Однако применительно к периоду советской истории 1920–1930-х гг. эти два понятия постоянно смешиваются. Почему же возникает такая терминологическая путаница?

Раннесоветский период истории спорта связан с демократизацией прежде элитарных досуговых практик. Чтобы отличить их от дореволюционных, был введен чрезвычайно инклюзивный термин «физкультура», охватывающий сразу много аспектов – тренировки, телесное развитие и воспитание, общее оздоровление, связанное с выполнением режима, закаливанием, гигиеной, гимнастикой.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920–1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»).

Четкого разграничения между спортом и физкультурой не было. Как правило, спорт понимался как «всякое занятие, которому отдаются с особым увлечением и страстью, ставя на первый план развлечение и чувство удовольствия от соревнований» [4. Стб. 152]. В свою очередь, физическая культура, освобожденная от функции развлечения праздных людей, определялась как «выдающееся средство, оздоравливающее, закалывающее и воспитывающее». В советской литературе 1920-х гг. термин «спорт», как правило, применялся к описанию зарубежной повседневности. Считалось, что именно буржуазному спорту были присущи зрелищность, тщеславие, рекордомания и другие вредные явления.

Апологеты физической культуры относились к «буржуазному спорту» не просто негативно, но и весьма агрессивно. Например, ректор Государственного центрального института физкультуры А.А. Зикмунд в брошюре «Установка советской физкультуры» требовал вести беспощадную борьбу «с профессионализмом, скрытым или публичным, соревнованиями для корыстных целей и с узким рекордсменством, ввиду антисоциального значения таких соревнований» [5. С. 8].

Один из авторов концепции физической культуры Н.И. Подвойский в статье «Каким должен быть советский физкультурник» (1941) писал о «дельцах» того или иного вида спорта: «Пренебрегая большевистскими принципами коллективизма, товарищеской солидарности и дружбы, они ищут успеха лишь на основе буржуазной спортивной конкуренции. Это только рекордсмены. У них нет никакой другой цели, кроме рекордов, вокруг которых вращаются все их помыслы» [6. Л. 19].

В отличие от спортивных дисциплин, которые к началу 1920-х гг. уже достаточно давно прошли период институционализации, физкультура оставалась крайне расплывчатым понятием. Так, вышеупомянутый А.А. Зикмунд включал в ее состав «гигиену труда и быта», «всестороннее использование солнца, воздуха, воды и других природных факторов для оздоровления и закалывания организма», а также физупражнения, которые могли носить характер «игр, гимнастики, спорта, экскурсий и трудовых навыков» [5. С. 6]. Такой подход опирался на идеи наркома здравоохранения Н.А. Семашко [7].

При этом реальное содержание термина «физкультура» практически соответствовало современному понятию «спорт» (этот термин также часто употреблялся в официальном дискурсе). Зачастую в до-

кументах сами сторонники физической культуры «забывались» и говорили о спортивной работе, спортсменах и т.п. Так, в набросках статьи «Допризывная подготовка молодежи в РСФСР» Н.И. Подвойский писал о создании на заводах и фабриках ячеек физической культуры, подчеркивая, что они «условно называются спорт-ячейки» [8. Л. 1]. А на заседании комитета Общества по распространению физической культуры среди рабочей молодежи «Спартак» (Петроград) в августе 1922 г. выступавшие, обсуждая программу занятий в отрядах «Спартака», говорили о составляющих физкультуры (гимнастика, игры, легкая атлетика и др.) как о «видах спорта» [9. Л. 3]. В многочисленных методических изданиях по физической культуре также шла речь о спортивных играх (баскетбол, футбол, волейбол, крокет и др.) и спортивных физических упражнениях (плавание, легкая атлетика, гребля, лыжи, коньки и др.) [10].

Судя по нормативным документам, отдельные виды спорта считались составной частью физкультуры как более широкого понятия. Так, устав Всероссийского союза красных организаций физической культуры включал в перечень задач организации «пробуждение самодеятельности масс в деле насаждения физической культуры вообще и различных видов спорта, гимнастики и игр, в частности» [9. Л. 21 об].

Основной организационной структурой спортивной работы на уровне предприятия были кружки физкультуры. Однако на практике их участники занимались именно спортом. Не случайно в документах того времени часто встречается термин «спортизация» в значении вовлечения трудящихся в различные спортивно-физкультурные организации (от заводских кружков физической культуры до футбольных клубов, яхт-клубов и других спортивных обществ) [11].

В дискурсе 1920-х гг. отличия физкультуры от спорта выглядят следующим образом: физкультура лишена соревновательности и рекордсменства, носит массовый характер, доступна людям с любым уровнем физической подготовки, тесно связана с производственной деятельностью. Но самое главное различие носило политико-идеологический характер. В 1920-е гг. спорт третирувался как буржуазный пережиток. Термин «спортсмен» стал одним из маркеров «чужих», признаком буржуазности, характеристикой «бывших». В проекте устава общества «Спартак» прямо ставилась задача «борьбы за недопущение рабочей молодежи во все классовые спортивные организации» [12. Л. 1]. Не случайно в революционном задоре ком-

сомольские активисты требовали закрыть все «старорежимные» спортивные общества (а заодно и передать их имущество в распоряжение РКСМ).

Несмотря на то, что практика проведения спортивных соревнований сохранялась, идея спортивной конкуренции адептами концепции физической культуры отрицалась. «Рекордомания» превратилась в один из жупелов «буржуазного спорта». Спортсмены и тренеры, стремившиеся в высоким индивидуальным достижениям, осуждались как рвачи.

Столь же негативное отношение сформировалось и к спортивной специализации. Сторонники физической культуры полагали, что члены заводских кружков физической культуры должны в равной степени заниматься всеми доступными им видами спорта. Так, на совещании ленинградского губернского «Спартака» в апреле 1924 г. были приняты предложения к Всероссийскому совещанию по физической культуре: «<...> 2) Признать соревнования ценными только, как учет результатов работы по спортизации масс трудящихся.

3) Организовывать и устраивать соревнования только коллективные, используя опыт коллективных соревнований Спартака осени 1923 г. и зимы 1923–24 года.

4) Индивидуальные соревнования временно допускать только как рекламно-показательные возможных высших достижений по отдельным видам спорта без призов и без дипломов.<...>» [13. Л. 1].

Основные идеи организации физической культуры формулировались в нормативных документах спортивных организаций так: «массовость, увлекательность, здоровость и планомерность» [12. Л. 26]. Отдельные ее элементы носили привычный спортивный характер (для подростков 15–18 лет считались желательными лыжи, коньки, плавание, бег, для взрослых физкультурников 18–23 лет – легкая атлетика, плавание, гребля, парус, верховая езда, фехтование, лыжи, коньки) с добавлением подвижных игр, экскурсий и прогулок [Там же. Л. 34].

Эти принципы ярко проявились в разработанной в конце 1920-х гг. концепции ГТО, суть которой сводилась к тому, что участники движения соревновались ни друг с другом, а с установленными нормативами, которые необходимо было выполнить. Ключевой идеей в реализации комплекса ГТО была всесторонняя физкультурная подготовленность «нового человека». В этой связи совершенствование физических способностей не должно было быть узко-

специализированным, замкнутым в рамках только одной спортивной дисциплины: «Советский физкультурник должен быть передовым не только в каком-нибудь отдельном виде спорта, а должен иметь значительное количество прикладных навыков, которые ему необходимы и для обороны страны, и для трудовой жизни» [14].

Кем же ощущали себя юноши и девушки, занимавшиеся в 1920–1930-е гг. легкой атлетикой, плаванием, греблей, стрельбой, игравшие в футбол, волейбол, баскетбол? Естественно, физкультурниками, хотя, сегодня их назвали бы спортсменами-любителями. Но тогда это слово имело отрицательные коннотации, поэтому в пролетарской или студенческой среде его старались избегать. Впрочем, полностью это оказалось невозможным, и постепенно термин «спортсмен», занятия «спортом», а не физкультурой, оказались реабилитированными в советской повседневности. В новом обществе спорт стал не просто доступным развлечением, а долгом гражданина, необходимой подготовкой к труду и защите Отечества. Массовый спорт превратился в новую, одобряемую властями форму досуга и социальной реализации, а понятие «физическая культура» переместилось в сферу образования и здравоохранения.

Литература

1. *Фишева А.А.* Жанр «спортивного фильма» в советском кинематографе 1930–1940-х гг.: Нормы и ценности «социалистической» досуговой культуры / А.А. Фишева // Labour and Leisure = Труд и досуг: сб. тезисов VIII Междунар. конф. – СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. – С. 115–116.
2. *Ulyanova S.* Mass sports in the USSR in 1920s – 1930s : Historiography and Research Methods / S. Ulyanova, N. Ofitserova, I. Sidorchuk // 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts – SGEM 2018. Conference proceedings. – Issue 2.1: History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. – Vienna, 2018. – P. 49–56.
3. *Хорошева А.В.* Высший совет физической культуры (1920–1936): от координации к жесткому контролю / А.В. Хорошева // Уроки Октября и практики советской системы : 1920–1950-е годы : матер. междунар. науч. конф. – М.: РОССПЭН, 2018. – С. 848–857.
4. Энциклопедический словарь по физической культуре / сост. Б.М. Чесноков. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 978 стб.
5. *Зикмунд А.А.* Установка советской физкультуры / А.А. Зикмунд. – Харьков: Вестник физической культуры, 1928. – 16 с.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 124.
7. *Семашко Н.А.* Пути советской физкультуры / Н.А. Семашко. – М.: Изд. ВСФК, 1926. – 109 с.
8. РГАСПИ. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 35.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 358.
10. *Крадман Д.А.* Массовые подвижные и спортивные игры / Д.А. Крадман, М.Г. Собоцкий. – Пд.: Изд. ПОГК «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 200 с.
11. *Баранова А.А.* Спортизация членов РКП(б) / А.А. Баранова // Физическая культура. – 1922. – № 2–3. – С. 2–4.
12. ЦГАИПД СПб. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 455.
13. ЦГАИПД СПб. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 558.
14. Каким должен быть советский физкультурник // Физкультура и спорт. – 1931. – 20 янв.

А.В. Овчинников

**ЛИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И «НАРОДНАЯ»
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМЫ: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО
ПОРТРЕТА АВТОРА ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИЙ ТАТАРСТАНА¹**

***Аннотация.** Предпринимается попытка осмысления мифа этнонациональных историй как социального феномена. По материалам Татарстана исследуются социально-психологические характеристики этноцентричных историков. Выявляется взаимосвязь между личной психологической травмой и смысловыми паттернами конструкций исторических травм. Сделан вывод о решающей роли урбанизации в становлении и неформальной самоорганизации «национальных» историков и конструировании «травмирующей» составляющей их работ.*

Ключевые слова: психологическая травма, историческая травма, этнонациональные истории, миф, урбанизация, Татарстан.

Конструкты этнонациональных историй представляют собой варианты современных мифов. Одна лишь деконструкция их содержания, включающая указания на конкретные ошибки, недомолвки, «натяжки», прямые фальсификации, не позволяет понять все аспекты мифа, так как последний является социальным феноменом. Современный исторический миф – результат согласия основных акторов мифотворчества на определенный вариант оберегаемой от «интеллектуальных атак» картины прошлого.

Постсоветские этнонациональные истории – символический капитал, циркулирующий между академическими сообществами, политическими элитами, медиасферой, а также социальными группами – «потребителями» мифической продукции. Тексты о прошлом приобретают социально-политическую значимость и академический статус только в рамках этих отношений. Для стороннего наблюдателя рассуждения о «великих предках» этнической общности этого региона могут показаться сборником забавных недоразумений,

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

но его поведение обязательно изменится, если он станет частью среды, производящей и потребляющей миф. Таким образом, важным компонентом изучения современных этнонациональных историй является анализ порождающих их социально-политических связей. В свою очередь, понять специфику последних невозможно без представлений о мировоззрении, жизненных ориентирах и стремлениях профессиональных историков, являющихся в то же время конструкторами этнонациональных историй.

В данной публикации я попытаюсь в общих чертах представить коллективный портрет этноцентричного историка, а также обозначить взаимосвязь между возможными психологическими переживаниями ученого и скрытыми или явными эмоциональными интенциями его текстов. В последнем случае определяющим вектором исследования будет концепт «исторической травмы» [1]. Используя материалы наблюдений, а также саморефлексии, я попытаюсь обосновать гипотезу о переходе личной психологической травмы в эпичные построения об исторической травме целого народа, транслируемой и актуализируемой в политическом, научном, образовательном и массмедийном пространствах (в какой-то мере схожее исследование по материалам творчества З. Фрейда, Т. Адорно и М. Хоркхаймера осуществлялось Р. Айерманом) [2]. Кроме названных и собранных в пределах Татарстана полевых материалов, источниками анализа выступают опубликованные там же мемуары, научные и учебные издания, данные массмедиа и т.д.

Этнонациональные истории являются частью национализма – совокупности идеологий и мировоззрения, в свою очередь, выступающей неотъемлемым элементом феномена модерна. Главной конкретно-исторической составляющей современной эпохи является переход от традиционно-аграрного к индустриальному и постиндустриальному обществам. Выражением такого перехода является урбанизация. Переселение из деревни (села) в город определенным образом сказывается на психологическом состоянии личности, которая оказывается в культурном и бытовом отношениях в маргинальном положении – на пересечении «двух миров», разных систем ценностей и поведения.

Значительная часть представителей гуманитарной интеллигенции Татарстана – выходцы из сельской местности (например, об этом свидетельствует академик Академии наук Татарстана М.З. Закиев, с 1986 по 1996 г. возглавлявший Институт языка, литературы и

истории им. Г. Ибрагимова и фактически являвшийся административным руководителем всей академической гуманитарной науки ТАССР и Татарстана) [3. С. 492]. Они стали горожанами в силу не просто миграции, а в основном миграции учебной (показательный пример: [4, 5]), приходящейся на трудные подростковые и юношеские годы. Вчерашний селянин оказывался в незнакомой для себя среде, в спартанских бытовых условиях. Воспоминания нынешних «корифеев» «истории татарского народа» изобилуют сюжетами о комнатах в общежитиях, мытарствах по съемным квартирам, ностальгии по родительскому дому в деревне [6]. Особо следует отметить культурный и языковой разрыв между Казанью, например, брежневского времени и национальной (татарской) деревней. Психологические переживания начального этапа городской жизни вполне могут быть осмыслены в категории травмы [7].

Сама травма, скорее всего, накладывалась на этноориентированное мировоззрение, которое связывало в синкретическое единство мифа доступ к социальным благам, полученный от рождения статус («селянин», представитель определенной этнической общности) и получаемые в высшем учебном заведении гуманитарные знания. Определенную роль в упрочении этноцентризма будущего историка-профессионала могла сыграть распространенная в классических университетах узкая специализация, когда студент, разрабатывая небольшую локальную тему, не считал нужным осмысливать общеисторические и общепhilософские вопросы, т.е. не изменял заложенные еще в деревенском детстве основы этноориентированного мировоззрения. Получив диплом о высшем образовании, защитив кандидатскую или докторскую диссертации, признанный специалист получал неформальное право рассуждать на широкие темы, где и проявлялись мифические черты мироосмысления, выдающие следы образного мышления, характерного для представителей аграрных сообществ.

Эффект «урбанистической» психологической травмы тесным образом связан со спецификой конструирования образов этнонациональных историй. Такие истории для регионов бывшего СССР являются постколониальным феноменом и призваны обосновать право политического образования на ресурсы определенной территории. Мировоззрение историка, горожанина в первом поколении, также постколониальное. Несмотря на ностальгию, он не хочет возвращаться «назад», туда, где возможности его карьерного и лично-

го роста существенно ограничены (не секрет, что в советское время «деревня» во многом воспринималась «городом» как «(полу)колония»).

Сюжеты этнической истории разделяют историческое пространство границами между «своими», «другими», «чужими» и «враждебными» «этнотами» и, видимо, являются сюрреалистическим отражением недоверия вчерашних селян к непонятному и чужому городу. Мифологемы «золотого века», исторической травмы чужеземного завоевания и порабощения, борьбы за независимость, обретения в новейшее время народом полной или частичной независимости развиваются параллельно с траекторией личной судьбы историка («золотой век» жизни в родительском доме в деревне, психологическая травма переезда, борьба за выживание в городе, обретение в нем более-менее устойчивого статуса). Например, представляется перспективным связать ключевой для «истории татарского народа» сюжет исторической травмы захвата Казани войсками Ивана IV в 1552 г. [8] с психологическими аспектами социализации историков, основных конструкторов этой травмы, с юношеских лет вынужденных «отвоевывать» город, превращать его в свою зону комфорта.

Важной составляющей коллективного портрета автора этноориентированных историй является его принадлежность к какому-либо сегменту местного академического сообщества (научному отделу, кафедре и т.д.). Подобные образования внешне хотя и формализованы, но имеют сложную неформальную структуру. Их члены живут по законам крестьянской моральной экономики, коллектив довлеет над личностью (говорить о свободе творчества не приходится) и настороженно относится к внешнему миру. Подобные образования напоминают крестьянские общины, и в ряде публикаций я предложил именовать их «постобщинами». Академическая постобщина – закономерный итог советской урбанизации и «крестьянского призыва» в ряды гуманитарной интеллигенции (подробнее см.: [9]). Её появление является следствием попыток «травмированной» личности найти себе подобных и сообща выжить во враждебной окружающей среде. Формой академических постобщин являются кланы (часто родственные или земляческие) региональных исследователей, монополизирующие определенную область этноисторического дискурса.

Подобные реалии социальной организации служат причиной общественно-политического «безмолвия» большей части авторов

этнонациональных историй. Они предпочитают экстенсивно, «покрестьянски» работать над выделенной им темой (как когда-то их предок трудился на пашне), не касаясь при этом концептуальных проблем. Затрагивать последние в своих работах, создавать обобщающие труды (например, объемные «истории...»), коммуницировать с властями и массмедиа имеют негласное право только так называемые «крупные» и(или) «известные» ученые – авторы этнонациональных историй. Такие историки обычно занимают административные должности или имеют другие рычаги влияния на коллег, но при этом они выражают не столько свою личную точку зрения, сколько сбалансированную позицию – компромисс между интересами представляемого коллектива («постобщины») и динамично меняющимися идеологическими требованиями политических элит. Подобный контроль над символическим капиталом удивительным образом напоминает распространенный в традиционных обществах феномен коллективной собственности (например, на землю). Этнонациональные истории – порождение коллективной интеллектуальной собственности [10], при которой творческая самостоятельность отдельного исследователя минимизирована, он вынужден подчиняться, как и в крестьянской общине, неформальным правилам поведения, чтобы путем подобной кооперации обеспечить выживание себя и других членов «академической постобщины».

При коллективной интеллектуальной собственности историк выступает только транслятором разделяемого всеми мнения, лишь подкрепляя его отобранными выписками из архивных документов или ссылками на научную литературу. Отсюда вызывающая рецидив психологической травмы шаткость его положения, так как всегда может найтись другой «транслятор». Способности к собственно научному поиску в такой ситуации не играют особой роли, что, как и в случае региональной политической элиты, является причиной «отрицательного отбора» в ряды местного академического сообщества. Разбирающийся в эмпирике проблемы и пытающийся интерпретировать её с позиций научной логики исследователь будет опасен для постобщины. Он рано или поздно неизбежно выступит с критикой господствующих мифологем и тем самым разрушит обеспечивающие коллективное выживание коммуникации как внутри коллектива, так и с властями, массмедиа и т.д.

Таким образом, важнейшими элементами обобщенного коллективного портрета автора этнонациональных историй Татарстана яв-

ляется его сельское происхождение и психологическая травма от переезда в город и первых лет жизни в нем; этноориентированное мировоззрение, склонное не к научным абстрактным построениям, а к «склеиванию» большого количества фактов по векторам эмоциональных установок; членство в функционирующем по законам моральной экономики коллективе («постобшине»); занятие определенного места в академической иерархии, согласно которому открывается доступ к тому или иному объему символического капитала. Логическим продолжением и органической частью коллективного портрета выступают собственно тексты о прошлом, подчиненные паттернам идеологической необходимости и установкам на бесконечное проговаривание (а не преодоление) сконструированных исторических травм от якобы перенесенных в прошлом обид и несправедливостей со стороны других народов.

Литература

1. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александр // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40. ISSN 1562-2495
2. *Айерман Р.* Социальная теория и травма / Р. Айерман / пер. Д.О. Хлевнюк // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12.– № 1. – С. 121–138. ISSN 1728-192X
3. *Закиев М.З.* История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие) / М.З. Закиев. – М.: ИНСАН, 2008. – 559 с. ISBN 978-5-85840-013-4
4. *Ахметов М.* Учёные, вышедшие из сёл колхоза «Коммуна» / М. Ахметов // Эхо веков. – 2010. – № 1–2. – С. 313, 314. ISSN 2073-7475
5. *Латыпова Г.* Учёные, уроженцы сёл Буинского района и г. Буинска / Г. Латыпова // Эхо веков. – 2011. – № 1–2. – С. 314–317. ISSN 2073-7475
6. *Тагиров И.Р.* По жизненному пути / И.Р. Тагиров. – М.: Собрание, 2016. – 471 с. ISBN 978-5-9606-0145-0
7. *Федунина Н.Ю.* Психическая травма. К истории вопроса / Н.Ю. Федунина, Е.В. Бурмистрова [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 1. – URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihicheskaya-trauma-k-istorii-voprosa?ID=3496> (дата обращения: 21.08.2019).
8. *Овчинников А.В.* Репрезентация исторической «травмы 1552 года» в материалах деловой электронной газеты Татарстана «БИЗНЕС Online» / А.В. Овчинников // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего: сб. статей по итогам Всерос. науч. конф., под ред. В.Н. Сырова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2018. – С. 161–167. ISBN 978-5-9999-3102-3

9. *Овчинников А.В.* Концепт «постобщина»: возможности анализа социокультурного пространства гуманитарного научного сообщества / А.В. Овчинников // Исторический формат. – 2016. – № 1. – С. 325–332. ISSN 2411-9415

10. *Овчинников А.В.* «Коллективная интеллектуальная собственность» и конструирование нарративов национальных историй (на примере «Истории татар» в 7 т. и сюжетов «возрождения» Болгара и Свяжска) / А.В. Овчинников // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). – Ставрополь; Пятигорск: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 176–180. ISBN 978-5-4220-0870-4

О.М. Подгорная

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БУКОВИНСКОЙ
ТРАГЕДИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ МАТИОС:
ИСТОРИКО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД НА ФАКТ И МИФ**

Аннотация. *Продемонстрирован способ психоаналитически ориентированной оценки объективного факта и субъективной фактографии (личного мифа) на материале исторической прозы буковинского цикла Марии Матиос. Проанализирован в контексте студий травмы невротический опыт главной героини романа-хроники «Сладкая Даруся» Дарины Илащук, его особенности, естественность. Используя базовый фрейдистский тезис о происхождении внутриличностного конфликта, психоаналитически объяснен механизм «внутренне легитимизированной изоляции героини от социума».*

Ключевые слова: *художественное моделирование, буковинская трагедия, Мария Матиос, психоаналитический контекст истории и источниковедения, факт, миф.*

Необходимость ревизии истории современной художественной литературой акцентирована в исследовательском корпусе ученых-гуманитариев разных культурных традиций и интерпретационных стратегий. Утверждения о «новом прочтении, реинтерпретации исторических событий, мифологизации прошлого в массовом сознании, попытки переписывания или создания альтернативной истории на протяжении последних лет остаются предметом дискуссий историков разных стран и являются проявлением общего состояния современной гуманитаристики» [1. С. 190]. Достаточно давно – в течение нескольких десятилетий – в восточноевропейской исторической науке (Украина, Россия) периодически возобновляется обмен мнениями по поводу того, можно ли и каким образом привлекать факты из художественных произведений для нужд исторических исследований [2. С. 4]. Неизбежен вывод о том, что сама сущность исследовательской практики и художественно-исторического нарратива, по мнению Болебрух, «вынуждала источниковедов возвращаться к вопросу о принципах сочетания научно-исторических и литератур-

но-художественных фактов (М. Варшавчик, В. Стрельский, А. Пушкарёв, С. Шмидт)» [2. С. 6].

Переконструирование фрагментов исторического бытия продолжает интересовать как историков, так и писателей, литературоведов [1. С. 190]. И это явление естественно и закономерно: во-первых, в силу формализации истории и циклической повторяемости сюжетов, а чаще – фабул исторической реальности. Во-вторых – необходимости их переосмысления и адаптированного изложения в связи с читательским запросом или заданным научно-художественным контекстом. В свое время Б.Г. Могильницкий, комментируя данный вариант интеграции исследовательского и художественного локусов в поле постмодернистской традиции, отмечал, что подобное взаимовлияние «включает отказ от жестких априорных схем любого рода, претендовавших на обладание непогрешимой истиной, и связанного с этим строгого линейного детерминизма в объяснении исторического процесса и составляющих его влияний... понятие исторического дискурса как особой формы изображения прошлого, распространение микроисторических исследований и многое другое» (цит. по: [2. С. 4]). Как отмечает Н. Бернадская, «для современного литературного процесса характерна трансформация жанровой природы исторического романа, суть которой – в изменении «статуса» исторического события и исторического факта в структуре этого жанра. Ведь на первый план выдвигаются людские судьбы, их зигзаги, трагические и драматические повороты, обусловленные и ужасающим временем, и фатальными обстоятельствами, одновременно исторические реалии становятся для этого пусть и очень красноречивым, но фоном. То есть наблюдается усиление антропологического измерения исторического жанра, как и актуализация истории для современности. Ж. Лакан по этому поводу сказал очень точно: “История – это не прошлое. История – прошлое лишь настолько, насколько прошлое историзировано в настоящем”» [3. С. 17].

Полезно принять во внимание, что «включение исторического измерения в психоаналитическую интерпретацию увеличивает ее возможности в осмыслении социальной действительности» [4. С. 77], а необходимость «включения интерпретатором в его собственный метод того неизбежного факта, что его интерпретация определяется модусом его собственной жизни» [Там же. С. 80], определяют актуальность и первичность индивидуального опыта автора

для художественного переосмысления фактографии исторических травм. Ведь, как указывал Э. Эриксон, «...каждый человек проецирует или пытается проецировать на людей время, которое он изучает, определенные изменившиеся черты и часто нереализованное Я своей собственной жизни» [4. С. 79].

Таким образом, мы артикулируем проблему факта и мифа в художественно-историческом моделировании и обоснованно поддерживаем тезис о том, что автор-художник – это интерпретатор и часто – реинтерпретатор опосредованно исследованной им реальности, а доминантным фактором-фактом становится личность как текст и ее субъективный опыт. Ведь собственно «личность выступает в качестве “документа”». Речь не о победных реляциях с фронтов, а о травматическом опыте отдельного человека, о его моральных ценностях и императивах, о борьбе добра и зла, о смирении и страхе, о материнской судьбе как наивысшем подвиге, о безумии и абсурде созданных самим же человеком ситуаций и обстоятельств» [3. С. 18].

Психоаналитические интерпретации истории восходят к фрейдизму и являются составным компонентом общих усилий поднять научный уровень буржуазной историографии [4. С. 41]. При этом влияние фрейдизма наиболее широко захватило жанр исторической биографии. Как отмечает А. Марвик, «сегодня ни один историк не мог бы написать биографическое исследование без влияния фрейдистской или постфрейдистской психологии» [Там же]. Э. Карр усматривает особое значение Фрейда для историка в том, что он окончательно развеял иллюзии, будто мотивы действий, на которые люди ссылаются, адекватны их объяснению этих действий, и стимулировал его исследовать самого себя и свою позицию в науке, выясняя мотивы, формирующие его концепцию прошлого [Там же. С. 42].

Травматический контекст военной истории вызывает к жизни создание документальных и бытописательных сюжетов, текстов, хроник. Так, к трагическим событиям Второй мировой войны обращались и обращаются и старшие, и младшие поколения европейских прозаиков, «а ее опыт художественно осмысливается как непреходящая травма, которая зацепила жизни большого количества людей и проходит рефреном более чем через полвека» [3. С. 11]. Мария Матиос об этом говорит сама, обобщая опыт человека, историка, «психолога эмоций», представителя «восточноевропейской ветви магического реализма»: «А сегодня пришли такие времена, что ко-

лесница едет – и человека не видит. Переедет – и не опомнишься, что уже ни тебя нет, ни совести твоей, ни чести. Человек один, а колесница всякий раз другая. Не пропустит ни немого, ни слепого, ни христианина, ни иудея» [3. С. 12].

В результате обзора приведений исторической тематики, объединенных попыткой альтернативного моделирования и интерпретации исторических событий, мы обнаружили следующее:

1. Событийный конструкт может разворачиваться как версия другого хода исторических событий [1. С. 196].

2. Сдвиг исторических эпох придает выразительности фрагментарности жизни, переживаний и личной истории одного человека. Такой поход известен в современной историографии как микроистория [Там же].

3. Культурно-цивилизационные проекции, конструкты карты и территории воспринимаются в современной гуманитаристике как проявление борьбы и взаимного наслаивания «дереватов» и «ризом» мировоззренческих парадигм [Там же. С. 196–197].

4. Сведения, почерпнутые из художественных сочинений, можно привлекать исключительно с иллюстративной целью для того, чтобы оттенить какое-то научное положение [2. С. 11].

5. Фактографичность возможна лишь там, где есть живые свидетели событий. В иных случаях речь идет не об историческом факте, а о существовании некоторого события как предмета рассуждения. «То, что существует – это то, что влияет, поэтому история – уже не учет сомнительных данных, а демонстрация голых фактов. Делаем вывод, что история – это последние сто-сто пятьдесят лет, то есть период, для которого можно раздобыть живых свидетелей. Все остальное находится в сфере воображения, спекуляции и пауперизации времени и пространства» (цит. по: [1. С. 195]).

6. Историк как ученый призван достоверно воспроизвести картину того, что было в действительности, литератор как художник также стремится представить реальность, но не через полноту исторически определяющих ситуаций, объективно существовавших, а при помощи отбора тех из них, которые субъективно воспринимались обществом как благоприятные или вредоносные для социального и духовного здоровья [2. С. 10].

7. Не нужно забывать и о том, что писатель не просто переосмысливает исторические документы. Он предстает как их читатель,

интерпретатор, трансформирует их в художественные образы [5. С. 257].

8. Прозаик, если следовать теории мимезиса, наследует не прошлую действительность, а ее рецепцию, задокументированную в разных текстах, в которых может быть дано субъективное понимание и толкование событий, что не всегда соответствует реалиям. Ему предстоит иметь дело с идеями и комментариями интерпретаторов, поэтому он, чтобы извлечь истину, должен владеть тонким историческим чутьем, интуитивным осмыслением фактов, спрятанных за толщей времени, иногда деформированных разными идеологическими моделями и личностными, эмпатичными или предвзятыми отношениями к действительности – от восхищения ею до ее отрицания, от мифотворчества до игнорирования и замалчивания невыгодных или неудобных фактов [Там же].

Мария Матиос, автор ряда романских хроник-семейных саг на буковинских сюжетах 30–50-х гг. XX столетия, в частности, историко-психологического романа «Сладкая Даруся», сказала, что она «пыталась создать гимн человеку на фоне исторической трагедии» [10]. Вместе с тем Б. Червак утверждает: «Имеет на удивление «свежую» прозу, где синтезированы колорит местного буковинского фольклора с элементами импрессионизма, сюрреализма и экзистенциализма» (цит. по: [6. С. 303]). Н. Бернадская отмечает, что рациональное историческое знание катарсично и генетически родственно психотерапии общенациональной проблемой личной боли, потому как «...когда человек узнает про историю своего рода, он будто освобождается от того негатива, который мог быть в прошлом» [3. С. 17]. Автор работает с жанром семейной саги, ее произведения охватывают жизнь семьи в нескольких поколениях. Основной особенностью прозы писательницы можно также назвать концептуальную «погруженность» в историю страны [6. С. 303]: ее контекст всегда является личностно порождающим фоном или фактором-фигурой. Так, травматический потенциал образа-персонажа-символа Даруси полезно и правильно искать «...не просто в детстве, а в реалиях бытия того социума, в котором она росла [Там же. С. 302]).

При изучении корпуса исторически ориентированной прозы М. Матиос становится очевидным, что преимущественно «...женские образы... являются своего рода “ретрансляторами” тех исторических процессов, которые происходили на протяжении XX ст. на западноукраинских землях, в свою очередь, “женские

судьбы ярко *иллюстрируют* течение общественно-исторических процессов, изображенных писательницей”» [6. С. 303].

Говоря о студиях травмы и их способах ретрансляции факта и порождения мифа, можно сослаться на риторику Зигмунда Фрейда о том, что травма – это «ранее пережитое и позже забытое впечатление, которому мы приписываем большое значение для этимологии неврозов» (цит. по: [7. С. 295]). Современная же исследовательница теории травмы Кети Карут отмечает, что жертвы травмы, вопреки нежеланию вспоминать о прошедших испытаниях, также и не в состоянии передать и репрезентовать «правду и силу реальности, с которой они столкнулись» [Там же]. Травматические воспоминания не могут интегрироваться в реальность, в схемы предыдущего опыта, ведь им нет места в прошлом, в котором травма не полностью осознана, ни в настоящем, в котором ее точные образ и изображение не совсем понятны [Там же].

Итак, отнесемся аналитически к тексту произведения и к его автономным образам–символам–текстам.

Сладкая Даруся Илашук вследствие психотравмы определила условно опасный топос и способы взаимодействия с ним, критически переосмыслив положения философской системы экзистенциализма, среди других: амбивалентность чувств и отношений, абсурдность мира и его восприятия, отчужденность человека от общества, «заброшенность его в мир, несущий угрозу», граничные ситуации, сопряженные со страхом и безысходностью, одиночество, ужас, отчаяние, внутренняя (невротическая) боль, проблема альтернатив и личной ответственности (цит. по: [8. 131]). Что же происходит вокруг? Обратимся к тексту: «Люди думают, что она немая, а она лишь ценит каждое слово, она знает цену молчания...» [9. С. 45], люди-*юды* «...издеваются над бедолашной, которая с раннего детства живет с незаживаемой раной в душе, ведь на ее глазах мама совершила самоубийство. А произошло это после того, как офицер-кагебист, который в свое время поиздевался над молодой женщиной, угостил маленькую Дарину конфетой. Так трагически в романе звучит тема прошлого, связанного с советской репрессивной системой» [3. С. 13].

Мария Матиос, «обращаясь к распространенному, апробированному приему – смещенной, а если точнее – обратной хронологии» [10] для понимания структуры внутриличностного и Эго-конфликта Даруси (детская правда об отце, который сам согласился помочь боевикам УПА, психологическая травматизация мамы – Матронки,

отвержение ею дочери: «Лучше бы я отравила в утробе такую нечисть или родила немой...», жизненный кризис и самоубийство Матронки (суицидальное решение при этом объясняется контекстом травмы и вынужденного эскапизма: отказ, острое нежелание жить под одной крышей с дочерью, которая предала отца) [10], проясняет базовые содержательные пласты оригинального художественного текста и текстов-судеб отдельных антропологических персонажей-символов анализируемой травматической студии. Как точно заметил и лаконично изрек Я. Голобородько, художественные реалии авторесса «развертывает вглубь – *в прошлое, изображая предысторию состояния Даруси-Дарины как самую существенную, наиглавнейшую, самую драматичную историю ее жизни*» (курсив наш. – О.П.) [Там же]. Как отмечает Н. Бернадская, в трагедийном романном полотне буковинского цикла М. Матиос «...композиция усложнена, но ее смысл не столько в переплетении временных плоскостей, сколько в сокрытии настоящих причин и последствий поступков, действий людей, которые часто становятся жертвами обстоятельств, попадая под колеса жестокой и бесчеловечной системы» [3. С. 14–15].

Ссылаясь на научный опыт и материалы клинической практики З. Фрейда, абсолютно логично объяснимы необратимость и непреходящесть травмы и ее «лично разрешенной» соматизации в форме невротической немоты у главного *текста* – анализируемого текста Даруси-Дарины. А именно, на прямое утверждение З. Фрейда о том, «процессы системы Бессознательного протекают вне времени, т.е. они не упорядочены во времени, не меняются с течением времени и вообще совершенно не связаны со временем» (цит. по: [4. С. 45]). Главным объектом исследования он провозглашал психические невроты, порожденные конфликтом бессознательного и сознательного, носящим изначальный и вечный характер. Реальная историческая действительность в лучшем случае рассматривалась в качестве фона, на котором развертывается то или иное воздействие [Там же. С. 46].

Как мы полагаем, нам удалось с применением классического психоаналитического инструментария доказать генетическую обусловленность и естественность «внутренней эмиграции» («*interne Emigration*») Даруси и что ее внешняя маргинализация под давлением общественного контекста позволяет достичь, пережить, осознать ощущение свободы, отреагировать травматический потенциал ее жизненной драмы, найти себя, адекватно идентифицируя свое

«Я» и стать чужой для общества, внеисторически требующего часто ложной идентичности человека [8. С. 131]. И в качестве доказательства – аргументация американского философа М. Когена, по чьему мнению, «Фрейд полагал, что бессознательное в нас всегда действует в неэмоциональной и рациональной манере». Оно всегда знает, чего хочет, и если не достигает цели, то только вследствие вмешательства сознательного Эго, находящегося под властью социальных норм» (цит. по: [4. С. 42]).

Література

1. Бровко О.О. Альтернативні художні версії минулого в літературі сьогодення: спроба типологізації / О.О. Бровко // Літератури світу: поетика, ментальність і духовність. – 2014. – Вип. 3. – С. 189–197.
2. Болебрух А.Г. История и художественная литература: к специфике социальной рецепции / А.Г. Болебрух // Гуманитарный журнал. – Зима–весна 1-2. – 2011. – С. 3–11.
3. Бернадська Ніна. Художнє осмислення історії в новітньому романі: словацький, український, чеський варіанти / Н/ Бернадська // Проблеми сучасного літературознавства. – 2017. – Вип. 24. – С. 11–20.
4. Мозильницький Б.Г., Николаева И.К., Кульбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 273 с.
5. Шинкар Іван. Реконструкція чи адекватне прочитання минулого в історичному романі / І. Шинкар // Науковий вісник МНУ імені В.О. Сухомлинського. філологічні науки (літературознавство). – 2017. – № 2 (20). – С. 256–258.
6. Шукай О. Жіночий образ як інтерпретаційна модель подій національної історії (на прикладі роману Марії Матіос «Солодка Даруся») / О. Шукай // Науковий вісник МНУ ім. В.О. Сухомлинського. Філологічні науки (літературознавство). – 2016. – № 2(18). – С. 299–304.
7. Рутар Х. Травмована чи міфологізована пам'ять? (на матеріалі роману «Танго смерті» Юрія Винничука) / Х. Рутар // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: збірник наукових праць. – 2018. – Вип. 23. – С. 294–298.
8. Підгорна О.М. «Історія, яка ніколи не припиняє їхати колесами по людях»: історична психотравма та її художнє моделювання у буковинському епосі Марії Матіос / О.М.Підгорна // Література й історія: матеріали Всеукраїнської наукової конференції (11–12 жовтня 2018 р.) / редкол.: Н.В. Горбач (відп. ред.), В.М. Ніколаєнко (ред.-упоряд.), І.М. Бакаленко (техн. ред.). – Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2018. – С. 129–131.
9. Матіос М. Солодка Даруся / М. Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2005. – 176 с.
10. Підгорна О. Концепти фрейдівської аналітики у прозописі Марії Матіос // Інтертекст (Філологічні науки): Науковий електронний журнал. – № 2 (листопад). – Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2017.

А.В. Юшников

**ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ В
РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В XXI в.:
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

***Аннотация.** Рассматриваются основные причины актуализации интереса к истории в современном российском обществе, а также главные события российского прошлого, интересующие современных отечественных писателей. Прослеживается интерес к произведениям на историческую тематику у организаторов престижных российских литературных премий. Подчеркивается, что опыт прошлого осмысливается представителями разных литературных жанров.*

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, историческая травма, поиск идентичности, исторический роман, литературные премии.

Интерес к своему прошлому появился у человека очень давно, еще в древности, и не ослабевает до наших дней. Это выражается не только в деятельности научных академических институтов, но прослеживается и в работах разного рода публицистов, а также в художественной литературе, как в прозе, так и в поэзии. Поэтому для более полного понимания того, как происходит рефлексия общества о прошлом, нельзя ограничиваться сугубо изучением трудов историков, так называемой классической историографии и необходимо обратиться к истории исторической мысли, которая, по справедливому замечанию Б.Г. Могильницкого, шире понятия «история науки» (историографии), «поскольку ее содержание далеко выходит за пределы собственно исторического изучения, ...выясняет общие закономерности развития исторического познания как особой формы социальной активности человека» [1. С. 4].

Таким образом, исследование рефлексии авторов публицистических и художественных произведений представляется актуальным для лучшего понимания формирования и развития исторического сознания общества. Особенно важным является обращение к трудам, написанным в переломные эпохи, когда интерес к прошлому резко

увеличивается, в осмыслении его опыта авторы надеются найти ответы на мучающие их вопросы о том, почему случилось то, что случилось, и что делать дальше. Другое дело, что на ошибках прошлого крайне редко учатся, но интерес к ним все равно велик, особенно в периоды кризисов.

Исследований, посвященных исторической и культурной памяти, а также историческому сознанию, достаточно много, изучение этих понятий на Западе активно ведется начиная с XX в. К числу основных авторов можно отнести Мориса Хальбвакса, Пьера Нора, Яна Ассмана, Поля Рикера и ряд других основоположников, которые определили предметное поле и наметили пути развития данной научной проблематики.

В российской постсоветской историографии эти сюжеты также пользуются большой популярностью у ученых. В этой связи в первую очередь необходимо отметить статью Л.П. Репиной «Историческая память и современная историография», в которой она делает целый ряд теоретических обобщений, осмысляющих предшествующий опыт и намечающих перспективы дальнейших исследований в этой области [2]. В частности, в своей работе она указывает на перспективы обращения к художественной литературе при изучении вышеназванных сюжетов [Там же. С. 40].

Еще раньше о необходимости более широко использовать художественную литературу в качестве источников для исторических исследований писал А.М. Эткинд в своей статье «Новый историзм, русская версия», сетуя при этом, что историки этого делать не хотят, выставляя границы между историей и филологией [3. С. 12–13].

В последнее десятилетие работ, посвященных историческому сознанию и исторической памяти, в том числе рассматривающих соотношение этих понятий, становится все больше. В качестве примера можно привести статьи Е.А. Приходько и С.О. Лебедевой «Историческая память и историческое сознание» [4], Е.Г. Путиловой «Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе» [5], Ю.С. Репинецкой «К вопросу о содержании понятий “историческое сознание” и “историческая память”» [6], в которых рассматриваются теоретические основы данных понятий.

К сожалению, работ, посвященных непосредственно анализу художественных текстов, написанных историками, значительно меньше, в основном они принадлежат ученым-филологам, в этой связи

по-прежнему актуальны слова А.М. Эткинда, написанные им еще в 2001 г., что историки крайне редко любят пересекать границу между историей и филологией [3. С. 12]. Однако и в этой области есть некоторые позитивные подвижки. В 2018 г. Институт российской истории РАН издал целый сборник статей «История и художественная литература» [7], давая тем самым надежду, что эта граница и дальше будет размываться, обогащая познавательные возможности исторической науки, о чем во введении к этой работе напрямую указывается. В ней, с одной стороны, прямо пишется, что перед историками открыто безбрежное море для извлечения новых возможностей для изучения истории, а с другой – анонсируется, что планируется издание целой серии книг и что этот сборник лишь первый из них [Там же. С. 7–8].

Интерес ученых к данной проблематике коррелируется с тем, что происходит в российском обществе вообще и с современной российской литературой в частности. Постсоветская Россия переживала и продолжает переживать серьезные проблемы, в том числе связанные с поиском своей идентичности. В этой связи осмысление опыта прошлого становится неотъемлемой частью интеллектуального поиска общества, и литература, в числе прочих, стремится отвечать на этот общественный запрос.

Уже в 1990-е гг. интерес в российском обществе к истории был повышенным, что вполне объяснимо. В середине 1990-х гг. издательства «АСТ» и «Армада» начинают масштабный издательский проект «Россия», включающий в себя несколько серий, таких как «Рюриковичи», «Романовы. Династия в романах», «Смутное время», «Сподвижники и фавориты» и др. Хорошо изданные, в красивых суперобложках, они привлекали читателя как внешним видом, так и содержащимися в них материалами. В дальнейшем они вышли за рамки российской истории, появились серии, посвященные и истории зарубежной. В результате практически обо всех более-менее известных правителях, государственных деятелях и деятелях культуры можно было найти отдельную художественную книгу в соответствующей серии. Разумеется, когда начинается столь масштабный проект, то в него попадают книги разного качества, и некоторые из них, конечно, оказались не самого высокого уровня. Но общий уровень книг проекта все-таки был достаточно высок.

В XXI в. интерес к истории не угас, а в 2010-е гг. и вообще достиг небывалых высот, что хорошо заметно как по огромного рода

публицистической литературе, выходящей большими тиражами, так и по литературе художественной. История здесь вышла за рамки классического исторического романа и отлично себя чувствует в сегменте так называемой «большой литературы», а книги авторов, пишущих на историческом материале, раз за разом получают престижные литературные премии, их экранизации пользуются большим спросом у зрителей, вызывая широкую общественную полемику.

Однозначного ответа на то, почему это происходит, дать невозможно, поскольку много разных факторов, из которых можно выделить два основных: уже упоминавшийся ранее поиск своей идентичности и историческая травма и преодоление ее путем проработки [8]. Литературный критик Г.Л. Юзефович, регулярно обзоревающая выходящие литературные новинки, в том числе и современной отечественной прозы, прямо указывает на российский XX век как на время, которое до сих пор болит [9. С. 60], и обозначает его как тренд, актуальный и для писателей, и для читателей [Там же. С. 56]. Проработка травмы и поиск национальной идентичности, вызванной, в том числе и травматичным для нашей страны, да и для всего мира в целом, XX веком и определяет повышенный интерес к истории, она становится не чем-то удаленным и отдаленным, а актуальным, важным для современного человека. При этом вышеуказанные два взаимосвязанных процесса совместно выводят интерес к прошлому также и за рамки прошлого века, хотя он, безусловно, является ключевым здесь.

Уже отмечалось выше, что запрос общества на историческую прозу вызвал к ней повышенный интерес не только представителей сугубо жанровой литературы, специализирующихся только на написании исторических романов, но и авторов, которых принято относить к так называемой «большой литературе». Как следствие этих процессов, историческая проза начинает получать признание в среде тех, кто вручает различные литературные премии. Среди множества этих премий на современном этапе выделяются две, которые вручают за лучшее прозаическое произведение на русском языке. Это российская литературная премия «Национальный бестселлер», вручающаяся с 2001 г. [10], и ее главный конкурент, национальная литературная премия «Большая книга», которая вручается с сезона 2005/06 гг. [11]. Они считаются наиболее престижными для этого сегмента отечественной литературы и охватывают литературу, кото-

рую принято называть «серьезной». На данный момент премия «Национальный бестселлер» была вручена уже 19 раз, и 9 раз ее получали произведения, в которых сюжет в той или иной степени связан с историей. С «Большой книгой» дело в этом плане обстоит еще лучше: из 13 премий, которые уже были вручены, 12 получили тексты на историческую тему, при том, что «Большая книга» не позиционирует себя как премия, которая выдается за произведения исторического содержания и стремится охватить весь диапазон современной российской крупной прозы. И это только речь идет о победителях этих премий. Если посмотреть на «длинные» и «короткие» списки номинантов по годам, то количество интересующих нас произведений будет еще более внушительным.

Разумеется, что популярная в XXI в. историческая проза выходит и за рамки победителей этих премий. Романов, где обращение к прошлому имеет большое значение, даже больше, чем литературных премий, которые за них можно получить. Причем авторы постоянно экспериментируют с жанром. В результате мы имеем не только так называемые «классические» исторические романы, к которым все привыкли с детства, но и романы, выходящие за рамки этого достаточно узкого жанра. В качестве примеров можно привести историко-мистические романы, одним из самых ярких представителей этого направления является известный современный писатель Алексей Иванов, ретродетективы, которые в России стали популярны благодаря таким авторам, как Борис Акунин (Григорий Чхартишвили), Леонид Юзефович и Николай Свечин, а также поистине огромный круг произведений в жанре альтернативной истории и примыкающие к ним бесчисленные романы о «попаданцах» из нашего времени в прошлое. Преимущественно эти тексты концентрируются вокруг травматического опыта XX в. и его наиболее болезненных сюжетов: предреволюционные и революционные события, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война и распад СССР. Целый ряд авторов прорабатывают эти сюжеты, пытаются разобраться в произошедших событиях, а кто-то пытается и изменить ход истории хотя бы на бумаге. В первую очередь, это относится к представителям «попаданческой» литературы и литературы в жанре альтернативной истории. Первые подобные произведения появляются еще в 1990-е гг., но в XXI в. их становится просто огромное количество.

Не менее важными являются сюжеты, связанные с обретением своих корней, осмыслением того, «кто мы есть и откуда пошли»,

отсюда интерес и к более ранним сюжетам российской истории. К текстам, в той или иной степени затрагивающим эту проблематику, можно отнести как чисто исторические романы, так и произведения в жанре исторического фэнтези, в которых осмысляются самые ранние страницы нашей истории, становление Древнерусского государства.

В результате всех этих процессов мы имеем повышенный интерес к российскому прошлому в художественной литературе, который всегда был, но в силу ряда причин особенно актуализировался в новом веке. Итоги литературных премий и количество единиц выходящих новых романов, так или иначе затрагивающих наше прошлое, а также многочисленные переиздания уже ранее опубликованных книг по этой тематике позволяют утверждать, что данная тема далеко себя не исчерпала и продолжает быть актуальной как для авторов художественной прозы современной России, так и для их читателей.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. – Вып. I: Кризис историзма. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 206 с.
2. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новейшая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–52.
3. *Эткинд А.М.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 3 (47). – С. 7–41.
4. *Приходько Е.А., Лебедева С.О.* Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 132–135.
5. *Путилова Е.Г.* Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 10 (24): в 2 ч. – Ч. II. – С. 143–145.
6. *Репинецкая Ю.С.* К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 1 (18). – С. 147–151.
7. История и художественная литература / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 360 с.
8. *Мороз О.В., Суверина Е.В.* Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1 (125). – С. 59–74.

9. *Юзефович Г.Л.* О чем говорят бестселлеры. Как все устроено в книжном мире. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – 250 с.

10. Архив российской литературной премии «Национальный бестселлер» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natsbest.ru/archive/> (дата обращения: 10.08.2019).

11. Итоги национальной литературной премии «Большая книга» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bigbook.ru/win/> (дата обращения: 10.08.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Владимир Кузьмич, д-р ист. наук, член исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского (моксшанского и эрзянского) народа (Саранск)

e-mail: abramovvk@mail.ru

Акишин Михаил Олегович, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Аникин Даниил Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

e-mail: dandee@list.ru

Ануфриева Евгения Владимировна, канд. филос. наук, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета (Волгоград)

e-mail: ev_anufrieva@mail.ru

Безнин Михаил Алексеевич, д-р ист. наук, проректор по научной работе, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда)

e-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

Бобров Денис Сергеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул)

e-mail: BDS-eureka@yandex.ru

Бортникова Юлия Александровна, канд. ист. наук, директор Международного института инновационного образования (Ханты-Мансийск)

e-mail: hea2004@mail.ru

Бочаров Алексей Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск)

e-mail: bav346@rambler.ru

Буданов Андрей Вячеславович, канд. ист. наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинск)

e-mail: andreymbudanov@yandex.ru

Быстрицкий Николай Игоревич, научный сотрудник лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

e-mail: nb@rusistin.ru

Ван Ци, канд. ист. наук, директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией университета Цинхуа (Пекин)

e-mail: wq@mail.tsinghua.edu.cn

Васильев Максим Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета (Псков)

e-mail: maksim_vasilev2009@mail.ru

Дамешек Лев Михайлович, д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета (Иркутск)

e-mail: levdameshek@gmail.com

Дамешек Ирина Львовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета (Иркутск)

e-mail: dameshek@rambler.ru

Димони Татьяна Михайловна, д-р ист. наук, профессор Вологодского государственного университета (Вологда)

e-mail: dimonitm@yandex.ru

Дмитриенко Надежда Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музееологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета (Томск)

e-mail: vassa.mv@mail.ru

Дояр Лариса Васильевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Государственного архива печати Книжной палаты Украины им. Ивана Федорова (Киев)

e-mail: lardo07@rambler.ru

Дроботушенко Евгений Викторович, канд. ист. наук, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита)

e-mail: DRZZ@yandex.ru

Дулина Надежда Васильевна, д-р соц. наук, профессор кафедры «Социология» Волгоградского государственного университета (Волгоград)

e-mail: nv-dulina@yandex.ru

Дунбинский Илья Александрович, ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск)

e-mail: dumbinskiy@mail.ru

Дюллен Сабин, профессор Института политических исследований (Париж)

e-mail: sabine.dullin@sciencespo.fr

Ерохин Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и истории России Северо-Восточного государственного университета (Магадан)

e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Зарецкий Юрий Петрович, д-р ист. наук, профессор Школы философии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

e-mail: yzaretsky@hse.ru

Захаровский Леонид Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург)

e-mail: konung-75@mail.ru

Игошина Ольга Юрьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз» (Самара)

e-mail: igoshina_olga@inbox.ru

Караченцев Иван Сергеевич, аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета (Томск)

e-mail: vassa.mv@mail.ru

Кокоулин Владислав Геннадьевич, д-р ист. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск)

e-mail: kwladislaw@yandex.ru

Кондратьева Тамара Сергеевна, д-р истории, почетный профессор университета Валансьена (Валансьен)

e-mail: tamara.kondrat@wanadoo.fr

Кореневский Андрей Витальевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

e-mail: koren@sfnu.ru

Костылева Ева Андреевна, лаборант НИИЛ «Сибирь: исторические традиции и современность» Томского государственного университета (Томск)

e-mail: idafrei@yandex.ru

Коханова Людмила Александровна, д-р филол. наук, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва);

e-mail: l_kokhanova@mail.ru

Крылова Диана Дмитриевна, методист экскурсионно-просветительского центра Томского государственного университета (Томск)

e-mail: diana.krylova90@mail.ru

Лихоманов Игорь Валентинович, канд. филос. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск)

e-mail: graingar@yandex.ru

Маджун Джамия Сулейманова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук (Бишкек)

e-mail: djamad1966@mail.ru

Максимова Ирина Васильевна, канд. ист. наук, специалист по учебно-методической работе Волгоградского государственного медицинского университета (Волгоград)

e-mail: maksirinavas@mail.ru

Малабаев Саламат Касымбекович, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек)

e-mail: salamat.malabaev@gmail.com

Малинов Алексей Валерьевич, д-р филос. наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Мауль Виктор Яковлевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин филиала Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Нижневартовске (Нижневартовск)

e-mail: VYMaul@mail.ru

Менщиков Игорь Самуилович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета (Курган)

e-mail: ygor@bk.ru

Науменко Евгений Александрович, д-р психол. наук, профессор Тюменского государственного университета (Тюмень)

e-mail: Hea2004@mail.ru

Науменко Ольга Николаевна, д-р ист. наук, профессор Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск)

e-mail: oolgann@mail.ru

Наумов Дмитрий Иванович, д-р социол. наук, зав. кафедрой экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск)

e-mail: cedrus2014@mail.ru

Нисковская Мария Игоревна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар)

e-mail: drowing-psyche@yandex.ru

Овчинников Александр Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (Казань)

e-mail: ovchinnikov8_831@mal.ru

Падалка Алина Витальевна, студент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

e-mail: spleensky@gmail.com

Пиков Геннадий Геннадьевич, д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета (Новосибирск)

e-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Подгорная Оксана Михайловна, преподаватель украинистики, основ обшей и медицинской психологии Николаевского базового медицинского колледжа (Николаев)

e-mail: podgor.oksano4ka@gmail.com

Попова Алиса Андреевна, аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

e-mail: alispopova13@yandex.ru

Потапова Наталья Дмитриевна, канд. ист. наук, доцент факультета истории Европейского университета (Санкт-Петербург)

e-mail: n.d.potapova@gmail.com

Потехина Ирина Павловна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (Санкт-Петербург)

e-mail: anscelida@inbox.ru

Разинков Сергей Львович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург)

e-mail: sergerazinkov@mail.ru

Рудковская Ирина Евгеньевна, канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета (Томск)

e-mail: iri-rudkovskaya@yandex.ru

Савчук Анна Александровна, канд. ист. наук, доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

e-mail: adas_87@mail.ru

Сайнаков Николай Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск)

e-mail: lesomir@mail.ru

Сидорчук Илья Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

e-mail: i.sidorchuk@spbu.ru

Слугина Виктория Александровна, канд. ист. наук, начальник научно-организационного отдела Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

e-mail: slugina881@gmail.com

Сметанин Денис Вячеславович, стажер-исследователь Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

e-mail: dvsmetanin@edu.hse.ru

Сыров Василий Николаевич, д-р филос. наук, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск)

e-mail: narrat@inbox.ru

Терехов Олег Эдуардович, д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово)

e-mail: terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово)

e-mail: Oksanan1970@mail.ru

Тихоньких Виктор Петрович, независимый исследователь (Абакан)

e-mail: victor.tikhonkikh@mail.ru

Ткачева Татьяна Владимировна, канд. ист. наук, заведующая кафедрой истории Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск)

e-mail: tattkacheva@mail.ru

Трихина Светлана Игоревна, независимый исследователь, генеральный директор ООО «Аксид Трейд» (Балашиха)

e-mail: trikhina@gmail.com

Трубникова Наталья Валерьевна, д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск)

e-mail: troub@mail.ru

Туров Сергей Викторович, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (Тюмень)

e-mail: svtur57@mail.ru

Ульянов Павел Владимирович, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул)

e-mail: imperialnext@mail.ru

Ульянова Светлана Борисовна, д-р ист. наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург)

e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Худолеев Алексей Николаевич, д-р ист. наук, профессор Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк)

e-mail: khudoleev73@mail.ru

Чернышов Александр Анатольевич, канд. ист. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

e-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru

Черняк Эдуард Исаакович, д-р ист. наук, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета (Томск)

e-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Шемякин Яков Георгиевич, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН) (Москва)

e-mail: shemyakin3@gmail.com

Якубович Екатерина Вячеславовна, канд. хим. наук, начальник отдела организации и внедрения научно-технических разработок химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

e-mail: cucumberr@yandex.ru

Юшников Александр Викторович, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск)

e-mail: musaklio1980@gmail.com

СО Д Е Р Ж А Н И Е

III. СОБЫТИЯ, ИДЕИ, ТЕКСТЫ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К МЕТОДУ

<i>Бочаров А.В.</i> Категории исторического познания в методологической концепции Б.Г. Могильницкого: локальный пример глобальных трендов	5
<i>Трубникова Н.В.</i> И снова о «кризисе истории»: возможна ли смена перспективы? Междисциплинарные контексты	13
<i>Быстрицкий Н.И.</i> Язык и коммуникация в историческом познании	19
<i>Кондратьева Т.С.</i> Историк и неопределенное будущее.....	25
<i>Сыров В.Н.</i> Нужна ли особая методология в историческом познании?	30
<i>Малинов А.В.</i> Эволюция методологии: Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский	36
<i>Терехов О.Э., Терехова О.Н.</i> «Закат Европы» О. Шпенглера в контексте интерпретаций XX столетия	42
<i>Попова А.А.</i> В борьбе за Вавилон: к вопросу о легитимации новых научных теорий.....	47
<i>Дояр Л.В.</i> Ретроконстатации как путь к объективному историческому анализу (на материалах Книжной палаты Украины).....	53
<i>Менищиков И.С.</i> Актуальность исторического исследования как методологическая проблема.....	58
<i>Николаева Н.А.</i> От археологии к истории (к методологии вопроса)	64
<i>Крылова Д.Д.</i> Возможности нарратологического анализа исторических текстов на примере анализа популярных английских памфлетов XVI–XVII вв.	71
<i>Сайнаков Н.А.</i> Чуждость как моральная категория. Теоретические и практические аспекты изучения чуждости в России XVI–XVII вв.	80
<i>Рудковская И.Е.</i> Моделирование компаративного анализа микроструктуры британских и российских исторических трудов позднего Просвещения	86
<i>Ульянов П.В.</i> Проблемы и перспективы изучения пропаганды «образа врага» в Великобритании во время Первой мировой войны	92
<i>Потапова Н.Д.</i> Такая разная правда: память о войне в документальном кино 1970-х гг.	97
<i>Мауль В.Я.</i> «Чигиринский заговор»: смена методологий.....	102

Буданов А.В. Материалы об американской ракетной технике в советских изданиях начала 1960-х гг.	108
Васильев М.В. Декабристы как разжигатели гражданской войны	114
Дроботушенко Е.В. Проблемы изучения православия в Сибири в послевоенные десятилетия: хронологическая и территориальная локальность.....	120
Маджун Д.С. Приграничный фактор в восстании 1916 г. в Семиречье (историография вопроса)	126
Малабаев С.К. Восстание 1916 г.: архивные источники, история восстания и историография	132
Безнин М.А., Димони Т.М. Методология изучения перехода от аграрного к капитализированному обществу в России	141
Коханова Л.А., Якубович Е.В. Информационный ресурс сети – новый тип документа по истории науки и техники	147
Ткачева Т.В. Использование информационных ресурсов современного архива в подготовке магистров по направлению «История».....	153
Разинков С.Л., Захаровский Л.В. Просопографические базы данных как инструмент изучения региональной системы профессионально-технического образования	159
Абрамов В.К. О применении количественных методов в исторических исследованиях (на материалах Мордовии).....	166
Нисковская М.И. Критика исторического нарратива как проявление эмоционального насилия: опыт Ф.А. Эмина.....	172
Тихоньких В.П. Н.М. Ядринцев о некоторых физиологических и психологических чертах «народно-областного типа» русского населения Сибири.....	178
Игошина О.Ю. Методология и методика подсчета безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	184
Шемякин Я.Г. Цивилизационный подход как одна из форм реализации общенаучного принципа дополнительности в исторических исследованиях .	189

IV. ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ, ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО

Зарецкий Ю.П. История от первого лица: новые подходы к изучению личных свидетельств	197
Сидорчук И.В. «Утверждение истинности одной лишь техники»: проблема дискредитации гуманитарного знания в России в позднимперский и раннесоветский периоды	203
Аникин Д.А. Пространственное измерение памяти: перспективы и сложности исследования.....	209
Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И., Караченцев И.С. Храм муз или очаг науки: к этимологии слова музей	214

<i>Акишин М.О.</i> История юридического языка и периодизация истории права России.....	219
<i>Бобров Д.С.</i> Трансформация колониционного дискурса в отечественной историографии второй половины XIX – 70-х гг. XX в.: от географической детерминанты к дихотомичности.....	225
<i>Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.</i> Образы окраин империи в отечественной и зарубежной историографии.....	231
<i>Дюллен С.</i> К транснациональной истории строительства советского государства. Взгляд через призму границ.....	237
<i>Потехина И.П.</i> К вопросу о папском камерарии Павла Бернридского.....	242
<i>Худолеев А.Н.</i> «История Рязанского княжества» Д.И. Иловайского: источниковедческий аспект.....	247
<i>Слугина В.А.</i> Интерпретация публично-частных актов XVII в.: границы историко-юридического и источниковедческого подхода.....	251
<i>Чернышов А.А.</i> Российские энциклопедии начала XIX в. как источник историографических представлений.....	255
<i>Трихина С.И.</i> Тематическая классификация писем Н.И. Пирогова – синтетический подход к историческому материалу.....	258
<i>Туров С.В.</i> Краткое житие Г.Д. Вербова, странника, просветителя, ученого мужа, воина, не им самим, но написанное.....	265
<i>Ван Ци, Ульянова С.Б.</i> Создание базы данных «Российское востоковедение».....	271
<i>Максимова И.В.</i> Региональная пресса как источник по истории повседневности дореволюционного русского города (к постановке проблемы).....	277
<i>Костылева Е.А.</i> Источниковый потенциал «Протоколов и Трудов «Общества практических врачей Томской губернии» в изучении истории здравоохранения Томской губернии.....	283
<i>Дунбинский И.А.</i> Реконструкция образа В.М. Флоринского как устроителя Императорского Томского университета в дореволюционной и советской историографии.....	288
<i>Падалка А.В.</i> Женщины Флоренции в зеркале городских хроник XIV в.	294
<i>Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.</i> Гендерные аспекты военной повседневности (по материалам устных историй современников Великой Отечественной войны).....	300
<i>Савчук А.А.</i> Porn studies и формирование языка порнографии: к постановке проблемы.....	306
<i>Корневский А.В.</i> «Третий Рим» в интеллектуальном ландшафте Русского государства XVI в., или Был ли Филофей «провинциалом»?.....	311
<i>Науменко О.Н., Науменко Е.А., Бортникова Ю.А.</i> Цвет ислама в средневековой православной иконописи (в проекции «Византия ~ Северный Урал»).....	330
<i>Ерохин В.Н.</i> Современное понимание происхождения Реформации в Англии.....	336

Сметанин Д.В. Царь с неограниченной властью или монарх в границах свободы? Подход Кембриджской школы истории идей и понятий при исследовании политического языка К.П. Победоносцева	342
Наумов Д.И. «Войны памяти» как идеологический конструкт.....	346
Ульянова С.Б. Физкультурники против спортсменов (Проблемы терминологии в изучении массового спорта в СССР в 1920–1930-е гг.)	352
Овчинников А.В. Личная психологическая и «народная» историческая травмы: опыт коллективного портрета автора этнонациональных историй Татарстана	358
Подгорная О.М. Художественное моделирование буковинской трагедии в творчестве Марии Матиос: историко-психоаналитический взгляд на факт и миф	365
Юшников А.В. Проблема актуализации интереса к истории в российской художественной литературе в XXI в.: в контексте изучения исторического сознания и исторической памяти	373
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	380

Научное издание

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКА:
ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО
(к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)

Материалы
Всероссийской научной конференции с международным участием
(Томск, 3–4 октября 2019 г.)

Часть 2

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 25.10.2019 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печ. л. 24,3; усл. печ. л. 21,0; уч.-изд. л. 21,57.
Тираж 100. Заказ 466.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1